

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ

Электронный научный журнал

Главный редактор – Рыбакова Татьяна Игоревна, заместитель главного редактора – Незнамова Юлия Николаевна.

Редакционная коллегия: Гаевская Екатерина Юрьевна, доцент кафедры земельного и экологического права, кандидат юридических наук; Глазырин Валерий Алексеевич – доцент кафедры философии и социологии, доктор социологических наук; Гончаров Максим Владимирович – доцент кафедры конституционного права, кандидат юридических наук; Григорьев Иван Владимирович – доцент кафедры трудового права, кандидат юридических наук; Дикусар Яна Сергеевна – доцент кафедры уголовного права, кандидат юридических наук; Новикова Наталья Александровна – доцент кафедры гражданского права, кандидат юридических наук; Сергеев Андрей Михайлович – доцент кафедры предпринимательского права, кандидат экономических наук; Файзрахманов Рафаил Андреевич – доцент кафедры теории государства и права; Шамсумова Эмма Файсаловна – доцент кафедры истории государства и права, кандидат юридических наук; Шерпаев Владимир Иванович – профессор кафедры теории государства и права, доктор политологических наук.

Вопросы российской юстиции. 2024. № 29. с. 563.

**Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-75805
ISSN: 2687-007X**

Адрес редакции:

ул. Колмогорова, д. 54, каб. 117А, Екатеринбург, Свердловская обл., Россия, 620034

Е-mail: iustitia.quastio@gmail.com

Тел. / факс: +7 (343) 367-40-91

Учредитель:

Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева

ул. Комсомольская, д. 21, Екатеринбург, Свердловская обл., Россия, 620137

Тел. / факс: +7 (343) 374-43-63.

Е-mail: rektorat@usla.ru

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции. Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в журнале «Вопросы российской юстиции», допускается только с разрешения редакции.

© Вопросы российской юстиции, 2024



ЭКОНОМИКА

| | |
|--|----|
| Алин Андрей Александрович. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «ГОРОД ЕКАТЕРИНБУРГ»..... | 7 |
| Жаболенко Марина Владимировна, Пахалюк Елизавета Михайловна. АНАЛИЗ ЭКСПОРТА ЗЕРНОВЫХ И ПРОДУКТОВ ИХ ПЕРЕРАБОТКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С 2017 ПО 2023 ГОДЫ..... | 14 |
| Мацкевич Марина Геннадьевна. ПРИЧИНЫ ИЗБЫТОЧНОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ В НЕДВИЖИМОСТЬ..... | 29 |

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ И СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

| | |
|--|----|
| Бородина Валерия Анатольевна. СУДЕБНАЯ СИСТЕМА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ..... | 36 |
| Войта Ульяна Алексеевна. ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА..... | 42 |
| Кряжевских Ксения Александровна. К ВОПРОСУ ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ФАКТОРАХ, ВЛИЯЮЩИХ НА МОТИВАЦИЮ СУДЬИ ПРИ ВЫНЕСЕНИИ РЕШЕНИЙ..... | 49 |
| Ловчикова Юлия Владимировна. ПРАВОВЫЕ ПОВОДЫ ДЛЯ ИЗМЕНЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ..... | 57 |
| Руф Владислав Сергеевич. КОНСОЛИДАЦИЯ: НЕДООЦЕНЕННАЯ ФОРМА СИСТЕМАТИЗАЦИИ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ..... | 67 |

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

| | |
|--|----|
| Ерёменко Анна Константиновна. ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ..... | 74 |
|--|----|

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО, КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

| | |
|---|-----|
| Абабкова Арина Юрьевна. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОРУЖИЯ И ПАТРОНОВ К НЕМУ..... | 85 |
| Алпатов Максим Александрович. КОНСТРУКЦИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ВЫКУПА ЦЕННЫХ БУМАГ ПУБЛИЧНОГО ОБЩЕСТВА МАЖОРИТАРНЫМ АКЦИОНЕРОМ (SQUEEZE-OUT): АНАЛИЗ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОБЛЮДЕНИЯ БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ СТОРОН..... | 95 |
| Быстрова Диана Игоревна. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СТОРОН И УРЕГУЛИРОВАНИЕ СПОРОВ ПРИ ОКАЗАНИИ КОНСУЛЬТАЦИОННЫХ И ОЦЕНОЧНЫХ УСЛУГ..... | 110 |
| Дорофтьева Дарья Алексеевна. ПРОБЛЕМЫ БИОПРАВА КАК ОТРАСЛИ ПРАВА НОВОЙ ЭПОХИ..... | 123 |
| Захаров Алексей Владимирович. ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА..... | 129 |



| | |
|---|-----|
| Корчагин Матвей Андреевич. ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА И КИБЕРФИЗИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ, ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА..... | 140 |
| Кушнарев Александр Сергеевич, Мецлер Валерия Эдуардовна. ПРОНИКНОВЕНИЕ В ЖИЛИЩЕ БЕЗ СОГЛАСИЯ ПРОЖИВАЮЩИХ В НЕМ НА ЗАКОННЫХ ОСНОВАНИЯХ ГРАЖДАН: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО И ПРАКТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА..... | 148 |
| Матухина Елизавета Юрьевна. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО НАСЛЕДСТВЕННЫМ ИМУЩЕСТВОМ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА | 155 |
| Мецлер Валерия Эдуардовна. ОСОБЕННОСТИ КОЛЛИЗИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АВТОРСКОГО ПРАВА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ПРОБЛЕМЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ | 161 |
| Нагимов Марсель Владиславович. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОГО РУБЛЯ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ..... | 168 |
| Осокин Александр Владиславович. СООТНОШЕНИЕ СВОБОДЫ ДОГОВОРА И КОНКУРЕНЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛОЖЕНИЯ ОБ ОТКАЗЕ ОТ КОНКУРЕНЦИИ | 177 |
| Патракова Софья Станиславовна. АКЦИИ КАК ОБЪЕКТ ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ В БРАКОРАЗВОДНОМ ПРОЦЕССЕ | 184 |
| Харунжа Виктория Владимировна. ПРОБЛЕМА ФОРМАЛЬНОГО РАСТОРЖЕНИЯ БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ..... | 191 |
| Цивилев Кирилл Викторович. К ВОПРОСУ О ВЗЫСКАНИИ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА | 198 |

ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

| | |
|---|-----|
| Аширбакиев Ринат Маратович. НЕДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЕ ЗАПРЕТЫ КАК СПОСОБ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ЖЕНЩИН. АРГУМЕНТЫ ПРОТИВ..... | 206 |
| Старшинова Ксения Ярославовна. КРИТЕРИИ АМОРАЛЬНОСТИ НЕСОВМЕСТИМОГО С ПРОДОЛЖЕНИЕМ РАБОТЫ ПРОСТУПКА, СОВЕРШЕННОГО РАБОТНИКОМ, ВЫПОЛНЯЮЩИМ ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ..... | 214 |

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО; ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

| | |
|--|-----|
| Ле Хоанг Ань Хой. О ПРОБЛЕМАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВЬЕТНАМА | 223 |
| Молчанов Максим Дмитриевич. ПРАВОВОЙ СТАТУС САМОРЕГУЛИРУЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СФЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ | 234 |
| Пушин Арсений Игоревич. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРОВ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО РЫБОЛОВСТВА..... | 254 |
| Сергеева Анастасия Вадимовна. ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОГО ЛЕСОВОССТАНОВЛЕНИЯ..... | 266 |



**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ
ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС; КРИМИНАЛИСТИКА**

| | |
|---|-----|
| Вострикова Анастасия Михайловна, Руф Владислав Сергеевич. ПОВОДЫ ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ПРОБЕЛЫ В ЗАКОНЕ И СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ | 279 |
| Демидова Анна Владимировна. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ... | 287 |
| До Нгок Тан. МЕТОДЫ СБОРА, ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ДЕЛАХ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ | 300 |
| Исмаилов Дмитрий Альбертович. ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ | 314 |
| Кульпин Александр Евгеньевич. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ «БОТОФЕРМ» В ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ | 322 |
| Кульпин Алексей Андреевич. НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ИНСТИТУТУ ЭКСТРАДИЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СТ. 207.3 УК РФ) | 334 |
| Матвиенко Софья Васильевна, Абрамович Ювелина Борисовна. ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ И СВИДЕТЕЛЕЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПРОТОКОЛА NICHD | 343 |
| Мялицына Мария Андреевна. НОВЫЕ ПОТЕРПЕВШИЕ ПРИНУЖДЕНИЯ К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ | 351 |
| Роднёнок Анастасия Александровна. ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ДОПРОСА В РОССИИ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ | 357 |
| Рыбакова Татьяна Игоревна. ЗАНЯТИЕ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ | 372 |
| Сазонова Алина Валерьевна. ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ РАЗБОЯ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ | 379 |
| Титов Павел Михайлович. ПРАВА ЛИЧНОСТИ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ | 386 |
| Титов Павел Михайлович, Соромотина Владислава Алексеевна. ЦЕЛИ И ЗНАЧЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ХОДЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ | 392 |
| Фам За Хюи. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ВЬЕТНАМА | 401 |
| Фам Ньы Хан. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РАССЛЕДОВАНИЙ ДЛЯ РАЗРЕШЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С КОРРУПЦИЕЙ ВО ВЬЕТНАМЕ | 413 |
| Яковчук Татьяна Валентиновна, Бесельман Илона Владимировна. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОПИНГА В СПОРТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: КОМПЛЕКСНЫЙ АСПЕКТ | 423 |

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО



Рассказов Александр Александрович, Крючков Кирилл Максимович. ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОХРАНЫ АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА.....434

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Кузнецов Игорь Николаевич. ПУБЛИЧНОЕ АДМИНИСТРИРОВАНИЕ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ..... 445

**ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ;
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Матчонова Оксана Алишеровна. ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК451

**АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС; ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС;
АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС**

Бернина Арина Андреевна. К ВОПРОСУ ОБ ОТСУТСТВИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ПЕРЕЧНЕ ЛИЦ, КОТОРЫЕ МОГУТ БЫТЬ ПРИЗНАНЫ НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫМИ (БАНКРОТАМИ)459

Иванов Егор Андреевич. ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ПРИЗНАНИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО В СИЛУ ПРИОБРЕТАТЕЛЬНОЙ ДАВНОСТИ В ИСКОВОМ ПРОИЗВОДСТВЕ.....467

Машинская Нина Александровна. РАСШИРЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ: ВОЗМОЖНОСТЬ ПОДАЧИ ЗАЯВЛЕНИЯ О ПРИЗНАНИИ ДОЛЖНИКА НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫМ (БАНКРОТОМ)473

Сидорова Полина Васильевна. АРБИТРАЖНЫЕ ЗАСЕДАТЕЛИ: ПРАЗДНИК ЗРЕЛОСТИ ОБЩЕСТВА ИЛИ ЧУЖЕРОДНЫЙ ЭЛЕМЕНТ В РОССИЙСКОМ АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ.....482

Филатова Евгения Алексеевна. МЕХАНИЗМ РАЗРЕШЕНИЯ РАЗНОГЛАСИЙ В ДЕЛЕ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) И ПРОБЛЕМЫ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ..496

Царев Максим Александрович. НАРУШЕНИЯ В РАБОТЕ СУДА КАК УВАЖИТЕЛЬНАЯ ПРИЧИНА ПРОПУСКА ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СРОКА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ504

Чернышева Александра Сергеевна. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОНЛАЙН-МЕДИАЦИИ 510

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО

Лебедев Николай Александрович. ОБ ОРГАНИЧЕСКОЙ СВЯЗИ БЮДЖЕТНОГО ПРОЦЕССА С ПЛАНИРОВАНИЕМ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ (МУНИЦИПАЛЬНЫХ) ЗАКУПОК517

Маслова Валерия Вячеславовна. ПОДХОДЫ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ЛИЦ ПОД ВЗГЛЯДОМ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ 525



ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК №29

| | |
|---|-----|
| Мулько Даниил Олегович. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СИСТЕМ КОНТРОЛЯ ПРИ ДОКАЗЫВАНИИ ЗЛУОПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В НАЛОГОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ..... | 536 |
| Нечпаев Назар Андреевич. НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ НАЛОГОМ НА ДОБАВЛЕННУЮ СТОИМОСТЬ | 544 |
| Чепкасова Анастасия Олеговна. НАЛОГОВЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И НАЛОГОВАЯ ЮРИСДИКЦИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ..... | 551 |



ЭКОНОМИКА

УДК 352

Алин Андрей Александрович
Уральский государственный экономический университет
Институт государственного, муниципального управления и права
Россия, Екатеринбург

alin.ekb@yandex.ru

Alin Andrey

Ural State University of Economics
Institute of State, Municipal Management and Law
Russia, Ekaterinburg

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «ГОРОД ЕКАТЕРИНБУРГ»

Аннотация: статья посвящена проблемам экологического и социально-экономического развития муниципального образования «город Екатеринбург». Особое внимание уделяется транспортной доступности. Предложены рекомендации по совершенствованию городской инфраструктуры и методов взаимодействия населения с органами местного самоуправления.

Ключевые слова: городская инфраструктура, местное самоуправление, муниципальное образование, транспорт, экология.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF THE MUNICIPAL FORMATION «YEKATERINBURG CITY»

Annotation: the article is devoted to the problems of ecological and socio-economic development of the municipal formation «Yekaterinburg city». Special attention is paid to transport accessibility. Recommendations on improving urban infrastructure and methods of interaction of the population with local self-government bodies are proposed.



Key words: urban infrastructure; local self-government; municipal formation; transport; ecology.

Современный Екатеринбург, прошедший 300-летний путь бурного исторического развития, является не просто региональным центром, а одним из самых мощных с экономической, политической и культурной точек зрения мегаполисом России. В муниципальном образовании «город Екатеринбург» за последние десять лет сменилось четыре мэра, прямые выборы Главы города были заменены на его избрание конкурсной комиссией, произошла смена модели организации муниципальной власти [2, с. 34]. Однако, несмотря на попытки совершенствования муниципального управления, Екатеринбург до сих пор сталкивается с рядом проблем в своем развитии, связанных с недостаточно эффективным решением вопросов местного значения городских округов, предусмотренных пунктами 5, 7, 11, 13, 17, 19, 20, 26 и 34 части 1 статьи 16 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [9]. Рассмотрим их подробнее.

Одним из ключевых проблемных вопросов для Екатеринбурга остается напряженная экологическая ситуация. Как отмечает профессор В.И. Шерпаев, «на органы местного самоуправления возложена обязанность по решению вопросов местного значения, в том числе и в сфере экологии и охраны окружающей среды» [8, с. 346]. Развитие города в советский период, а также отсутствие осмысленной градостроительной политики в последние 20 лет, привели к серьезному дефициту как парковых территорий, так и зеленых насаждений на городских улицах. Это становится непосредственной причиной возникновения угроз здоровью горожан. Именно поэтому необходимо масштабно подходить к озеленению города, максимально использовать все участки для создания дополнительных зон с элементами растительности. Безусловно, необходимо и сохранить то, что уже имеется путем ужесточения



процедуры выдачи разрешений на ликвидацию тех или иных деревьев, кустарников. Кроме того, одним из принципов муниципальной политики в отношении экологической обстановки должен стать отказ от вырубки существующих лесопарковых зон под жилую и деловую застройку, в особенности Юго-Западного, Шарташского, Калиновского лесопарков, являющихся важнейшей составляющей экологической системы города. Необходимо совершенствовать работу с населением в части экологического образования и воспитания, так как они, по справедливому мнению З.А. Шахмарданова, являются залогом экономического благополучия [7, с. 79].

Вопрос развития транспортной системы также крайне актуален для Екатеринбурга. Базовыми составляющими городского транспорта на сегодняшний день являются метрополитен, трамвайные и автобусные маршруты, в меньшей степени троллейбус. Развитие метрополитена в настоящее время является нецелесообразным ввиду достаточно больших затрат как на его строительство, так и на его текущее обслуживание. Существующая планировочная структура города, численность населения и сложившаяся экономическая ситуация в России не позволяют сделать вывод об окупаемости затрат на реализации такого масштабного проекта как продолжение строительства метрополитена. Именно поэтому оптимальным решением для Екатеринбурга является развитие трамвайной системы и автобусных маршрутов. В связи с этим необходимо модернизировать подвижной состав, трамвайные депо, а также и строить новые трамвайные линии, прежде всего в такие микрорайоны как Химмаш, Уктус, Кольцово, Широкая Речка, Юго-Западный. Количество автобусных маршрутов также должно увеличиваться как в отношении частоты движения, так и появления новых направлений движения. Актуальность таких мероприятий обусловлена тем, что Екатеринбург как муниципальное образование является сложным [3, с. 134], так как состоит из нескольких населенных пунктов – города Екатеринбурга, 16 поселков и 2 сел. Поэтому, говоря о развитии транспортной инфраструктуры Екатеринбурга,



следует согласиться с Т.Р. Гельвих и А.М. Платоновым в том, что состояние дорожной сети является неудовлетворительным [1, с. 924], особенно в отдаленных районах муниципального образования – на территориях поселков и сел. Это свидетельствует о низком уровне работы районных администраций в части решения такого важного вопроса местного значения, как дорожная деятельность.

Екатеринбургу, как стремительно развивающемуся мегаполису с большим объемом жилищного строительства, необходимо серьезное переосмысление градостроительной политики по некоторым направлениям. Как верно отмечают Э.В. Пешина и А.В. Рыженков, необходимо развивать концепцию разумного роста городов [4, с. 96]. Прежде всего, необходим полный запрет на осуществление «точечной застройки». Это увеличивает нагрузку на социальную сферу и создает проблемы с решением таких вопросов местного значения как организация дошкольного и школьного образования, создание условий для оказания медицинской помощи населению, транспортное обслуживание и др. Помимо точечной застройки, необходимо ограничивать высотность жилищного строительства. С учетом увеличения численности населения в Екатеринбурге необходимо ограничить высотность зданий на уровне 15 этажей. Безусловно, это несколько замедлит темпы развития города, но будет способствовать повышению качества жизни горожан.

Важнейшим направлением деятельности по решению проблем, сложившихся в Екатеринбурге, является укрепление и развитие материально-технической базы социальной сферы, т. е. муниципальных детских садов, школ, учреждений дополнительного образования, учреждений здравоохранения. С целью повышения качества предоставляемых образовательных услуг и, как следствие, полноценной реализации прав граждан, необходимо осуществлять реконструкцию существующих школьных стадионов, бассейнов, территорий детских садов. Кроме того, необходимо строить новые объекты социальной



сферы в активно развивающихся районах с постоянным ростом численности населения – Академическом, Солнечном, Новокольцовском.

Местное самоуправление сегодня сталкивается с последствиями тенденции роста численности получателей публичных услуг [5, с. 123]. В связи с этим одним из ключевых вопросов полноценного развития города является необходимость вовлечения горожан в принятие управленческих решений на муниципальном уровне, необходимость открытого диалога местной власти и жителей. Ситуация вокруг потенциальной застройки сквера у Драмтеатра и протесты летом 2019 года продемонстрировали достаточно низкий уровень существующего взаимодействия муниципальной власти с горожанами. Открытый диалог необходимо выстраивать по нескольким направлениям. Прежде всего, Глава МО «Город Екатеринбург» должен активизировать проведение личных приемов жителей города, публичных встреч с жителями городских районов, т. к. помимо представительного органа, высшее должностное лицо муниципалитета ответственно, прежде всего, перед населением. Необходимо полноценное информирование горожан о проводимых публичных слушаниях как одного из важнейших инструментов взаимодействия власти и общества. Усиление контактов с главами городских районов с целью оперативного выявления проблем, требующих решения, учета мнения населения о проводимой местной политике также крайне важно. В связи с этим, как предлагают А.В. Савоськин и В.А. Руколеев, можно создавать представительства органов власти в социальных сетях [6, с. 45].

Таким образом, предложенные меры по развитию города и решению ключевых проблем позволят Екатеринбургу выстроить грамотную стратегию дальнейшего движения в будущее с целью достижения максимального благополучия горожан, наиболее полной реализации их прав, свобод и законных интересов, а также эффективного решения вопросов местного значения.



Список литературы:

1. Гельвих Т.Р., Платонов А.М. Проблемы и возможности транспортной инфраструктуры г. Екатеринбурга // Весенние дни науки: сборник докладов. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2021. С. 922-927.
2. Задорина М.А. Некоторые экономические и социальные проблемы местного самоуправления (на примере муниципального образования «Город Екатеринбург») // Научное обозрение. Экономические науки. 2023. № 4. С. 33-38.
3. Новеллы в государственном строительстве после конституционных поправок 2020 года : монография / М.А. Задорина, А.Т. Карасев, Л.Л. Кожевников и др.; под ред. А.Т. Карасева. М.: Проспект, 2024. 184 с.
4. Пешина Э.В., Рыженков А.В. Точечная застройка городов: российский и зарубежный опыт// Journal of new economy. 2013. № 5. С. 92-97.
5. Руколеев В.А., Задорина М.А. Основные тенденции публичного управления на муниципальном уровне // Фундаментальные исследования. 2023. № 12. С. 119-124.
6. Савоськин А.В., Руколеев В.А. О целесообразности создания представительств органов власти в социальных сетях // Информационное право. 2022. № 3 (73). С. 43-45.
7. Шахмарданов З.А. Экологическое образование, просвещение и воспитание населения // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2008 № 3. С. 79-85
8. Шерпаев В.И. Права и обязанности органов местного самоуправления в сфере экологии // Экологическая безопасность в техносферном пространстве: сборник материалов Шестой Международной научно-практической конференции преподавателей, молодых ученых и студентов. Екатеринбург: РГПШУ, 2023. С. 344-346.



ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК №29

9. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.



Жаболенко Марина Владимировна
Российская таможенная академия (Ростовский филиал)
Кафедра управления и экономики таможенного дела
Россия, Ростов-на-Дону
marivladi72@mail.ru

Пахалюк Елизавета Михайловна
Российская таможенная академия (Ростовский филиал)
Факультет таможенного дела
Россия, Ростов-на-Дону
elizavetapahaluk196@gmail.com

Zhabolenko Marina
Russian Customs Academy (Rostov branch)
Department of Management and Economics of Customs Business
Russia, Rostov-on-Don
Pakhalyuk Elizabeth
Russian Customs Academy (Rostov branch)
Faculty of Customs Business
Russia, Rostov-on-Don

АНАЛИЗ ЭКСПОРТА ЗЕРНОВЫХ И ПРОДУКТОВ ИХ ПЕРЕРАБОТКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С 2017 ПО 2023 ГОДЫ

Аннотация: в статье представлен анализ зернового сектора России, как стратегической составляющей мирового сельского хозяйства. Рассмотрена структура зерновых культур, и пшеница выделена как самая востребованная культура. Представлена статистическая информация насчет экспорта зерновых и продуктов их переработки в Российской Федерации с 2017 по 2023 годы и основных стран-покупателей. Охарактеризованы ограничения, вводимые в области экспорта зерновых Правительством Российской Федерации. Сделан



вывод о постоянстве развития зернового рынка в России и, как следствие, об экспортной зависимости мира от поставок российских зерновых.

Ключевые слова: зерновые, продукты переработки зерновых, экспорт, пшеница, ограничения, страны-покупатели.

ANALYSIS OF EXPORT OF GRAINS AND THEIR PROCESSED PRODUCTS IN THE RUSSIAN FEDERATION FROM 2017 TO 2023

Annotation: the article presents an analysis of the Russian grain sector as a strategic component of global agriculture. The structure of grain crops is considered, and wheat is highlighted as the most popular crop. Statistical information is presented on the export of grains and their processed products in the Russian Federation from 2017 to 2023 and the main buyer countries. The restrictions introduced in the field of grain exports by the Government of the Russian Federation are characterized. A conclusion is drawn about the constancy of the development of the grain market in Russia and, as a consequence, about the export dependence of the world on the supply of Russian grain.

Key words: grains, grain processing products, export, wheat, restrictions, purchasing countries.

В настоящее время производство зерна и продуктов его переработки в России является одним из основных и самых масштабных направлений агропромышленного комплекса, которое определяет продовольственную безопасность населения страны, обеспечивая его снабжение основными продуктами питания и финансовое благосостояние «зерновых производителей» [1, с. 8].

Российская Федерация, является страной-участницей Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Так, в соответствии с Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) № 83 от 26 июля 2016, был утвержден перечень товаров, которые являются существенно важными для



внутреннего рынка ЕАЭС. В их число входит большое количество знаковых товаров 10 группы Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности ЕАЭС (ТН ВЭД ЕАЭС) и продуктов их переработки в 11, 12, 19 группах ТН ВЭД ЕАЭС [2].

Российская Федерация – ведущий производитель продукции агропродовольственного сектора в мире таких культур, которые на мировой рынок поставляются ограниченно, и в их числе – зерновые, а преимущественно пшеница [3, с. 22, с. 38].

В 2017 году агропромышленный комплекс России преуспевал преимущественно благодаря большому урожаю зерна, который побил все рекорды современной и советской России и превзошел показатели 2016 года более чем на 15%. Благодаря этому событию внешнеторговая деятельность государства особенно активизировалась. А в 2022 году сбор зерна превзошел предыдущий рекорд на 12% и составил 150 млн т зерна, был поставлен новый исторический рекорд [4].

Рассмотрим, какими культурами и в каком количестве были представлены посевные площади сельскохозяйственных культур в России с 2017 по 2021 годы (табл. 1) [5].

Анализируя данные, можно заключить, что самой востребованной зерновой культурой является пшеница – ее посевные площади масштабнее по сравнению с другими рассматриваемыми. Так, в совокупности от общей площади посевных площадей четырех культур (пшеницы, ячменя, овса и кукурузы) за рассматриваемый период времени с 2017 по 2021 годы посевная площадь пшеницы составила около 46%.

Внутренние цены на рынке зерновых формируются именно благодаря экспортному потенциалу России, ведь она является мировым лидером-поставщиком пшеницы, ячменя, кукурузы и других зерновых культур. Так Правительство Российской Федерации поставило цель – развивать экспорт зерна и продуктов его переработки, чтобы выручка от их экспорта увеличилась



с 2018 по 2024 годы и достигла около 25 млрд. долларов США, что составляет примерно 5% от общего объема производимой сельскохозяйственной продукции [1, с. 59].

Федеральная таможенная служба России (ФТС России) осуществляет учет экспорта зерновых культур. Так, ведутся статистические данные по стоимостным и натуральным объемам экспортируемых продуктов.

ФТС России учитывает физические объёмы экспорта зерновых культур в кг. Доллар США является основной единицей измерения стоимостных объёмов экспорта зерновых товаров [6].

В таблице 2 представлен пример экспорта пшеницы и меслина за период с 2017 по 2022 гг. [7].

Таким образом, в совокупности за пять с 2017 по 2021 годы физические объемы составили около 180 337 тыс. т, а стоимостные объемы 37 715,8 млн. долл. США. Сравнивая показатели в отдельности за январь 2021 и 2022 годов видим, что по данным за январь 2022 года пшеницы и меслина было экспортировано на 53% меньше по сравнению с предыдущим годом.

Несмотря на то, что Российская Федерация является одним из мировых лидеров-производителей, экспортером зерна, в условиях пандемии и антироссийских экономических санкций Правительство Российской Федерации вводит временные запреты на экспорт зерновых из России, чтобы насытить отечественный рынок этими продуктами и избежать дефицита.

Так, с 1 апреля по 30 июня 2020 года во время пандемии коронавируса, чтобы не подвергнуть угрозе продовольственную безопасность государства, Правительство Российской Федерации постановлением № 385 от 31 марта 2020 года установило экспортную квоту на зерновые культуры в размере 7 млн т. При этом данная нетарифная мера не распространилась на страны-члены ЕАЭС [8].

В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации № 362 от 14 марта 2022 года с целью обеспечения продовольственной



безопасности государства в условиях санкций недружественных государств, с 15 марта по 30 июня 2022 года действовал временный запрет на вывоз зерновых культур (пшеница, меслин, рожь, ячмень, кукуруза) за пределы России. В соответствии с постановлением Правительства № 1222 от 28 июля 2023 года также был введен временный запрет на вывоз риса и рисовой крупы до 31 декабря 2023 года.

Несмотря на растущие мировые цены на продовольственные продукты, вводимые ограничения способствовали снижению темпов роста экспорта российских зерновых.

Поставки Российской Федерации ключевых зерновых культур на сегодняшний день приходятся преимущественно на страны дальнего зарубежья, в то время как в страны СНГ они незначительны, в среднем они представлены в следующих процентных соотношениях: пшеница – 6%, ячмень – 4,4%, кукуруза – 3,9% [9, с. 108].

В настоящее время основными странами-покупателями зерновых из России являются Турция, Иран, Египет, Саудовская Аравия и Китай. Так, например, Турция уже в течение нескольких лет – один из главных покупателей зерна в России, она является основным поставщиком муки в мире. В 2020 году объемы экспорта в Турцию из России достигли 11,3 млн т [10, с. 181].

Традиционные потребители российских зерновых – это страны Ближнего Востока и Африки. Кроме того, поставки зерна из России в последние годы стали также осуществляться в Южную Америку и страны Азиатско-Тихоокеанского бассейна [1, с. 17].

Ведущее место по валовому сбору и занимаемым площадям в структуре зерновых занимает пшеница, являющаяся важнейшей продовольственной культурой, потребляемой в пищу более половиной населения Земли.

Мягкие и твердые сорта пшеницы под производством зерна занимают наибольшие площади в России – их используют в хлебопекарной, кондитерской, макаронной, крупяной промышленности для производства муки.



Рассмотрим динамику продажи пшеничной муки в оптовой торговле с октября 2017 по 2021 годы. Российская Федерация – один из мировых лидеров среди нетто-экспортеров пшеничной муки. Ключевыми странами-покупателями этого продукта в России являются, страны Азии, страны Персидского залива, страны СНГ. В табл. 3 представлены данные по экспорту пшеничной и пшенично-ржаной муки за 2021 год в некоторые такие страны.

Так, наибольший экспорт муки в отношении рассматриваемых стран из России в 2021 году наблюдался в Грузию, он превзошел наименьший показатель экспорта муки среди рассматриваемых стран (экспорт в Казахстан за 2021 год) более чем в 4,5 раза [11, с. 20-21].

Кроме того, в России наблюдается положительная тенденция производства и сбыта кондитерских изделий. На диаграмме 1 представлена динамика экспорта России в области мучных кондитерских изделий.

В 2020 году Россия заняла четвертое место среди мировых производителей кондитерских изделий, где на мучные товары приходилось четверть объема всего экспорта кондитерских изделий государства, а в стоимостном выражении экспорт мучных кондитерских изделий Российской Федерации составил около 450 млн долл. США. В 2021 г. объем рассматриваемой экспортируемой продукции превысил уровень предыдущего года на 15,4%, а экспортная выручка увеличилась на 22,6%. На схеме 1 представлены виды экспортируемых мучных изделий.

В 2021 году сладкое сухое печенье, вафли и прочие мучные кондитерские изделия экспортировались больше всего в такие страны СНГ, как Казахстан, Беларусь и Киргизия [12, с. 3; 14; 22].

В период с 2017 по 2023 годы Азербайджан, Бангладеш, Йемен, Нигерия и Судан являются постоянными крупнейшими покупателями зерновых из России. Так, в 2020 году в Бангладеш было продано около 2,5 млн т зерновых, страна занимала устойчивое третье место по поставкам зерна из России. Вместе



с тем во Вьетнам также поступали крупные объемы зерновых. По состоянию на 2018 год лидером по закупке российского зерна являлась Латвия.

Объемы экспорта ячменя намного меньше объемов пшеницы и меслина. В 2017 году по его наибольшие поставки осуществлялись в Саудовскую Аравию. В 2021 году – в Турцию, Китай, Беларусь и Казахстан. Сейчас крупнейшим покупателем ячменя из России также является Ливия.

Кукуруза является третьей по частоте экспорта из России зерновой культурой. Республика Корея и Турция – ее крупнейшие покупатели. При экспорте в европейские страны пшеница и ячмень, например, уступают кукурузе.

Сравнение количества стран-покупателей зерновых из Российской Федерации дает следующие результаты: в 2021 году список покупателей российской пшеницы сократился более чем в 1,5 раза, количество стран-покупателей ячменя и кукурузы сократилось на 6 по сравнению с 2017.

В 2020 году вследствие пандемии коронавируса наблюдалось торможение мировой экономики, а Россия в это время экспортировала около 48,5 млн т зерна, пытаясь возместить экономические потери, которые образовались из-за замедления деятельности других отраслей. В 2021 году экспорт по своим показателям оказался меньше 2018 года примерно в 1,3 раза, однако превзошел уровень 2019 года, когда объемы урожая были аналогичными [9, с. 107-109].

По данным Россельхознадзора показатели объемов экспорта российских зерновых и продуктов их переработки на начало 2022 года превысили показатели 2021 года на 3%. Таким образом, количество государств, куда поставлялись российские зерновые, составило 126 стран. На схеме 2 представлены процентные доли стран-покупателей зерновых из России.

Более чем в 1,5 раза увеличились зерновые поставки из России в другие страны-участницы ЕАЭС (диаграмма 2).

Кроме того, наблюдалось значительное увеличение в экспорте круп – на 37%.



После начала Специальной военной операции на Украине в феврале 2022 года многие зарубежные компании перестали сотрудничать в направлении поставок зерновых с Россией.

Уровень их экспорта стабилизировался после заключения зерновой сделки в конце июля 2022 года между Россией, Украиной, Турцией и ООН. Таким образом, по сравнению с 2021 годом в 2022 году экспорт пшеницы был сокращен на 23,3%, а поставки ячменя и кукурузы многократно возросли: соответственно на 41% и 26%.

Странами-лидерами экспорта зерновых в 2022 году стали Иран, Египет и Турция – в них было экспортировано практически половина всего объема российского зерна, около 2 млн т.

В период с июля по сентябрь 2022 года из России было экспортировано около 14 млн т зерна, где пшеница составила примерно 12 млн т, что на 22% меньше аналогичных показателей 2021 года. В то же время за октябрь и ноябрь 2022 года экспорт пшеницы значительно обошел показатели 2021 года. В октябре поставки были увеличены на 47%. В начале ноября, по сравнению с 2021 годом объем экспортируемой пшеницы увеличился в 3 раза [13].

Значительным событием 2022 года стало укрепление торговых отношений с Китаем. Так, после подписания 4 февраля с Главным таможенным управлением Китайской Народной Республики соглашений к протоколам по зерновым стал разрешен экспорт пшеницы и ячменя с любого региона России в Китай [14].

Встречаются и случаи нелегального вывоза пшеницы из России (в Казахстан), с которыми оперативно борются таможенные органы России. В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации № 362 от 14 марта 2022 года на в пшеницу и меслин, рожь, ячмень и кукурузу из России был принят временный запрет на вывоз с территории государства. Так, в марте 2022 года самарские таможенники выявили незаконный вывоз около



488 т пшеницы, направляющейся в Казахстан железнодорожным транспортом [15].

5 декабря 2023 года Россия (спустя полтора года) вернулась в пятерку крупнейших поставщиков зерна в страны Европейского союза (ЕС).

В сентябре 2023 года ЕС увеличил импорт российского зерна до 180 тыс. т, что превышает предыдущие показатели на 22% в месяц и в десять раз за год. По состоянию на вторую половину 2023 года экспорт российских зерновых набирает обороты.

На конференции «Агротренды России 2023-2024», проводимой осенью 2023 года в Москве, было освещено, что роль железной дороги в экспорте зерна в последнее время стремительно увеличилась. С июля по ноябрь 2023 года с помощью железной дороги на экспорт перевезли 10,4 млн т зерна, где 87% занимает пшеница. Такие показатели превосходят показатели предыдущего сезона в 1,5 раза и максимум 2020 года на 10 %. В октябре 2023 года по отгрузке российского зерна был поставлен рекорд – 2,6 млн т, в ноябре также наблюдалась активная работа в этой области. Были сделаны прогнозы, что в 2024 году будет экспортировано около 23 млн т зерна по железной дороге, что на 4 млн т превзойдет предыдущий рекорд.

Эксперт Павенский сообщил, что прогноз экспорта зерна в этом сезоне составляет 63 млн т, где доля пшеницы – 49 млн т. В июле-ноябре 2023 года экспорт достиг рекордную цифру в 32,8 млн т (по предварительным данным), где пшеницы – 23,5 млн т. Было спрогнозировано, что в 2024 году общий сбор зерна будет меньше сборов за 2023 год примерно на 8 млн т, а пшеницы – на 3,5 млн т [16, с. 3].

Подводя итог, можно резюмировать, что экспорт российских зерновых и продуктов их переработки остается лидирующим сегментом мирового рынка. Так, зерно традиционно поставляется в страны Ближнего Востока и африканские страны, а в последнее время, в связи с переориентацией российского экспорта, поставки зерна стали осуществляться также в Южную



Америку и страны Азиатско-Тихоокеанского бассейна. Рассмотрев динамику поставок зерновых из России за семилетний период с 2017 по 2023 годы можно заключить, что ключевыми экспортируемыми зерновыми культурами в России являются пшеница, ячмень и кукуруза. Продукты переработки зерновых в большей степени востребованы в странах СНГ.

В настоящее время в связи с координацией Правительством Российской Федерации тарифного регулирования в сфере экспорта зерновых культур можно говорить о снижении экспорта зерновых в ближайшее время, ведь в период санкционных ограничений существует необходимость насытить прежде всего отечественный рынок необходимым продовольствием [17, с. 43]. Но в то же время в области перевозок зерновых из России активно развивается железнодорожный транспорт, что дает новые возможности в логистике зерновых.

Список литературы:

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 10 августа 2019 года № 1796-р «Об утверждении Долгосрочной стратегии развития зернового комплекса Российской Федерации до 2035 года» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

2. Решение Коллегии ЕЭК от 26.07.2016 № 83 «Об утверждении перечня товаров, которые являются существенно важными для внутреннего рынка Евразийского экономического союза и в отношении которых в исключительных случаях могут быть введены временные запреты или количественные ограничения экспорта» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

3. ФАО, МФСР, ЮНИСЕФ, ВПП и ВОЗ. 2022 год. Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире – 2022. Переориентация политики в области продовольствия и сельского хозяйства в интересах повышения экономической доступности здорового питания. Рим,



ФАО. – С. 260. – ISBN 978-92-5-136515-1 // URL:
<https://doi.org/10.4060/cc0639ru>.

4. ТАСС: информационное агентство России: [сайт]. – Москва, 1999 –
Обновляется в течение суток. // URL:
<https://www.google.com/amp/s/tass.ru/ekonomika/16708009/amp> (дата обращения:
10.12.2023). – Текст: электронный.

5. Росстат (Федеральная служба государственной статистики):
официальный сайт / Потребление основных продуктов питания населением
Российской Федерации; // URL:
<https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13278> (дата обращения: 13.12.2023).
– Текст: электронный.

6. BusinesStat: официальный сайт / Анализ рынка зерновых культур в
России в 2017-2021 гг., прогноз на 2022-2026 гг. Перспективы рынка в условиях
санкций // URL:
https://businesstat.ru/images/demo/crops_russia_demo_businesstat.pdf.

7. ФТС России: официальный сайт / Экспорт России важнейших товаров;
URL: <https://customs.gov.ru/folder/515> (дата обращения: 12.12.2023). – Текст:
электронный.

8. Постановление Правительства РФ от 31.03.2020 № 385 «О введении
временного количественного ограничения на вывоз зерновых культур за
пределы территории Российской Федерации в государства, не являющиеся
членами Евразийского экономического союза, и установлении случая, при
котором временное периодическое таможенное декларирование товаров не
применяется» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал
правовой информации // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

9. Зюкин Д. А., Святова О. В., Беляев С.А., Репринцева Е.В. География и
перспективы российского экспорта зерновых культур: Международный
сельскохозяйственный журнал. – 2023. Том 66, № 1 (391). С. 106-110.



10. Суханова И. Ф., Лявина М. Ю. Продовольственная безопасность в России в условиях санкционных ограничений: International agricultural journal. – 2023. – № 1. С. 171-190. – DOI 10.55186/25876740_2023_7_1_14.
11. AGROEXPORT: официальный сайт / Мука пшеничная, 17 мая 2022 // URL: https://aemcx.ru/wp-content/uploads/2022/05/Обзор-ВЭД_Мука-пшеничная.pdf.
12. AGROEXPORT: официальный сайт / Мучные кондитерские изделия, 22 февраля 2022 // URL: https://aemcx.ru/wp-content/uploads/2022/02/Обзор-ВЭД_Мучные-кондитерские-изделия_22.02.2022.pdf.
13. Delovoy Profil: официальный сайт / Растениеводство в России: урожай 2022 года, импортозамещение, статистика по экспорту, 6 февраля 2023 // URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/rastenievodstvo-v-rossii-urozhay-2022-goda-importozameshchenie-statistika-po-eksportu/>.
14. Россельхознадзор: официальный сайт / Итоги 2022: Экспорт зерна, государственный мониторинг качества, борьба с недостоверным декларированием. 29.12.2022 // URL: <https://fsvps.gov.ru/news/itogi-2022-jeksport-zerna-gosudarstvennyj-monitoring-kachestva-borba-s-nedostovernym-deklarirovaniem/>.
15. ФТС России: официальный сайт / Новости ФТС России // URL: <https://customs.gov.ru/press/federal/document/331684>.
16. Отдел информационно-аналитического ГКУ КК «Кубанский сельскохозяйственный информационно-консультационный центр» / Обзор мирового и российского рынков зерновых по состоянию на 05.12.2023 года // URL: http://www.kaicc.ru/sites/default/files/obzor_zerno_rf_i_mir_05.12.2023.pdf.
17. Новиков В. Е., Боборыкина А. Е. Таможенное регулирование экспорта зерна как фактор обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации: Вестник Российской таможенной академии – 2023. № 2. С. 37-48.



Приложения

Таблица 1. Посевные площади сельскохозяйственных культур

| Годы | Наименование | | | |
|------|----------------------|--------|------|----------|
| | Пшеница | Ячмень | Овёс | Кукуруза |
| | Количество в тыс. га | | | |
| 2017 | 206 | 127 | 48 | 53 |
| 2018 | 195 | 123 | 43 | 51 |
| 2019 | 197 | 119 | 41 | 49 |
| 2020 | 196 | 133 | 43 | 48 |
| 2021 | 216 | 144 | 46 | 113 |

Таблица 2. Экспорт пшеницы и меслина из России

| Годы | тыс. т | млн. долл. США |
|-------------|----------|----------------|
| 2017 | 33 026,0 | 5 791,0 |
| 2018 | 43 988,8 | 8 436,5 |
| 2019 | 31 850,9 | 6 399,3 |
| 2020 | 38 553,5 | 8 210,3 |
| 2021 | 32 917,9 | 8 878,7 |
| Январь 2021 | 3 083,8 | 718,5 |
| Январь 2022 | 1 448,0 | 455,0 |

Таблица 3. Экспорт из России пшеничной и пшенично-ржаной муки в основные страны-покупатели за 2021 год

| Страны | Тыс. т |
|---------------|--------|
| Грузия | 44,5 |
| Афганистан | 27,5 |
| Беларусь | 26,5 |
| Армения | 22,8 |
| Китай | 12,9 |
| Ирак | 14,6 |
| Казахстан | 9,8 |
| Туркменистан | 10,0 |
| Прочие страны | 60,1 |

Диаграмма 1. Экспорт мучных кондитерских изделий с 2017-2021 годы в тыс. т и в млн. долл. США



Схема 1. Структура экспортируемых мучных изделий по видам

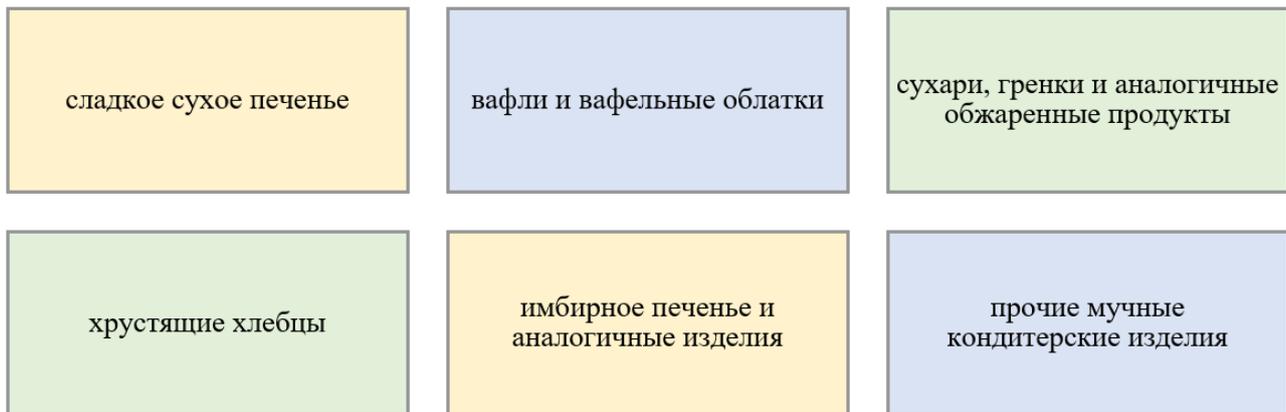


Схема 2. Страны-покупатели российских зерновых в 2022 году

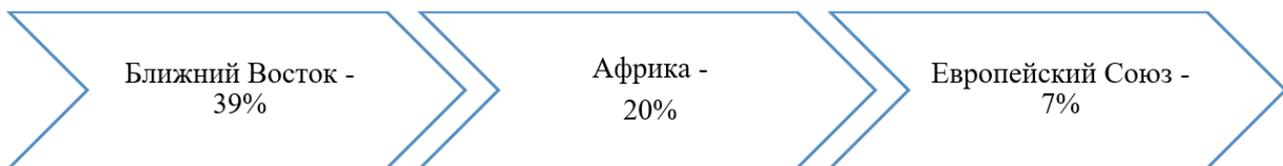
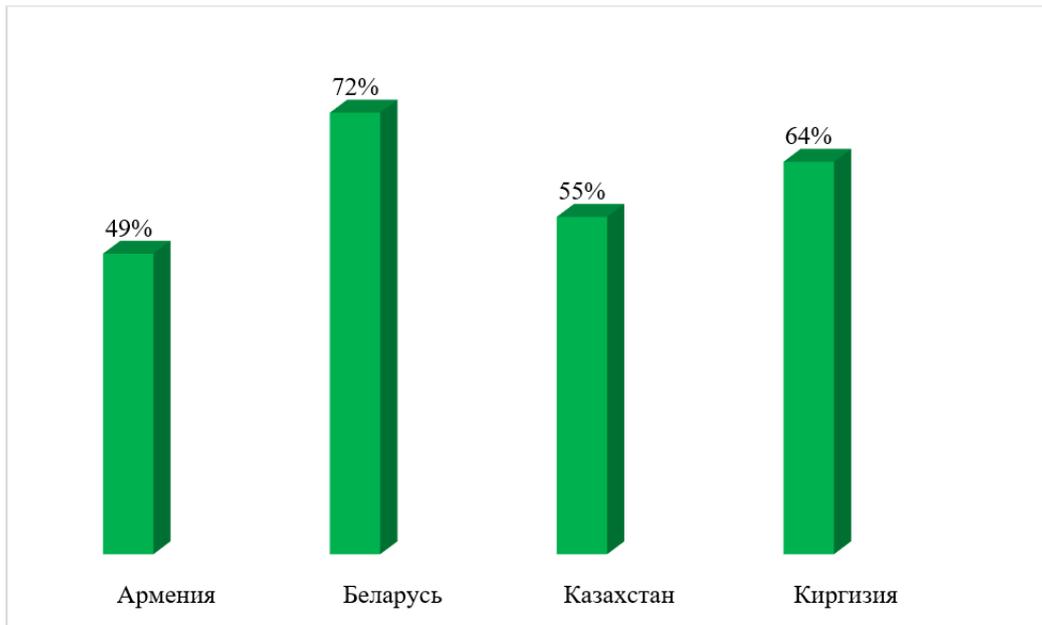


Диаграмма 2. Динамика экспорта зерновых в странах-членах ЕАЭС в 2022 году в сравнении с 2021 годом





УДК 330.322

Мацкевич Марина Геннадьевна
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Институт открытого образования
Россия, Москва
matskevich.more_nella@mail.ru
Matskevich Marina
Financial University under the Government of the Russian Federation
Institute of open education
Russia, Moscow

ПРИЧИНЫ ИЗБЫТОЧНОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ В НЕДВИЖИМОСТЬ

Аннотация: в статье рассмотрены причины избыточного инвестирования на рынке недвижимости, исследованы цели инвесторов при вложении капитала в недвижимость, перечислены основные минусы инвестиций в недвижимость, а также проанализированы возможности использования новых технологий в сфере недвижимости.

Ключевые слова: инвестиции, недвижимость, рынок недвижимости, инвесторы, токенизация недвижимости.

THE REASONS FOR EXCESSIVE INVESTMENT IN REAL ESTATE

Annotation: the article examines the causes of excessive investment in the real estate market, examines the goals of investors when investing in real estate, lists the main disadvantages of investing in real estate, and analyzes the possibilities of using new technologies in the real estate sector.

Key words: investments, real estate, real estate market, investors, real estate tokenization.



С каждым годом увеличивается потребность инвесторов вкладывать свои свободные денежные средства в различные объекты инвестиций для сохранения и преумножения капитала. Рынок недвижимости является одной из важнейших составляющих финансового рынка, а недвижимость – востребованным финансовым активом, понятным и доступным для многих инвесторов.

С правовой точки зрения недвижимостью являются земельные участки и все, что прочно и неразрывно с ними связано. Кроме того, законодатель отнес отдельные категории объектов к недвижимому имуществу в п. 1 ст. 130 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), например, воздушные и морские суда и другие объекты [1].

Обращаясь к понятию «инвестиции», мы не найдем единого подхода к его определению в научном сообществе, а также в законодательных актах. Так, Лялин В.А. в своих работах отмечает, что экономическая категория «инвестиции» представляет собой вложение капитала во всех его формах с целью получения дохода в будущем или решения определенных социальных задач [2, с. 58].

Соглашаясь с автором, можно выделить основные цели, для достижения которых инвестор вкладывает свой капитал в недвижимость:

- 1) получать стабильный денежный доход;
- 2) образовывать прирост капитала от увеличения стоимости недвижимости в связи с изменением рыночной стоимости строительства или реконструкции объектов;
- 3) долгосрочно эксплуатировать объекты;
- 4) получать доход от объекта перепродажи в конце срока владения.

Рассмотрим основные причины избыточного инвестирования в недвижимость. Во-первых, привлекательны различные формы, которые может принимать доход от инвестиций в недвижимость:



- периодические будущие денежные потоки (например, платежи от арендаторов);
- увеличение стоимости объектов недвижимости в связи с изменением цен на рынке недвижимости;
- доходы от продажи недвижимости.

Во-вторых, инвестиции в недвижимость уже давно считаются одним из самых надежных способов инвестирования: в сознании людей недвижимость ассоциируется со стабильностью в постоянно изменяющемся мире, так как несмотря на санкционную политику, влияние пандемии, межгосударственные столкновения сфера недвижимости с течением времени неизменно стабилизируется.

В-третьих, уже сегодня технический прогресс демонстрирует появление беспилотных автомобилей, а это означает революцию в транспорте, которая, вероятно, будет включать в себя реструктуризацию владения автомобилями, что приведет к формированию новых роботизированных парков, сначала частично, а затем существенно заменяющие частное владение машино-местами.

По российскому законодательству машино-место является самостоятельным объектом недвижимости, если его границы описаны в установленном законом порядке (абз. 3 п.1 ст. 130 ГК РФ). Американские ученые говорят о «трансформируемых гаражах» как о новом виде устойчивых инвестиций в недвижимость, за которыми будущее [3].

Таким образом, современные тенденции транслируют развитие высокотехнологического сектора, который в свою очередь трансформирует рынок недвижимости, стимулируя интерес инвесторов к новым технологиям и возможностям.

Еще одной причиной избыточного инвестирования в недвижимость является изменение стоимости ликвидных объектов во времени: как правило, на её стоимость не влияют темпы инфляции в долгосрочной перспективе.



Существуют различия на региональных рынках недвижимости, которые обусловлены экономическими, природными, социальными и политическими особенностями разных регионов, а также различиями в региональной инвестиционной привлекательности. Для того чтобы принять какое-либо инвестиционное решение, потенциальным инвесторам необходимо проанализировать информацию об инвестиционной среде в регионе (соотношение спроса и предложения, средняя стоимость объектов, наличие инфраструктуры) на сегодняшний момент и ближайшие 5 лет, а затем определить план дальнейших действий. [4, с. 49].

Итак, рынок недвижимости привлекает потенциальных инвесторов по следующим причинам:

- инвестиции в недвижимость более безопасны, контролировать их легче, чем инвестиции в акции;
- при покупке недвижимости инвестор получает зарегистрированное уполномоченным органом право собственности, тогда как многие другие инвестиции не требуют его оформления;
- малоосвоенный рынок недвижимости и большие возможности для профессиональных инвесторов;
- высокий риск инвестиций в недвижимость сочетается с приемлемой операционной рентабельностью на этом рынке.

Специалисты в сфере недвижимости рекомендуют инвестору перед принятием решения об инвестировании четко знать, что собой представляет рынок недвижимости, сравнить инвестиционные характеристики различных видов недвижимости, определить собственную цель и получить полную информацию об объекте недвижимости [5, с. 153].

А как сегодня можно облегчить поступление зарубежных инвестиций на российский рынок? Во многом инвестиционная привлекательность зарубежных объектов недвижимого имущества зависит от условий приобретения, владения и пользования им.



В настоящее время существуют различные новейшие транснациональные технологии и инструменты для инвестирования в недвижимость, например, инвестиционная платформа RealT (Real Estate Investment Fund), ориентированная на блокчейн. Данная платформа предлагает токенизированную недвижимость широкому кругу квалифицированных инвесторов.

Инвесторы покупают «юниты» (токены) примерно по 50 долларов за штуку, что является минимальной ставкой. Если конкретная недвижимость стоит, скажем, 65 000 долларов, будет доступно около 1300 единиц. Каждая инвестиционная единица предлагает заявленный доход, т.е. 11%, выплачиваемые ежемесячно. Инвесторы могут купить столько акций, сколько захотят. Все распределения арендной платы, права собственности, управление фондом обслуживания собственности и другие действия, связанные с транзакциями, прозрачно просматриваются в блокчейне, а арендные платежи осуществляются напрямую через смарт-контракты [6].

Отсюда следует, что токенизация недвижимости как процесс преобразования права собственности в цифровой актив расширяет возможность инвестирования в недвижимость и подкрепляет её: достаточно обладать доступом в сеть Интернет и возможно покупать, и продавать онлайн токены на блокчейн-платформе. Так, впервые в России в марте 2023 года стартовал проект от ГК «Самолет» по запуску токенов с возможностью для инвесторов купить квадратные метры или долю, стоимостью от 50 тыс. руб.

Таким образом, новые технологии и инновации, такие как блокчейн и искусственный интеллект ведут к цифровизации процессов в сфере недвижимости, в том числе инвестирования в объекты недвижимости, что безусловно привлекает внимание зарубежных инвесторов к российской коммерческой недвижимости.

Инвестирование в недвижимость представляет собой форму капиталовложений, которая, как и любая другая инвестиция, сопряжена с



определенными рисками. Рассмотрим основные минусы инвестиций в недвижимость:

1. Рыночные колебания: рынок недвижимости подвержен колебаниям, таким как бумы и спады. Они могут повлиять на стоимость недвижимости и окупаемость инвестиций.

2. Затраты на обслуживание: такие как налоги, страхование, ремонт и управление. Эти расходы могут изменяться и оказывать влияние на доходность инвестиции.

3. Инфляция: может влиять на рентабельность инвестиций в недвижимость, поскольку стоимость обслуживания и эксплуатации недвижимости может расти со временем.

5. Потеря ликвидности: недвижимость не всегда легко продавать, особенно в периоды спада рынка. Это означает, что недвижимость в некоторых случаях может быть менее ликвидной по сравнению с другими формами инвестиций.

6. Законодательные и регуляторные риски: изменения в законодательстве и фискальной политике могут повлиять на сектор недвижимости, включая налоговую нагрузку, правила аренды и другие аспекты владения недвижимостью.

7. Обстоятельства непреодолимой силы: пожары, наводнения и другие стихийные бедствия могут привести к повреждению или утрате недвижимости, что в свою очередь может негативно отразиться на инвестициях.

Таким образом, недвижимость как объект инвестиционного потенциала имеет специфические характеристики, которые инвесторам следует учитывать при принятии практических инвестиционных решений: на размер инвестиций в недвижимость влияют ожидаемая доходность, инвестиционная налоговая политика, уровень инфляции и степень риска инвестирования [7, с. 45].

Недвижимость на международном уровне рассматривается как безопасное убежище для хранения активов и получения дохода от аренды,



которое превышает уровень инфляции по сравнению с низкими процентными ставками, предлагаемыми на сберегательных счетах, и низкой доходностью по инвестициям в финансовые продукты.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая). Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с послед. изм.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Ковалев В.В, Иванов В.В., Лялин В.А. Инвестиции: учебник. - М.: Издательство Проспект. 2016. 592 с.
3. Simons Robert A. Should Developers Build Convertible Parking Structures? Or Are They Just a Public Sector Investment? [Электронный ресурс] // URL: <https://doi.org/10.1080/15214842.2020.1757358>. (дата обращения 12.01.2024).
4. Щербакова Н.А. Экономика недвижимости: учебное пособие / Н.А. Щербакова. Ростов на Дону: Феникс. 2010. 342 с.
5. Ревинский И.А. Инвестиционный бизнес: мировой опыт: учебное пособие / И.А. Ревинский. Новосибирск: НГУ. 2020. 437 с.
6. Simons Robert A., Simons Samuel T. Blockchain, Cryptocurrency, and Real Estate: The Current Situation and Prospects for the Next 5 Years. [Электронный ресурс] // URL: <https://doi.org/10.1080/15214842.2022.2067101>. (дата обращения 14.01.2024).
7. Савельева Е.А. Экономика и управление недвижимостью: учебное пособие / Е. А. Савельева. - М.: ИНФРА-М. 2020. 447 с.



**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ И СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
УДК 34**

Бородина Валерия Анатольевна

Уральский институт управления Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации

Институт права и безопасности

Россия, г. Екатеринбург

valeriyaborodina00@mail.ru

Borodina Valeria

Ural Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration

Institute of Law and Security

Russia, Ekaterinburg

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о том, какой должна быть идеальная судебная система в современном обществе. В современном мире правосудие играет ключевую роль в обеспечении справедливости и стабильности. Автор анализирует основные принципы функционирования судебной системы. Статья анализирует различные аспекты судебной системы и выявляет проблемы, с которыми она может столкнуться в современном обществе. Автор поднимает актуальные проблемы судебной системы в современном обществе. Автор приходит к выводу, что создание современного судебной системы требует совместных усилий со стороны государства, общества и отдельных граждан.

Ключевые слова: судебная система, современное общество, презумпция невиновности, защита прав граждан, судебная практика, правосудие.



THE JUDICIAL SYSTEM IN MODERN SOCIETY

Annotation: the article examines the question of what an ideal judicial system should be in modern society. In the modern world, justice plays a key role in ensuring justice and stability. The author analyzes the basic principles of the functioning of the judicial system. The article analyzes various aspects of the judicial system and identifies the problems it may face in modern society. The author raises the current problems of the judicial system in modern society. The author concludes that the creation of a modern judicial system requires joint efforts on the part of the state, society and individual citizens.

Key words: judicial system, modern society, presumption of innocence, protection of citizens' rights, judicial practice, justice.

Судебная система в нашей современной общности играет центральную роль в обеспечении правопорядка, разрешении конфликтов и обеспечении справедливости. В настоящее время судебная система сталкивается со множеством вызовов и проблем, связанных с быстрым развитием информационных технологий, изменениями в социальной и экономической сферах, а также с растущей потребностью в обеспечении эффективного правосудия. Правосудие - это основная функция судебной системы. Оно заключается в том, чтобы разрешать споры и конфликты между людьми и организациями, а также защищать права и свободы граждан. В современной российской науке В.М. Лебедев видит в правосудии особый вид государственной деятельности, связанной с разрешением социальных конфликтов и нарушений права; А.Т. Боннер и Б.В. Ершов расширяют это понятие, определяя правосудие как рассмотрение и разрешение судебных дел в соответствии с законами и международным правом [1, с. 28].

Судебная система - это комплекс органов государственной власти, ответственных за осуществление судебной власти. Она состоит из судов и других органов, связанных с рассмотрением и разрешением юридических



споров и применением права. Эволюция понятия судебной системы связана с периодами развития и становления судебной власти в формате ветви государственной власти и формирования знания о ней. Поэтому в настоящее время институт судебной власти находится в неразрывной связи с понятием «судебная система», в какой-то мере объективно соотносим с ним, поскольку судебная система подразумевает обладание государственно-властными полномочиями [2, с. 109].

Судебная система имеет огромное значение для справедливости и правопорядка в современном обществе. Ее цель заключается в разрешении споров, установлении правового порядка и защите интересов граждан. В основе судебной системы лежат такие принципы, как независимость судей, презумпция невиновности, равенство перед законом и справедливость. Независимость судей - это принцип судопроизводства, согласно которому судьи должны быть свободны от политического, экономического и иного стороннего влияния при рассмотрении дел и принятии решений. Это обеспечивает объективность и справедливость судебных решений, а также доверие к судебной системе со стороны общества. Презумпция невиновности является правовым принципом, согласно которому обвиняемый считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в соответствии с законом. Этот принцип защищает права обвиняемого и гарантирует, что он не будет наказан без достаточных доказательств его вины. Равенство перед законом - это принцип, согласно которому все люди равны перед законом и имеют равные права и обязанности. Этот принцип означает, что никто не может быть освобожден от ответственности или получить особые привилегии из-за своего социального, экономического или иного статуса. Эти принципы являются фундаментальными и обеспечивают основу для справедливых и объективных решений судов.

Судебная система представляет собой важную и неотъемлемую часть правовой системы любого государства. Она выполняет ряд ключевых функций,



включая разрешение конфликтов, осуществление справедливости и защиту прав и свобод граждан [3, с. 54].

Одним из аспектов судебной системы является судебная власть. Судебная система представляет собой независимую ветвь власти, которая осуществляет законность и применяет законы в процессе судопроизводства. Она состоит из различных судебных органов и должностных лиц, включая судей, прокуроров, адвокатов и других участников процесса.

Также аспектом судебной системы является сам процесс судопроизводства. Судебная система имеет свои собственные процедуры и правила, которые регулируют ход судебного процесса. Это включает в себя предварительное расследование, предъявление обвинения, проведение судебных заседаний, допрос свидетелей и экспертов, итоговые аргументы и вынесение решения суда.

Однако, современная судебная система сталкивается со множеством вызовов. Во-первых, существенное влияние на судебную систему оказывает быстрое развитие технологий. В современном информационном обществе все больше данных и доказательств становятся электронными, а это требует новых навыков и компетенций у судей и сотрудников системы. Кроме того, интернет и социальные сети вносят изменения в области общественного мнения и публичного давления на судебные решения [4, с. 236].

Во-вторых, судебная система сталкивается с вызовами в социальной и экономической сферах. В некоторых случаях судебная система подвергается коррупции и вмешательству со стороны политических сил. Распространенной проблемой в современном обществе является коррупция. Она носит характер наиболее опасной проблемы, имеет массовый характер и охватывает абсолютно все сферы жизнедеятельности. Коррупция, как одна из фундаментальных проблем современного общества, достаточно широко исследована с позиций различных аспектов. Однако, в условиях глобализации мирового пространства, исследование коррупции, как транснациональной угрозы, дискредитирующей



авторитет органов публичной власти, нарушающей права физических и юридических лиц, представляется актуальным, равно, как разработка и имплементация эффективных мер противодействия коррупционным составляющим во всех сферах взаимодействия власти и общества [5, с. 156]. Это подрывает принцип независимости суда и может ставить под угрозу справедливость рассмотрения дел.

В-третьих, отсутствие использования современных технологий. В некоторых случаях судебные системы отстают в использовании современных технологий, что может замедлять процессы и усложнять взаимодействие судов с гражданами.

Также одной из главных проблем являются дорогостоящие процессы. Судебные расходы могут быть очень высокими, что делает судебную систему недоступной для людей с низким доходом. Это приводит к неравенству перед законом и ограничивает доступ к правосудию.

Наконец, судебная система также сталкивается с проблемой доступности и эффективности правосудия [6, с. 143]. Во многих странах наблюдается перегрузка судов, долгие сроки рассмотрения дел и недостаточное финансирование системы. Это приводит к ухудшению доверия общества к судебным инстанциям и неравному доступу к правосудию для разных групп населения.

Это лишь несколько примеров проблем, с которыми сталкивается современная судебная система. Эти проблемы требуют серьезного рассмотрения и активного вмешательства для обеспечения более справедливого и эффективного правосудия.

В заключение, судебная система играет важную роль в обеспечении справедливости и правопорядка в обществе. Однако, она сталкивается с вызовами, связанными с быстрым развитием технологий, социальными и экономическими изменениями, а также доступностью и эффективностью правосудия. Решение этих проблем требует усилий со стороны законодателей,



судей и других участников судебной системы для обеспечения справедливости, и защиты прав граждан. Исследования в этой области могут способствовать усовершенствованию судебных процедур и обеспечению более справедливого и эффективного правосудия.

Список литературы:

1. Савельев П.Г. Правосудие как неотъемлемая функция государства // Юридическая наука. 2023. № 11. С. 27-31.
2. Левин В.В. Судебная система в России: понятие и правовые особенности // Социология и право. 2020. № 2 (48). С. 106-113.
3. Скорев, В.А. Судебная система Российской Федерации: учебное пособие для вузов / В. А. Скорев. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 98 с.
4. Суд и правоохранительные органы Российской Федерации в 2 ч. Часть 1: учебник для академического бакалавриата / В. В. Ершов [и др.]; ответственные редакторы В. В. Ершов, Г. И. Загорский, В. И. Качалов. — 3-е изд., перераб. и доп.— Москва: Издательство Юрайт, 2019.— 338 с.
5. Бойко Н.Н. Принцип независимости судей и коррупция в судебной системе // Право и государство: теория и практика. 2022. № 12. С. 155-157.
6. Вилкова, Т.Ю. Судостроительство и правоохранительные органы: учебник и практикум для вузов / Т. Ю. Вилкова, С. А. Насонов, М. А. Хохряков. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024.— 298 с.



Войта Ульяна Алексеевна

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

lcfbi@mail.ru

Voita Yliana

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Prosecutor's Office

Russia, Ekaterinburg

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Аннотация: в статье рассмотрены основные кадровые проблемы, вставшие перед органами прокуратуры во второй половине XX века. Представлены механизмы их разрешения, предпринятые советским руководством, например, путем введения обязательного юридического образования. Изучены особенности распределения кадров на руководящие должности. Сделаны выводы об эффективности и преемственности системы внутренней подготовки кадров органов прокуратуры.

Ключевые слова: прокуратура СССР, кадровая политика, обучение с отрывом от производства, юридическое образование, система подготовки кадров.

FEATURES OF TRAINING OF PERSONNEL OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN THE SECOND PART OF THE XX CENTURY

Annotation: the article examines the main personnel problems faced by the prosecutor's office in the second half of the 20th century. The mechanisms of their resolution, undertaken by the Soviet leadership, are presented. The peculiarities of the distribution of personnel to senior positions have been studied. Conclusions are



drawn about the effectiveness and continuity of the internal training system of the prosecutor's office.

Key words: Prosecutor's Office of the USSR, personnel policy, on-the-job training, legal education, personnel training system.

Как и после любого глобального конфликта, после Великой Отечественной войны обострились другие значительные проблемы, которые стали следствием долгих годов лишений, титанических усилий и жертв и мешали восстановлению страны. Исключением не стало и обострение проблемы преступности. Это было вызвано рядом факторов, в том числе трудным экономическим положением, большим количеством оружия, оказавшегося на руках у гражданского населения, тяжелым эмоциональным состоянием у прошедших оккупацию жителей, ростом беспризорности и другими. Для борьбы с преступностью были мобилизованы в той или иной степени все государственные структуры и в первую очередь правоохранительные органы. Среди них важнейшее место отводилось советской прокуратуре (надзор за соблюдением законности, возбуждение уголовных дел, поддержание государственного обвинения в суде, производство по некоторым категориям уголовных дел) [8, с. 28].

Указывая на особое положение прокуратуры в обеспечение борьбы с преступностью в послевоенный период, отдельно стоит отметить приказ Генерального прокурора СССР «О введении участковой системы работы следователей» от 18 июля 1949 года (далее – «Приказ») [4], предполагающий усиление личной ответственности прокурорских следователей за общее состояние преступности на закрепляемых участках.

Отчасти в качестве причины издания Приказа можно указать то, что большое количество дел возвращалось судами на доследование в связи с некачественной работой следователей. Выразалось это, по мнению экс-заместителя Генерального прокурора и историка А.Г. Звягинцева, в частности в



том, что следователь ограничивался «недопустимо поверхностным выяснением обстоятельств дела» или же вообще допускал пренебрежение соблюдением важнейших требований процессуального закона, а надзирающий прокурор «не замечал или не хотел замечать такого рода безобразий» [3, с. 330].

Все эти факторы: высокий уровень преступности, особое положение органов прокуратуры в системе государственной власти и возложенные на них задачи, низкая профессиональная квалификация рядовых сотрудников органов прокуратуры первичного звена, - требовали проведения кардинальных изменений в системе подготовки кадров.

Соответственно, перед государством и руководящим аппаратом органов прокуратуры встал вопрос о качественном повышении уровня профессиональной подготовки как уже действующих сотрудников, так и впервые поступающих на службу в органы прокуратуры на должности следователей, помощников прокуроров.

В 1946 году был поднят вопрос наличия высшего юридического образования у сотрудников органов прокуратуры занимающие руководящие должности. В соответствии постановлением ЦК ВКП (б) от 5.10.1946 г. «О расширении и улучшении юридического образования в стране» в прокурорские работники второго звена, а также прокуроры первичного звена в крупных городах и районах к концу четвертой пятилетки должны были иметь высшее юридическое образование, а все остальные прокурорско-следственные работники, как минимум, среднее юридическое образование [1].

Прием студентов на юридические факультеты университетов и в юридические институты СССР производился в соответствии с Правилами приема в высшие учебные заведения СССР, ежегодно утверждаемыми Министерством высшего и среднего специального образования СССР. В соответствии с ними подготовка кадров была возможна несколькими способами: с отрывом от производства на дневном обучении, и без отрыва от производства на вечернем и заочном обучении[2].



Согласно этим Правилам на юридические факультеты университетов и в юридические институты принимались и женщины, и мужчины, которые имели оконченное среднее образование. Для обучения с отрывом от производства существовало возрастное ограничение - до 35 лет, а вот обучение без отрыва от производства (заочное и вечернее) – такого ограничения не имело. Лица, успешно сдавшие вступительные экзамены, проходили также и конкурсный отбор, на котором старались выбрать наиболее достойных, подготовленных и способных кандидатов, представивших положительные характеристики для поступления в высшее учебное заведение.

Следовательно, действующие работники органов прокуратуры, нуждавшиеся в получении высшего юридического образования, могли без отрыва от профессиональной деятельности на курсах повышения юридических кадров заочно получить его. В свою очередь, подготовка молодых специалистов требовала дополнительных усилий перед поступлением на службу.

В связи с тем, что работа, на которую направлялись по окончании ВУЗа выпускники юридических факультетов и институтов, требовала от них наличия жизненного опыта, а в ряде случаев (например, при избрании на должность прокурора) и установленного законом возраста. На обучение с отрывом от производства на специальность «Правоведение» принимались только лица, имеющие стаж практической работы не менее двух лет (или демобилизованные из Советской Армии и Военно-морского флота после нахождения на действительной военной службе также не менее двух лет) [7, с. 7]. В стаж практической работы входили любые периоды трудовой деятельности кандидата независимо от того, совмещалась ли работа с получением среднего профессионального образования или нет. Интересно также, что помимо этого в стаж засчитывалась и срочная служба в Советской армии.

Таким образом, для поступления в высшее юридическое учебное заведение было необходимо обладать определенным практическим и



жизненным опытом, что по окончании обучения, с учетом полученной квалификации, давало молодому специалисту необходимые навыки работы в органах прокуратуры.

Необходимо учесть, что как таковой целевой подготовки кадров в отличие от современных реалий в органах прокуратуры не было. Однако существовало повсеместное трудовое распределение молодых специалистов, окончивших высшие учебные заведения независимо от специальности. Поэтому молодые специалисты, в том числе и из юристов, окончившие судебно-прокурорские факультеты должны были отработать не менее 3 лет по профессии.

Таким образом, во второй половине XX века свое закрепление нашло одно из основных требований, предъявляемых кандидатам в органы прокуратуры и сегодня – наличие высшего юридического образования как показателя надлежащей квалификации сотрудника.

С 1948 года в целях отбора лучших действующих сотрудников внутри органов прокуратуры начало проводиться изучение прокурорско-следственных кадров посредством: а) анализа материалов комплексных ревизий и целевых проверок работы; б) стажирования работников; в) личных бесед с работником и личных наблюдений за его работой; г) анализа дел и документов, исходящих от работника; д) ознакомления с другими документами, характеризующими работника. Во время аттестации комиссией делался вывод о качествах работника по результатам анализа характеризующих документов и собеседования.

По итогам успешного прохождения всех проверочных мероприятий кандидат из числа действующих сотрудников зачислялся в резерв. Сотрудник, включенный в резерв кадров, назначался на должность, «на одну ступень выше должности, занимаемой лицом, зачисляемым в резерв». Например, следователь мог быть назначен на должность старшего следователя. На более высокие должности могли в качестве исключения претендовать сотрудники,



обладающие большим практическим опытом работы и исключительными личными качествами [6, с. 283].

Подбор и расстановка кадров производилась по политическому и деловому признаку, акцент делался на систематическом повышении идейно-политического и культурного уровня, деловой квалификации. Система изучения прокурорско-следственных кадров стимулировала у сотрудников потребность повышать квалификацию, учиться и совершенствоваться [6, с. 282].

Таким образом, во второй половине XX века была построена мощная система подготовки кадров органов прокуратуры. Разработана система повышения квалификации уже действующего состава работников органов прокуратуры, основанную на самообучении, регулярных проверках квалификации и создания системы стажировок для лиц, стремящихся попасть в резерв кадров, претендующих на руководящие должности.

Эта система показывает свою результативность уже на протяжении практически 75 лет, так как многие положения по внутренней работе как с молодыми кадрами, поступающими в органы прокуратуры, так и с действующим составом нашли свое отражение в ведомственных актах Генеральной прокуратуры РФ. Так, например, в Приказе Генерального прокурора РФ от 11.07.2013 года № 286 «Об утверждении Положения о кадровом резерве для выдвижения на руководящие должности в органах прокуратуры Российской Федерации» (в ред. от 09.08.2023) учтены замечания к подготовке сотрудников, данные еще в 1948 году [5].

Список литературы:

1. В ЦК ВКП(б). О расширении и улучшении юридического образования в стране // Советское государство и право. 1946. № 11—12. С. 50—52.
2. Законы и постановления о народном образовании. 1969-1974 гг. // URL: <http://музейреформ.рф/node/13899> (дата обращения 10.02.2024 года)



3. Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Неизвестная Фемида. Документы. События. Люди. М., 2003. С. 329–331.
4. О введении участковой системы работы следователей: приказ Генерального прокурора СССР от 18 июля 1949 г. // Советская прокуратура: сб. документов / сост. И.Н. Ширяев, Г.А. Метелкина. М., 1981. С. 137–138.
5. Приказ Генерального прокурора РФ от 11.07.2013 года № 286 «Об утверждении Положения о кадровом резерве для выдвижения на руководящие должности в органах прокуратуры Российской Федерации» // "Законность", N 10, 2013.
6. Сивцев Н. И. Подготовка кадров для советской прокуратуры в конце 1940-х годов XX века: историко-правовой аспект // Образование и право. 2019. №9. С. 279-285.
7. Шебанов А.Ф. Студенты юридических вузов в СССР. Правила приема и условия обучения в юридических вузах в СССР // Новый ракурс. 2016. №15. С. 5-15.
8. Шеуджен Н. А., Яблонский И. В. Организационно-правовые основы деятельности советской прокуратуры в борьбе с преступностью в послевоенные годы // Общество и право. 2016. № 3 (57). С. 27-30.



Кряжевских Ксения Александровна

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

zvezda5361@mail.ru

Kryazhevskikh Ksenia Aleksandrovna

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Ekaterinburg

К ВОПРОСУ ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ФАКТОРАХ, ВЛИЯЮЩИХ НА МОТИВАЦИЮ СУДЬИ ПРИ ВЫНЕСЕНИИ РЕШЕНИЙ

Аннотация: психологические, в частности, мотивационные начала деятельности судьи зачастую не исследуются в отечественной юридической науке. Между тем рассмотрение проблем мотивации судей при вынесении ими решений может являться ключом к повышению эффективности судебной системы и усилению конституционных гарантий права на судебную защиту. В связи с этим автор приводит основные материальные и нематериальные факторы, положительно влияющие на мотивацию судьи и повышающие качество его работы.

Ключевые слова: мотивация, судья, судопроизводство, правосудие, судейская этика.

COMMENTS ON THE FACTORS OF JUDGES' MOTIVATION IN THE COURT PROCEEDINGS

Annotation: the psychological and motivational aspects of a judge's work are often not explored in Russian legal science. However, studying the problems of judges' motivation when they settle decisions can help improve the effectiveness of the



judicial system, as well as strengthen constitutional guarantees of judicial protection. In this regard, the author describes the main material and non-material factors that positively affect the motivation of a judge, and which improve the quality of justice.

Key words: motivation, judge, court proceedings, justice, judicial ethics.

Эффективность судопроизводства и справедливость исхода судебного разбирательства зависят не только от правильности применения норм материального и процессуального права, но и от внутренней мотивации судьи к совершению тех или иных процессуальных действий. Очевидно, судья, руководствующийся правильной мотивацией, куда более склонен принимать справедливые решения, основанные на фактах и законе, а не на внешних или личных факторах. Стоит отметить, что вопрос об эффективности судебной деятельности и судебной власти как таковой нечасто рассматривается сквозь призму личностной мотивации судей и других глубинных личностно-психологических аспектов судебной работы. Это представляется довольно существенным упущением в отечественной науке, поскольку именно мотивация побуждает судью разрабатывать и применять объективные критерии, даже несмотря на правовую либо фактическую сложность дела.

Неоспоримо, что судьи должны быть мотивированы направлять процесс судопроизводства и принимать необходимые процессуальные действия для установления истины и достижения правосудия. Имея высокую мотивацию, судьи активно рассматривают аргументы обеих сторон, исследуют доказательства, выстраивают логическую цепочку аргументации и принимают обоснованные решения. Наконец, мотивация судьи влияет и на скорость рассмотрения дела: когда у судьи имеется мотивация, он стремится справедливо и быстро рассмотреть дело, что помогает ускорить судебное разбирательство и способствует реализации общепроцессуального принципа отправления правосудия в разумный срок.



В этом контексте неудивительно, что мотивация судьи как субъекта, принимающего властные веления, характеризуется в теории управления движением судебных дел в качестве самостоятельного и, безусловно, не последнего по значимости элемента механизма судебной управленческой деятельности [1, с. 106]. Наряду с этим, П.М. Морхат справедливо отмечает, что «осуществление правосудия нуждается не только в прочном научном обеспечении, но и в формировании у судейского сообщества нравственной, этической мотивации к правоприменительной практике, установлении оснований и принципов судебной этики; раскрытию форм сочетания этического и юридического в теоретическом пространстве судебной этики; определении статуса справедливого судьи; ценностном содержании публичного правосудия в контексте авторитета судебной власти и судьи» [2]. Последнее замечание особенно важно, имея в виду требования конституционного принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, о важности которого в контексте доверия граждан к суду указывали как сам Конституционный Суд России [3], так и его председатель В.Д. Зорькин [4].

В связи с этим изучение мотивационно-ценностной направленности судейской деятельности становится особенно насущным, поскольку грамотно разработанная система мотивации может выступить одним из методов повышения конституционных гарантий судебной защиты в Российской Федерации (в частности, гарантий от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения), а также повышения эффективности судебной системы как с точки зрения качества («правосудности»), так и с точки зрения оперативности её работы. В этом контексте цель настоящей работы – очертить основные факторы, как нормативные, так и ненормативные (этические), благотворно влияющие на мотивацию судей принимать законные, обоснованные и справедливые решения.

На первый взгляд, в литературе наблюдается единодушие относительно понятия «мотивация» как психологического феномена, предопределяющего



действия субъекта при принятии решений. Между тем отдельные расхожения в понимании мотивации всё же наблюдаются. На этом фоне Х.М. Бекмурзиева указывает на негативные практические последствия отсутствия единого понимания о мотивации, поскольку, по её мнению, «эффективность применяемых систем мотивации снижается за счёт смешения понятий «мотивация», «мотивирование» и «стимулирование» [5, с. 5]. Как представляется, с теми же методологическими трудностями сталкивается и анализ более специального понятия – «мотивация судьи».

При анализе данного понятия и выявлении факторов, мотивирующих судью с достоинством и рачительностью исполнять свои обязанности, следует исходить из точки зрения А. Маслоу, которая сводится к тому, что основной задачей повышения производительности труда является мотивация конкретного человека путём удовлетворения его наиболее важных потребностей, и такими действиями, которыми смогут способствовать достижению целей коллектива (в контексте настоящей работы – суда как органа государственной власти), в котором он работает [6, с. 51].

Прежде всего, одним из главных инструментов удовлетворения человеческих потребностей являются денежные средства. Не секрет, что поощрения и награждения мотивируют судей на качественное выполнение работы и на повышение лояльности к государству, от имени которого они, собственно, отправляют правосудие. Также они оказывают воздействие и на служебную дисциплину. Их применение основывается как на благодарности за отлично выполненную работу, так и на безупречном выполнении своих обязанностей. Безусловно, этот элемент системы мотивации совмещает в себе не только материальные, но и нематериальные способы, однако стоит отметить, что государство стремится повысить мотивацию судей главным образом материальными инструментами.

Ярким примером может послужить регулярное повышение должностных окладов судей. Весьма характерно, что в преамбулах соответствующих указов



Президента Российской Федерации прямо указываются цели повышения должностного оклада судей, одной из которых неизменно является обеспечение «полного и независимого осуществления правосудия» [7]. Как видно, тезис о том, что мотивация судей напрямую влияет на эффективность отправления правосудия в государстве в целом, подтверждается даже нормативно.

Материальное стимулирование правосудной деятельности судьи играет важнейшую роль в деле повышения мотивации судей также по той причине, что материальное благосостояние судьи является одним из ключевых залогов его стабильного положения. Аналогично тому, как в сфере государственной гражданской службы действует принцип стабильности, который является мотивирующим фактором для лиц, замещающих соответствующие должности, такой принцип известен и судебной системе. Стабильность и устойчивость положения судьи должны быть гарантированы даже в том случае, когда полностью или частично изменяется система судов и организация судебной деятельности. Только в условиях стабильности и уверенности в своем завтрашнем дне судья может эффективно исполнять свои функции [8, с. 79].

Другой фактор, оказывающий положительное влияние на мотивацию судей, является сугубо нормативным, однако это не умаляет его значимости. Этот фактор сводится к существованию рисков отмены неправосудного судебного акта в суде вышестоящей инстанции. Не секрет, что отмена решения, вынесенного судьёй, в некоторых случаях может привести к его депремированию, снижению вероятности повышения и даже к дисциплинарному разбирательству. И действительно, факт отмены судебного решения в большинстве случаев означает признание совершения судьёй ошибки, которая привела к принятию неправосудного, то есть неправильного решения (не учитывая, конечно, случаи отмены судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, которые по определению не могли быть известны судье на момент принятия решения, и которые, как следствие, не могли влиять на судебскую мотивацию). В этом контексте очевидно, что судья,



исполняя свои судебские обязанности, будет действовать с оглядкой на правовые позиции вышестоящих судов, что его в известной степени мотивирует и дисциплинирует.

Кроме того, некоторые исследователи выделяют и другой нормативный фактор, служащий для судьи стимулом для вынесения правосудного решения – это право судьи на выражение мнения или особого мнения в коллегиальном составе суда. По мнению А.И. Нечаева, «возможность для судьи выразить особое мнение, мотивировать его способствует повышению личной ответственности за принимаемое решение в коллегиальном составе» [9, с. 3–4]. К слову, весьма характерно, что в юрисдикциях, где существует запрет на публикацию судьями особого мнения, качество юридической аргументации является достаточно низким, ярким примером чему может являться Конституционный совет Франции [10, с. 41].

Дополнительным фактором, влияющим на мотивацию судьи, является справедливость и устранение любой предвзятости. Судья должен быть мотивирован выполнять свои обязанности в соответствии с законом и независимо от внешних влияний. Он должен руководствоваться принципом равенства перед законом и гарантировать справедливое разбирательство для всех сторон. Иными словами, мотивация судьи может основываться на самом по себе достижении правосудия и поддержке законности. Судья должен стремиться к решениям, которые соответствуют закону и общественным нормам. Его задача, возложенная на него Конституцией Российской Федерации и законом, – обеспечивать справедливость и защищать основные права и свободы граждан.

В этом контексте в процессе судебного разбирательства судью могут мотивировать и этические принципы, которые, более того, кодифицированы в актах судебного сообщества (например, в Кодексе судебской этики). Он должен придерживаться высоких стандартов поведения и профессиональной этики, которые нашли своё отражение в актах органов судебного сообщества.



Судья должен быть честным, объективным и непредвзятым. Мотивация к соблюдению этических принципов помогает ему сохранять доверие и уважение общества.

Наконец, мотивацию судьи может определять и его профессиональная гордость. Судейская должность – это и ответственность, и привилегия, в связи с чем качественное выполнение своих обязанностей является источником гордости. Судья может быть мотивирован своим желанием служить обществу и способствовать укреплению законности и правопорядка.

Таким образом, мотивация судей обеспечивается как нормативно, так и материальными и нематериальными способами, преследующими цель оградить судью от деструктивного внешнего влияния, стимулировать его к вынесению законных, обоснованных, мотивированных и справедливых актов. При этом значение нематериальных стимулов является не меньшим, чем значение стимулов материальных – не даром исследователями регулярно предлагается предусматривать мероприятия, направленные на повышение мотивации служащих, в том числе и нематериальными способами [11, с. 95].

Список литературы:

1. Лазарев С.В. Судебное управление движением дела// М.: Статут, 2022. 330 с.
2. Мохрат П.М. Нравственная мотивация судей в правоприменительной деятельности // Мудрый юрист: официальный сайт. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/21495-nravstvennaya-motivaciya-sudej-pravoprimeritelnoj-deyatelnosti> (дата обращения: 01.02.2024).
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2008 года № 3-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 6.1 и 12.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и статей 21, 22 и 26 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Г.Н. Белусовой, Г.И.



Зиминой, Х.Б. Саркитова, С.В. Семак и А.А. Филатовой» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 10 (2 ч.). Ст. 976.

4. Председатель Конституционного Суда Валерий Дмитриевич Зорькин выступил на Всероссийском съезде судей, открывшемся 30 ноября в Государственном Кремлевском дворце // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/news/pages/ViewItem.aspx?ParamId=2594> (дата обращения: 01.02.2024).

5. Бекмурзиева Х.М. Мотивация деятельности государственных гражданских служащих как средство повышения эффективности государственной гражданской службы // Управление. 2018. № 4 (22). С. 4–9.

6. Маслоу А. Мотивация и личность: Пер. с англ. А.М. Татлыбаевой // СПб.: Евразия, 1999. 478 с.

7. Указ Президента Российской Федерации от 05.10.2023 № 742 «Об увеличении должностных окладов судей в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 41. Ст. 7309.

8. Максимов А.А. Мотивация государственных служащих как управленческая проблема // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. № 2. С. 73–91.

9. Нечаев А.И. Особое мнение судей как составной элемент принципа сочетания единоличного и коллегиального рассмотрения дел в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 11. С. 3–6.

10. Чирнинов А.М. Влияние процедурных особенностей конституционного контроля на стиль аргументации: сравнительное исследование // Право и политика. 2020. № 9. С. 33–46.

11. Митин А.Н. Государственная служба: совершенству нет пределов // Актуальные проблемы правового регулирования государственной гражданской службы в системе публичной службы. Материалы по итогам всероссийского круглого стола с международным участием. Екатеринбург, 2022 С. 87–96.



Ловчикова Юлия Владимировна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Факультет права

Россия, Москва

ylovchikovau@mail.ru

Lovchikova Yulia

HSE University

Faculty of Law

Russia, Moscow

ПРАВОВЫЕ ПОВОДЫ ДЛЯ ИЗМЕНЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация: в статье автор рассматривает правовые поводы для изменений в российском законодательстве, а также раскрывает особенности каждого из них. Показано, что каждый из правовых поводов является уникальным, что, в свою очередь, приводит к изменению в законодательстве по индивидуальному алгоритму. Приведены примеры правовых поводов, и показана причинно-следственная связь между соответствующим поводом и его последствием.

Ключевые слова: правовой повод, изменение законодательства, Конституционный Суд, международный договор, судебная практика.

LEGAL REASONS FOR CHANGES IN RUSSIAN LEGISLATION

Annotation: in the article, the author examines the legal reasons for changes in Russian legislation, and also reveals the features of each of them. It is shown that each of the legal reasons is unique, which, in turn, leads to changes in legislation according to an individual algorithm. Examples of legal reasons are given, and the cause-and-effect relationship between the corresponding reason and its consequence is shown.



Key words: legal reason, changes in legislation, Constitutional Court, international treaty, judicial practice.

Процесс принятия изменений в законодательстве является длительным и состоит из множества этапов. При этом важно отметить, что любым изменениям присущи какие-то причины или поводы, которые спровоцировали модификацию чего-либо. Принимая решение о внесении изменений в законодательство Российской Федерации, компетентные органы основываются на соответствующих поводах, которые могут быть как правовыми, так и неправовыми. В данной статье будут рассмотрены именно правовые поводы для изменений в российском законодательстве, а также будет показана на реальных примерах причинно-следственная связь между поводом и его последствием.

Повод первый - решение Конституционного Суда Российской Федерации. В соответствии со статьей 80 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» если решением Конституционного Суда нормативный акт признан не соответствующим Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) полностью или частично либо из постановления Конституционного Суда о признании нормативного акта либо отдельных его положений соответствующими Конституции в данном Конституционным Судом истолковании вытекает необходимость устранения пробела или противоречий в правовом регулировании, то у государственных органов и должностных лиц по приведению законов и иных нормативных актов возникает соответствующая обязанность [1]. Данная обязанность, в свою очередь, порождает изменения в российском законодательстве. Неисполнение данной обязанности влечет уголовную ответственность по статье 315 Уголовного Кодекса Российской Федерации [2] (далее – УК РФ).



Следует отметить, что несмотря на то, что не все решения Конституционного Суда в части приведения законодательства исполнялись, на практике не было ни одного случая, чтобы привлекали по статье 315 УК РФ за неисполнение решения Конституционного Суда. Одним из таких примеров является Постановление Конституционного Суда от 18.09.2014 № 23-П, в котором Конституционный Суд пришел к выводу о несоответствии Конституции РФ отдельных положений Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», где особо подчёркивает игнорирование одновременно нескольких решений Конституционного Суда. Во исполнение настоящего Постановления Правительством Российской Федерации было поручено отдельным федеральным органам исполнительной власти, а именно МВД, Минфину России, Минтруду России и Минюсту России разработать проект федерального закона. Однако с конца 2015 года указанное Постановление Конституционного Суда не рассматривается Минюстом России как требующее исполнение федеральным законодателем [3, с. 55-56].

Данный факт должен стать сигналом для законодательных и исполнительных органов, что в российском законодательстве есть уже «найденные» пробелы либо неточности в регулировании правоотношений, которые нужно устранять. В противном случае, ежегодно будут возникать судебные споры, разрешение которых занимает больше времени и бюджетных средств, чем те время и бюджетные средства, которые понадобились бы для изменения отдельной части законодательства в содержании, уже установленным Конституционным Судом. Иными словами, нормативный акт может до бесконечности циркулировать, пока не будут решены очевидные проблемы несовершенства законодательства [3, с. 54].

Повод второй – обобщение судебной практики, которое нужно отличать от решений Конституционного Суда, являющегося «негативным



законодателем», т.е. государственные органы обязаны приводить законодательство «в порядок» в соответствии с решениями вышеуказанного суда. Если речь идет об обобщении судебной практики по отдельному правовому вопросу, то подразумевается, что в практике судов общей юрисдикции или арбитражных судов сформировалась «четкая» позиция по вопросу, которого нет в законодательстве.

Как правило, обобщение судебной практики происходит следующими способами:

- 1) издание Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – Верховный Суд) по отдельной категории дел;
- 2) утверждение Обзора практики Верховного Суда;
- 3) разрешение спора отдельной Судебной коллегией Верховного Суда путем принятия соответствующего определения, на которое в дальнейшем ссылаются нижестоящие суды при возникновении аналогичного спора.

При этом инициировать изменение в действующее законодательство на основании данного повода может как сам Верховный Суд, который обладает правом законодательной инициативы по вопросам своего ведения (часть 1 статьи 104 Конституции РФ [4]), так и законодательный орган федеральной власти, который наблюдает в том числе за тенденциями разрешения судебных споров.

Рассмотрим реальный случай. До 2013 года в практике судов по гражданским делам был сформулирован принцип добросовестности, который выводился путем толкования статьи 10 Гражданского Кодекса Российской Федерации (в старой редакции, действующей до 1 марта 2013 г.) (далее – ГК РФ). Впоследствии законодатель воспринял данное правовое явление; были внесены изменения в ГК РФ – был введен принцип добросовестности (пункт 3 статьи 1 ГК РФ в действующей редакции) [5]. Важнейшей целью выдвигаемого принципа добросовестности стало обеспечение правового регулирования через



связь буквы и духа закона [6, с. 166]. Теперь суды при принятии решения ссылаются на прямо закрепленный в законе принцип добросовестности.

Повод третий – изменение в «смежном» законодательстве. На сегодняшний день мониторинг законодательства проводится многими субъектами российского права на различных уровнях. На федеральном уровне можно отметить государственную систему правовой информации. Практически каждое ведомство размещает на своих официальных сайтах в сети Интернет новости законодательства в соответствии со своей сферой деятельности [7, с. 149].

Данный мониторинг является необходимым условием для прогнозирования изменений в законодательстве Российской Федерации, поскольку изменение одного нормативного правового акта может изменять положения другого нормативного правового акта.

Рассмотрим конкретный пример. В 1996 году был введен Федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [8]. В 2009 году в данный закон были внесены изменения: был введен пункт, позволяющий оформлять гражданами России загранпаспорта, содержащие электронный носитель информации. Данное изменение привело к тому, что в статью 333.28 Налогового Кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) был введен пункт, содержащий информацию о размере уплачиваемой государственной пошлины за выдачу паспорта нового образца [9].

Повод четвертый – подписание международного договора Российской Федерацией. Для того, чтобы положения такого международного договора реализовывались на территории Российской Федерации, данный договор должен быть ратифицирован. В соответствии с Конституцией РФ ратификация международных договоров Российской Федерации осуществляется в форме федерального закона в следующем порядке:

1. Международные договоры, решения о подписании которых были приняты Президентом или Правительством Российской Федерации, вносятся в



Государственную Думу, которая рассматривает предложения о ратификации международных договоров и после предварительного обсуждения в комитетах и комиссиях Государственной Думы принимает соответствующие решения;

2. Принятые Государственной Думой федеральные законы о ратификации международных договоров подлежат обязательному рассмотрению в Совете Федерации;

3. Принятый Федеральным Собранием федеральный закон о ратификации международного договора направляется Президенту Российской Федерации для подписания и обнародования [10].

Рассмотрим следующий пример. В 1996 году была заключена Конвенция между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан «Об устранении двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов на доход и капитал» [11]. Данная конвенция вступила в свою силу только в 1998 году после того, как в 1997 году был принят Федеральный закон «О ратификации Конвенции между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан об устранении двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов на доход и капитал» [12]. Получается, что вступлению в силу Конвенции предшествовала целая цепочка правовых поводов.

Повод пятый – усложнение уже существующих правовых отношений.

Наиболее ярко данный повод проявляется в последние 10 лет, что обусловлено модернизацией финансовой системы государства, а также ускорением экономических процессов и цифровизацией в России [13, с. 750]: появляются новые способы платежа (цифровой рубль, криптовалюта); новые способы заработка, которые нужно как-то регулировать, и т.д.

Так еще 20 лет назад понятие «дистанционная работа» было единичным явлением. Сейчас же это довольно частое явление. Усложнение трудовых отношений, касающихся сферы дистанционного труда, привело к необходимости внесения изменений в трудовое, социальное и налоговое



законодательство. Последние же несколько лет наметилась тенденция роста дистанционной работы в российской компании гражданами, проживающими за рубежом. Законодательство тоже отреагировало на данное усложнение трудовых отношений.

С 1 января 2024 года лица, работающие дистанционно за границей на российские компании, должны уплачивать НДФЛ в размере 13% (с доходов не более 5 млн. руб.) или 650 тыс. руб. и 15% от суммы более 5 млн. руб. Данное правило касается как резидентов Российской Федерации, так и нерезидентов Российской Федерации.

Если раньше к доходам от источников в Российской Федерации относилось вознаграждение за выполнение трудовых или иных обязанностей, выполненную работу, оказанную услугу, совершение действия в Российской Федерации, то с начала 2024 г. данное правило частично изменилось – вводится п.6.2 в ч.1 ст. 208 НК РФ, согласно которому к доходам от источников в Российской Федерации также относится вознаграждение и иные выплаты при выполнении дистанционным работником трудовой функции дистанционно по договору с работодателем, являющимся российской организацией, с обособленным подразделением иностранной организации, зарегистрированным на территории Российской Федерации [9].

В связи с данными изменениями доход дистанционных сотрудников-нерезидентов РФ теперь одновременно облагается в двух государствах:

1. В стране, резидентом которой является сотрудник (действует налоговая юрисдикция государства-резидентства);
2. В Российской Федерации (действует налоговая юрисдикция государства-источника дохода).

По итогу, подобная категория работников (резидент иностранного государства, дистанционно работающий на российскую компанию) попадет в ситуацию двойного налогообложения, если в иностранном государстве не установлены ограничения по территории, где получен доход. Возможно, что



данное усложнение налоговых правоотношений при уплате НДФЛ также станет поводом для изменений иных нормативных правовых актов.

Таким образом, динамичность процесса внесения изменений в российское законодательство зависит от его правового повода. Так обобщение судебной практики может идти ни один год прежде, чем произойдет изменение в законодательстве. В то время, как модернизация в «смежном» законодательстве, наиболее быстро приводит к изменению связанных с ним нормативных правовых актов. Более того, возможность оценки «скорости» изменения законодательства на основе правового повода, приводящего к такому изменению, позволяет прогнозировать следующую информацию:

1. Примерный диапазон времени, необходимого для принятия изменений;
2. Органы власти, которые будут инициаторами данных изменений;
3. Влияют ли данные изменения на судебную практику.

Также проанализировав правовые поводы для изменения российского законодательства в отдельные периоды времени, можно в целом оценить эффективность функционирования и развития органов публичной власти.

Список литературы:

1. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 25.07.1994, № 13, ст. 1447.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
3. Шайхутдинова Р.Р. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник права // Право и современные государства. – 2018. – № 5. – С. 50-57.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского



голосования 01.07.2020). СПС «КонсультантПлюс» // URL:
https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

5. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ. СПС «КонсультантПлюс» // URL:
https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

6. Ловчикова Ю.В. Принцип добросовестности в гражданском праве как гарант прав человека в XXI веке // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 12. – С. 164-173.

7. Степанова М.О. Основные изменения законодательства Российской Федерации в научно-технологической сфере за 2018 год // Наука. Инновации. Образование. – 2019. – Т. 14. – № 1. – С. 147–166.

8. Федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» от 15.08.1996 № 114-ФЗ // URL:
https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11376/

9. Налоговый кодекс Российской Федерации, часть 2 от 05.08.2000 № 117-ФЗ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/

10. Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995 № 101-ФЗ // URL:
https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7258/

11. Конвенция между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан от 18.10.1996 «Об устранении двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов на доход и капитал» // Собрание законодательства РФ, 16.03.1998, № 11, ст. 1243.

12. Федеральный закон от 28.04.1997 № 74-ФЗ «О ратификации Конвенции между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан об устранении двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов на доход и капитал» // Собрание законодательства РФ, 05.05.1997, № 18, ст. 2103.



13. Ловчикова Ю.В. Цифровой рубль как перспектива развития российской экономики // Бизнес, менеджмент и право: Digital reality: материалы международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 29 октября 2021 года. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Уральский государственный юридический университет", 2021. – С. 747-750.



УДК 340.136

Руф Владислав Сергеевич

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Екатеринбург, Россия

ruf.vlad-1988@yandex.ru

Ruf Vladislav

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Prosecutor's Office

Russia, Ekaterinburg

КОНСОЛИДАЦИЯ: НЕДООЦЕНЕННАЯ ФОРМА СИСТЕМАТИЗАЦИИ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ

Аннотация: в статье рассмотрена краткая характеристика каждой из форм систематизации нормативных актов. Представлены примеры отечественных кодифицированных, инкорпорированных и консолидированных актов. Выдвинуты предположения о причинах непопулярности подхода к активной консолидации нормативных актов в России. Сделаны выводы о перспективах использования такой формы как консолидация.

Ключевые слова: систематизация законодательства, кодификация, инкорпорация, консолидация, учет.

CONSOLIDATION: AN UNDERESTIMATED FORM OF SYSTEMATIZATION OF NOMRATIVE ACTS

Annotation: the article presents a brief description of each of the forms of systematization of normative acts. Examples of domestic codified, incorporated and consolidated acts are considered. Assumptions are made about the reasons for the unpopularity of the approach to the active consolidation of regulations in Russia. Conclusions are drawn about the prospects of using such a form as consolidation.



Key words: systematization of legislation, codification, incorporation, consolidation, accounting.

Независимо от того к какой правовой семье относится то или иное государство, одним из наиболее актуальных аспектов деятельности государственных законотворцев и правоприменителей является систематизация источников права, будь то учет всеобщей практики или же сугубо позитивистский подход по модернизации нормативных актов. Ввиду принадлежности Российской Федерации к романо-германской правовой семье наиболее интересным представляется идея систематизации именно официальных правовых документов компетентных правотворческих органов.

На общетеоретическом уровне традиционно выделяют в качестве наиболее перспективных форм систематизации нормативных актов кодификацию и инкорпорацию, что также отмечается и в учебной литературе [5, с. 194]. Однако также достаточно широко применяется учет нормативных актов, а также выделяется наиболее редкая форма – консолидация.

Кодификация представляет собой способ содержательного упорядочивания нормативного материала, при котором законодатель анализирует существующее разрозненное законодательство по отдельному предмету регулирования и, перерабатывая его, создает новый нормативно-правовой акт, который исключает возможные множественность, противоречия, неполноту, недостаточный уровень юридической техники предыдущих актов. То есть кодификация по своей сути является содержательной переработкой нормативного массива и по существу законотворчеством, с той лишь разницей, что текущее законотворчество создаёт отдельные законодательные акты по тем или иным проблемам, кодификация же упорядочивает значительную часть уже существующего и действующего законодательства, изменяя, дополняя и преобразуя его [2, с. 12]. К кодифицированным актам традиционно относятся кодексы (ГК РФ, УК РФ, УПК РФ, ГПК РФ и т.д.), основы законодательства



(основы законодательства о нотариате, основы законодательства о культуре и др.), уставы, правила и др.

Если внутренняя, содержательная переработка присуща именно кодификации, то сугубо техническая, внешняя переработка нормативного материала относится к инкорпорации. В первоначальный текст вносятся официальные изменения; исключаются статьи и пункты статей, утратившие юридическую силу, имевшие временное значение либо содержащие противоречия. Объединение нормативных правовых актов обычно происходит в хронологическом или предметном порядке [2, с. 14]. Как правило, инкорпорация находит свое объективное выражение в сборниках, собраниях и сводах законодательства.

Учет, в свою очередь, является наиболее простой формой систематизации законодательства, которая не требует ни внешней, ни внутренней переработки нормативных актов. Это преимущественно предопределяет распространённость данной формы среди субъектов, как правило, не обладающих законодательной инициативой на федеральном уровне. Так учет – единственная форма систематизации законодательства в правоохранительных органах. Например, в системе прокуратуры на прокурорских работников всех звеньев возложена обязанность по систематическому информационному учету действующего законодательства и постоянной его актуализации. Данное положение закреплено в Приказе Генерального прокурора РФ от 19.04.2004 N 9 [4]. Также самостоятельный учет нормативных актов различного уровня ведут и юридические лица, независимо от целей образования. Акты, подлежащие учету в таком случае, зависят от специфики деятельности той или иной организации и объема объективно существующего правового регулирования профессиональной сферы.

Уникальной формой, которая сочетает в себе черты всех ранее рассмотренных является консолидация, которая представляет собой объединение нескольких нормативно-правовых актов, действовавших в одной и



той же области общественных отношений, в единый сводный нормативно-правовой акт без изменения их содержания. То есть при консолидации законодательства проводится первоначальный учет массива актов, регулирующих отдельный вид общественных отношений. Сводный характер акта, который получается в результате консолидации позволяет говорить о схожести с кодификацией. В свою очередь, неизменность содержания характерна именно для инкорпорации. Однако консолидация хоть и является промежуточной формой, тяготеет к кодификации, так как в обоих случаях проводится редакционная правка: устраняются противоречия, повторы и длинноты. Консолидация используется в правотворческой деятельности в основном в целях упорядочения нормативных актов по вопросам управления, налогообложения и административной деятельности, т. е. в тех случаях, когда необходима концентрация разрозненных нормативных предписаний для повышения качества правоприменения [1, с. 30].

В Российской Федерации на уровне государственно-властных субъектов известно немного случаев консолидации законодательства, так как преимущественной формой систематизации остается все-таки кодификация. Так, например, в качестве успешных примеров консолидации законодательства можно привести Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах», который сконцентрировал в себе все льготы для этой категории граждан, ранее разбросанные по множеству нормативных актов. Также примером консолидации отдельные авторы называются Водный кодекс РФ, который, казалось бы, по своей характеристике представляет собой результат кодификации. Однако детальный анализ законодательства до появления Водного кодекса РФ и после позволяет говорить о том, что просто ряд отдельных законов практически без содержательного изменения сконцентрировался в одном акте [3, с. 140].

Как справедливо отмечается в научной среде, в последние десятилетия фактически стирается разница между кодификацией и консолидацией, так как,



сегодня, элемент правотворческой деятельности наблюдается в обеих формах: явно и бесспорно - при кодификации, частично – при консолидации. И в таком случае нельзя не согласиться, что в отечественной практике консолидация является преимущественно теоретической конструкцией малопригодной для использования в современном правотворчестве, так как «чистая» консолидация без частичного изменения содержания непрактична, а для отграничения консолидации в новом понимании от кодификации отсутствуют теоретические и практические механизмы [3, с. 141].

При этом консолидации отводится особое место. Речь идет об издании актуальных редакций нормативных правовых актов, включающих внесенные в них изменения и дополнения. В рамках основного правотворчества принимаются первоначальные редакции нормативных правовых актов, изменения и дополнения в них вносятся в результате дополнительного правотворчества [3, с. 142]. То есть под консолидацией понимается актуализация крупных кодифицированных и специальных актов, изменения в которые вносят самостоятельными федеральными законами. И в таком случае, основными субъектами консолидации выступают не правотворческие органы, а операторы государственных и коммерческих справочно-поисковых систем.

Однако наличествует и другая точка зрения, согласно которой консолидация наоборот вытеснит кодификацию, так как скорость развития общества, как и нормативной базы крайне велика и в таком случае, чтобы какой-либо кодифицированный акт просуществовал достаточно долго, необходимо в нем закреплять только общие фундаментальные положения, регулирующие отдельные правоотношения, оставляя специальные нормы в отдельных актах. А свою очередь меньший уровень содержательной переработки при консолидации поможет решить эту проблему [1, с. 30]. Тем не менее остается открытым вопрос о критериях теоретического разделения кодификации и консолидации.



Таким образом, на сегодняшний день остается открытым вопрос о месте консолидации в отечественном правотворчестве и теории систематизации нормативных актов. С одной стороны, формируется позиция, что с развитием науки и технологии, в том числе справочно-поисковых систем консолидация представляет собой форму соединения основного и дополнительного нормотворчества, что на сегодняшний день не признано самостоятельной формой ни правотворчества, ни систематизации законодательства на официальном уровне. С другой – консолидации отдается предпочтение перед кодификацией опять же по причине интенсивного развития науки и технологий, в рамках которого именно консолидация, обладая характеристиками всех форм систематизации, будет наиболее качественно соответствовать ее целям, а также интересам общества в лице как законотворческих, так и правоприменительных органов.

Список литературы:

1. Кожевников В. В. К проблеме консолидации нормативных правовых актов в Российской Федерации / В. В. Кожевников // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2019. №1. С. 29-36.
2. Кожевников, В. В. К проблеме систематизации нормативно-правовых актов в Российской Федерации и о правилах ее юридической техники / В. В. Кожевников // Право и государство: теория и практика. 2016. № 4(136). С. 11-21.
3. Липень С. В. Трансформация теории систематизации законодательства в эпоху цифровизации права // Lex Russica. 2022. №2 (183). С. 132-147.
4. О систематизации законодательства в органах прокуратуры: Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 19.04.2004 N 9 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».



ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК №29

5. Теория государства и права : Учебник / С. С. Алексеев, С. И. Архипов, Е. А. Белканов [и др.]. – 5-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Юридическое издательство "Норма", 2021. 552 с.



КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 342.5

Ерёменко Анна Константиновна

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Институт частного права

Россия, Москва

ak.ereenko10@gmail.com

Eremenko Anna

Kutafin Moscow State University of Law

Institute of Private Law

Russia, Moscow

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация: статья посвящена обзору отдельных недостатков, связанных с реализацией электронного правосудия в России. Отмечается необходимость непрерывного совершенствования правового регулирования данных отношений. Предложенные варианты решения возникших проблем выступают в качестве перспектив развития электронного правосудия.

Ключевые слова: электронное правосудие, информатизация, информация, общедоступность личных данных, киберустойчивость.

ELECTRONIC JUSTICE: PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Annotation: the article is devoted to a review of certain shortcomings associated with the implementation of electronic justice in Russia. The need for continuous improvement of the legal regulation of these relations is noted. The proposed solutions to the problems that have arisen act as prospects for the development of electronic justice.



Key words: electronic justice, informatization, information, public availability of personal data, cyber resilience.

Актуальность исследования обусловлена активным использованием цифровых технологий в судебной деятельности: непрерывно длящийся процесс цифровизации затронул и судебную сферу. Сотрудники аппарата суда все чаще пользуются при исполнении своих трудовых обязанностей современными технологиями: последние существенно «разгружают» работу суда. Для того чтобы внедрение электронного правосудия (далее – ЭП) в повседневное использование происходило гораздо эффективнее, необходимо уже на ранних этапах реализации ЭП выявить его недостатки, что и нашло свое отражение в данной научной статье.

Сегодня с ростом научно-технического прогресса большую популярность приобретает электронное правосудие - в связи с этим в России был принят ряд нормативных актов. Повсеместное внедрение искусственного интеллекта (далее – ИИ) явилось одной из ключевых мер для внесения изменений в законопроекты, осуществляющие правовую регламентацию этого вопроса и довольно продолжительное время находящиеся на стадии обсуждения. Одним из них является Указ Президента РФ [1]. Важнейшими положениями данного подзаконного акта выступает обеспечение роста информационного развития России посредством внедрения современных технологий в различные сферы общества. Помимо этого, он направлен на реализацию безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры передачи, обработки и хранения больших массивов информации, доступной для всех лиц [2, с. 145]. В продолжение темы отдельно следует отметить, что в научной литературе также исследуются шаги по созданию системы ЭП в России [3, с. 229]. Анализируя приведенный выше документ, а также содержание имеющейся по данной теме юридической литературы, российского законодательства и судебной практики, выделим обусловленность ЭП переходом к цифровым



технологиям аналитики данных, использованием технологий ИИ для повышения качественных характеристик принятия решений, сокращения издержек и сроков рассмотрения дел.

Освещая детально эти причины, можно заметить, что ряд терминов, касающихся процесса цифровизации, закреплен в Стратегии развития информационного общества [4], однако отсутствие таких базовых дефиниций, как «данные», «данные в цифровом виде (цифровые данные)», «искусственный интеллект», и др. нуждается в их легитимном закреплении на уровне Закона об информации [5]. При этом регулирование должно быть комплексным, учитывающим технические, правовые и этические аспекты [6].

Что касается вопроса правового регулирования ЭП в России, то уже в настоящее время имеется определенная база для реализации данной инновационной технологии. Помимо упомянутого указа, это нововведение регулирует Закон об информации, закрепляющий такие понятия, как «электронный документ», «конфиденциальная информация» и «поисковая система». Вопрос, исследуемый в статье, затронут и Законом об электронной подписи [7]: в данном акте раскрываются содержания электронной подписи, участников электронного взаимодействия, корпоративной информационной системы и информационной системы общего пользования.

ЭП регулируют не только законы, но и акты высших судебных инстанций. Например, порядок подачи документов в суды общей юрисдикции закреплен соответствующим положением [8]. В то же время Верховный Суд РФ определил платформы, через которые реализуется ЭП, а также порядок подачи документов в электронной форме, подготовку и рассмотрение дела с использованием документов в электронном виде и другие вопросы [9]. Конечно, на этом правовое регулирование ЭП не заканчивается. Более подробная его регламентация содержится в отраслевом законодательстве, регулирующем электронный документооборот при рассмотрении уголовных, гражданских дел и дел, возникающих по экономическим спорам.



В целях реализации ЭП на территории России согласно действующему правовому регулированию создано определенное количество платформ, способствующих его эффективному функционированию. В рамках данной научной статьи предлагается классификация сервисов осуществления ЭП исходя из видов судопроизводства: конституционного, гражданского, административного, уголовного и арбитражного.

Автор разграничивает дистанционные технологии, используемые при рассмотрении арбитражных дел, и технологии, общие для всех категорий дел.

Воплощение ЭП в жизнь стало возможным благодаря разработанным государством платформам. Прежде всего следует упомянуть ГАС «Правосудие» - систему, представляющую собой попытку создания единого информационного пространства в области организации правосудия в соответствии с законом [10]. Данный сервис предназначен и для обеспечения электронного взаимодействия Верховного Суда РФ как высшей судебной инстанции, судов общей юрисдикции и мировых судов. Вдобавок автор обращает внимание на возможность сэкономить время всех тех, кто участвует в том или ином судебном процессе – данный факт касается и судей: ГАС «Правосудие» обладает опцией автоматически распределять дела между судьями. Благодаря указанному сервису заинтересованные лица могут в электронной форме обратиться с исковым заявлением в суд с приложением к последнему всех необходимых документов (в частности, имеющих значение в качестве доказательств по делу). При этом требуется заверить все подаваемые в онлайн-формате документы электронной подписью и предварительно зарегистрироваться на сайте. ГАС «Правосудие» располагает всеми необходимыми функциями, проста и удобна в эксплуатации. Например, в главном меню системы располагаются все те функции, которыми пользователь сможет при необходимости воспользоваться. На платформе работает и техническая поддержка, к которой можно обратиться для решения вопросов, связанных с сайтом.



Помимо указанной выше платформы, с 2024 года планируется ввод в эксплуатацию суперсервиса «Правосудие онлайн», работа которого будет осуществляться посредством сайта Госуслуг [11]. Данный сайт позволит повысить эффективность функционирования ЭП на территории России и разгрузить ГАС «Правосудие».

Автор отмечает, что на данных платформах ЭП не заканчивается. С 2022 года появилась возможность подать документы в системе ГАС «Правосудие» через Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг. Указание на этот факт содержит постановление Правительства РФ [12]. При этом пользователям не обязательно иметь при себе электронную версию документов – специалисты центра помогут внести все необходимые сведения. Эта разновидность ЭП будет полезна для лиц, не имеющих полноценного доступа к сети «Интернет».

Арбитражное судопроизводство сегодня стало возможным благодаря следующим электронным платформам [13, с. 2]. Картотека арбитражных дел (далее – КАД) – это информационная система, предоставляющая возможность проследить ход движения дела в суде. Календарь заседаний – сайт, позволяющий назначить в дистанционной форме дату проведения слушаний по делам об экономических спорах. Банк решений арбитражных судов – архив судебных решений по арбитражным делам. «Электронный страж» - система, аналогичная КАД. Расписание перерывов в заседаниях судов – платформа, содержащая информацию о перерывах и паузах во время судебных слушаний. «Мой арбитр» - сервис, позволяющий дистанционно направить в суд необходимые документы.

Согласно Интернет-источникам, наблюдается рост тенденции использования возможностей ЭП. В 2020 году системой ГАС «Правосудие» воспользовались 2,5 млрд раз [14], а в 2023 году превысило 5 млрд раз [15]. По словам председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева, в 2021 году с использованием информационных технологий только в первой инстанции суды



рассмотрели 39 млн дел, в то время как уже в первом полугодии 2022 года количество таких дел достигло 20,3 млн.

Несмотря на развивающуюся нормативную основу регулирования ЭП в ходе реализации рассматриваемого нововведения на территории РФ уже сейчас можно отметить существенные недостатки, устранение которых позволит наладить работу этой услуги.

В первую очередь, это становление личных данных общедоступными. Статья 24 Конституции РФ указывает на недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия [16]. На это правило указывает и Федеральный закон [17]: в текстах судебных актов личные данные (Ф.И.О, адрес и место жительства, реквизиты паспорта и т.д.) должны быть исключены в целях обеспечения безопасности сторон судопроизводства и защиты государственной и иной охраняемой законом тайны [18]. Вместо исключенных персональных данных используются инициалы, псевдонимы и другие обозначения, не позволяющие определить участников судебного процесса. Однако судебная практика говорит об обратном. В Постановлении Президиума Верховного Суда РФ [19] указывается на необходимость публикации на сайтах судов личных данных участников процесса (Ф.И.О судей, прокурора, адвоката и представителя, осужденного и оправданного и т.д.). Очевидно: позиция суда вступает в серьезный конфликт с текстом Основного Закона. Это, в свою очередь, порождает сложности при применении и использовании законодательства.

Следующим аспектом являются многочисленные хакерские атаки, способные привести к утечке данных. Указанная проблема порождает немалое количество рисков вплоть до уничтожения информации [20, с. 16]. Возможно и заражение различными вирусами компьютеров, используемых в судебных зданиях и помещениях, способное привести к сбою в системе работы аппарата суда: на восстановление электронных устройств может уйти немало времени.



Из предыдущего недостатка автор выводит нарушение непрерывности осуществления ЭП. Хотя правосудие и реализуется на территории РФ в легально закрепленные сроки, сбои в электронных платформах, сервисах и компьютерной технике инстанций приводит к «заморозке» судопроизводства и, следовательно, нарушению правовых норм.

Еще одна проблема, возникшая в ходе реализации ЭП, - различный уровень информированности населения в данной сфере: граждане, подающие в суд исковые заявления очно, не осведомлены о возможности обращения в суды электронным способом – через ГАС «Правосудие», сайты судов, платформу «Мой арбитр». Данный факт увеличивает нагрузку судейского корпуса, вследствие которой эффективность работы аппарата суда значительно снижается.

Помимо изложенных недостатков, необходимо отметить следующий: сеть «Интернет», посредством которой осуществляется ЭП, доступна далеко не всему населению России (не говоря уже про сельскую местность). Если сравнивать доступность Сети в РФ и в мире - окажется, что мы находимся явно не в числе лидеров.

При внедрении ЭП выявляется проблема неупорядоченного правового регулирования. Информационные технологии постоянно развиваются, порождая совершенно иные формы общественных отношений. Нормы права не успевают за современными реалиями, вследствие чего быстро теряют свою актуальность. Это же касается и ЭП. Несовершенство правового «рычага» обусловлено и возникновением правовых коллизий.

Поскольку ЭП напрямую связано с применением технологий ИИ, при реализации первого возник вопрос по поводу субъекта юридической ответственности за действия цифровых систем: на кого государство наложит наказание – на машины, действующие по строго заданному алгоритму, на судейских работников, пользующихся данными платформами, или же вовсе на производителей таких сервисов? Данный недостаток ЭП проявляется в сбое в



дистанционной системе, следовательно, дело переходит черту своевременности его рассмотрения. Последнее приводит к нарушению конституционно закрепленного права каждого на рассмотрение дела в суде в разумные сроки. Судебных прецедентов, касающихся правового регулирования ответственности ИИ, пока не так много [21]. Тем не менее, непрерывное внедрение ИИ в жизнедеятельность человека, в частности в судебную власть, не исключает совершение этими механизмами правонарушений, что, несомненно, расширит опыт правоприменителей по поводу ответственности в сфере современных технологий.

Для того чтобы обеспечить надлежащее регулирование, охрану и защиту прав и свобод человека касательно ЭП, важно спрогнозировать перспективы развития нового правового явления в судебной сфере:

1. Проведение реформ правового регулирования как действующих нормативных, правоприменительных и судебных актов, так и проектов будущих предписаний, а также отмену неактуальных документов [22, с. 85]. Это касается больше юридической техники: государству следует либо создать единый акт с подробной регламентацией ЭП, либо точно разработать и принять акты с кратким и понятным содержанием;

2. Активное вовлечение государственных учреждений в электронное взаимодействие с целью повышения производительности сотрудников, экономии рабочего времени и освобождения времени для решения прочих задач;

3. Повышение осведомленности населения о существовании ЭП и его возможностях осуществлять с помощью следующих инструментов: транслирование на федеральных каналах (например, в рамках федеральной программы «Национальные проекты России») и за счет рекламы в социальных сетях; организация и проведение масштабных лекториев либо непосредственно в залах судебных заседаний, либо в местах проведения культурно-массовых мероприятий с участием судей, адвокатов и прокуроров;



4. Обеспечение киберустойчивости соответствующего технологического оборудования с применением данных контроля показателей риска реализации информационных угроз. С целью усиления защиты данных дистанционных платформ, например, с помощью дополнительных «ключей защиты», используемых в гаджетах (посредством ответов на вопросы по типу: «Ваш любимый цвет?») и регулярной проверки технических устройств на предмет наличия вирусов и вредоносных программ, что предотвратит поломку компьютерных устройств в судах в будущем.

Подводя итог, автор подчеркивает следующее. Ежедневно развивающиеся информационные технологии влекут неизбежные изменения во всех сферах жизнедеятельности, включая судебную власть и, следовательно, защиту прав и свобод человека и гражданина и являются предпосылками к регулярному обновлению как необходимого программного обеспечения в части киберустойчивости в рамках меняющейся реальности и новых условий пользования, так и его юридической защиты.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СЗ РФ. 2018 г. № 20. Ст. 2817.

2. Магомедова К.К. Электронное правосудие: проблемы и перспективы развития в Российской Федерации // Юридические вестник ДГУ. 2021. Т. 40. № 4. С. 145.

3. Булгакова Е.В., Булгаков В.Г., Крупкин П.Р. Цифровизация рынка юридических услуг // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 6. С. 229.

4. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // СЗ РФ. 2017 г. № 20. Ст. 2901.



5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006 г. № 31. Ст. 3448.

6. Правовое регулирование цифровой экономики в современных условиях развития высокотехнологического бизнеса в национальном и глобальном контексте: монография / под ред. В. Н. Синюкова, М. А. Егоровой. - М.: Издательство «Проспект», 2019. 240 с.

7. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // СЗ РФ. 2011 г. № 15. Ст. 2036.

8. Vsrf.ru [Электронный ресурс] // URL: https://vsrf.ru/about/info/documents_regulations/6796/.

9. Vsrf.ru [Электронный ресурс] // URL: <https://vsrf.ru/files/26294/>.

10. Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008 г. № 52. Ст. 6217.

11. Tass.ru [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/obschestvo/18933765>.

12. Постановление Правительства Российской Федерации от 19.08.2022 № 1457 «О внесении изменения в Правила организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг» // СЗ РФ. 2022 г. № 34. Ст. 5996.

13. Ельчанинова Н.Б. Перспективы внедрения электронного правосудия: правовые проблемы обеспечения информационной безопасности // Общество: политика, экономика, право. 2017. С. 2.

14. Tass.ru [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/obschestvo/9995635>.

15. Pravo.ru [Электронный ресурс] // URL: <https://pravo.ru/news/250241/>.

16. Pravo.gov.ru [Электронный ресурс] // URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/>.



17. Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008 г. № 52. Ст. 6217.
18. Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008 г. № 52. Ст. 6217.
19. Vsrf.ru [Электронный ресурс] // URL: <https://vsrf.ru/files/24014/>.
20. Корнев А.В. Дигитализация права: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 16.
21. Zakon.ru [Электронный ресурс] // URL: https://zakon.ru/blog/2023/11/2/pravovoe_regulirovanie_iskusstvennogo_intellekta_a_i.
22. Алешкова И.А. Цифровизация и судебная деятельность: (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия: Государство и право. 2022. № 3. С. 85.



**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО,
КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО**

УДК 347

Абабкова Арина Юрьевна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

arina_ababkova@mail.ru

Ababkova Arina

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Prosecutor's Office

Russia, Ekaterinburg

**ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА
ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОРУЖИЯ И
ПАТРОНОВ К НЕМУ**

Аннотация: в статье представлена характеристика оружия как объекта гражданских прав, ограниченного в обороте, проанализированы проблемы, связанные с соотношением норм статей 129 и 238 ГК, отчуждением оружия в порядке, предусмотренном статье 238 ГК, рассмотрены актуальные вопросы основания и порядка прекращения права собственности лица в отношении имущества, которое по закону не может ему принадлежать.

Ключевые слова: право собственности, изъятие имущества, отчуждение имущества, имущество, прекращение права собственности, имущество, ограниченное в обороте.

**THEORETICAL AND PRACTICAL PROBLEMS OF FORCED
ALIENATION OF CIVILIAN WEAPONS AND AMMUNITION**



Annotation: the article presents the characteristics of weapons as an object of civil rights limited in circulation, analyzes the problems associated with the ratio of the norms of Articles 129 and 238 of the Civil Code, the alienation of weapons in accordance with the procedure provided for in Article 238 of the Civil Code, considers topical issues of the basis and procedure for termination of a person's ownership rights in respect of property that, by law, cannot belong to him.

Key words: ownership, seizure of property, alienation of property, property, termination of ownership, property limited in circulation.

В результате анализа статьи 238 ГК можно сделать вывод о том, что ее положение распространяется на вещи, ограниченные в обороте, в связи с чем возникает вопрос о ее соотношении со статьей 129 ГК, о возможности распоряжения собственником вещью, ограниченной в обороте, поскольку статья 238 ГК закрепляет презумпцию права собственности. Согласно пункту 1 статьи 129 ГК, изъятые из оборота объекты относятся к имуществу и могут принадлежать лицам на праве собственности. Согласно статье 238 ГК, возможно отчуждение ограниченных в обороте объектов, однако пункт 2 статьи 129 ГК допускает вовлечение таких объектов в гражданский оборот только при соблюдении определенных требований, предъявляемых к субъекту, при наличии соответствующего разрешения. Таким образом, в положениях данных норм можно усмотреть противоречия. Можно предположить, что для возникновения права собственности на ограниченные в обороте вещи необходимо наличие сложного юридического состава, включающего приобретение права собственности на данную вещь на законных основаниях, наличие у субъекта соответствующего статуса и специального разрешения, и только совокупность элементов данного состава позволит утверждать об оборотоспособности объекта, наличии в отношении него права собственности у субъекта. Согласно положениям статьи 238 ГК, у субъекта отсутствует специальный статус и разрешение, однако такая вещь принадлежит ему на



праве собственности. Следовательно, вызывает сомнения оборотоспособность данных объектов, но статья 238 ГК регламентирует порядок отчуждения такого имущества. Спорным является вопрос о возможности в данной ситуации прекращения права собственности, как и его существования, в классическом понимании включающего в себя триаду правомочий.

В.М. Хвостов утверждал, что неправоиспособность вещи и неспособность ее к обороту – различные юридические понятия, т.е. ограниченные в обороте вещи могут находиться во владении или пользовании лица, т.е. запреты, связанные с оборотом имущества не тождественны запретам, связанным с владением и пользованием данным имуществом, и вещи, ограниченные в обороте, могут быть объектом права собственности лица [3, с. 133]. Однако к анализируемой в настоящей статье проблеме вышеприведенное утверждение не имеет отношения, поскольку, во-первых, статья 238 ГК устанавливает пресекательный срок существования у конкретного лица права собственности – 1 год, тем самым нарушается классический принцип бессрочности данного права, во-вторых, реализация триады правомочий собственника в отношении оружия невозможна, исходя из положений статьи 20 ФЗ «Об оружии», согласно которой в случае смерти наследодателя – собственника оружия у потенциальных наследников до получения ими свидетельства о праве на наследство и лицензии оружие подлежит изъятию органами внутренних дел, в-третьих, законодатель не предусматривает иных вариантов действий собственника, кроме отчуждения [5]. Возможно статья 238 ГК регламентирует упрощенный порядок совершения сделок с имуществом, ограниченным в обороте, и предоставляет собственнику пресекательный срок для реализации данного права. При наследовании не усматриваются принципиальные ограничения для оборота гражданского оружия, но до получения лицензии лицо ограничивается в возможности реализации своих правомочий по использованию, хранению оружия, в случае если оружие запрещено к обороту (перечень таких видов оружия регламентирован статьей 6 ФЗ «Об оружии»), у



лица не возникает в отношении него права собственности.

Противоречие норм статей 129 и 238 ГК проявляется и в том, что статья 129 ГК регламентирует порядок ограничения оборотоспособности, не предусматривая возможность его изменения, не ставя при этом вопрос о законности существования у лица права собственности. В данных нормах наблюдается сочетание императивного и диспозитивного подхода законодателя, состоящего в ограничении права распоряжения лица имуществом в соответствии со статьей 129 ГК и предписанием отчуждения данного имущества, регламентированным статьей 238 ГК. Таким образом, можно говорить о том, что в данной ситуации имеет место правовая конструкция «ограниченного права собственности» или «квзисобственности». Такая юридическая конструкция непоименована гражданским законодательством, однако ее сущность находит отражение во множестве правовых институтах. Например, статья 34 Закона «Об акционерных обществах» предусматривает переход права собственности на акции к обществу в случае неоплаты стоимости акций в тех пределах, в которых цена возмещения акций соответствует неоплаченной стоимости [6]. Ограниченное право собственности возникает и у плательщика ренты, поскольку он не вправе в период осуществления обязанностей в пользу получателя ренты распоряжаться имуществом. Однако данные ситуации не идентичны правовой конструкции, регламентированной статьей 238 ГК, поскольку она напротив предусматривает необходимость отчуждения лицом имущества.

Согласно пункту 2 статьи 129 ГК, не только федеральный закон, но и другие нормативные правовые акты могут устанавливать ограничение оборотоспособности тех или иных объектов, в то время как статья 238 ГК регламентирует, что только законом определяется имущество, которое не может принадлежать субъекту. Разрешение данной коллизии возможно посредством рассмотрения нормы статьи 129 ГК в качестве специальной по отношению к статье 238 ГК в вопросе основания ограничения



оборотоспособности той или иной вещи. Таким образом, лицо, имеющее разрешение, обладающее специальным статусом, вправе реализовать принадлежащее ему на праве собственности ограниченно оборотоспособное имущество, но в рамках статьи 238 ГК пользование субъектом таким имуществом сомнительно ввиду отсутствия у него законного основания права собственности на такое имущество, отсутствия соответствующего полномочия. Сущность нормы, закрепленной в статье 238 ГК, заключается в том, что лицо уже является собственником имущества, и в случае его отказа совершить определенные действия в целях придания правомерного вида обладанию его данным имуществом, применяется механизм принудительного прекращения права собственности лица на данное имущество. Таким образом, цель данной нормы – соблюдение баланса частных и публичных интересов. Неотъемлемым элементом гипотезы данной нормы является законность основания приобретения объекта на праве собственности данным лицом. При рассмотрении критерия законности нужно руководствоваться статьей 218 ГК.

Обеспечение частных интересов заключается в том, что данная норма позволяет субъекту ввиду конституционного принципа защиты частной собственности наряду с другими формами собственности легализовать право собственности на имущество, обеспечить бессрочное обладание им, устранить ограничения, препятствующие совершению сделок с данным имуществом, за исключением отчуждения. Нужно рассматривать норму статьи 238 ГК как исключение из правил, регламентированных статьей 129 ГК.

В данной работе уделяется внимание особенностям правового режима гражданского оружия, его оборота и принудительного изъятия. Статья 3 ФЗ «Об оружии» определяет виды оружия, которые могут использоваться гражданами в целях самообороны. Особенности гражданского огнестрельного оружия заключаются в следующем: оно исключает ведение огня очередями, емкость его барабана не превышает десяти патронов. К гражданскому оружию относятся газовое, огнестрельное гладкоствольное длинноствольное,



огнестрельное оружие ограниченного поражения с патронами травматического, газового, светозвукового действия, электрошоковые устройства и искровые разрядники. В статье 1 Закона «Об оружии» закреплено определение понятия «оборот оружия», которое отличается от классического понимания понятия «гражданский оборот». В цивилистической науке гражданский оборот рассматривается как динамическая категория, связанная с переходом права собственности на имущество, действиями субъектов, направленными на возникновение прав в отношении конкретного объекта. В статье 1 Закона «Об оружии» под оборотом оружия понимаются действия, связанные с физическим перемещением оружия, а не экономические процессы.

В качестве одного из таких действий в статье 1 Закона предусматривается изъятие оружия, хотя оно не относится к его обороту. В Законе не определено, за любые ли нарушения возможно осуществление изъятия оружия, судебная практика исходит из того, что данные нарушения должны являться грубыми. Если лицо не вправе обладать оружием (например, если у него отсутствует лицензия), возможны два варианта мер, которые могут быть применены к нему государственными органами: признание сделки недействительной в соответствии со статьей 168 ГК в случае совершения сделки по приобретению оружия при отсутствии у покупателя лицензии, принудительного прекращения права собственности в данной ситуации не может быть, поскольку недействительная сделка не влечет правовые последствия, следовательно, у не обладающего лицензией покупателя не возникает права собственности на данное оружие. Второй вариант мер, которые могут быть применены к субъекту – последствия, предусмотренные статьей 238 ГК [4, с. 288].

Не является абсолютным «сдерживающий механизм действия» лицензионного разрешения на оборот гражданского оружия. Закон «Об оружии» связывает необходимость получения разрешения с совершением действий, предполагающих физический доступ к оружию, его физическое перемещение, поэтому не предусматривается получение разрешения



посредником (поверенным, комиссионером) при совершении сделки с гражданским оружием, поскольку они непосредственно не обладают гражданским оружием. Обязанность залогодержателя получить лицензию связывается с залогом и его видом (статья 338 ГК). Данная обязанность возникает в случае предоставления залогодержателю права пользования гражданским оружием, в случае обращения взыскания на предмет залога по решению суда и трансформации обязательственного правоотношения в вещное (статья 349 ГК).

Законом «Об оружии», помимо предусмотренных ГК РФ оснований для прекращения права собственности на вещь, предусмотрены дополнительные основания для изъятия оружия и патронов к нему, к которым относятся аннулирование лицензии; смерть собственника гражданского оружия или смерть гражданина, владевшего боевым или служебным оружием; ликвидация юридического лица – собственника оружия. Оружие и патроны к нему представляют собой ограниченные в обороте объекты гражданских прав. Понятие «изъятие» можно определить как принудительные меры, применяемые государственными органами в отношении имущества, находящегося во владении собственника.

Норма статьи 238 ГК применяется в случае правомерного приобретения лицом оружия, право на которое оно не имеет.

Пункт 1 статьи 125 ГК предусматривает право органов государственной власти своими действиями приобретать и осуществлять от имени РФ права и обязанности. До обращения в суд с исковым заявлением с требованием об изъятии у лица оружия в порядке статьи 238 ГК органами внутренних дел проводятся подготовительные мероприятия. В первую очередь необходимо проверить каждое оружие на предмет пригодности его для использования, о чем составляется заключение. В случае пригодности оружия устанавливается его собственник, в случае если оружие включено в наследственную массу, нужно направить запрос нотариусу по месту открытия наследства для



нахождения круга наследников. Нередкими являются случаи, когда наследники отсутствуют, и имущество признается выморочным в соответствии со статьей 1151 ГК. Закон, который в соответствии с п.3 ст. 1151 ГК РФ должен регламентировать порядок учета выморочного имущества, переходящего в собственность Российской Федерации в порядке наследования по закону, порядок передачи его в собственность субъектов Российской Федерации или в собственность муниципальных образований, в настоящее время не принят, что вызывает определенные трудности в правоприменительной практике. Не всегда можно подтвердить факт, свидетельствующий о выморочности имущества. На первый взгляд, можно констатировать отсутствие наследников по закону в случае, если в течение шести месяцев никто не принял наследство, однако не следует забывать положение пункта 2 статьи 1153 ГК о фактическом принятии наследства [2, с. 383].

Органы внутренних дел направляют уведомление собственникам оружия, о том что у них находится изъятое оружие, сообщают о необходимости принятия собственниками мер по устранению причины изъятия (при этом орган внутренних дел указывает на конкретный способ устранения причины изъятия, например, на необходимость получения наследником лицензии), либо отказа от права собственности на оружие и согласия на его уничтожение. Орган внутренних дел указывает на то, что в случае непринятия собственником оружия данных мер, в отношении оружия будут применены меры, предусмотренные статьей 238 ГК. В случае, если собственник оружия отказался от права собственности на него, но не дал согласие на последующее уничтожение оружия, орган внутренних дел уведомляет о факте нахождения у него оружия территориальный орган Федерального агентства по управлению государственным имуществом, которое в свою очередь обращается в суд с иском о признании оружия бесхозяйной вещью [1]. При рассмотрении стадии принудительной реализации оружия в соответствии со статьей 238 ГК, нужно обратить внимание на то, законодательством не урегулирован порядок



передачи органу внутренних дел изъятого в судебном порядке оружия в специализированный магазин для последующей реализации на комиссионных началах, следовательно необходимо применять общие положения гражданского и административного законодательства с определенной спецификой, обусловленной ограниченностью в обороте оружия и отсутствием у комитента права собственности. Так, в договоре комиссии следует указывать факт того, что он заключается от имени и в интересах субъекта, оружие которого подлежит реализации в принудительном порядке. Договор комиссии должен быть подписан начальником органа внутренних дел в трех экземплярах, поскольку один экземпляр сохраняется комиссионером, другой – органом внутренних дел, третий экземпляр направляется гражданину, который являлся собственником оружия, подлежащего реализации.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод. По своей правовой природе исследуемый в настоящей статье способ прекращения права собственности является принудительным. Его специфика заключается в наличии у лица права добровольно распорядиться имуществом в течение предусмотренного законом срока или предпринять меры по его легализации. Цель введения законодателем данного правового института, сущность которого отличается от классических способов прекращения права собственности, заключается в необходимости обеспечения баланса публичных (поскольку речь идет об объектах со специфическими свойствами) и частных интересов.

Список литературы:

1. Волянская Р.В. Особенности правового регулирования отдельных действий при обороте гражданского оружия / Р.В. Волянская // Журнал «Предпринимательское право» № 2 – Москва, 2007.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 6-12 / Д.Х. Валеев, А.В. Габов, М.Н. Илюшина и др.; под ред. Л.В. Санниковой. – М.: Статут, 2024. – 383 с.



3. Хвостов В. М. Система римского права: Учебник. – М.: Спарк, 1996. – С. 133.
4. Хохлов В.А. Общие положения об обязательствах: учебное пособие. – М.: Статут, 2015. – 288 с.
5. Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» // Собрание законодательства РФ, 16.12.1996, № 51. Ст. 5681.
6. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Российская газета, № 248, 29.12.1995.



Алпатов Максим Александрович
Саратовская государственная юридическая академия
Институт юстиции
Россия, Саратов
licyidator@mail.ru
Alpatov Maxim
Saratov State Law Academy
Institute of Justice
Russia, Saratov

**КОНСТРУКЦИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ВЫКУПА ЦЕННЫХ БУМАГ
ПУБЛИЧНОГО ОБЩЕСТВА МАЖОРИТАРНЫМ АКЦИОНЕРОМ
(SQUEEZE-OUT): АНАЛИЗ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОБЛЮДЕНИЯ
БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ СТОРОН**

Аннотация: принудительный выкуп акций у миноритариев является одним из самых противоречивых институтов корпоративного права, поскольку он вскрывает всю сложность взаимодействия отдельных принципов гражданского права и политико-правовых соображений. Поиск баланса интересов сторон является нетривиальной задачей, которая имеет важное практическое значение и нуждается в глубоком анализе при помощи правильно подобранной методологии. В данной статье делается попытка комплексного осмысления данного института в системе современного гражданского права, выявляя как его преимущества, так и недостатки.

Ключевые слова: акционерное законодательство, автономия воли, баланс интересов сторон, защита прав миноритариев, принудительный выкуп акций.



CONSTRUCTING A COMPULSORY SQUEEZE-OUT OF SECURITIES OF A PUBLIC COMPANY BY A MAJORITY SHAREHOLDER: ANALYSIS FROM THE POINT OF VIEW OF THE BALANCE OF INTERESTS

Annotation: compulsory squeeze-out of shares from minority shareholders is one of the most controversial institutions of corporate law, as it reveals the complexity of the interaction of separate principles of civil law and political and legal reasons. Seeking a balance between the interests of the parties is a non-trivial task, which is of great practical importance and needs to be analyzed in depth with the help of a properly selected methodology. This article attempts to comprehensively analyze this institution in the system of modern civil law, identifying both its advantages and disadvantages.

Key words: corporate law, squeeze-out, autonomy of will, balance of interests of the parties, protection of minority shareholders' rights, squeeze-out.

Введение

Одним из самых спорных институтов акционерного права является институт принудительного выкупа акций публичного общества мажоритарием (squeeze-out) (далее по тексту – squeeze-out и принудительный выкуп употребляются как синонимы), поскольку в таком случае наблюдается принудительное изъятие собственности (в широком смысле) без согласия лица, чье имущество изымается. Важно здесь то, что такой правовой возможностью наделено частное лицо. Все это создает крайне странную ситуацию, при которой по сути правопорядок легитимирует одно лицо на самовольное перераспределение объектов обладания. Данное положение серьезно нарушает принцип автономии воли. В связи с этим такая ситуация нуждается в тщательном комплексном анализе, что предполагает дачу ответов на ряд спорных вопросов: 1) какие политико-правовые основания для введения данной конструкции; 2) какова правовая природа данного института; 3) насколько органично данная конструкция вписывается в систему гражданско-правового



регулирования; 4) соблюдается ли баланс интересов сторон при осуществлении данного института?

В первую очередь стоит отметить, что данный институт знаком большинству зарубежных правовых порядков в (например, в английском праве [14, с. 13-14], в немецком праве (Spruchverfahren) [16, с. 152], в некоторых штатах США, например, Дэлавер [19, с. 211] в японском праве [15, с. 142] и многих других правовых порядках. Наше законодательство не стало исключением, закрепив в ст. 84.8 ФЗ «Об АО» эту конструкцию. Такое распространение данного института в различных правовых порядках позволяет сделать вывод о высокой потребности данного института в условиях современного общества, что предопределяет практическую и теоретическую потребность в исследовании данного юридического механизма.

Экономико-правовое обоснование наличия института squeeze-out в рамках корпоративного права.

Одной из краеугольных работ, позволяющих обнажить большинство проблем, возникающих при сделках слияния и поглощения (далее – M&A) является статья Майкла Геллера The tragedy of anticommons. Основной тезис данной работы довольно прост – когда слишком много людей владеют частями одной вещи, никто не может ей пользоваться [18, с. 7]. В связи с этим возникает проблема расточительного недопользования вещью. Статья появилась под влиянием появления патентов на биотехнологии (когда было изобретено лекарство от Альцгеймера, его было невозможно вывести на рынок, ввиду того, что нужно было выкупить десятки прав на патенты, однако, одни правообладателя отказали, другие запросили невероятную цену). В результате фрагментации прав и оставление их за разными владельцами полноценное и эффективное использование объекта господства становится невозможным, поскольку в такой ситуации каждый владелец получает возможность заблокировать всех остальных. Достичь соглашения в такой ситуации является практически нереальной задачей. Каждый правообладатель, понимая, что



выпуск лекарства может повлечь огромную прибыль для выпускающей его компании, которая даже близко не сравнится со встречным предоставлением, уплачиваемым за возможность использования исключительного права, стремится как можно сильнее максимизировать свою прибыль, не озадачивая себя альтруистичным поведением. И это понятно – не существует такого нормативно-правового акта (и его не может быть), который сможет заставить действовать альтруистично. Помимо этого, каждый из правообладателей учитывает, что ему выгоднее заключить сделку с заинтересованным лицом как можно позднее, поскольку в такой ситуации договорится о более высокой цене будет проще (подробнее подобная ситуация применительно к корпоративному праву будет разобрана чуть ниже).

На первый взгляд, с точки зрения теории модельного рационального человека, упрекнуть их нельзя, поскольку в такой ситуации они максимизируют выгоду исходя из своего положения. Однако, это не совсем так. Как раз-таки идеально рациональный индивид должен согласиться на продажу исключительного права за справедливую оценку стоимости (ну или хотя бы на резервную сумму покупателя), поскольку в противном случае он не получает ничего. Но в действительности этого не происходит. Кажущаяся несправедливость такой ситуации для правообладателя мешает ему действовать рационально, с целью извлечения наибольшей экономической эффективности. Классический экономический анализ объяснить такую ситуацию не в состоянии. Из этого следует довольно простой, но важный вывод: право - это не всегда и не столько рост благосостояния отдельного лица и повышение экономической эффективности, сколько поиск справедливого и сбалансированного решения, которое учитывает, как интересы сторон, так и общественную пользу. В контексте патентов такое решение было найдено многими законодательствами, в том числе и нашим. Как кажется, именно эти воззрения легли в основание появления принудительной лицензии, которая предоставляется как раз-таки в случае недопользования объектом



интеллектуальных прав, если это приводит к недостаточному предложению товаров или услуг (ст. 1362 ГК РФ).

Однако правом интеллектуальной собственности данная проблематика не ограничена. Она возникает и в области корпоративного права. Зачастую внутри корпоративного законодательства существенным образом пересекаются интересы миноритариев и мажоритариев. Одна из этих проблем, это наличие определенных формальных законодательных процедур для совершения тех или иных действий, в совершении которых интересы сторон могут не совпадать. В таких ситуациях единоличное обладание корпорацией может существенным образом снизить управленческие издержки. Это может быть проиллюстрировано на следующем примере. Так, в случае, когда мажоритарий обладает полным (100%) объемом корпоративного контроля снимается проблема согласования сделок с заинтересованностью [5, с. 234]. Однако, в случае, когда определенное количество акций имеет миноритарий, ситуация начинает меняться. Помимо необходимости согласования сделок с заинтересованностью, данный участник общества может оспаривать решения собраний. Так, стоит обратить внимание на формулировки ст.181.4 ГК РФ, а также п. 109 ПП ВС РФ 23.06.2015 №25, содержащий важное разъяснение: *«решение собрания не может быть признано недействительным в силу его оспоримости при наличии совокупности следующих обстоятельств: голосование лица, права которого затрагиваются этим решением, не могло повлиять на его принятие (1 критерий), и решение не может повлечь существенные неблагоприятные последствия для этого лица (2 критерий) (отмечено мною М.А.)»* [3]. Помимо этого, п.7 ст. 49 ФЗ «Об АО» выделяет дополнительный критерий – отсутствие существенных нарушений при проведении общего собрания акционеров. Таким образом, позитивное законодательство вводит модель «каузальности» (т.е. принципа, в соответствии с которым, решение не должно признаваться недействительным, если лицо, которое пытается его оспорить не могло повлиять на его принятие [6, с. 915]).



Но, правопорядок сразу же делает из этого принципа исключения в виде второго критерия и специального указания ФЗ «Об АО». Это потенциально открывает возможность миноритария оспаривать решения собраний, добиваясь тем самым дестабилизации деятельности общества с целью занять такое положение, которое заставит мажоритария вечно идти на уступки миноритария. Это в свою очередь начинает превращать миноритария в реального руководителя общества. В результате такого построения корпоративного управления кратно увеличиваются издержки. Нормальное управление хозяйственным обществом становится скорее чудом, чем действительной реальностью. Возникает та самая проблема недопользования, о которой писалось выше. The tragedy of anticommons проявляется очевидным образом.

Еще одной проблемой в области корпоративного права является так называемое holdout, т.е. намеренное придержания своего согласия на продажу своей доли корпоративного контроля [13, с. 177]. Представим ситуацию, миноритарий оценивает свою долю корпоративного участия в 30 рублей, мажоритарий готов заплатить за эту долю около 70 рублей. На первый взгляд кажется, что стороны смогут сойтись примерно на цене в 50 рублей, что сможет привести к образованию кооперативного излишка, а, следовательно, к общему росту благосостояния по Парето. Однако, когда этот мажоритарий приходит к миноритария с просьбой в добровольном порядке продать ему акции, то получает требование о выплате встречного предоставления в размере 300 рублей. Понятно, что в такой ситуации выкуп вряд ли будет осуществлен, а если и осуществлен, то с явно несоразмерными затратами для мажоритария. Ситуация может быть еще более сложной. Возьмем еще один пример – 2-х уровневая сделка M&A т.е. сделка, где на первом этапе покупатель выдвигает тендер на покупку основного пакета акций, а после закрытия первой сделки, на втором этапе добиваются оставшиеся 5-10% [7, с. 665]. На первом этапе покупатель смог закрыть сделку на покупку 95 % акций хозяйственного



общества, на втором происходит попытка купить оставшиеся. После успешного первого этапа, который обошелся приобретателю в 950 рублей, остается лишь провести переговоры с оставшимися миноритариями для получения полного контроля. Однако, не один из миноритариев не продаст свою долю за среднюю цену акции, которая продавалась по первичной сделке. Более того, желание заключить как можно более выгодную сделку будет подталкивать мелких акционеров к тому, чтобы занять позицию последнего оставшегося миноритария, поскольку именно в таком случае у этого лица будут наиболее выгодные возможности (так как в случае, когда мажоритарий смог договориться с другими миноритариями о продаже ему акций, последний миноритарий, учитывая, что на предыдущие покупки мажоритарий потратил большое количество средств, будет просить за свою долю как минимум не меньше, а даже намного больше, поскольку, как показал бихевио-экономический анализ права, неприятие потерь (loss aversion) является сильным детерминантом в определении человеческого поведения [21, с. 834]). Адекватный анализ ситуации, свойственный модельному рациональному человеку здесь вряд ли сработает. Рациональность, как было показано выше, в таких ситуациях отходит на второй план, уступая место the escalation of commitment, т.е. ситуации, при которых субъект производит усилия, которые очевидно являются иррациональными, и, как следствие, не приносят той выгоды, которую можно получить, пойдя по другому пути вкладывания ресурсов [20, с. 162]. В такой ситуации не покупка акций у оставшегося миноритария для мажоритария будет означать тщетность всей цепочки предыдущих транзакций. Осознание данной ситуации каждым миноритарием приводит к тому, что мажоритарий не сможет заключить сделку ни с одним из миноритариев.

Такая проблематика требует определенного правового вмешательства, поскольку воздержание правопорядка от разрешения такой ситуации ведет к дестабилизации оборота, и может практически полностью уничтожить сделки



M&A как правовое явление. И выход из этого положения – введение в законодательство института squeeze-out, который позволяет мажоритария, владеющему 95 % (в России, Германии и т.д.) или 90 % (В Японии, Англии и т.д.) акций принудительно выкупить оставшиеся доли корпоративного участия у миноритариев. В таком случае у миноритария не остается выбора – он продает свою долю. Тем самым гражданское право отходит от основных принципов права таких как свобода договора, автономия воли, неприкосновенность частной собственности под силами политико-правовых причин. В тоже самое время, нужно иметь ввиду, что ни один принцип гражданского права не носит абсолютного характера. Определенные изъятия из содержания основных начал могут допускаться, в случае, когда для этого есть весомые политико-правовые причины. Как кажется, squeeze-out является именно тем институтом, который появился не ввиду его четкой догматической проработки, а в силу определенных утилитарных причин. Однако, нужно иметь ввиду, что установление определенных изъятий в отношении определенных принципов в правовом режиме отдельного института не означает полное игнорирование этих правовых принципов. Рассматривая конституционность положения о принудительном выкупе акций, Конституционный Суд (далее - КС РФ) РФ в Постановлении КС РФ от 24.02.2004 № 3-П отметил, что Конституция не исключает ограничение права частной собственности, отступая в определенных ситуациях от него с целью достижения общего блага, соблюдения разумного баланса интересов сторон между мажоритарием и миноритарными инвесторами [1]. Приверженность данной позиции сохранилась и в Определении КС РФ от 21.07.2022 №1858-О [2].

В то же время, введение данного института помимо решения проблем, описанных выше, имеет и обратную сторону – злоупотребление правом на принудительный выкуп со стороны мажоритария. Как правило это проявляется в виде оппортунистического поведения в виде выкупа оставшихся акций миноритариев по очень низкой цене, которая может быть далека от



справедливой оценки [10, с. 502]. В такой ситуации миноритарии, которые не могут отказаться от продажи, находятся в крайне уязвимом положении. Возможно, это одна из причин, по которым Exchange Act в США не предусматривает возможности применения модели squeeze-out для выкупа акций [12, с. 907]. Однако, это не единственный способ решения данной проблемы.

Механизмы, обеспечивающие справедливый баланс интересов при реализации squeeze-out

Достичь баланса в интересах сторон можно посредством реализации дополнительных гарантий прав миноритариев. Во-первых, для этого устанавливаются объективные критерии определения цены выкупаемых ценных бумаг. Подробное описание механизма определения стоимости акций, выкупаемых путем применения процедуры squeeze-out устанавливается, как правило, законом. Примерами могут послужить ФЗ об АО», Companies Act в Японии и т.д.

Во-вторых, позитивное законодательство устанавливает возможность акционера обратиться в суд с целью пересмотра оценки стоимости выкупа акций. Такой подход предусмотрен ФЗ «Об АО», который легитимирует миноритария на иск о пересмотре цены выкупаемых ценных бумаг с возможностью взыскать убытки, вызванные недооценкой выкупаемых акций. Такой же подход признается и в Европейских странах, а также отмечается в практике ЕСПЧ *Lars Bramelid and Anne Marie Malstrum v. Sweden* [17].

В-третьих, многие правовые порядки идут по пути признания диспозитивной возможности повышения требований к количеству акций мажоритарного акционера для осуществления принудительного выкупа акций (к примеру Японский закон о компаниях (会社法) прямо предусматривает такую возможность в ст.179) [15, с. 142].

Помимо этого, в настоящее время предлагается ряд реформ российского корпоративного законодательства в области обеспечения прав и интересов



миноритариев при squeeze-out, представленных в докладе ЦБ РФ. Во-первых, это необходимость контроля 95 % одним мажоритарием (т.е. без учета его аффилированных лиц). Во-вторых – введение ex ante судебного контроля за оценкой стоимости выкупаемых ценных бумаг, а также за правильностью соблюдения требований акционерного закона в отношении различных процедур и формальностей. В-третьих, ЦБ РФ предлагает ввести определенный временный период для легитимации мажоритария на squeeze-out. Владелец 95 и более % акций должен доказать факт долгосрочного приобретения корпоративного контроля, что может выражаться в проведении как минимум двух годовых общих собраний акционеров. [9]. Данная реформа кажется излишне патерналистской по отношению к миноритариям. Большое количество вопросов вызывает необходимость доказывания факта долгосрочности приобретения корпоративного контроля. В такой ситуации миноритарий получает дополнительные рычаги давления на мажоритария, и, следовательно, приводит к проблемам, описанным в предыдущей части. Корпоративное управление может быть серьезно ограничено ввиду отсутствия возможности принудительно выкупить ценные бумаги до проведения двух годовых собраний акционеров. Помимо этого, не совсем понятно, какие именно недобросовестные действия могут быть пресечены посредством установления такого длительного срока. Введение обязательного владения 95% акций одним лицом также выглядит довольно странно. Во многих правовых порядках применять механизм squeeze-out может группа аффилированных компаний (например, во Франции, Германии [16, с. 152]).

Правовая природа squeeze-out

Рассматривая данный институт с догматической точки зрения сразу возникает вопрос – какова природа данного института. Можно предложить несколько вариантов квалификации. Во-первых, в качестве предварительного договора, возникающего в силу закона; Во-вторых, в качестве правовой возможности совершения одностороннего волеизъявления, направленного на



выкуп ценных бумаг (реализация секундарного права). Вариант с предварительным договором, появляющимся в силу закона кажется абсурдным, так как предварительный договор должен обеспечивать заключение договора в будущем. Однако, уведомление, которое отправляет мажоритарный акционер по существу является не просто заключением договора, а уже выкупом о продаже ценных бумаг. Согласно ГК РФ, в случае неисполнения обязанности сторона вправе потребовать заключения договора в судебном порядке (п.5 ст. 429 ГК РФ). По сути, для исполнения последующего договорного обязательства нужен еще один иск для исполнения обязательства [4, с. 370]. Однако, по ФЗ «Об АО» мажоритария не нужно ни волеизъявления миноритариев, ни подача иска в суд с целью принуждения заключения основного договора.

Данная конструкция больше напоминает реализацию одностороннего права, который возникает в силу закона – секундарного права (*Gestaltungsrecht*), (т.е. право, на преобразование правоотношений посредством совершения односторонней сделки [22, с. 41]), которая напоминает своеобразный акцепт опциона, возникшего в силу закона. Осуществление данного права запускает программу правоотношений без необходимости изъявления воли лиц, претерпевающих его реализацию. Данная модель органично вписывается в акционерный закон. Сходная квалификация подобных правоотношений избрана в английском праве [11, с.345].

Однако при квалификации данной односторонней сделки как опциона сразу встает еще один интересный догматический вопрос – есть ли определенная опционная премия за претерпевания возникновения в силу закона, данного секундарного права. Ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. На это можно было бы возразить – опционная премия входит в состав встречного предоставления мажоритария миноритариям. Однако, нужно учитывать, что ФЗ «Об АО» предусматривает определенные критерии стоимости выкупаемых акций на основе объективных показателей, которые характеризуют исключительно саму ценную бумагу, без учета предоставления



секундарного права мажоритарно. Впрочем, отсутствие опционной премии при принудительном выкупе акций публичного акционерного общества, не препятствует квалификации данной программы правоотношений как опционной, ведь опционная премия является опцией по умолчанию, которая может быть и исключена соглашением сторон, а раз это так, то нет никаких сомнений, что режим опционной премии может быть исключен и в силу закона. Да и в целом, квалификация данного секундарного права как своеобразного опциона служит скорее эвристическим целям, чем показывает реальную тождественность между институтами.

Еще одним сложным вопросом является природа этого секундарного права. В данной ситуации нужно понимать, что секундарное право не является «вещью в себе», оно предполагает существование других, первичных прав [8, с. 260]. В принципе первичным правом, обосновывавшим возникновение секундарного права в виде возможности реализации конструкции squeeze-out может служить статус мажоритарного акционера, который сам по себе предполагает расширение правовой сферы личности. И именно с приростом доли корпоративного контроля данное лицо получает дополнительные права, вместе с которыми приходит и данное право на реализацию опционной программы правоотношений.

Заключение

Подводя итог, стоит отметить, что институт принудительного выкупа акций (squeeze-out) публичного акционерного общества является одной из самых спорных конструкций в рамках гражданского права, в которой проявляется вся противоречивость правового регулирования, столкновение различных политико-правовых ценностей. Отсюда выводится огромная сложность выбора оптимального варианта выстраивания, поскольку любой неверный шаг может повлечь неблагоприятные, с точки зрения целей правового регулирования, результаты.



На первый взгляд, squeeze-out существенным образом противоречит основным принципам гражданского права, таким как неприкосновенность частной собственности, автономия воли личности, свобода договора. И это действительно так. Однако, настоящее исследование показало, что в системе гражданского права нет абсолютных величин, которые являлись бы незыблемыми. Любая, казалось бы фундаментальная аксиома, может быть подвергнута некоему ограничению под влиянием определенных политико-правовых соображений. Конструкция принудительного выкупа является именно такой конструкцией. Возникнув вследствие утилитарных соображений, а не за счет долгого догматического осмысления, данный институт служит целям экономической эффективности, поиску наиболее справедливого, с точки зрения баланса интересов сторон, правового решения, а также в определенной степени направлен на предотвращение частных случаев злоупотребления правом и недобросовестной эксплуатации.

При этом, как показало настоящее исследование, реализация конструкции squeeze-out должно предусматривать большое количество правовых гарантий прав миноритариев, которые вполне успешно выработаны в зарубежной практике. В противном случае данный институт вместо достижения своих правовых целей станет инструментом произвольного присвоения права собственности.

Список литературы:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 № 3-П // Вестник Конституционного Суда РФ» № 2. 2004.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 21.07.2022 № 1858-О // Доступ из СПС Консультант Плюс.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой



Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Бюллетень Верховного Суда РФ». № 8. 2015.

4. Договорное право (общая часть) : Постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / Отв. ред. А. Г. Карапетов. – М.: М-Логос. 2020. 1425 с

5. Карапетов А.Г. Экономический анализ права. – М.: Статут, 2016. 528 с.

6. Сделки, представительство, исковая давность : постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2018. 1264 с.

7. Рид С. Ф. Лажу А. Р. Искусство слияний и поглощений / Стэнли Фостер Рид, Александра Рид Лажу; Пер. с англ. 3-е изд. – М.: Альпина Бизнес Бук, 2007. 957 с.

8. Третьяков С. В. Формирование концепции вторичных прав в германской цивилистической доктрине (К публикации русского перевода работы Э. Зеккеля Вторичные права в гражданском праве) // Вестник гражданского права. 2007 Т. 7. № 2 С. 253–270.

9. Доклад для общественных консультаций Центрального Банка РФ «О реформировании подходов к осуществлению принудительного выкупа ценных бумаг публичных акционерных обществ» // URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/118094/Consultation_Paper_25012021.pdf / (Дата обращения 06.02.2024).

10. Allen T. William, Kraakman R. Khanna S. Vikramaditya. Commentaries and Cases on The law of business organization. – Sixth Edition. New York: Wolters Kluwer, 2021. 783 p.

11. Bourne N. Bourne on Company Law. Sixth edition. – London.: Routledge, 2013. 419 p.

12. Cahn. A. Donald C. David. Comparative company law. – Second edition. New York: Cambridge university press, 2018. 1060 p.



13. Coorter R. Ulen Th. Law and Economics. – Six edition Boston: MA: Addison-Wesley, 2012. 555 p.
14. Edwin L. Miller JR. Lewis N. Segall. Mergers and Acquisitions. – Second ed. New Jersey: John Wiley & Sons, 2017. 314. p.
15. Kläsener C. Amy. The Guide to M&A Arbitration. Second Edition. London: Law Business Research Ltd, 2020. 215 p.
16. Kraakman R. The Anatomy of Corporate Law: A Comparative and Functional Approach. Second Edition. – Oxford University Press. 2009. 559 p.
17. Lars Bramelid and Anne Marie Malstrum v. Sweden // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=001-92813&file>
(Дата обращения: 05.02.2024)
18. Heller M.A. The Tragedy of the Anticommons: A Concise Introduction and Lexicon // The Modern Law Review. 2013. P. 6-25.
19. Randall K. Morck Concentrated Corporate Ownership. – Chicago. London: The university of Chicago Press, 2000. 387 p.
20. The Oxford handbook of the Corporate law and Governance / ed. by Godon N. Jeffrey, Ringe Wolf-George. – Oxford: Oxford university press, 2020. 1200 p.
21. Zamir E. Loss Aversion and the Law // Vanderbilt Law Review. 2012. Vol. 65. P. 829 – 895.
22. Medicus, D. Allgemeiner Teil des BGB / Medicus D. – München: C.F. Müller, 2010. 518 s.



Быстрова Диана Игоревна

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Высшая школа права

Россия, Москва

di.bister@yandex.ru

Bystrova Diana

Plekhanov Russian University of Economics

Higher School of Law

Russia, Moscow

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СТОРОН И УРЕГУЛИРОВАНИЕ СПОРОВ ПРИ ОКАЗАНИИ КОНСУЛЬТАЦИОННЫХ И ОЦЕНОЧНЫХ УСЛУГ

Аннотация: актуальность данного исследования заключается в том, что, компании, предприниматели и обычные граждане для получения достоверных сведений по юридическим вопросам, бизнес-планированию, оценки налоговых и рисков от сделок, бухгалтерским вопросам, определения стоимости объектов сделки, обращаются за профессиональным консультированием. Для того чтобы уровень консультационных и оценочных услуг соответствовал повышенному спросу необходимо обеспечить качество услуг, достоверность результата, независимости оценки. Достигается это путем совершенствования законодательной базы, исключая использование универсальных норм к разным договорам.

Ключевые слова: договор возмездного оказания услуг, оценочные услуги, консультационная деятельность, исполнитель, заказчик.



CIVIL LIABILITY OF THE PARTIES AND SETTLEMENT OF DISPUTES IN THE PROVISION OF CONSULTING AND EVALUATION SERVICES

Annotation: the relevance of this study lies in the fact that companies, entrepreneurs, and ordinary citizens seek professional advice to obtain reliable information on legal issues, business planning, assessment of tax and risks from transactions, accounting issues, determining the value of transaction objects. For the level of consulting and evaluation services to meet the increased demand, it is necessary to ensure the quality of services, the reliability of the result, and the independence of the assessment. This is achieved by improving the legislative framework, which excludes the use of universal norms for various contracts.

Key words: contract for the provision of paid services, evaluation services, consulting activities, contractor, customer.

На сегодняшний день консультационным и оценочным услугам принадлежит одна из актуальных сфер деятельности. В связи с возросшей потребностью в специализированной помощи, все больше предпринимателей, компаний и обычных граждан обращаются к услугам консультантов, оценщиков. Правовое регулирование является одним из главных факторов данной деятельности.

Согласно статье 128 ГК РФ результаты работ и оказания услуг относятся к объектам гражданских прав. Как видим, определения понятия «услуги» следует из текста главы 39 ГК РФ о возмездном оказании услуг, где в п.1 ст. 779 ГК РФ под услугой следует понимать определенные действия или определенную деятельность, которую исполнитель обязуется осуществить по заданию заказчика. Приведенная формулировка услуги не дает четкого определения понятия в разрезе гражданских прав.

Согласно п.1 ст. 702 ГК РФ дана характеристика работы в виде действий, таких как обработка или изготовление, переработка вещи. Предметом договора



возмездного оказания услуг согласно п.1 ст.779 ГК РФ является исполнение услуги, то есть осуществление определенной деятельности по, контракту с заказчиком, но не всех услуг, а только тех, перечень которых указан в п.2 ст. 779 ГК РФ, а именно консультационных, информационных, услуг по обучению, связи, туристическому обслуживанию, сюда же отнесены медицинские и ветеринарные услуги, аудиторские услуги и другие, но услуги по доверительному управлению имуществом, перевозками транспортными экспедициям, подрядом и банковским вкладам, выполнению научно исследовательских работ главой 39 ГК РФ не регулируется [1].

Таким образом, общими признаками услуг является следующее: услуги нематериального характера; услуги тесно связаны с личностью услугодателя;

В подрядных отношениях смысл обязательств состоит в передачи полученного вещественного результата.

Согласно статье 780 ГК РФ, исполнитель обязан оказывать услугу лично, если не согласовано иное.

Рассмотрим наиболее распространенные услуги, в получении которых заинтересованы как граждане, так и юридические лица – это консультационные и оценочные услуги. Для раскрытия понятия «консалтинговых» услуг следует начать с понятия «консультация». Следует заметить, что в гражданском кодексе РФ понятие «консультационной услуги» отсутствует.

В НК данный вид услуг выделен в группу нематериальные услуги, наряду с юридическими, бухгалтерскими, предоставляемом аудиторами и аудиторскими фирмами, инжиниринговыми, маркетинговыми, услугами научно-исследовательского характера, услугами опытно конструкторское разновидности, (ст. 148), но суть терминологии каждого вида, услуги НК не раскрывает.

В настоящее время в РФ нет конкретного закона, регулирующего консультационную деятельность, в котором бы приводились понятия консультационных услуг, с указанием принципа деятельности, ответственности



консультантов в лице отдельных граждан, либо занятых в этой сфере организации, а также права и обязанности сторон правового взаимоотношения, цена услуг [2].

В современных условиях отмечается высокий рост оценочных услуг как среди физических лиц для оформления наследства, сделок купли продажи, при ипотечном кредитовании, оценка недвижимого имущества транспортных средств, так и юридических лиц для определения стоимости компаний, предприятий, машин, ценных бумаг, оборудования, оценки бизнеса, публично-правовые образования заинтересованы в оценке объектов при национализации имущества, приватизации, передачи в доверительного управление.

Основными целями оценки является проведение торгов, наследование разрешение имущественных споров, передача прав собственности, составление брачного контракта, страхование, конфискация и др.

Нормативно-правовым актом в сфере оценочной деятельности, является принятый в 1998 году ФЗ РФ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации, регулирующий данную деятельностью признающий ее профессиональной, так для установления рыночной, кадастровой, ликвидационной, инвестиционной стоимости объектов оценки [2].

Регулирование оценочной деятельности в РФ происходит на государственном уровне (разрабатываются и принимаются законы), на уровне саморегулируемых органов.

На основании проведенного исследования правового регулирования консультационных и оценочных услуг можно выделить следующее, что оказание услуг относится к объектам гражданских прав, под услугой понимают определенные действия или определенную деятельность. Четкого определения понятия услуги в разрезе гражданских прав нет, выделяют общие признаки услуги, такие как нематериальный характер ее и связь с личностью услугодателя.



Договор возмездного оказания услуг по своей природе является консенсуальным, двусторонним, возмездным. Консенсуальный договор, то есть договор, заключенный по обоюдному согласию сторон, основанный на взаимном интересе каждой стороны. Основанием договора является достижение договоренности, а не предварительное исполнение договора одной из сторон или строгая форма. Таким образом соглашение по консенсуальному договору может заключаться в простой письменной форме. Важен добровольный характер сделки

Вид соглашения по консенсуальному договору в нашем случае — это возмездное оказание услуг, в реальном договоре видом соглашения может быть банковских вклад, хранения, аренда транспортных средств. Отрицательной стороной консенсуального договора может считаться то, что данный вид договора основан на доверительном отношении сторон. В реальном договоре отрицательной чертой выступает момент заключения договора, который осложняет передачу вещи, предметы, иного имущества. Положительной чертой консенсуального договора может считаться легкий порядок согласования [4, с. 165–166].

Поскольку договор возмездного оказания услуг является двусторонним, исходя из этого, он содержит права и обязанности обеих сторон сделки. В случае невыполнения договора каждая из сторон имеет право прекратить выполнение его, то есть может его расторгнуть [5, с 168]. Возмездные договор подразумевает соглашение, по которому сторона получает оплату товара или услуги.

Субъектами договора выступают как физические, так и юридические лица и публичные образования. Сторонами договора на проведение оценки выступают заказчик и исполнитель (ст. 9 Законов об оценочной деятельности).

Если заказчиком оценочные услуги выступают заинтересованное лицо, то при заключении договора и оказании услуг могут возникнуть определенные



трудности, связанные с тем, что заинтересованное лицо в оценочной услуге не сможет предоставить полный пакет документов, касающихся объекта оценки.

Рассмотрим требования к организации, оказывающие услуги по оценке: в штате организации должно составлять не менее 2 оценщиков, с сохранением права на осуществление оценочной деятельности; юридическое лицо должно страховать свою ответственность не менее чем на один год; быть независимым от заказчика.

Единственным существенным условием, договора возмездного оказания услуг является его предмет — это сама услуга, которую необходима оказать или сфера деятельности, которой она будет оказана. Таким образом предмет договора — это сама услуга, которую необходима оказать или сфера деятельности, которой она будет оказана. При согласовании предмета сторонами договора необходимо прописать, какие именно действия должен совершить исполнитель или какую деятельность обязан осуществить, объем.

В договоре возмездного оказания консультационных услуг предметом договора будут выступать консультационные услуги, при этом необходимо указать, какие именно услуги, перечень их, объем услуг, форму оказания услуг устно или письменно, какими документами подтвердить факт исполнения; заключения, рекомендации, экспертная оценка [6, с. 345].

Важной характеристикой является качество оказанной услуги. определяется по тем же правилам, что и в договоре подряда ст. 721 ГК, которое должно быть прописано в тексте договора или приложении к нему, документ, который подтвердит факт оказания услуг.

В договоре возмездного оказания оценочных услуг предметом договора выступают непосредственно оценочные услуги – необходимо указать: вид объекта (определяется стоимость материальных и нематериальных объектов: все виды недвижимости, транспортные средств, ценные бумаги, бизнес, машины, оборудование и так далее; а также вид стоимости оценки объекта (рыночная, инвестиционная, залоговая, остаточная); единичный объект или ряд



объектов. Рассматривая договор возмездного оказания оценочных услуг, стоит особое внимание уделить ответственности сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение условий договора.

В договоре возмездного оказания услуг обязанности исполнителя - оказать услугу, а заказчик оплатить. Так, в договоре возмездного оказания консультационных услуг в обязанности исполнителя можно включить оказание консультационных услуг, согласно предоставленного перечня, выполнить услуги необходимо в указанный срок, обозначенный в договоре, действовать в интересах Заказчика, отчитываться о проделанной работе перед заказчиком, по завершению работы предоставить отчет об указанной услуге.

В обязанности заказчика входит своевременная оплата предоставляемых услуг, а также по требованию исполнителя давать доступ к необходимой документации.

Исполнитель имеет право согласно договору, заключенного требовать своевременную оплату оказанных услуг, требовать своевременного предоставления документов. Отсюда вытекают и права заказчика на требование своевременного оказания услуг, прописанных в предмете договора, осуществлять контроль над деятельностью исполнителя, требовать качественного исполнения обязательств по договору.

Если в договоре нет указания на возможность привлечении третьих лиц, то исполнитель должен оказать услугу лично. Но будет лучше, если в договоре будет оговорено, что исполнитель вправе привлекать других лиц, или наоборот.

Исполнитель мог не оказать услугу по вине заказчика, тогда услуга оплачивается полностью если не предусмотрено иной п. 2 ст. 782 ГК РФ. Договор мог быть не выполнен по обстоятельствам независящим, ни от одной, ни от другой стороны, тем не менее заказчик оплачивает затраты, которые были понесены в процессе выполнения, если в договоре не прописано другое п 3 ст. 782 ГК РФ. По общему правилу после требования заказчика в услуге, он обязан



исполнить ее в течение 7 дней п 2 ст. 314 ГК РФ, если в договоре не указаны сроки [1].

Прекращает действие договор возмездного оказания услуг в случае: исполнения договора и принятия услуги, лучше завершить данную деятельность подписанием акта оказания услуг; расторжении договора сторонами; отказе одной из сторон от его исполнения (п 2 ст. 782 ГК РФ возмещает расходы отказавшаяся сторона).

Если в договоре нет указания на возможность привлечении третьих лиц, то исполнитель должен оказать услугу лично. Но будет лучше, если в договоре будет оговорено, что исполнитель вправе привлекать других лиц, или наоборот.

Роль клиента в договоре оказания консультационных услуг отводится достаточно значимая роль, так как при получении неполного объема информации. Так в сфере оказания консультационных услуг информационные возможности могут распределяться неравномерно с самого начала, причиной может выступать то, что заказчик не имеет опыта в данной области, а исполнитель выступает в роли эксперта.

Ненадлежащее исполнение консультантом услуг, влечет за собой последствия для заказчика, к примеру можно привести вопросы касательно налогообложения, при неграмотном оказании услуг клиенту грозят налоговые санкции [5 с. 156–157].

Разумный способ распределения риска ответственности по возмещению ущерба, так как причиненный ущерб может быть значительным и даже иногда ведет к банкротству и ликвидации фирмы, оказывающей консультационные услуги, является страхование ответственности.

Отсутствие контролирующих органов, отвечающих за надлежащие оказывание консультационных услуг, влечет за собой сложности в привлечении к ответственности перед клиентом.

Страхование ответственности выступает оптимальным способом распределить риск ответственности по возмещению ущерба, так как



причиненный ущерб может быть значительным и даже иногда ведет к банкротству и ликвидации фирмы, оказывающей консультационные услуги.

Рассмотрим разрешение спора между заказчиком – физическим лицом и оценщиком – или исполнителем юридическим лицом с кем оценщик находится в трудовых отношениях.

Существует определенный риск, связанный с получением справедливого разрешением спорных моментов, так как в судебном процессе определяется соответствие установленных нормативным актам требования отчета об оценке, опираясь на формальные признаки вопроса, не погружаясь в суть спора. Привлечение экспертов для определения стоимости объекта оценки, в том числе судебных экспертов-оценщиков, не дает гарантии объективности в предоставленной информации суду. Принятия решения для суда является трудоёмким процессом, так как суд не обладает соответствующей компетенцией и как правило выносит решение на основании своего внутреннего суждения.

К недостаткам разрешения спора в отношении договора возмездного оказания услуг можно отнести: длительность по времени судебного процесса, дополнительные затраты материального характера для истца, проблематичность с проведение трудоемких экспертиз и в следствие с доказательной базой, привлечение специалистов и экспертов.

Для проведения судебного разрешения спорных вопросов для всех сторон договорных отношений в отношении оценочных услуг было бы целесообразно принять решение о разработке методических рекомендаций для судей и оценщиков, принимающих участие в спорах.

Важно заметить, что закрепление в договоры соблюдение порядка и выявление недостатков, и их устранение, существенно облегчает судебный процесс разрешения споров, и доказывание факта ненадлежащего исполнение договора. Так данное утверждение подкрепляется судебной практикой [3].



Рассматривая апелляционную жалобу, в районный суд гражданки Н к ООО «Негосударственное экспертное учреждение» о защите прав потребителя установил, что стороны заключили договор на оказание оценочных услуг, результатом выполненных услуг должен служить отчет, который необходимо выдать заказчику. Ответчик в суде заявил, что при принятии отчета – гражданка Н, не подписала отчет, мотивируя это тем, что она не согласна с установленной суммой оценки объекта. Повторная процедура оценки не изменила данные в отчете, тогда как заказчица оценочной услуги отказалась подписывать отчет и заявила исковое требование к ответчику о взыскании денежных средств, которые она внесла по договору возмездного оказания услуг, вследствие неисполнения оценочной компанией своих обязательств.

Суд установил, что заказчика забрала повторный отчет, однако отказалась расписываться в акте выполненных работ. Согласно условиям договора, если заказчик не подписывает отчет или отказывается от него в течение 5 дней, договор признается исполненным надлежащим образом.

Исходя из того, что гражданка Н, она же заказчица, не предоставила суду доказательства, для признания отчета недействительным, апелляционная жалоба гражданки Н оставлена без удовлетворения.

Таким образом, не до конца оформленные претензии по первому отчету, не дали возможность истцу защитить свои права, которые были нарушены по ее мнению.

Вышеизложенное дело позволяет отчетливо сформулировать картину о том, что несмотря на заманчивость претензионного порядка разрешения споров, данный метод урегулирования споров вызывает ряд вопросов к практике его реализации.

Ссылаясь на Закон, непрофессиональная деятельность медиатора не требует от него высшее и специальное образование. Так, учитывая характер оценочной деятельности и особенности ее проведения, можно сказать, что проводить ее должен специалист, который имеет профессиональное



образование в данной деятельности. Однако в Законе о медиации ст.15 и 16, не определена необходимость в профессиональном образовании той отрасли, где проводится медиация. Целесообразно чтобы медиации проводили независимые оценщики, с профессиональным образованием и опытом, который поможет признать и выявить ошибочную оценочную экспертизу и позволит избежать длительных споров.

Также можно передавать дело на рассмотрение в третейский суд, где каждой стороне спора дается возможность выбрать в судейскую коллегию оценщиков, которые в свою очередь позволят прийти к общему мнению относительно достоверности оценки. Однако существуют и определенные проблемы связанные с беспрестанности суда, когда член суда и сторона спора могут оказаться членами одной СРО. В таком случае можно сказать, что должно быть исключена полностью связанность судьи в определенном деле с компанией, при которой суд создан [7].

Для оформления договора возмездного оказания услуг, необходимо понимать какие условия включать, как правила условия, являющиеся важными для конкретного вида оказываемой услуги (п. 1 ст.779 ГК РФ).

Президиум Высшего Арбитражного Суда указывает, что юридические услуги, которые оказали без учета изменений действующего законодательства - оплате не подлежат. Если же заказчик не предоставил нужные документы или данные в срок и из-за этого могут быть оказаны услуги ненадлежащего качества [3].

В судебной практике наглядно показано, что при неисполнении обязательств консультанта и непредоставление достаточной доказательной базы своего исполнения, суд на стороне заказчика. Однако подобных исках отказывают если исполнитель уведомлял клиента первым о нарушении условий договора и соответствующем результате.

В работе рассматривается пример особенности урегулирования споров в сфере оказания консультационных и оценочных услуг. В работе рассмотрены



случаи, когда консультационные услуги, оказываются с нарушением сроков, указанных в договоре, качество услуг не соответствует, либо не исполнены услуги в полном объёме.

В рассмотренной судебной практике наглядно показано, что при неисполнении обязательств консультанта и непредоставление достаточной доказательной базы своего исполнения, суд на стороне заказчика. Однако подобных исках отказывают если исполнитель уведомлял клиента первым о нарушении условий договора и соответствующем результате.

Отсюда следует, что регулирование оценочной деятельности в РФ происходит на государственном уровне (разрабатываются и принимаются законы), на уровне саморегулируемых органов.

Отсутствие контролирующих органов, отвечающих за надлежащие оказывание консультационных услуг, влечет за собой сложности в привлечении к ответственности перед клиентом.

Возникает вопрос о необходимости введения конкретного закона для совершенствования правового регулирования в сфере консультирования.

В последнее время отмечается повышенный спрос на консультационные и оценочные услуги. Это ведет к необходимости повышения их качества, гарантирования, достоверности результата и независимости оценки. Поэтому, вопрос о правовом регулировании данной сферы деятельности имеет важное значение.

На основании рассмотренных примеров, по урегулированию споров в сфере оказания консультационных и оценочных услуг следует, что несмотря на то, что в Российской Федерации сформирована законодательная база для осуществления оценочной деятельности и созданы экономические стимулы для ее развития, практические аспекты работы субъектов оценочной деятельности и оценочных компаний не всегда соответствуют возросшим современным требованиям.



Отсутствие контролирующих органов, отвечающих за надлежащие оказывание консультационных услуг, влечет за собой сложности в привлечении к ответственности перед клиентом.

Возникает вопрос о необходимости введения конкретного закона для совершенствования правового регулирования в сфере консультирования.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ (ред. от 25.02.2022). // СПС КонсультантПлюс
2. Федеральный закон от 29.07.1998 № 35-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации». // СПС КонсультантПлюс
3. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17.02.2019 по делу № А40-168973/2018 [Электронный ресурс]. // URL: http://sudact.ru/?utm_campaign=sudact&utm_source=google&utm_medium=cpc&utm_content=126104420.
4. Анисимов А. П. Договорное право: учебное пособие / 8-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2024. — 348 с.
5. Гражданское право: учебник. В 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. Т. 1. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2017. 511 с.
6. Суханов Е. А. Российское гражданское право: Учебник: В 2-х томах. Том I. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. //Отв. ред. Е. А. Суханов. — 2-е изд., стереотип. — М.: Статут, 2011. — 958 с.
7. Официальный сайт Ассоциации саморегулируемая организация «Национальная коллегия специалистов-оценщиков» г. Москва [Электронный ресурс]. // URL: http://www.nkso.ru/info_vst.html#1.



Дорофтеева Дарья Алексеевна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

ddorofteeva@yandex.ru

Dorofteeva Daria

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Ekaterinburg

ПРОБЛЕМЫ БИОПРАВА КАК ОТРАСЛИ ПРАВА НОВОЙ ЭПОХИ

Аннотация: в статье автором изучаются и рассматриваются различные проблемы биоправа как отрасли права новой эпохи. Поднимаются вопросы применимой терминологии, анализируется действующее законодательство, регулирующее данную сферу, ставятся этико-социальные проблемы в биоправе.

Ключевые слова: биоправо, новая отрасль права, проблемы, биотехнологии, естественная природа жизни человека, вмешательство.

PROBLEMS OF BIOPRAW AS A BRANCH OF LAW OF THE NEW ERA

Annotation: in the article, the author studies and examines various problems of biopraw as a branch of law of the new era. Questions of applicable terminology are raised, the current legislation regulating this area is analyzed, ethical and social problems in bio-law are raised.

Key words: biopravo, a new branch of law, problems, biotechnology, the natural nature of human life, intervention.



На сегодняшний день с учетом быстрого развития различных технологий в области медицины и биологии активно начинает формироваться так называемая новая отрасль российского права-биоправо.

Образно говоря, науки о жизни и биотехнологии развиваются настолько быстро, что юридическое понимание всех новых аспектов просто не успевает за ними. Отсюда вытекает следующее обстоятельство: отсутствие правовых норм, которые бы полноценно регулировали деятельность по вмешательству биотехнологий в жизнь человека и его последствий. Использование инновационных технологий, указанных выше, предопределяет развитие права, которое на сегодняшний день сильно отстает, в результате чего появляется противоречие правовых норм друг другу, а в некоторых случаях отсутствие правового регулирования.

Потребность в правовом регулировании применения достижений биотехнологии стало предпосылкой формирования биоправа как нового интегрированного правового комплекса, а в перспективе - отрасли права нового поколения. Стоит отметить, что любое вмешательство в естественную природу жизни человека создает угрозу физическому и психическому здоровью людей, вред как духовным, так и социальным, нравственно-этическим устоям человека, семьи, общества, государства, так как последствия не до конца исследованы [1].

Обращая внимание на современные реалии жизни общества в области новой отрасли права образуется ряд проблем, которые требуют скорейшего и своевременного решения.

Первой проблемой, которая требует решения, является коллизия терминологии. Исследуемое правовое образование многие юристы данной области толкуют по-разному. Одни предпочитают термин «медицинское право», но стоит сделать немаловажную оговорку, что у медицинского права предметом являются правоотношения, возникающие в рамках осуществления медицинской деятельности, в то время как у биоправа предмет более обширен,



поскольку объединяет знания различных областей, находится на стадии формирования и носит комплексный характер [2].

Также многие юристы используют понятие «биоэтика». Однако, как предполагает И. Ю. Крылатова и другие правоведы, данный термин следует рассматривать как основу права в области биомедицинских исследований и манипуляций, возникшую как ответ на угрозы моральному и физическому благополучию человека, порождаемые бурным прогрессом биомедицинской науки и практики [3]. Следовательно, указанное определение должно вкладывать в себя больше этико-моральных аспектов, нежели правовых.

Некоторые юристы для обозначения данного феномена предлагают термин биопрво. Так, Л. П. Дехтерева под биоправом понимает комплексный правовой институт, объединяющий регулирование наиболее важных для человека общественных отношений. А именно, самого факта его существования (право на жизнь), условия его развития (право на благоприятную окружающую среду), качество его жизни (право на медицинскую помощь и право на социальное обеспечение) и многие другие [4].

Таким образом отмечается, что на сегодняшний день прослеживается отсутствие единой дефиниции указанного правового образования, а также определенного подхода к ее пониманию.

Необходимо отметить еще одну важную проблему отрасли права нового поколения. Речь идет об отсутствии единого законодательного акта, который бы в полной мере регулировал все аспекты отношений, которые возникают впоследствии применения биотехнологий, и устранял существующие пробелы правового законодательства. Конечно, на сегодняшний день существует не один акт, который регулирует область отношений в описываемой сфере. Например, согласно Федеральному закону от 05.07.1996 № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» обозначаются принципы, которые должны безусловно соблюдаться при вмешательстве технологий в естественную среду человека. Таковыми



являются: безопасность клинических испытаний методов генодиагностики и генной терапии (генотерапии) на уровне соматических клеток; общедоступность сведений о безопасности генно-инженерной деятельности и другие [5]. Также к новеллам законодательства в описываемой области можно отнести Федеральный закон от 23.06.2016 №180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах», в котором указываются недопустимость купли-продажи биологического материала; недопустимость создания эмбриона человека в целях производства биомедицинских клеточных продуктов; недопустимость использования для разработки и т.д. [6].

Также в Федеральном законе от 20.05.2002 № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» установлен ряд принципов, например, с учетом того, что недостаточно изучены биологические и социальные последствия клонирования человека, установлен временный запрет на клонирование человека, исходя из принципов уважения человека, признания ценности личности, необходимости защиты прав и свобод человека [7].

Однако на сегодняшний день данные акты регламентируют лишь определенный принцип, которыми следует руководствоваться при применении биотехнологий. Акта, который бы в полной мере регулировал вопросы, возникающие при использовании технологий, влияющих на естественную природу жизни человека и изменяющих ее, отсутствует. В обозначаемом случае прослеживается еще одна проблема ускоренного развития технологий в области медицины и биологии и отсутствия быстрого реагирования юридического мышления за данными процессами.

Еще одной важной проблемой в современном мире является аспект морализации (этизации) и социализации прав людей, возникших под влиянием биотехнологий на жизнь человека. Стоит отметить, что данная проблема обозначается наиболее важной, поскольку факт влияния биотехнологий на естественную природу человека является активно увеличивающейся тенденцией на сегодняшний день.



Проблема вызвана тем, что новые права человека связываются непосредственно с человеческим организмом или направлены на защиту человека как биологического существа от вызовов и угроз, существующих в современной цивилизации. Вместе с тем имеется потребность в защите духовно-морального мира человека и гарантированности его социальной защищенности.

Последствием вышеуказанного является появление научно-обоснованных концепций новых прав человека, возникших под влиянием определенных технологий, в содержание которых вписана этическая составляющая [8].

В данном случае важно учитывать содержание выше упоминаемого термина «биоэтика», который призван осуществлять социальное и этико-моральное регулирование, не допуская угрозы моральному и физическому благополучию человека.

Список литературы:

1. Умнова-Конюхова И. А., Алешкова И. А. Биоправо как отрасль права нового поколения // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2021. №41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biopravo-kak-otrasl-prava-novogo-pokoleniya> (дата обращения: 04.02.2024).
2. Третьякова Е. С. Проблемы терминологии в биоправе // Наука. Общество. Государство. 2023. №3 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-terminologii-v-bioprave> (дата обращения: 04.02.2024).
3. Крылатова И. Ю. Значение конституционной категории достоинства личности в биоэтике и медицине // Актуальные проблемы российского права. 2022. №10 (143). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-konstitutsionnoy-kategorii-dostoinstva-lichnosti-v-bioetike-i-meditsine> (дата обращения: 05.02.2024).
4. Дехтерева Л. П. Биоправо, как синтез гуманитарных и юридических институтов // Academic research in educational sciences. 2022. №2. URL:



<https://cyberleninka.ru/article/n/biopravo-kak-sintez-gumanitarnyh-i-yuridicheskikh-institutov> (дата обращения: 05.02.2024).

5. Федеральный закон от 05.07.1996 № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 28. Ст. 3348.

6. Федеральный закон от 23.06.2016 № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26. Ст. 3849.

7. Федеральный закон от 20.05.2002 № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 21. Ст. 1917.

8. Умнова-Конюхова И. А., Алешкова И. А. Влияние научно-технического прогресса в биотехнологиях на права человека и принципы права // Актуальные проблемы российского права. 2022. №10 (143). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-nauchno-tehnicheskogo-progressa-v-biotehnologiyah-na-prava-cheloveka-i-printsipy-prava> (дата обращения: 04.02.2024).



Захаров Алексей Владимирович
Российский государственный университет правосудия
Крымский филиал
Россия, Симферополь
zakharoff@mail.ru
Zakharov Alexey
Russian State University of Justice
Crimean branch
Russia, Simferopol

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Аннотация: в статье произведен анализ классификации цифрового рубля как объекта гражданских прав, в частности указаны недостатки и преимущества, присущие цифровому рублю на современном этапе. Обозначены пробелы нормативно правового регулирования, смешение экономического и правового подхода по изучению цифрового рубля, защита субъективных гражданских прав.

Ключевые слова: цифровой рубль, объект гражданского права, преимущества, нормативно правовое регулирование, защита гражданских прав.

THE DIGITAL RUBLE IN THE SYSTEM OF OBJECTS OF CIVIL LAW

Annotation: the article analyzes the classification of the digital ruble as an object of civil rights, in particular, the disadvantages and advantages inherent in the digital ruble at the present stage are indicated. Gaps in regulatory regulation, a mixture of economic and legal approaches to the study of the digital ruble, and the protection of subjective civil rights are identified.



Key words: digital ruble, object of civil law, advantages, legal regulation, protection of civil rights.

В связи с недавними изменениями законодательства, в нашем государстве появилось новое средство платежа, наравне с наличными и безналичными средствами, цифровой рубль. Данное нововведение обусловлено активным процессом цифровизации в современном обществе и предназначено для осуществления платежей через единую платформу. На данный момент существуют различные мнения в науке гражданского права, сфере управления и повседневной жизни касательно вышеупомянутой новеллы, а также ее необходимости и функционирования, с чем и следует разобраться.

Исходя из анализа существующих источников, цифровой рубль – это цифровая форма национальной валюты, оператором и эмитентом которой выступает Банк России, занимающийся организацией и обеспечением функционирования розничной двухуровневой платформы совместно с участниками для совершения онлайн и офлайн-операций [1]. Банк России устанавливает правила платформы и осуществляет контроль за их исполнением, а также обеспечивает надлежащее функционирование, бесперебойность доступа, требования к участникам и прочее [2].

Согласно августовским изменениям 2023 г. [3], законодатель причислил цифровые рубли к объектам гражданских прав, а именно к категории имущественных прав. Пользователь по договору счета цифрового рубля, являющегося разновидностью договора банковского счета, наделяется правом требования совершения определенных операций от обязанного субъекта. Объектом правоотношения выступают цифровые рубли (цифровой код), реализующиеся в рамках информационной платформы, обеспеченной оператором.

В 128 статье Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), цифровые рубли отнесены к категории иного имущества, хотя и отвечают



признакам осуществления в рамках информационной системы как цифровые права, но таковым не являются, как взаимоисключающие по смыслу статьи закона. Следовательно, нельзя отнести цифровые рубли к цифровым правам, права предоставленные пользователю платформы в рамках договора счета цифрового рубля являются обязательственными.

Этот вопрос еще в 2021 г. затронул А. В. Габов, указал, что цифровые рубли (цифровой код) по сущности сопоставимы с цифровыми правами, но отождествить их нельзя. Цифровой рубль является формой национальной валюты и в случае их сопоставления он утрачивает возможность использования в качестве денег. Таким образом, законодатель предотвратил возникновение правовых коллизий [4, с. 61].

В частности, следует задаться вопросом, насколько будет полезна такая форма денег для физических и юридических лиц и в чем ее преимущества?

Согласно Концепции (далее – Концепция), представленной Банком России, респонденты основным преимуществом для физических лиц выделили наличие офлайн-операций [5]. Действительно, для населения это серьезное преимущество, так как оно объединяет в себе наличные и безналичные денежные средства и уменьшает степень зависимости от Интернет-провайдера. Ввиду наличия географически отдаленных районов с нестабильным покрытием, пользователи смогут осуществлять операции без доступа к сети Интернет. Достаточное количество преимуществ порождает меньшее количество препятствий для их осуществления; на сегодняшний день вопрос офлайн-операций так и не решен.

Для совершения подобных операций необходимо будет открыть второй офлайн-кошелек и заранее перечислить денежные средства с онлайн-кошелька при наличии доступа к сети Интернет. К тому же, оператор планирует ввести лимиты при проведении офлайн-операций, но какие конкретно – неизвестно [5]. Содержание такого преимущества размывается сложившимися условиями его осуществления и пока не может быть точно определено.



Вдобавок, Концепция определяет, что оператор обязуется предоставить удобную платформу для осуществления операций, снижение затрат на проведение операций (планируется ввод единых тарифов, не превышающих тарифов системы быстрых платежей), повышение уровня безопасности и сохранности средств, ускорение и упрощение проведения транзакций и другие.

Дополнительными плюсами для потребителей, указанными в Концепции, являются двухсторонняя аутентификации и система шифрования при использовании мобильного приложения, что значительно снижает риск мошенничества и повышает уровень кибербезопасности; оператор предлагает создание цифровой системы подачи жалоб и обращений, колл-центров и модулей по финансовой грамотности для обеспечения реализации и защиты прав потребителей.

Что касается юридических лиц, то Концепция предусматривает наличие смарт-контрактов, выступающих в дополнении к платформе цифрового рубля для совершения гражданско-правовых сделок. Как указывает А. И. Савельев, смарт-контракт – «соглашение сторон, существующее в форме программного кода, функционирующего в распределенном реестре данных, который обеспечивает самоисполнимость условий такого договора при наступлении заранее определенных в нем обстоятельств» [6, с. 40].

Согласно указанным признакам, такой договор можно отнести к новой в науке «цифровой» форме договора, которая существует в форме математического кода с использованием инструмента «блокчейн». В рамках платформы цифрового рубля, стороны заранее заключают договор и вносят определенные ими условия с последующим использованием цифровых рублей для исполнения обязательства. Смарт-контракты будут регистрироваться только после надлежащего волеизъявления его сторонами, что позволяет уменьшить риски нарушения прав контрагентов. Вместе с тем, оператор указывает о наличии «процедуры контроля и исполнения договора» в виде внешнего доверенного источника, что позволит обеспечить контроль за



исполнением обязательства. Ответственность по неисполнению обязательств в системе смарт-контракта еще не определена, что порождает интерес по исследованию настоящего вопроса. По мнению М. А. Гармашева, наличие централизованной платформы необходимо для надлежащего регулирования отношений и правового обеспечения исполнения сделок, чтобы исключить недобросовестных контрагентов и угрозы технических ошибок [7, с. 83].

Пользователи платформы, а именно кредитные организации будут иметь ограничение в виде единственно возможного счета цифрового рубля без возможности открытия счетов для своих филиалов. Такое ограничение установлено в абз. 5 п. 3.1 Положения Банка России (далее – Положение) [8]. Поскольку законом предусмотрена возможность кредитной организации создавать филиалы на территории иностранного государства, регулятор ограничивает возможность иметь счета у филиалов в рамках проекта цифрового рубля [9].

Положением также исключена возможность выступать в роли участника платформы иностранным банкам. Однако такие ограничения в корне противоречат федеральному законодательству. Закон указывает, что нерезиденты могут иметь счета цифрового рубля, предоставляемые участниками платформы, в том числе иностранными банками [10].

Неопределенность в вопросе может быть вызвана самыми разными факторами, начиная от интеграции частных и публичных интересов и заканчивая политическими соображениями. Можно уверенно заявить, что Банк России приводит в соответствие свои акты с федеральными законами, и в будущем мы увидим совсем другое положение. Безусловно, это говорит нам о наличии серьезной работы, бурных обсуждений и споров, направленных на получение сформированного и практичного финансового продукта. Нормативно правовое регулирование является первостепенным элементом настолько значимого и масштабного проекта: правовые зазоры, вызванные комплексностью разработки, свидетельствуют о необходимости



законодательного регулирования, чтобы предотвратить неопределенности и двойное толкование.

На современном этапе, в пилоте участвуют тринадцать отечественных банков для осуществления базовых операций и подготовки к стадии внедрения. Регулятор утверждает, что список участников своевременно будет увеличиваться согласно уровню подготовки и волеизъявления участников [11]. Предоставить доступ пользователям к платформе могут только участники, заключившие договор с Банком России. Пунктом 3.8 Положения предусмотрено, что в случае закрытия счета участника, он уведомляет о невозможности предоставления доступа к платформе, хотя пользователь и обслуживается в таком банке. Такая позиция ставит пользователей платформы в зависимость от участника и его отношений с регулятором. Пользователи могут возобновить доступ к платформе только после обращения к другому участнику и вследствие этого вынуждены вступить в правоотношения с новым банком.

Думается, что такой подход крайне непрактичен и вызван издержкам розничной двухуровневой модели платформы цифрового рубля. В своем роде, такие условия притупляют волеизъявление субъектов гражданского права и их свободу, ставя их права и обязанности в зависимость от правоотношений других субъектов.

На сегодняшний день согласно данным регулятора [12] в России насчитывается 324 действующих банка. Следовательно, необходимо существенно расширить круг участников платформы по истечении пилота либо ввести обязательное участие, что позволит увеличить уровень конкуренции среди финансовых организаций и обеспечить как пользователям, так и участникам комфортные условия по использованию платформы цифрового рубля.

Повторно обращаясь к Концепции, среди выделенных преимуществ, следует отметить сохранность средств и тот факт, что цифровой рубль является



его обязательством. Как известно, обязательства являются относительными правоотношения у заранее определенного круга лиц и не могут выходить за рамки. Однако Центробанк указывает на свое обязательство в общегосударственном смысле, касательно обеспечения цифрового рубля как национальной валюты.

Нельзя не согласиться с мнением А. В. Турбанова, который считает, что авторы концепции использовали в данном отношении исключительно экономический термин [13, с. 42]. Обязательство в контексте понимается как обеспечение устойчивости национальной валюты всеми активами Банка России и является его основной функцией [14].

Также в науке гражданского права выделяется проблема, которую очень удачно обозначила Л. Ю. Василевская и заявила, что «смешение понятийного аппарата различных наук, в том числе подмена правовых терминов терминами экономическими, оборачивается вольной, субъективной, искажающей суть исследуемого правового феномена интерпретацией. Это следует учитывать при анализе цифрового рубля как правового явления» [15, с. 11].

Действительно, создатели концепции преимущественно используют экономические понятия и обозначения, для раскрытия существа цифрового рубля исходя из сферы своей деятельности. Следовательно, у цивилистов имеются определенные проблемы с восприятием информации, разработанной экономистами. А ведь многие вопросы должны регулироваться гражданским правом. В таком случае необходимо в дальнейшем произвести разграничение между содержанием и тезисами в различных науках с целью предотвращения ошибок.

Еще одним наиболее важным и практичным является вопрос защиты субъективных гражданских прав пользователей платформы цифрового рубля. Как указывалось выше, правоотношения, возникающие по поводу цифрового рубля, являются обязательственными, не смотря на некоторые признаки, которые присущи вещному праву: признак индивидуально-определенной вещи



согласно уникальному коду каждого цифрового рубля и возможности оплаты в офлайн режиме на предъявителя и других.

Естественно, говорить о «вещности» цифрового рубля неправильно исходя из сущности объекта гражданского права. Доктринальное разграничение имеет основное значение для определения ответственности и способах защиты своего права. В правоотношениях, складывающихся по поводу цифрового рубля, ответственность определяется на общих основаниях главы 25 ГК РФ и особенностей соответствующего федерального законодательства.

Стоит отметить, что некоторые вопросы, обозначенные в первоначальном тексте законопроекта цифрового рубля, отличаются от текстов последующих чтений.

Так, в п. 4 ст. 2 законопроекта указано, что оператор платформы несет ответственность за сохранность цифровых рублей и за учет информации об операциях [16]. Отнюдь не то же самое появилось в тексте законопроекта во втором чтении, в котором определение ответственности убрали. Такой шаг затрудняет общее восприятие о защите прав пользователей и определения ответственности. Сейчас же можно исходить только из общих оснований ответственности за ненадлежащее исполнение или неисполнение обязательств, коррелирующих с обязанностями регулятора как оператора платформы.

Помимо этого, опираясь на ту модель, которая была утверждена, возникают вопросы о разграничении ответственности между участником и оператором платформы. Окончателность перевода цифрового рубля наступает после зачисления цифровых рублей на счет получателя, а безотзывность с момента приема к исполнению распоряжения, однако если перевод был принят к исполнению, но не исполнен оператором, как определить, что участник платформы не передал оператору распоряжение или не убедился в праве распоряжения, либо оператор не исполнил перевод и не убедился в праве распоряжения.



В таком случае, как разграничить ответственность и к кому предъявить требования? Если пользователю не предоставляют доступ к платформе, который должен быть обеспечен оператором, а счет пользователя обслуживает участник, что тогда?

Договор счета цифрового рубля накладывает на оператора обязательства по выполнению установленных операций и в данном случае он выступает должником, от которого можно требовать исполнения, однако часть обязанностей закреплена за участниками и, следовательно, определить их правовое положение по отношению к пользователям довольно затруднительно. Подобные ситуации до конца не урегулированы и могут породить разногласия в правоприменительной практике, поэтому следует определить статус субъектов правоотношения, их права и обязанности, а также разграничить ответственность.

Указанную проблему осветил Е. В. Вавилин, объяснив, что вследствие развития общественных отношений не следует подгонять современные явления под классическую систему гражданского права, подвергая ее самым различным метаморфозам, а необходимо разработать подходящую нормативно правовую базу для регулирования нынешних и будущих отношений [17, с. 205].

Трудно не согласиться с предложением автора, ведь действительно тяжело уместить такое количество необходимого регулирования в одну систему и следует разработать новые понятия и категории, не искажая уже существующие.

Подводя итоги, следует сказать, что на сегодня введение цифрового рубля в оборот необходимо, поскольку это обусловлено существующей действительностью и колоссальными изменениями нынешнего оборота, который развивается семимильными шагами. Тем не менее, цифровой рубль находится в стадии пилота и имеет определенные недоработки, которые необходимо выявлять и устранять на существующем этапе. Более того, необходимо устранить упущения в нормативно правовом регулировании и



заполнить соответствующие правовые пробелы. Совокупность исправления всех недостатков и погрешностей будет являться следствием удобного, защищенного и эффективного использования третьей формы национальной валюты.

Список литературы:

1. Официальный сайт Банка России [Электронный ресурс] / Цифровой рубль // URL: <https://cbr.ru/fintech/dr/> (дата обращения: 19.11.2023).
2. Федеральный закон от 27 июня 2011г. N161-ФЗ "О национальной платежной системе" // Собрание законодательства Российской Федерации от 4 июля 2011 г. N 27 ст. 3872.
3. Федеральный закон от 24.07.2023 N 339-ФЗ "О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ", 31.07.2023, N 31 (Часть III), ст. 5765.
4. Габов А. В. Цифровой рубль центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 4. С. 55-65.
5. Концепция цифрового рубля [Электронный ресурс] // URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 01.01.2023).
6. Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права / Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32-60.
7. Гармашев М. А. Смарт-контракт как договор. Виды, способы заключения и совершения, проблемы исполнения // Правовое регулирование экономической деятельности. 2023. Т. 8. № 2. С. 77-85.
8. Положение Банка России от 03.08.2023 N 820-П "О платформе цифрового рубля" (вместе с "Порядком урегулирования споров и разногласий")



(Зарегистрировано в Минюсте России 10.08.2023 N 74716) // Вестник Банка России, N 58, 16.08.2023.

9. Федеральный закон от 02.12.1990 N 395-1 (ред. от 04.08.2023) "О банках и банковской деятельности" (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2023) // Собрание законодательства РФ, 05.02.1996, N 6, ст. 492

10. Федеральный закон от 10.12.2003 N 173-ФЗ (ред. от 24.07.2023) "О валютном регулировании и валютном контроле" // Собрание законодательства РФ, 15.12.2003, N 50, ст. 4859.

11. Официальный сайт Банка России [Электронный ресурс] / Цифровой рубль: старт пилота // URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=16991> (дата обращения: 07.01.2024).

12. Официальный сайт Банка России [Электронный ресурс] / Банковский сектор // URL: https://cbr.ru/banking_sector/ (дата обращения: 25.12.2023).

13. Турбанов А. В. Цифровой рубль как обязательство центрального банка // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 4. С. 41-60.

14. Федеральный закон от 10.07.2002 N 86-ФЗ (ред. от 24.07.2023) "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // Собрание законодательства РФ, 15.07.2002, N 28, ст. 2790.

15. Василевская Л. Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему // Lex russica. 2023. Т. 76. № 1. С. 9-19.

16. Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с внедрением цифрового рубля» № 270838–8 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/270838-8> (дата обращения: 26.12.2023).

17. Вавилин Е.В. Цифровой рубль: формирование механизма правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 201–206.



Корчагин Матвей Андреевич
Тюменский государственный университет
Институт Государства и Права
Россия, Тюмень
matvey.cor2016@mail.ru
Korchagin Matvey
Tyumen State University
Institute of State and Law
Russia, Tyumen

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА И КИБЕРФИЗИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ, ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация: в настоящей статье автор поднимает правовую проблему в определении правосубъектности у таких достижений научно-технического прогресса как искусственный интеллект, робот, киберфизическая система. На конкретных казусах показывается необоснованность и преждевременность наделения вышеперечисленных явлений правосубъектностью. При этом, автор предлагает критерии, по которым возможно уже сейчас разграничить ответственность за вред, причиненный киберфизической системой между её собственником и изготовителем.

Ключевые слова: правосубъектность, искусственный интеллект, робот, киберфизическая система, причинение вреда.

LEGAL PERSONALITY OF AN INDIVIDUAL AND CYBERPHYSICAL SYSTEMS, ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES

Annotation: in this article, the author raises a legal problem in determining the legal personality of such achievements of scientific and technological progress as artificial



intelligence, robot, cyberphysical system. In specific cases, the unreasonableness and prematurity of endowing the above-mentioned phenomena with legal personality are shown. At the same time, the author suggests criteria by which it is already possible to distinguish responsibility for harm caused by a cyberphysical system between its owner and the manufacturer.

Key words: legal personality, artificial intelligence, robot, cyberphysical system, causing harm.

Правосубъектность физического лица как цивилистическая конструкция известна со времен римского права, рецепцию которого осуществили большинство развитых на сегодняшний день правовых систем континентальной правовой системы. Классически в категорию правосубъектности включают три элемента: правоспособность, дееспособность, деликтоспособность [1, с. 206].

Поводом для новых рассуждений в вопросе правосубъектности физического лица являются достижения научно-технического прогресса, в том числе появление таких явлений как искусственный интеллект, робот, киберфизическая система. В связи с чем, возникают две группы обоснованных вопросов. Во-первых, могут ли роботы, искусственный интеллект в будущем признаны субъектами правоотношений, в частности субъектами гражданских прав? Во-вторых, могут ли киберфизические системы, имплантируемые в человека и влияющие на его сознание иметь самостоятельную правосубъектность или совместную с физическим лицом и отличную от правосубъектности «обычного» физического лица?

Следует оговориться, что под киберфизическими системами далее будут пониматься именно те результаты интеллектуальной деятельности, которые после их внедрения в биологическое тело человека способны частично или полностью работать автономно [2, с. 53]. Иные киберфизические системы, находящиеся под полным контролем сознания человека, сами по себе никак не



вливают на правосубъектность последнего (например, вживленный в тело человека чип для открывания магнитных замков или дверей).

Во избежание излишних слов, хочется вначале выразить авторское отношение к рассматриваемому вопросу и далее продолжить свою работу конкретной аргументацией.

По мнению автора, в настоящее время наделять киберфизические системы особой правосубъектностью или каким-либо образом корректировать правосубъектность физических лиц, имеющих соответствующие системы, не представляется целесообразным, несмотря на сегодняшний темп научного и технологического развития.

Давайте представим следующую, пока ещё вымышленную ситуацию: физическое лицо внедрило в своё тело киберфизическую систему, которая в целях поддержания порядка в доме отслеживает наличие долго неиспользуемых вещей стоимостью до 20 000 рублей и продает их через маркетплейсы другим лицам. При этом, фактическую передачу таких вещей осуществляет сам человек, однако полностью неосознанно, находясь в обладании искусственного интеллекта такой системы.

По известному римскому высказыванию «право – это искусство добра и справедливости», фактически право необходимо именно тогда, когда произошло нарушение. Именно в этот момент лицо обращается к такому социальному регулятору для справедливого разрешения конфликта (спора).

В связи с чем, находясь в поиске ответа на главный вопрос о правосубъектности, следует представить ряд нарушений, которые произошли в вышеприведенной модельной ситуации.

Представим, что впоследствии физическое лицо осознало, что киберфизическая система осуществила отчуждение очень ценной не по денежному выражению для него вещи. В связи с чем, такой человек предпринимает попытку вернуть вещь через оспаривание сделки,



следовательно, возникает вопрос о её действительности. Как известно, условиями действительности сделки являются:

- законность её содержания (соответствие требованиям законодательства);
- способность субъектов, совершающих ее, к участию в сделке (дееспособность);
- соответствие воли и волеизъявления;
- соблюдение формы сделки [3, с. 350].

Следует подробнее остановиться на воли (волеизъявлении) и разобраться выражало ли их физическое лицо в рассматриваемой ситуации.

С одной стороны, можно настаивать на том, что человек находился полностью под управлением киберфизической системы, не мог отдавать отчет своим действиям, а все действия в рамках преддоговорных и договорных отношений осуществил искусственный интеллект такой системы. В качестве аргументов можно будет представить соответствующие технические характеристики, паспорт такой киберфизической системы, при наличии возможности привлечь соответствующую экспертную организацию.

Однако, оценивая право, как искусство добра и справедливости, следует оценить ситуации со стороны контрагента. Такой покупатель вещи в момент её приобретения не знал и не должен был знать, что решение об её отчуждении принимало не физическое лицо самостоятельно, а внедренная в него киберфизическая система. При этом, оспаривание подобных сделок только по указанному основанию подвергает гражданский оборот к крайней нестабильности и незащищенности его участников.

Также в пользу сохранения (действительности) сделки можно привести аргумент, что именно в момент приобретения соответствующей киберфизической системы и её вживления в тело физического лица произошло волеизъявление такого лица на делегирование искусственному интеллекту части своих гражданско-правовых правомочий по совершению определённых



сделок. Как было указано выше, автор настоящей работы считает нецелесообразным наделять такую киберфизическую систему самостоятельной правосубъектности и присваивать последней статус субъекта гражданских прав, в связи с чем, вышеописанную ситуацию нельзя квалифицировать в качестве отношений между представляемым и представителем, а, следовательно, превышение последним своих полномочий с применением соответствующих последствий в соответствии со ст. 183 ГК РФ [4].

Следующий аргумент в позицию против наделения киберфизической системы самостоятельной правосубъектностью или корректировки правосубъектности его носителя (физического лица) находится таком элементе как деликтоспособность.

Под деликтоспособностью понимается способность лица самостоятельно нести ответственность за вред, причинённый его противоправным деянием (действием либо бездействием).

В ситуации, когда субъект гражданского права (физическое или юридическое лицо) добровольно не исполняет обязательства, кредитор, чьи права и законные интересы нарушены соответствующими действиями (бездействиями) должника, вправе обратиться в суд, далее в рамках принудительного исполнения потребовать удовлетворения своих требований.

Если же имущественной массы должника недостаточно, то кредитор при соблюдении определенных условий вправе обратиться с заявлением о признании такого должника банкротом в соответствии с положениями ФЗ от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и в рамках конкурсного производства после реализации имущества должника удовлетворить частично или полностью свои требования [5].

Возвращаясь к киберфизическим системам, возникает логичный вопрос: если мы наделим киберфизическую систему частично или полностью правосубъектностью, возможно ли с неё взыскать убытки в пользу кредиторов? Обладает ли последняя имущественной обособленностью?



В настоящее время ответ однозначно отрицательный. В таком случае, возникают ситуации, что, если киберфизическая система причинила вред (убытки) физическому или юридическому лицу, то последний оказывается в незащищенном положении, так как никакими самостоятельными активами, на которые возможно было бы обратить взыскание, такая киберфизическая система не обладает.

Также субъекты гражданского права не только приобретают и осуществляют гражданские права, но и отстаивают и защищают их различными способами защиты (ст. 12 ГК РФ). Однако киберфизические системы не способны на настоящем уровне научного и технологического развития самостоятельно использовать защитными механизмы.

На основании вышеизложенного, на сегодняшний день наделить системы особой правосубъектностью или каких-либо образом корректировать правосубъектность физических лиц, имеющих соответствующие системы, не представляется обоснованным и целесообразным. Однако с каждым днем будет появляться все больше случаев внедрения таких систем в тело физического лица, а, следовательно, повышается риск нарушения такими «модифицированными» лицами прав и законных интересов других участников гражданского оборота как в рамках обязательственных и вещных, так и в рамках внедоговорных отношений [6, с. 34].

Следовательно, если никак не корректируются положения Гражданского кодекса РФ относительно правосубъектности, то кто же несет ответственность за самостоятельные действия искусственного интеллекта или киберфизических систем? Справедливо ли всегда (по умолчанию) привлекать их собственников?

В вопросе категорий, если искусственный интеллект или киберфизические системы не субъекты, следовательно, они являются объектами гражданских прав, а именно вещами в понимании ст. 128 ГК РФ. Значит ранее они были приобретены у соответствующих продавцов (производителей) по договорам купли-продажи.



Действующая Глава 30 Гражданского кодекса РФ содержит целый ряд норм, касающийся ответственности продавца за продажу некачественного товара, в том числе несения последним гарантийных обязательств перед покупателем [7].

Более того, существует возможность привлечения продавца к ответственности и на основании общих положений первой части ГК РФ. Возникает логичный вопрос, как в отношении систем искусственного интеллекта или киберфизических систем разграничить ответственность за вред, причиненным ими, между собственником таких вещей и продавцом (производителем)?

Кто именно будет ответственным, суду следует решать в каждом случае индивидуально на основании заключений соответствующих экспертиз. Так, если причиной причинения вреда стали ошибки в конструировании или программировании, то ответственным будет продавец (изготовитель). В свою очередь изготовитель вправе предъявить регрессный иск к лицам, непосредственно принимавшим участие в создании такой киберфизической системы, например, к разработчикам или программистам.

В свою очередь, собственник понесет имущественную ответственность, если неправомерно внес корректировки в программное обеспечение искусственного интеллекта или киберфизической системы или же сам лично, без участия третьих лиц, создал их.

Таким образом, одной из самых сложных задач в правоприменительной деятельности станет правильное определение субъекта ответственности.

В заключении необходимо хочется отметить, что в настоящее время все развитые правовые порядки находятся только в начале пути по распространению правовых норм, в частности норм гражданского законодательства, на такие результаты технического процесса, как искусственный интеллект и киберфизические системы, а, следовательно, все самое сложно, но при этом и самое интересное только впереди.



Список литературы:

1. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. Т. 1. 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2019. 206 с.
2. Чубукова С.Г. Квazисубъекты в киберправе / Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 2(102). – 53 с.
3. Гражданское право: учебник. в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. Т. 1. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2017. 350 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) [Электронный ресурс] // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ, 28.10.2002, N 43, ст. 4190. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
6. Попова, А. В. Этические принципы взаимодействия с искусственным интеллектом как основа правового регулирования / Правовое государство: теория и практика. – 2020. – № 3(61). – 34 с.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) [Электронный ресурс] // Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, N 5, ст. 410. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».



Кушнарев Александр Сергеевич

Мецлер Валерия Эдуардовна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

KUSHNAREV-02@LIST.RU

vmetzler2002@mail.ru

Kushnarev Alexander

Metzler Valeria

Ural State Law University named V.F. Yakovlev

Institute of Procuracy

Russia, Ekaterinburg

**ПРОНИКНОВЕНИЕ В ЖИЛИЩЕ БЕЗ СОГЛАСИЯ ПРОЖИВАЮЩИХ В
НЕМ НА ЗАКОННЫХ ОСНОВАНИЯХ ГРАЖДАН: ПРОБЛЕМНЫЕ
АСПЕКТЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО И ПРАКТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА**

Аннотация: в настоящей работе подвергается критическому анализу установленные в законодательстве основания проникновения в жилище без согласия проживающих в нем на законных основаниях граждан. Приводятся позиции судов Российской Федерации по вопросу сложившегося правопорядка.

Ключевые слова: жилище, неприкосновенность жилища, полиция, проникновение в жилище, конституционность.

**ENTRY INTO A DWELLING WITHOUT THE CONSENT OF
OF LAWFULLY RESIDING CITIZENS: PROBLEMATIC ASPECTS OF
THEORETICAL AND PRACTICAL NATURE AND PRACTICAL ASPECTS**

Annotation: this paper critically analyzes the grounds established in the legislation for entering a dwelling without the consent of the citizens legally residing in it. The



positions of the courts of the Russian Federation on the issue of the existing legal order are given.

Key words: home, inviolability of home, police, home invasion, constitutionality.

Право на неприкосновенность жилища – это самая главная составляющая права на достаточный жизненный уровень. Понятие «жилище» отражает неразрывную связь личности с местом проживания, так как жилище представляет собой не только место проживания человека и удовлетворения его бытовых потребностей, но и является местом, где хранятся личные вещи и где гражданин проводит ту часть времени, которая имеет существенное значение для каждого [6].

По мнению Л.О. Красавчиковой, говоря о праве на неприкосновенность жилища, речь идет о субъективном личном неимущественном праве на неприкосновенность жилища, которое непосредственно связано с имущественным правом на жилое помещение, а также с неимущественной свободой на невозможность произвольного лишения жилья [1]. При этом общее понятие «неприкосновенность» можно определить как свободу от посягательств со стороны третьих лиц [2].

Право на жилище и его неприкосновенность согласно Конституции РФ - это право пользоваться жилищем на законных основаниях, регулируемое федеральным законодательством. Неприкосновенность жилища представляет собой одну из основных гарантий предусмотренного в части 1 статьи 23 Конституции РФ права на неприкосновенность частной жизни.

Статья 25 Основного закона Российской Федерации гарантирует гражданам неприкосновенность жилища, т.е. недопустимость проникновения в жилище против воли проживающих в нем лиц. Жилищный кодекс Российской Федерации (далее – ЖК РФ) дублирует конституционное положение, но с небольшим уточнением – проникновение в жилище не допускается без согласия проживающих в нем на законных основаниях граждан. Стоит



отметить, что данная норма является отражением сложившегося международного правового регулирования. Так, например, согласно статье 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый имеет право на уважение его жилища. Говоря об этом праве, законодатель имеет в виду не физическую неприкосновенность жилища как такового, а неприкосновенность одного из элементов частной жизни, юридические границы которого определяются фактически имеющимся у гражданина жилищем. В соответствии с этим субъективным правом лицо может поступать в своем жилище по своему усмотрению и отклонять какие-либо попытки незаконного в него вторжения. Европейский суд по правам человека в своих решениях многократно указывал, что легальное нарушение права на неприкосновенность жилища, не связанное с волеизъявлением проживающего лица, должно быть оправданным в каждом случае, предусмотренном в национальном законодательстве, и носить временный характер.

Однако жилищное законодательство предусматривает изъятия из конституционной гарантии и допускает проникновение в жилище без согласия проживающих в нем на законных основаниях граждан в случаях и в порядке, которые предусмотрены федеральным законом (часть 3 статьи 3 ЖК РФ).

В связи с чем представляется интересным анализ действующего правового регулирования в части законодательного допущения проникновения в жилище без согласия проживающих в нем на законных основаниях граждан на предмет соответствия положениям Конституции Российской Федерации.

Как уже отмечалось выше, Конституция Российской Федерации гарантирует гражданам неприкосновенность жилища. Поскольку федеральный законодатель допускает основания для проникновения в жилище без согласия проживающих в нем на законных основаниях граждан, то в таком случае мы можем с Вами говорить о законодательном ограничении права гражданина на неприкосновенность жилища. В свою очередь, любое ограничение прав и



свобод человека должно соответствовать условиям ограничения, закрепленных в статье 55 Конституции Российской Федерации.

Конституционные положения об ограничении прав и свобод начинаются с установления незыблемости этих прав. Конституция Российской Федерации, допуская возможность ограничения прав, одновременно устанавливает пределы такому ограничению, а также строгие основания и порядок реализации мер, ограничивающих права граждан.

Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той степени, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя; защиты нравственности; защиты здоровья; защиты прав и законных интересов других лиц; обеспечения обороны страны; обеспечения безопасности государства.

Ограничение прав и свобод по этим основаниям возможно при наличии двух условий одновременно: права могут быть ограничены только федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо. В сложившемся дискурсе важно отметить, что право на неприкосновенность жилища не является абсолютным по смыслу статьи 56 Конституции. Абсолютным является право на жилище, предусмотренное статьей 40 Конституции Российской Федерации, но никак не право на его неприкосновенность, что позволяет закрепить случаи ограничения права на неприкосновенность жилища.

Следовательно, чтобы оценить правомерность ограничения права на неприкосновенность жилища необходимо провести сравнительно-правовой анализ предусмотренных законом случаев ограничения конституционного права граждан, что и соответствует правовой позиции Конституционного суда о необходимости соразмерности ограничения прав и свобод как гарантии от слишком широкого толкования о «мере необходимости» [3].

Жилищный кодекс Российской Федерации в части 3 статьи 3 называет цели, в соответствии с которыми допускается ограничение права на



неприкосновенность жилища и допускается проникновение в жилище без согласия проживающих в нем на законных основаниях граждан. К ним, в частности, относятся спасение жизни граждан и (или) их имущества, обеспечения их личной безопасности или общественной безопасности при аварийных ситуациях, стихийных бедствиях, катастрофах, массовых беспорядках либо иных обстоятельствах чрезвычайного характера и др.

При более детальном анализе можно установить, что все цели, предусмотренные жилищным законодательством, соответствуют конституционным основаниям ограничения прав и свобод человека и гражданина, что не вызывает сомнений в правомерности ограничения права на неприкосновенность жилища.

Более того, на мой взгляд, каждое предусмотренное законом проникновение в жилище без согласия граждан подкреплено и иными правовыми гарантиями, обеспечивающими законность и правомерность данного проникновения, о чем далее будут приведены примеры.

В соответствии с Федеральным законом № 3-ФЗ «О полиции» сотрудники полиции имеют право войти в жилое помещение без согласия проживающих в нем граждан для спасения граждан и (или) их имущества, обеспечения безопасности граждан либо общественной безопасности в моменты массовых беспорядков и при различных чрезвычайных ситуациях. Некоторые авторы в связи с изложенным высказывают сомнения в том, насколько целесообразны нормы, которые позволяют несанкционированно врываться в чье-либо жилье сотрудникам правопорядка даже в ситуации массовых беспорядков либо стихийных бедствий, поскольку невозможно установить в какой момент начались беспорядки или чрезвычайные ситуации. Как пишет И. Соловей, необходимо установить норму, согласно которой полиция обязана действовать столь нестандартным способом только после того, как власти объявили, что начались массовые беспорядки или чрезвычайная ситуация соответственно [5].



Ряд ученых обращают внимание на то, что кроме перечисленных в законе оснований для проникновения сотрудников полиции в жилое помещение без разрешения на то проживающих в данном помещении лиц, существуют также нормы, которые закрепляют ряд полномочий полицейских. Данные нормы сформулированы так, что хотя их исполнение в реальности совершенно очевидно предполагает право полицейских врываться в жилье граждан, однако в самом законе зачастую прямо не говорится. К примеру, п. 22 ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О полиции» дает право полицейским проверять места хранения оружия. Подобные проверки, если учитывать граждан, владеющих огнестрельным охотничьим оружием, нельзя провести без осмотра данных мест, а следовательно, и проникновения в жилое помещение, где и должно находиться данное оружие. Однако Верховный Суд Российской Федерации признал проникновение полицейских в жилое помещение при проведении проверки того, как хранится оружие, законным [4]. Подобная практика, как было указано Верховным Судом, согласуется со статьей 25 Конституции Российской Федерации, которая допускает ограничение права граждан на неприкосновенность их жилья в ситуациях, которые обозначены в федеральных законах.

Далее законодатель устанавливает гарантии, направленные на обеспечение законности. К ним относятся, в частности, обязательное письменное уведомление в течение 24 часов прокурора о факте проникновения сотрудника полиции в жилое помещение, а также обязательное информирование об этом собственника и (или) иных проживающих в помещении граждан.

Федеральный закон № 57-ФЗ «О государственной охране» устанавливает право сотрудников органов государственной охраны, федеральной службы безопасности войти в жилое помещение без согласия проживающих в нем граждан при пресечении преступлений, создающих угрозу безопасности объектов государственной охраны, и в иных случаях. При этом также



закрепляет обязательность уведомления прокурора в течение 24 часов по каждому такому случаю.

Таким образом, следует заключить, что действующее правовое регулирование в части проникновения в жилище без согласия проживающих в нем на законных основаниях граждан является правомерным, поскольку соответствует и конституционному принципу ограничения прав (ч. 3 ст. 55), соответствует международным нормам (ст. 29 Всеобщей декларации прав человека), а также предусматривает дополнительные гарантии обеспечения прав лиц, в чье жилище произошло проникновение без их согласия (уведомление прокурора в течение 24-часов).

Список литературы:

1. Красавчикова Л.О. Жилищное право и личные неимущественные права граждан. С. 50-62.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
3. Постановления Конституционного Суда РФ от 16 февраля 2016 г. N 4-П // СЗ РФ. 2016. N 9. Ст. 1307.
4. Решение Верховного Суда от 20 марта 2002 г. № ГКПИ2002-135 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
5. Сайфутдинова А.Д., Айгозина А.М. Особенности реализации принципа неприкосновенности жилищ в условиях расширения полномочий сотрудников полиции (вопросы правового регулирования и практики) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. №4 (50). С. 33-39.
6. Соловей Ю.П. Вхождение (проникновение) сотрудников полиции в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории как мера государственного принуждения, предусмотренная Федеральным законом «О полиции» / Ю.П. Соловей // Административное право и процесс. – 2012. - № 3. – С. 17-25.



Матухина Елизавета Юрьевна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации

Институт права и национальной безопасности

Россия, Москва

elizaweta.matuhina@yandex.ru

Matukhina Elizaveta

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Institute of Law and National Security

Russia, Moscow

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО НАСЛЕДСТВЕННЫМ ИМУЩЕСТВОМ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Аннотация: в статье анализируется проблема ответственности доверительного управляющего. Проведен анализ положений действующего законодательства, и выявлены проблемы, связанные с ограничением его ответственности. Установлено, что действующий механизм ответственности доверительного управляющего не разделен в отношении предпринимательских и непредпринимательских отношений, а также в отношении отдельных видов объектов доверительного управления. Предложено внести дополнения в гражданское законодательство (гл. 53 ГК РФ), установив соответствие между отдельными его нормами в отношении ответственности доверительного управляющего.

Ключевые слова: наследование, доверительный управляющий, договор доверительного управления имуществом, наследники, ответственность, убытки.

RESPONSIBILITY OF THE TRUSTEE OF THE HEREDITARY PROPERTY: THEORY AND PRACTICE



Annotation: the article analyzes the problem of the trustee's responsibility. The analysis of the provisions of the current legislation has been carried out, and problems related to the limitation of its liability have been identified. It has been established that the current mechanism of responsibility of the trustee is not divided in relation to entrepreneurial and non-entrepreneurial relations, as well as in relation to certain types of trust management object. It is proposed to amend the civil legislation (chap. 53 of the Civil Code of the Russian Federation), having established compliance between its individual norms with respect to the responsibility of the trustee.

Key words: inheritance, trustee, trust management agreement, heirs, liability, losses.

Гражданско-правовая ответственность – это юридическая ответственность участников гражданских правоотношений, возникающих в связи осуществлением гражданских прав, в т.ч. в рамках обязательственных (договорных) отношений. По общему правилу, основанием для привлечения к ответственности по обязательствам является неисполнение или ненадлежащее их исполнение. Поэтому для участников отношений по доверительному управлению имуществом, обязательства которых регулируются главой 53 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] (далее – ГК РФ), предусматривается ответственность как учредителя управления, так и доверительного управляющего.

Если обратиться к положениям гл. 53 ГК РФ, то можно установить, что в большей степени уделяется внимание именно ответственности доверительного управляющего. Такой законодательный подход к детальному регулированию ответственности доверительного управляющего определяется тем, что последний практически заменяет собственника в гражданском обороте, приобретая полный объем правомочий (если иное не вытекает из закона и договора). Как верно отмечает А.П. Сергеев, в договоре доверительного управления имуществом основным субъектом выступает доверительный



управляющий, в связи с чем его правовому статусу уделяется больше всего внимания [3, с. 534].

Исследуя вопрос ответственности доверительного управляющего нами выявлен ряд проблемных и спорных аспектов, требующих не только доктринальной проработки, но и пересмотра на законодательном уровне.

Начнем с того, что в п. 1 ст. 1022 ГК РФ четко не определена виновная или безвиновная ответственность доверительного управляющего. В первом абзаце указанной статьи законодатель отмечает, что доверительный управляющий отвечает по своим обязательствам в любом случае, т.е. на виновных началах. В то же самое время во втором абзаце рассматриваемой статьи делается оговорка, исключая ответственность основного субъекта доверительного управления, если неисполнение было связано с форс-мажорными обстоятельствами или действиями учредителя управления или выгодоприобретателя (в наследственных отношениях – нотариуса (исполнителя завещания) и наследников), т.е. исключается виновность.

Так, Е.С. Пьяных отмечает, что многие положения о доверительном управлении содержат как нормы общегражданского, так и торгового права, поэтому нормы законодательства о статусе доверительного управляющего, в т.ч. о его ответственности, серьезно расходятся [4, с. 143-144].

Мы согласны с позицией вышеуказанного автора и полагаем, что для решения данного вопроса необходимо дополнить действующее законодательство, дополнив нормы информацией о том, что абз. 1 ст. 1022 ГК РФ применяется к доверительному управляющему, занимающемуся предпринимательской деятельностью, а абз. 2 ст. 1022 ГК РФ – гражданам, в т.ч. к наследникам.

Еще одной актуальной проблемой, выявленной при анализе статуса доверительного управляющего, является дифференцированный подход к распределению объема ответственности перед учредителем управления и перед



выгодоприобретателем. Если снова проанализировать положения ст. 1022 ГК РФ, то можно установить следующее:

1) если доверительный управляющий каким-либо образом не исполнил возложенные законом или договором обязательства, то он отвечает перед учредителем управления в форме возмещения убытков – реальный ущерб и упущенная выгода (ст. 15 ГК РФ).

2) если доверительный управляющий каким-либо образом не исполнил возложенные законом или договором обязательства, то он отвечает перед выгодоприобретателем только в форме упущенной выгоды.

Названное различие по всей видимости связано с тем, что в указанной части законодательства статус выгодоприобретателя определен как третье лицо, не связанное с имуществом учредителя управления, поэтому последний не вправе предъявлять каких-либо требований в отношении реального ущерба имущества учредителя управления. В то же самое время мы понимаем, что такой подход законодателя не соответствует нынешним реалиям и не применим к отдельным видам доверительного управления, например, в наследственных отношениях, когда выгодоприобретатель – наследник является универсальным правопреемником наследника и вправе получить не только прибыль (выгоду) от управления, но и само имущество, находящееся в доверительном управлении в целостности и сохранности с учетом его нормального износа.

Для решения данной проблемы предлагается внести дополнения в ст. 1022 ГК РФ, определив возможность требовать выгодоприобретателю не только упущенную выгоду за неисполнение обязательств, но и реальный ущерб, если это следует из существа обязательств следует.

Интересным представляется позиция В.В. Витрянского, который отмечает на неполноту нормы ст. 1022 ГК РФ в отношении убытков по сравнению со ст. 15 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ). Так, вышеуказанным ученым выявлено, что в ст. 1022 ГК РФ отсутствует такой вид убытков, как «расходы, которые лицо, чье право



нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права» [5]. Из этого можно сделать вывод, что ответственность доверительного управляющего в той или иной мере ограничена законодательством в сравнении с иными должниками в обязательственных отношениях (ст. 308 ГК РФ).

Также возможно говорить о таких проблемах, как проблема определения ответственности в отношении отдельных видов имущества. Так, например, если в доверительное управление переданы доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (далее – доля ООО), акции или интеллектуальные права. В отношении указанных объектов невозможно предъявить требование о реальном ущербе, поскольку такое требование адресовано к материальным объектам, в отношении которых возможно их физическое повреждение или утрата. Получается, что к таким объектам не применяются соответствующие требования, что ограничивает ответственность доверительного управляющего в случае, например, отчуждения доли ООО или акций.

Полагаем, что для устранения данной правовой неточности следует дополнить положения действующего законодательства, разделив ответственность для разных объектов доверительного управления.

Подводя итог, отметим, что в настоящее время вопрос правового статуса (конкретно ответственности) доверительного управляющего как основного субъекта отношений по доверительному управлению противоречиво и недостаточно урегулирован в гражданском законодательстве. Учитывая увеличение количества сделок, заключаемых по поводу доверительного управления (особенно в наследственных отношениях), на законодательном уровне необходимо урегулировать все вопросы, касающиеся ответственности управляющего, чтобы защитить права учредителя управления и/или выгодоприобретателя.



Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. 8 декабря.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Российская газета. 1996. 6 февраля.
3. Гражданское право. Учебник. Часть 2 / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. - М.: Проспект. - 1998. – 784 с.
4. Пьяных Е.С. Доверительное управление имуществом по основаниям, предусмотренным законом. М. 2007. – 193 с.
5. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М.: Статут, 2002. Кн. 3. [Электронный ресурс] // Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».



УДК 341.9

Мецлер Валерия Эдуардовна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

vmetzler2002@mail.ru

Metsler Valeria

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Prosecutor's Office

Russia, Ekaterinburg

ОСОБЕННОСТИ КОЛЛИЗИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АВТОРСКОГО ПРАВА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ПРОБЛЕМЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Аннотация: статья посвящена проблемам международного регулирования правоотношений, вытекающих из авторских прав в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Обосновывается актуальность данной темы. Анализируются существующие на данный момент проблемы урегулирования таких отношений в международном частном праве. Предлагаются пути решения вышеуказанных проблем, путем модернизации существующего как национального, так и международного законодательства.

Ключевые слова: авторское право, Бернская конвенция, привязка, коллизионный принцип, сеть Интернет, домен.

FEATURES OF CONFLICTS OF COPYRIGHT REGULATION ON THE INTERNET: PROBLEMS AND INTERNATIONAL EXPERIENCE

Annotation: the article is devoted to the problems of international regulation of legal relations arising from copyright in the information and telecommunications network Internet. The relevance of this topic is substantiated. The current problems of



regulating such relations in private international law are analyzed. Ways to solve the above problems are proposed by modernizing existing both national and international legislation.

Key words: copyright, Berne Convention, binding, conflict of laws principle, Internet, domain.

Главной особенностью международного авторского права является территориальный характер защиты прав. Он выражается в необходимости наличия определённого международного договора для охраны и защиты на территории одного государства права на объекты авторского права, которые возникли на территории другого государства. Такие международные договоры содержат в себе материально-правовые и, в некоторых случаях, коллизионно-правовые нормы, благодаря которым, решается вопрос о выборе применимого права при регулировании отношений, связанных с авторским правом, в том числе, объём охраняемых прав, сроки охраны и условия, при которых такая охрана действует.

В связи с активным развитием информационных технологий в XXI веке, в науке большое внимание уделяется правоотношениям, возникшим с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Этим и определяется актуальность исследования. Проблема таких правоотношений заключается в том, что информационно-телекоммуникационная сеть Интернет имеет транснациональный и децентрализованный характер, а правовое регулирование отношений в сфере авторского права имеет территориальную привязку и ограниченную территориальную компетенцию каждого государства, что значительно осложняет выбор применимого права при разрешении споров, вытекающих из авторских прав.

Наиболее популярными объектами авторских прав в Интернете являются музыкальные произведения с текстом или без текста, аудиовизуальные



произведения, фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии и другие (например, дизайн) [1].

Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведения от 9 сентября 1886 года - ключевое международное соглашение, регулирующее вопросы авторского права, охраны произведений и прав их авторов на международной арене. Российская Федерация присоединилась к Конвенции постановлением Правительства Российской Федерации от 3 ноября 1994 года № 1224. Данная Конвенция содержит в себе такие коллизионные привязки, регулирующие правоотношения, вытекающие из авторских прав, как: «место происхождения произведения» и «место, где истребуется охрана» (пункт 2 статьи 5 Конвенции). Увеличение количества авторских правоотношений в сети Интернет существенно осложняет применение данных коллизионных привязок, поскольку в Интернете достаточно тяжело определить локализацию места происхождения произведения или место нарушения авторских прав.

Как я уже говорила выше, информационно-телекоммуникационная сеть Интернет имеет транснациональный и децентрализованный характер, а правовое регулирование отношений в сфере авторского права имеет территориальную привязку. В связи с этим видится необходимость в модернизации существующего законодательства в сфере авторских прав, так как коллизионный принцип «место происхождения произведения» по отношению к правоотношениям, вытекающим из авторских прав в сети Интернет, не может быть применим. Суть в том, что до сих пор не решен вопрос о юрисдикции государства в отношении некоторых функциональных и национальных сегментов Интернета.

Возможным урегулированием данной проблемы является отнесение национальных сегментов сети Интернет в сферу полной территориальной юрисдикции соответствующих государств [2, с. 163]. Вместе с тем, имеющиеся множество функциональных доменов и отсутствие структурированности



информационно-телекоммуникационной сети Интернет порождают проблемы при определении места регистрации веб-сайтов. Среди ученых существует мнение, что решением такой проблемы стало бы при разрешении подобных споров применять коллизионную привязку «место постоянного проживания автора», однако отсюда вытекает следующая проблема, а как регулировать в таком случае отношения авторства произведения, которое написано в соавторстве?

Масато Догаучи в своем исследовании «Private International Law on Intellectual Property: a Civil Law Overview» предложил возможное решение вышеуказанной проблемы. Он вывел несколько коллизионных привязок для регулирования правоотношений, вытекающих из авторских прав в сети Интернет, учитывая технические характеристики Интернета. К таким относятся: «место/страна передачи произведения», «закон места нахождения сервера» и «место регистрации домена» [3, с. 9]. Однако при разработке Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах, принятой резолюцией 60/21 Генеральной Ассамблеей от 23 ноября 2005 года в статье 6 законодатель отметил: «То обстоятельство, что какая-либо сторона использует доменное имя или адрес электронной почты, связанное с какой-либо конкретной страной, не создает само по себе презумпции, что ее коммерческое предприятие находится в этой стране». Это означает, что адрес электронной почты или доменное имя не принимаются во внимание, поскольку создают искусственные привязки к странам, которые могут способствовать к отхождению от закона «наиболее тесной связи» сторон правоотношений и созданию сильной правовой неопределенности, в том числе при расширении полномочий суда для выбора применимого права. Существует мнение, что страной происхождения произведения в сети Интернет следует считать страну обнаружения произведения либо страны, в которых имеется доступ к произведению.



Международная практика исходит из того, что в зарубежных странах к правоотношениям, вытекающим из авторских прав в Интернете, применяются и законодательно закрепляются и иные привязки, чем установленные в Конвенции, например, «страна приема произведения», «страна передачи произведения», «*lex fori*» и другие.

Так, в США к правоотношениям в сфере авторских прав в сети Интернет применяется коллизионная привязка «страна приема произведения». Также в связи с этим США в отношении иностранных граждан, которые совершили правонарушения в сфере авторских прав в Интернете, используют экстерриториальную юрисдикцию, то есть изъятие из-под национальной юрисдикции на территории государства. Суды США руководствуются доктриной *forum non conveniens* [4, с. 65], по которой суд может отказать в рассмотрении дела, если придет к выводу, что для этого дела есть более подходящий суд, например, в деле *Subafilms Ltd. v. MGM-Pathe Communications Co.*

Стоит отметить, что важное значение для судов в Америке имеет только доменная зона. Законодательство США нацелено на блокирование веб-страниц доменных зон «.com» и «.net», публикующие нелегальный контент, нарушающий права авторов. При этом санкции направлены не только на блокирование таких веб-страниц, но и на борьбу с лицами, которые предоставляют ссылки на незаконные материалы [2, с. 168].

Интересным фактом является попытка законодателей США закрепить на законодательном уровне законопроекты *Stop On-line Piracy Act* и *Protect Intellectual Property Act* [5, с. 39], суть которых заключалась в расширении полномочий американских правоохранительных органов и правообладателей в борьбе с нелегальным контентом в Интернете (пиратством), в том числе за рубежом, нарушающих авторские права. По данным законопроектам предполагалось, что правонарушением будет являться незаконное распространение нелегальных копий произведений, контрафактных товаров, но



большее внимание уделялось именно пиратским сайтам, которые зарегистрированы за рубежом, и публикуют нелегальный контент без права на опубликования этим лицом такого контента. Законопроекты позволяли правообладателям и Минюсту США ходатайствовать перед судом о конфискации собственности, заблокировать веб-сайты и другие меры. Однако данные законопроекты так и не были приняты. Но всё же, США были одним из первых государств, которое приняло инициативу по защите своей интеллектуальной собственности на международном уровне.

Таким образом, для разрешения проблемы международного урегулирования правоотношений, возникающих в связи с авторским правом в сети Интернет, в первую очередь, необходимо решить вопрос о том, к юрисдикции какой страны относятся определенные области сетевого пространства. Сейчас многие государства стремятся распространить свою юрисдикцию на национальное сетевое пространство. А некоторые страны, например, США, распространяют свою юрисдикцию на функциональные домены верхнего уровня («.com» и «.net»), которые были зарегистрированы органом, находящимся на территории США. Во-вторых, необходимо дать конкретику принципу «места наступления вреда», поскольку в условиях Интернета эффект нарушения прав может произойти абсолютно в любой стране при производстве любых действий любыми лицами. Более эффективным будет применять привязку «место незаконного использования объекта авторского права», причем в отношении таких стран, где был нанесен наибольший и основной ущерб правообладателю. Также, думается, важно будет определять субъективный характер правонарушения, а именно санкции понесет то лицо, которое предвидело наступления негативных последствий в определенном государстве.

Список литературы:



1. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)" от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // "Парламентская газета", N 214-215, 21.12.2006.
2. Терентьева, Л. В. Коллизионное регулирование авторских отношений в условиях развития Интернета (на примере России, США и Японии) / Л. В. Терентьева // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. – № 3. – С. 151-176.
3. Dogauchi M. Private International Law on Intellectual Property: a Civil Law Overview. WIPO document WIPO/PIL/01/8. Geneva, 2001.
4. Данилов И.В. Авторское право России и США: сравнительный анализ и вопросы трансграничного использования произведений // СПС КонсультантПлюс. 2016.
5. Крутикова, Д. И. Анализ законопроектов SOPA и PIPA в рамках освещения вопросов международного правового регулирования отношений в информационной сфере / Д. И. Крутикова // Правовая информатика. – 2012. – № 1. – С. 39-40.



УДК 347.1

Нагимов Марсель Владиславович

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

Институт частного права

Россия, Москва

nagimov-mars@mail.ru

Nagimov Marsel

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Institute of Private Law

Russia, Moscow

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: представленная концепция цифрового рубля актуализирует проблему определения его юридической природы и особенностей гражданско-правового режима. В связи с планами Банка России по запуску платформы цифрового рубля возникает необходимость определить правовой статус и режим этого нового финансового инструмента. В работе рассматриваются теоретические основы правового регулирования цифрового рубля, концепция цифрового рубля, предложенная Банком России, а также правовые последствия введения цифрового рубля для участников финансового рынка, государства и общества.

Ключевые слова: цифровые деньги, наличные деньги, безналичные денежные средства, валюта, объект гражданских прав, средство платежа, средство обращения.

LEGAL REGULATION OF THE DIGITAL RUBLE IN RUSSIA: PROBLEMS AND PROSPECTS



Annotation: the presented concept of the digital ruble actualizes the problem of determining its legal nature and the features of the civil law regime. In connection with the Bank of Russia's plans to launch a digital ruble platform, there is a need to determine the legal status and regime of this new financial instrument. The paper examines the theoretical foundations of the legal regulation of the digital ruble, the concept of the digital ruble proposed by the Bank of Russia, as well as the legal consequences of the introduction of the digital ruble for financial market participants, the state and society.

Key words: digital money; cash; non-cash funds; currency; object of civil rights means of payment; means of circulation.

Одним из новых явлений в финансовой сфере является появление цифровых валют, которые представляют собой электронные аналоги фиатных валют, эмитируемые и регулируемые центральными банками разных стран. Цифровые валюты центральных банков (ЦВЦБ) имеют ряд преимуществ перед традиционными формами денег, таких как удобство, безопасность, инновационность и перспективность [12, с. 3]. Однако они также сталкиваются с рядом проблем, связанных с техническими, экономическими, социальными и правовыми аспектами их внедрения и использования.

Цифровой рубль будет представлять собой уникальный цифровой код, который хранится в электронном кошельке на специальной платформе Центрального банка [3]. Все формы рубля являются равноценными друг другу: один наличный рубль равен одному безналичному, а также одному цифровому рублю [1].

Цифровой рубль является цифровой валютой центрального банка (ЦВЦБ), то есть электронным аналогом фиатной валюты, которая эмитируется и регулируется Центральным банком [13]. ЦВЦБ отличается от криптовалют, таких как Bitcoin или Ethereum, которые не имеют центрального эмитента и основаны на децентрализованных технологиях блокчейн. ЦВЦБ также



отличается от электронных денег, которые являются обязательствами эмитентов перед клиентами и обеспечиваются наличными или безналичными деньгами на счетах в банках [7, с. 49]. Экономическая концепция цифрового рубля актуализирует проблему определения юридической природы и особенностей гражданско-правового режима цифрового рубля [2]. В соответствии со ст. 140 цифровой рубль является третьей формой денег наравне с наличными и безналичными, с помощью которой можно совершать платежи на территории Российской Федерации [1]. Это совершенно новый объект гражданского права — цифровое нематериальное имущество, которое не может существовать в реальном мире. Как справедливо отметила проф. Л.Ю. Василевская цифровой рубль подпадает под определение цифрового права (ст. 141.1 ГК РФ) и будучи имущественным правом требования, является цифровым финансовым активом [5, с. 9].

Сущность цифрового рубля заключается в том, что он будет выполнять те же функции, что и традиционные формы денег: средство обращения, средство платежа, средство сбережения и мера стоимости [4, с. 9-19]. Однако цифровой рубль имеет ряд особенностей, которые отличают его от наличных и безналичных денег, а также от других видов цифровых валют, таких как криптовалюты и электронные деньги. Рассмотрим эти особенности подробнее.

1. Средство обращения. Цифровой рубль будет обеспечивать более быстрый и удобный обмен товаров и услуг, так как он будет доступен для использования с помощью различных электронных устройств, в том числе без подключения к интернету [1]. Цифровой рубль также будет способствовать развитию цифровой экономики, так как он будет поддерживать инновационные финансовые технологии, такие как смарт-контракты, интернет вещей, цифровая идентификация и другие.

2. Средство платежа. Цифровой рубль будет обладать высокой степенью безопасности и надежности, так как он будет храниться и обрабатываться на платформе Центрального банка, а не в коммерческих банках. Цифровой рубль



также будет гарантирован государством, так как он будет являться долговым обязательством Центрального банка перед обществом [6, с. 130-138]. Цифровой рубль будет защищен от кражи, подделки, потери и повреждения, так как он будет представлять собой уникальный цифровой код, а не физический объект.

3. Средство сбережения. Цифровой рубль будет обладать ликвидностью и конвертируемостью, так как он будет равноценен другим формам рубля и будет свободно обмениваться на них. Цифровой рубль также будет сохранять свою покупательную способность, так как он будет подвержен тем же факторам, что и другие формы рубля, таким как инфляция, дефляция, курсовые колебания и другие. Однако цифровой рубль не будет приносить доход своим владельцам, так как на него не будут начисляться проценты, как на безналичные деньги на счетах в банках.

4. Мера стоимости. Цифровой рубль будет отражать стоимость товаров и услуг, так как он будет являться законным платежным средством в России. Цифровой рубль также будет повышать конкурентоспособность российской экономики на мировом рынке, так как он будет упрощать внешнеэкономические операции и снижать зависимость от иностранных валют и платежных систем.

В апреле 2021 года Банк России представил Концепцию цифрового рубля, которая разработана с учетом обратной связи от респондентов и участников рынка по итогам обсуждения консультативного доклада «Цифровой рубль» [13, с. 3]. Концепция включает описание преимуществ цифрового рубля, целевую модель, подходы в части денежно-кредитной политики при введении цифрового рубля, а также ключевые этапы реализации проекта [13, с. 7-8].

Согласно Концепции, цифровой рубль будет иметь следующие характеристики:

Цифровой рубль будет являться долговым обязательством Банка России перед обществом, а не финансовой организацией или другим лицом.



Цифровой рубль будет обладать всеми свойствами законного платежного средства в России и будет использоваться наравне с наличными и безналичными рублями.

1. Цифровой рубль будет равноценен другим формам рубля: один наличный рубль равен одному безналичному, а также одному цифровому рублю.

2. Цифровой рубль будет храниться и обрабатываться на платформе цифрового рубля, которая будет являться частью национальной платежной системы и будет подконтрольна Банку России [2].

3. Цифровой рубль будет доступен для использования с помощью различных электронных устройств, в том числе без подключения к интернету.

4. Цифровой рубль будет защищен от кражи, подделки, потери и повреждения, так как он будет представлять собой уникальный цифровой код, а не физический объект.

5. Цифровой рубль будет поддерживать инновационные финансовые технологии, такие как смарт-контракты, интернет вещей, цифровая идентификация и другие.

В качестве целевой модели цифрового рубля выбрана двухуровневая розничная модель D, которая предусматривает, что Банк России является эмитентом цифровых рублей и оператором платформы цифрового рубля, а финансовые организации открывают клиентам кошельки в цифровых рублях и проводят по ним операции на платформе цифрового рубля. Цифровые рубли доступны гражданам и бизнесу через любой банк, где они обслуживаются. Выбранная модель дает возможность использовать преимущества сложившейся двухуровневой финансовой системы и обеспечить взаимодействие клиента с платформой цифрового рубля через мобильные приложения финансовых организаций.

Концепция также определяет подходы к информационной безопасности и конфиденциальности, влиянию цифрового рубля на денежно-кредитную



политику и финансовую стабильность, защите прав потребителей, регулированию цифрового рубля, а также возможные риски реализации проекта и меры по их снижению.

Концепция цифрового рубля является важным документом, который определяет основные принципы и направления развития цифровой национальной валюты в России. Однако Концепция не исчерпывает всех аспектов правового регулирования цифрового рубля, а лишь задает общий вектор исследований и пилотных проектов в этой сфере. Поэтому необходимо дальнейшее изучение и обсуждение правовых проблем и перспектив внедрения и использования цифрового рубля в России [11, с. 79-94].

Введение цифрового рубля в России будет иметь значительное влияние на правовое положение и интересы различных участников финансового рынка, государства и общества [10, с. 5-6]. В этом разделе мы рассмотрим некоторые из этих правовых последствий, а также возможные способы их урегулирования.

Для Банка России введение цифрового рубля будет означать необходимость создания и поддержки платформы цифрового рубля, а также осуществления функций эмиссии, обслуживания, контроля и надзора за цифровыми рублями. Банк России также будет нести ответственность за безопасность и надежность платформы цифрового рубля, а также за защиту прав и интересов владельцев цифровых рублей. Для этого Банк России должен будет разработать и принять специальное законодательство, которое будет регулировать все аспекты деятельности по цифровому рублю.

Для финансовых организаций введение цифрового рубля будет означать необходимость адаптации к новой форме денег, а также к новой роли посредника между клиентами и платформой цифрового рубля. Финансовые организации также будут нести ответственность за предоставление клиентам доступа к цифровым рублям, а также за соблюдение требований Банка России по информационной безопасности, конфиденциальности, противодействию отмыванию денег и финансированию терроризма и других.



Для юридических и физических лиц введение цифрового рубля будет означать возможность использования нового удобного и безопасного средства платежа и перевода, а также получения доступа к инновационным финансовым технологиям, таким как смарт-контракты, интернет вещей, цифровая идентификация и другие [8, с. 171-174]. Однако владельцы цифровых рублей также будут нести риски, связанные с потенциальными сбоями в работе платформы цифрового рубля, нарушением конфиденциальности их данных, а также возможным изменением налогового режима операций с цифровыми рублями. Многообещающим является применение цифрового рубля в сфере бюджетных расчетов, отслеживаемости финансовых операций в модели "знай своего клиента", противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма, а также как платформы для смарт-контрактов [9, с. 36-39].

Для государства введение цифрового рубля будет означать повышение эффективности и прозрачности публичных расходов, а также усиление суверенитета национальной валюты в условиях глобализации и цифровизации финансового рынка. Однако государство также будет сталкиваться с вызовами, связанными с необходимостью адаптации законодательства и нормативной базы к новой форме денег.

Таким образом, можно сделать вывод, что введение цифрового рубля в России является актуальной и научно новизной темой, которая требует комплексного исследования и обсуждения, а также разработки и принятия соответствующего правового регулирования. Цифровой рубль может стать эффективным инструментом для развития цифровой экономики, повышения конкурентоспособности российской валюты, улучшения качества и доступности финансовых услуг, а также для усиления суверенитета и безопасности государства. Однако для этого необходимо учитывать специфику цифровой валюты, обеспечивать ее правовую защиту и гарантии, а также регулировать отношения между Центральным банком, финансовыми



организациями, юридическими и физическими лицами в сфере цифрового рубля.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (Ред. от 25.02.2022) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 24.07.2023) "О национальной платежной системе" // СПС «КонсультантПлюс».
3. Положение Банка России от 03.08.2023 № 820-П "О платформе цифрового рубля" // СПС «КонсультантПлюс».
4. Василевская Л.Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему // Журнал Lex Russica (Русский закон). № 1. январь 2023 г. 160 с.
5. Василевская Л.Ю. Гражданско-правовой режим цифровых денег: проблемы определения и толкования // Хозяйство и право. 2021. № 4. 128 с.
6. Егорова М.А., Ефимова Л.Г. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 7. 178 с.
7. Ефимова Л.Г. Электронные деньги, криптовалюта, цифровая валюта, цифровой рубль // Денежные обязательства и финансовые сделки: учебник для магистратуры. М: Проспект. 2023. 671 с.
8. Медведева Т.М., Новоселова Л.А., Новоселов М.А. Правовые риски введения цифрового рубля // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 41. 206 с.
9. Синельникова-Мурылева Е.В. Цифровой рубль: риски и выгоды // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 5. 72 с.
10. Скворцов А.А. О цифровом рубле Журнал // "Законодательство". № 9. сентябрь 2023 г. 40 с.
11. Турбанов А.В. Цифровой рубль как объект правоотношений // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 9. 195 с.



ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК №29

12. Банк России: официальный сайт [Электронный ресурс] URL:
<https://clck.ru/32B6x5>.

13. Банк России: официальный сайт [Электронный ресурс] URL:
<https://clck.ru/XoNSP>.



Осокин Александр Владиславович
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Юридический факультет
Россия, Москва
osokin2001@yandex.ru
Osokin Alexander
Lomonosov Moscow State University
Faculty of Law
Russia, Moscow

СООТНОШЕНИЕ СВОБОДЫ ДОГОВОРА И КОНКУРЕНЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛОЖЕНИЯ ОБ ОТКАЗЕ ОТ КОНКУРЕНЦИИ

Аннотация: свобода договора представляет собой основополагающий принцип частного права, который со временем начинает деформироваться в связи с развитием рыночной экономики, а также развития регуляторного законодательства. Одним из примеров такого ограничения является влияние конкурентного права на принцип свободы договора и договорное право в целом при осуществлении предпринимательской деятельности. Отказ от конкуренции – необходимая для предпринимателей мера, которая должна допускаться для целей защиты предпринимателей от потенциальных конкурентов. Поэтому автор рассматривает вопросы соотношения и допустимости свободы договора в контексте положения об отказе от конкуренции.

Ключевые слова: свобода договора, договорное право, конкурентное право, отказ от конкуренции, частное право.

RATIO OF FREEDOM OF CONTRACT AND COMPETITION LAW IN THE CONTEXT OF THE NON-COMPETITION CLAUSE



Annotation: freedom of contract is a fundamental principle of private law, which over time begins to be distorted due to the development of the market economy, as well as the development of regulatory legislation. One example of such a limitation is the impact of competition law on the principle of freedom of contract and contract law in general in business activities. Non-competition is a necessary measure for entrepreneurs, which should be allowed for the purpose of protecting entrepreneurs from potential competitors. Therefore, the author examines the relationship and permissibility of freedom of contract in the context of the non-competition clause.

Key words: freedom of contract, contract law, competition law, non-competition, private law.

Договорное регулирование как наиболее явная сфера проявления индивидуальной свободы предоставляют хозяйствующим субъектам полную свободу усмотрению при выборе конкретных правовых средств для защиты своих интересов. Проф. А.Н. Варламова указывает, что первостепенная значимость договора как правового средства формирования и реализации конкурентных стратегий не вызывает сомнения, однако, формирование и реализация такой стратегии путем использования широкого спектра договоров, [а также значительного числа договорных конструкций, существующих в частном праве – А.О.] [1, с. 108-109]. Следовательно, договорная свобода позволяет обеспечивать наиболее полное господство лица в сфере реализации определенного обязательства.

При этом учет фактора конкурентного права как экзогенного ограничителя договорной свободы нельзя упускать из виду. Еще проф. И.А. Покровский указывал, что с положительной стороны принцип договорной свободы служит формой для определения частных отношений и удовлетворения индивидуальных интересов, хотя такая свобода не может быть безграничной и вынуждена быть ограниченной в силу развития общества и экономики [2, с. 248-249]. В этой связи классический договор как правовое



средство значительно деформируется, сужается, в связи с воздействием на его пределы норм публичного права.

Однако весьма примечательной особенностью современного экономического оборота является высокая степень подвижности капиталов и формирование целостных рынков капиталов. Одним из способов существования такого рынка – обеспечение оборотоспособности акций и долей в уставных капиталах хозяйственных обществ. Договор как универсальное правовое средство обеспечивает подобную подвижность за счет различных условий, экономическое содержание которых позволяет оптимизировать потенциально возникающие транзакционные издержки и направленные на максимизацию прибыли. Одним из способов реализации подобной экономической цели является внедрение в договорную конструкцию обязательства об отказе от конкуренции, или условия об отказе от конкуренции (*non-compete clause*), которое широко распространено в развитых юрисдикциях.

Весьма любопытно то обстоятельство, что положение об отказе от конкуренции широко развито в сфере семейного и трудового права зарубежных стран, а использование подобных конструкций в сделках слияний и поглощений – обыденность, не свойственная российскому правопорядку [3]. В данной статье идет речь о правовых механизмах непереманивания работников, что является существенной проблемой американской и европейской экономик. Более того, существует в отношении обязательства об отказе от конкуренции существуют юридические анекдоты, которые сводятся к следующей формуле: «I'll agree to a pre-nup, if you'll agree to a non-compete clause» [4, с. 557]. На наш взгляд, следует выделить два аспекта обязательства об отказе от конкуренции – экономический и правовой аспект.

В случае с экономическим аспектом отказа от конкуренции следует отметить, что существование этого положения – жизненная необходимость покупателя нового бизнеса. Так, данное обязательство сводится к тому, что продавец обязуется не вести деятельность, которая бы конкурировала с



объектом, который он продал. Коммерсант, который создал сегодня успешный бизнес, после продажи своей компании сможет создать новый бизнес без существенных затруднений: ему известны существующие на этом товарном рынке хозяйственные связи и иные особенности, не всегда известные покупателю. Следовательно, экономическое обоснование положению об отказе от конкуренции является вполне разумным и отвечающим интересам покупателя, иначе цена капитала не составляла бы значительных сумм.

При этом в правовой плоскости – преимущественно в отечественной – возникают существенные проблемы, связанные с практической реализацией механизмов отказа от конкуренции. Обращаясь к близкому для российской правовой системы европейскому правопорядку, следует отметить, что обязательства об отказе от конкуренции выводятся из-под действия общих блокирующих мер. В частности, в постдоговорный период обязательство об отказе от конкуренции первоначально заключается на пятилетний срок, а затем может быть продлено на неопределенный срок путем молчаливого согласия [5]. В пояснительной записке отмечается, что подобное положение вызвано тем, что существование соглашения об отказе от конкуренции направлено на предоставление покупателю возможность полноценной выплаты долга до момента окончания срока действия такого соглашения [6]. В сфере поставок товаров и оказания услуг данным регламентом установлены крайне благоприятные для сторон условия, связанные с тем, что возможно изначальное установление неопределенного срока положения об отказе от конкуренции. Подобное обосновывалось тем, что обычно неразумно ожидать от поставки разрешения на производство конкурирующих товаров от средств производства (земля и т.п.), принадлежащих такому поставщику на праве собственности. Следовательно, европейский порядок урегулировал классическое договорное обязательство как в сфере рынка капиталов, так и в сфере рынка товаров и услуг [6].



Пусть отечественного правопорядка к признанию правомерности положений об отказе от конкуренции оказался долгим и тернистым. Лишь развитие судебной практики вызвало надлежащий отклик со стороны Федеральной антимонопольной службы РФ (далее – ФАС РФ), которая в 2021 г. приняла разъяснение, суть которого сводится к описанию условий допустимости соглашения об отказе от конкуренции [7]. Впервые появились исключения из ригидных положений п. 17 ст. 4 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции», которые не пропускали положения об отказе от конкуренции через судебные фильтры как ограничивающие конкуренцию факторы (признаются недействительными на основании ст. 168 Гражданского кодекса РФ). Несмотря на то, что судебная практика по спорам в сфере слияний и поглощений недостаточно многочисленна, что объясняется особенностями данной сферы, российская практика предоставляет возможность ознакомиться с рядом дел на стыке положений о неконкуренции и трудового права [8; 9]. Следовательно, развитие экономических отношений ведет к расширению свободы договорного регулирования в тех сферах, где это является востребованным.

ФАС РФ обосновал допустимость заключения соглашений об отказе от конкуренции тем, что подобные соглашения в сфере рынков капиталов представляют собой меньшую общественную опасность для конкуренции. ФАС РФ предусмотрел 4 критерия правомерности соглашений об отказе от конкуренции: (i) условия отказа должны соответствовать целям договора, (ii) условия распространяются на конкретный товарный рынок, где заключается сделка, (iii) предусмотрен или определен срок действия условия об отказе, (iv) условия не должны предусматривать обмена информацией, направленного на картелизацию товарного рынка.

Несмотря на наличие подобных ограничений, следует отметить, что был сделан существенный шаг на пути к реформированию данной сферы посредством расширения договорной свободы. Несмотря на то, что в



европейской практике преимущество отдается временному критерию правомерности отказа от конкуренции, наш законодатель решил усилить антимонопольный контроль в сфере M&A сделок. На наш взгляд, такое решение напрямую связано со степенью монополизации отечественной экономики, отказ от конкуренции, в которой может привести к существенным негативным последствиям социально-экономического и политического характера.

С учетом того, что все рентабельные активы прямо или косвенно находятся в собственности государства или ГОНГО-структур (публично-правовые компании, а также хозяйственные общества со значительным государственным участием) [10], рынки капиталов в России представлены либо предприятиями добывающей, обрабатывающей, тяжелой или высокотехнологичной промышленности, которая по каким-то причинам не находится под контролем государства. В этой связи во избежание монополизации экономики, а также угроз национальной безопасности (весьма широкая категория) ФАС РФ допускается применение института развитого правопорядка, но со значительными ограничениями.

Таким образом, взаимодействие свободы договора и конкуренции порождает весьма интересные институты, связанные с обоснованной возможностью отказа от такой конкуренции. При этом развитие подобных механизмов зависит от степени монополизации экономики, когда регулирующие органы чутко реагируют на возможность отказа от конкурентных начал. Подобный отказ рискует напрямую затронуть интересы хозяйствующих субъектов, находящихся под публичным контролем, что нехарактерно для иных юрисдикций, где существуют развитые рынки капиталов.

Список литературы:



1. Варламова А.Н. Конкурентное право и отраслевые товарные рынки: монография. – М.: Зерцало-М, 2021. 360 с.
2. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. 8-е изд. – М.: Статут, 2020. 351 с.
3. Wickelgren A.L. A Novel Justification for Legal Restrictions on Non-Compete Clauses // International Review of Law and Economics. № 54. 2014.
4. Sitkoff R.H., Dukeminier J. Wills, Trusts and Estates. 11th ed. Aspen Casebook Series. New York: Wolters Kluwer, 2022. 1096 p.
5. Commission Regulation (EU) No 330/2010 of 20 April 2010 on the application of Article 101(3) of the Treaty on the Functioning of the European Union to categories of vertical agreements and concerted practices [Электронный документ] // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2010/330>.
6. Commission notice – Guidelines on Vertical Restraints [Электронный документ] // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32000Y1013%2801%29&qid=1667504839667>.
7. Разъяснение ФАС России от 11.06.2021 № 19 «Об особенностях осуществления государственного антимонопольного контроля за экономической концентрацией» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 04.08.2015 № Ф04-22277/2015 по делу № А70-13409/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Новосибирского УФАС России № 06-113/16 от 07.11.2016 о назначении административного наказания // СПС «КонсультантПлюс».
10. Лушников Д.А. Организованные правительством неправительственные организации (GONGO): генезис проблематики, интерпретация и функции // Полис. Политические исследования. 2019. № 2.



Патракова Софья Станиславовна
Российский государственный университет правосудия
Факультет подготовки специалистов для судебной системы
Россия, Москва
sofiapatrakova@mail.ru
Patrakova Sofia
Russian State University of Justice
Faculty of training of specialists for the judiciary
Russia, Moscow

АКЦИИ КАК ОБЪЕКТ ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ В БРАКОРАЗВОДНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: в данной статье рассматривается вопрос о том, как акции, являющиеся объектом общей собственности супругов, распределяются в бракоразводном процессе. В работе подробно анализируется законодательство Российской Федерации, регулирующее данный вопрос, и рассматриваются конкретные примеры из судебной практики.

Ключевые слова: бракоразводный процесс, акции, общая собственность супругов, доли, раздел имущества, банкротство супруга.

SHARES AS AN OBJECT OF COMMON PROPERTY OF SPOUSES IN THE DIVORCE PROCEEDINGS

Annotation: this article deals with the issue of how shares, which are the object of common property of spouses, are distributed in divorce proceedings. The paper analyzes in detail the legislation of the Russian Federation regulating this issue and considers specific examples from court practice.

Key words: divorce proceedings, shares, matrimonial property, business shares, division of property, spousal bankruptcy.



Расторжение брака – это сложный процесс, который в большинстве случаев сопровождается разделом совместно нажитого в период брака имущества. Перечень объектов, которые могут выступать в качестве совместно нажитого имущества, разнообразен. Среди таких объектов могут быть акции акционерного общества.

В законодательстве Российской Федерации существует два варианта раздела совместно нажитого имущества:

1) В досудебном порядке, инструментами которого могут выступать:

- брачный договор, в случае если супруги еще не развелись,
- соглашение о разделе имущества, если супруги развелись,
- посреднические процедуры, например, медиация.

2) В судебном порядке в судах общей юрисдикции.

Общие правила раздела совместно нажитого имущества между супругами содержатся в разделе третьем Семейного кодекса Российской Федерации. Часть 1 статьи 39 Семейного кодекса РФ содержит положения относительно определения доли каждого из супругов при разделе общего имущества – все доли в совместно нажитом имуществе признаются равными, если иное не установлено договоренностями между супругами [1].

Для начала необходимо разобраться, как законодатель определяет понятие «акция». В соответствии с пунктом 10 части 1 статьи 2 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» это эмиссионная ценная бумага, закрепляющая права ее владельца (акционера) на получение части прибыли акционерного общества в виде дивидендов, на участие в управлении акционерным обществом и на часть имущества, остающегося после его ликвидации [2].

Данное определение помогает понять значение акций, которое необходимо соотнести со сферой раздела супругами имущества. При разделе совместно нажитого имущества важным значением будет то, что один из



супругов после раздела может получить пакет акций и получать прибыль, либо же, при получении контрольного пакета акций, участвовать в управлении обществом.

Акции общества могут быть поделены супругами с помощью брачного договора. Данный путь раздела совместно нажитых акций является наиболее быстрым и эффективным, поскольку позволяет предусмотреть любые варианты раздела акций и затронуть все интересы супругов.

В брачном договоре можно предусмотреть множество вариантов раздела имущества между супругами, которые не могут быть рассмотрены в судебном порядке. Например, брачным договором можно предусмотреть судьбу акций в будущем при банкротстве одного из супругов. Стоит отметить, что брачный договор подлежит обязательному нотариальному удостоверению. Именно с момента удостоверения данного договора нотариусом он вступает в законную силу.

Как отмечают Т.В. Радченко, К.В.Шевелева, Ю.А. Иванова и М.В. Саудаханов брачный договор позволяет не только урегулировать правовой режим совместно нажитого имущества и его дальнейшую судьбу после расторжения брака, но и позволяет отнести личное имущество супруга к совместно нажитому [3, с. 52].

Ряд ученых считают, что брачный договор не всегда может быть достаточной защитой юридического лица от предполагаемых рисков, связанных с разделом совместно нажитого имущества. Так, Е.А. Бойцова и Д.А. Хайлов считают, что брачный договор в силу наличия риска признания его недействительным не всегда может защитить предпринимателей от вышеуказанных рисков [4, с. 60].

Как показывает судебная практика, брачный договор, подписанный супругами у нотариуса, не всегда получается признать недействительным. Данное обстоятельство связано с тем, что супруги добровольно заключают брачный договор, соглашаясь со всеми его условиями. В подтверждение



данного аргумента еще в 2018 году высказался Верховный суд РФ, вынося определение № 5-КГ18-17, в котором высшая инстанция отказала в удовлетворении исковых требований о признании брачного договора недействительным на основании того, что истец не доказал факт того, что он был поставлен данным договором в крайне неблагоприятное положение [5].

В большинстве случаев брачный договор признают недействительным в случае его заключения за три года до подачи заявления о признании одного из супругов банкротом или после подачи такого заявления и введения процедуры банкротства. Подобная позиция была изложена в постановлении от 16 января 2020 г. по делу № А51-15138/2018 Пятым арбитражным апелляционным судом [6]. В данном постановлении апелляционный суд признал брачный договор недействительным на основании ст. 10 ГК РФ, в связи с тем, что брачный договор заключался для незаконного выведения имущества из собственности супруга-должника в личную собственность второго и злоупотребления правом.

Альтернативным вариантом досудебного раздела совместно нажитого имущества выступает медиативное соглашение. В случае, если стороны не могут сами договориться, но в то же время не хотят идти в суд, то они могут привлечь для разрешения их спора посредника – медиатора, который является независимым лицом и действует на основании принципов медиации, установленных специализированным законом, в числе которых находится конфиденциальность. Медиатор проводит несколько медиативных встреч с супругами и после согласования всех важных вопросов составляет медиативное соглашение, которое в случае его заверения у нотариуса, приравнивается к исполнительному листу.

Если супруги все же не смогли договориться как поделить между собой акции, то у них остается один вариант – обращаться в суд за защитой свой прав.

Супругам для начала нужно будет доказать было ли спорное имущество приобретено в браке или же были внесены денежные средства из семейного бюджета для значительного увеличения стоимости акций [7].



Как уже говорилось ранее в соответствии с Семейным кодексом РФ все совместно нажитое между супругами делится пополам, если кто-то из супругов претендует на большую часть имущества, то ему необходимо доказать обстоятельства, которые свидетельствуют о его праве на отступление от равенства долей. В некоторых случаях это сделать очень сложно, так как бывшему супругу необходимо убедить судью, что он больше прав, чем второй супруг.

Посредством анализа большого количества судебной практики и мнения Верховного суда РФ, можно прийти к выводу, что суды в своих решениях в большинстве случаев делят акции между супругами следующим образом:

1. Делят совместно нажитые акции между супругами пополам – это наиболее распространённый вариант [8].

2. Передают все акции одному из супругов, который занимается предпринимательской деятельностью, а второму присуждают компенсацию, например [9].

3. Передают все акции одному из супругов, который не занимается предпринимательской деятельностью, а второму присуждают компенсацию [5].

При первом и третьем варианте раздела другие предприниматели могут столкнуться с рядом рисков, которые могут выражаться в следующем:

1) Возможны конфликты интересов между супругами, которые могут повлиять на принятие важных решений в акционерном обществе;

2) Если супруги разводятся, то возникает риск того, что акции будут разделены между ними или проданы на открытом рынке, что может привести к изменению контроля над акционерным обществом.

3) Если один из супругов выходит из состава акционеров, то возникает риск потери опыта и знаний, которые он мог внести в развитие бизнеса.

Данные риски можно устранить с помощью заключения супругами брачного договора. При этом стоит учесть, что в уставе акционерного общества может содержаться ограничение на передачу акций без согласия остальных



акционеров разделе имущества, но согласно п. 5 ст. 7 Федерального закона от 26.12.1995 года № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» установлен максимальный срок – не более 5 лет со дня государственной регистрации общества или изменений в устав [10].

Следует еще обратить особое внимание на то, что суду в случае, если он решит поделить акции не в равном количестве между сторонами, необходимо установить стоимость каждой акции, исходя из которой будет рассчитываться компенсация. В данной ситуации действуют общие правила касающиеся установления стоимости совместно нажитых акций, которые содержатся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака». Стоимость акций устанавливается на момент рассмотрения дела и является рыночной.

Подводя итог, необходимо отметить, что на сегодняшний день раздел совместно нажитых акций между супругами может создать множество рисков для акционерных обществ, если бывшие супруги не договорятся между собой и не заключат брачный договор, который соответствует всем правовым нормам. Поэтому супругам-предпринимателям, находящимся в браке, следует задуматься о защите своего акционерного общества.

Список литературы:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Российская газета. 1996. № 17.
2. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // Российская газета. 1996. № 79.
3. Радченко Т. В., Шевелева К. В., Иванова Ю. А., Саудаханов М. В. К вопросу о правовом регулировании раздела общего имущества супругов при наличии брачного договора // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 5. С. 50–56.



4. Бойцова Е. А., Хайлов Д.А. Имущественные отношения супругов и наследственные проблемы как источник рисков для бизнеса // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2020. № 2 (221). С. 57–65.

5. Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 июня 2012 года № ВАС-6886/12 по делу № А63-819/2011 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=281090#v8X4o3UqypLUZ9995> (дата обращения 09.02.2024).

6. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 16 января 2020 г. по делу № А51-15138/2018 // Интернет-ресурс "Судебные и нормативные акты Российской Федерации". URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/5XjJv4jJ8xVL/> (дата обращения 09.02.2024).

7. Спильник А. С. Проблемы раздела бизнеса в бракоразводном процессе // StudNet. 2021. Т. 4. № 5. Порядковый номер 124.

8. Апелляционное определение от 30 января 2019 г. по делу № 33-2068/2019 Московского городского суда; Определение Верховного суда РФ от 24.10.2017 № 57-КГ17-17 // Юридическая информационная система «Легалакт - законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-24102017-n-57-kg17-17/> (дата обращения 09.02.2024).

9. Решение Московского районного суда г. Калининграда от 21 июня 2017 г. по делу № 2-29/2017 // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/4EGe20M5hVHO/> (дата обращения 09.02.2024).

10. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Российская газета. 1995. № 248.



Харунжа Виктория Владимировна
Российский государственный университет правосудия
Восточно-Сибирский филиал
Россия, Иркутск
viktoria.harunzha@yandex.ru
Kharunzha Victoria
Russian State University of Justice
East Siberian branch
Russia, Irkutsk

ПРОБЛЕМА ФОРМАЛЬНОГО РАСТОРЖЕНИЯ БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация: данная статья посвящена изучению проблемы фиктивных разводов. Автор анализирует феномен фиктивных разводов в контексте современного общества, выявляя основные причины и последствия данного явления. В статье рассматриваются социологические и правовые аспекты данной проблемы, а также их влияние на семейные отношения и общественную стабильность. Целью исследования является изучение самого процесса фиктивного расторжения брака. По итогам проведенного исследования были предложены перспективы дальнейшего развития семейных правоотношений, а также выявлены наиболее распространённые причины фиктивного расторжения брака.

Ключевые слова: семейные правоотношения, фиктивный развод, мошенничество при получении выплат, злоупотребление правом, семья.

THE PROBLEM OF FORMAL DISSOLUTION OF MARRIAGE RELATIONS IN RUSSIAN LEGISLATION



Annotation: this article is devoted to studying the problem of fictitious divorces. The author analyzes the phenomenon of fictitious divorces in the context of modern society, identifying the main causes and consequences of this phenomenon. The article discusses the sociological and legal aspects of this problem, as well as their impact on family relationships and social stability. The purpose of the study is to study the process of fictitious divorce. Based on the results of the study, prospects for the further development of family legal relations were proposed, and the most common reasons for fictitious divorce were identified.

Key words: family legal relations, fictitious divorce, fraud in receiving payments, abuse of rights, family.

Проблема фиктивного (мнимого, формального) развода в последнее время привлекла значительное внимание как в общественной, так и в правовой сферах. Поскольку в настоящее время данное явление, не смотря на свою актуальность остаётся не решённым. Семейный кодекс Российской Федерации [1] (далее СК РФ) не содержит понятия «фиктивный развод». Соответственно, и никаких юридических последствий за него не предусмотрено.

Право на расторжение брака, закреплённое в п. 2 ст. 16 «Прекращение брака» СК РФ по своей природе является субъективным правом одного из супругов прекратить брачные отношения. В случае мнимого расторжения брака супруги указанным правом пренебрегают, преследуя корыстные цели, нежели изначально заложенные в это право [7, с. 1].

Нами были выявлены наиболее распространённые случаи формального расторжения брачных отношений.

Одной из основных и наиболее актуальных причин является решение проблемы жилья. В соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 57 Жилищного кодекса Российской Федерации [2] (далее ЖК РФ), жилые помещения по договорам социального найма предоставляются лицам, чьи жилые помещения признаны непригодными для проживания и не подлежат ремонту. В случае развода



каждому из бывших супругов будет предоставлено отдельное жилое помещение. Согласно части 2 статьи 49 ЖК РФ малоимущими гражданами признаются граждане, которые соответствуют установленным законом требованиям, основанным на доходе на каждого члена семьи и стоимости имущества в собственности семьи, подлежащего налогообложению. Таким образом, фиктивный развод позволяет снизить доход бывшего супруга до необходимого уровня.

Также часто участники различных государственных жилищных программ прибегают к формальному разводу, особенно если эти программы устанавливают возрастные ограничения. На данный момент действует федеральная целевая программа "Жилище" на 2018-2025 годы, утвержденная Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2010 года № 1050 [4]. Например, в Иркутской области действует подпрограмма "Молодым семьям - доступно жилье" на период с 2023 по 2027 годы. Ее целью является поддержка молодых семей в решении вопроса с жильем в Иркутской области. Чтобы принять участие в данной программе, молодая семья должна соответствовать следующим критериям: возраст супругов и родителя в неполной семье должен быть меньше 35 лет на момент получения помощи; семья должна проживать и быть зарегистрированной в Иркутском районе; семья должна быть зарегистрированной как нуждающаяся в жилом помещении; и семья должна подтвердить свой доход на момент подачи заявления.

Поддержка из областного бюджета предоставляется в виде доли от стоимости покупаемого жилья. Субсидии и пособия выделяются только для приобретения жилья экономкласса, не превышающего установленных правительством норм обеспеченности. Региональная помощь будет предоставлена, если площадь приобретаемого дома или квартиры не превышает установленных значений. Для определения размера помощи используется норматив стоимости строительства одного квадратного метра жилья. На данный момент показатель стоимости строительства в регионе составляет 37



684 рубля. Зная площадь квартиры и стоимость застройки, легко определить размер возможной региональной субсидии, определив долю стоимости, которую готов покрыть областной бюджет. Таким образом, площадь доступного жилья для трех человек, на покупку которого предусмотрены выплаты, может составлять 54 м². Соответственно, размер региональной поддержки в таком случае будет составлять 813 974,40 рубля, что является значительным вкладом государства в приобретение жилья. Формальный развод позволяет парам, в которых возраст одного из супругов превышает установленный законом предел, обойти это требование и пользоваться преимуществами приобретения жилья по льготным условиям.

Кроме того, формальные разводы широко применяются среди военнослужащих, и такие случаи были зарегистрированы в Красноярском крае. На сегодняшний день во время службы военные обеспечиваются специализированным жильем, предоставляемым из числа служебных жилых помещений, комнат в общежитиях и квартир, входящих в маневренный фонд. Однако все чаще центральное региональное управление жилищного обеспечения Минобороны РФ переводит жилые помещения в маневренный фонд из-за злоупотреблений правами на жилье со стороны военнослужащих. Военнослужащие формально разводятся с женами, а затем уезжают на новое место службы, оставляя свою квартиру жене и детям. Если за семьей военнослужащего замечены подобные действия, то центральное региональное управление жилищного обеспечения прекращает предоставлять им жилье.

Нередко встречаются случаи, когда с помощью формального развода некоторые обанкротившиеся индивидуальные предприниматели обманывают своих кредиторов. Сначала один из членов семьи регистрируется как частный предприниматель, затем наживает долги, а когда наступает время расплаты, оформляет всё имущество на свою вторую половину, с которой расторгает брак. Таким образом, скрытое имущество уже не принадлежит должнику, и приставы не имеют права наложить на него арест. Согласно ч.1 ст. 45



"Обращение взыскания на имущество супругов" СК РФ законодательство предусматривает, что по обязательствам одного из супругов взыскание может быть направлено только на собственность этого супруга, но, если этого имущества недостаточно, кредитор вправе потребовать выдела доли супруга-должника, которая при разделе общего нажитого имущества супругов причиталась бы ему, для возможности взыскания на неё. Введение производства по таким делам является достаточно сложным [6, с. 2].

Существует и такая тенденция, как формальное расторжение брака для получения вида на жительство за рубежом. Например, если у одного супруга есть близкий родственник в Испании, а у другого нет, то существует высокая вероятность отказа в получении вида на жительство. Чтобы обойти это препятствие, россияне оформляют мнимый развод – и шансы бывшего супруга, имеющего близких родственников за рубежом, на легальный переезд существенно возрастает [5].

Поскольку законодатель не выделяет такого понятия как «фиктивный развод» в суде доказать подобное расторжение брака практически невозможно, так как на практике факт развода остаётся фактом, супруги прекращают свои брачные отношения, несмотря на то, что их мотивы могут быть иными.

Мы предлагаем альтернативу для решения данной проблемы. Учитывая, тот факт, что процесс расторжения брака задуман с целью получения выгоды, то чаще всего он имеет свои нюансы: наличие несовершеннолетних детей, раздел имущества, непогашенная кредиторская задолженность и тд. При наличии данных нюансов развод осуществляется только через суд. Если у суда возникнут подозрения, что развод мнимый, то есть основания для применения к супругам ответственности, которая регламентируется ч. 1 ст. 170 «Недействительность мнимой и притворной сделок» ГК РФ, где говорится о том, что при наличии доказательственной базы мнимой сделки, а именно скрывание реальных целей такого деяния, может последовать юридическая ответственность. Например, уголовная ответственность, может наступить, если



формальное расторжение брачных отношений направлено на получение каких-либо социальных пособий. В таком случае, данное действие можно квалифицировать через ч. 2 ст. 159.2. «Мошенничество при получении выплат» Уголовного Кодекса Российской Федерации [3] (далее УК РФ), в виде санкций за подобное преступление может выступать штраф в размере трёхсот тысяч рублей либо лишение свободы на срок до четырех лет.

Для исключения или снижения количества формального расторжения брака из практики, нами были предложены следующие перспективы для решения данной проблемы:

Во-первых, начать реализовывать программы повышенного контроля над процедурой развода, включая более строгое следование установленным законодательством процедурам, проверка на предмет наличия подлинности заявлений о разводе и документов, а также более тщательное проведение расследований в случаях подозрения на фиктивный развод.

Во-вторых, ужесточить наказания за участие в фиктивных разводах, включая штрафы, административные и уголовные ответственности. Это может создать дополнительный стимул для лиц, планирующих участвовать в таких махинациях, задуматься о возможных последствиях.

В-третьих, проведение образовательных кампаний для общественности и профессионалов в сфере юстиции, чтобы повысить осведомленность о вреде и негативных последствиях фиктивных разводов. Это также может помочь выявлять такие случаи на более ранних стадиях.

В-четвертых, создание специализированных подразделений в органах власти, которые будут заниматься выявлением, расследованием и предотвращением фиктивных разводов. Специализированные эксперты могут обладать уникальными навыками и знаниями для более эффективного противодействия этому явлению.

В заключение хотелось бы отметить, что недобросовестные граждане, которые путём обмана системы расторгают браки, должны понимать, что их



действия противоречат основному смыслу, заложенному в субъективное право гражданина на расторжение брачных отношений, не могут считаться правильными. В данном случае, необходимо вспомнить положения п. 2 ст. 7 СК РФ, которые гласят, что «семейные права охраняются законом, за исключением случаев, если они осуществляются в противоречии с назначением этих прав». Предложенные нами меры могут быть реализованы в рамках комплексного подхода к предотвращению фиктивных разводов в России.

Список литературы:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. - 01.01.1996. - № 1. - Ст. 16.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004г. № 188-ФЗ (ред. от 21 июля 2014г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 14.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 (с изм. 2023) №63 – ФЗ // Собрание законодательства. – 1996. - №25. – Ст. 2952
4. О федеральной целевой программе «Жилище»: Постановление Правительства РФ от 17 декабря 2010г. № 1050 (ред. от 18 апреля 2014г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 5. Ст. 739.
5. Тарусина Н.Н. О фиктивных семейно-правовых состояниях // Правоведение. 1983. № 2. С. 85.
6. Филимонова И.В. Фиктивный развод как разновидность фиктивных семейно-правовых состояний // Политика, государство и право. 2014. № 11 [Электронный ресурс]. URL: <https://politika.snauka.ru/2014/11/2064>
7. Лагунова Е.А. Фиктивный брак и фиктивный развод: вопросы теории и практики // Сибирский юридический вестник. 2019. №2 [Электронный ресурс]. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/fiktivnyy-brak-i-fiktivnyy-razvod-voprosy-teorii-i-praktiki>.



УДК 347.51

Цивилев Кирилл Викторович

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

kir.tcivil26@gmail.com

Tsivilev Kirill

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Ekaterinburg

К ВОПРОСУ О ВЗЫСКАНИИ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

Аннотация: статья раскрывает понятие морального вреда, особенности определения размера компенсации морального вреда, порядок его взыскания и условия причинения морального вреда, содержит пример из судебной практике по взысканию компенсации морального вреда с применением одного из методов определения размера и со ссылками на научные работы разных авторов, посвящённых вопросу компенсации морального вреда.

Ключевые слова: моральный вред, компенсация морального вреда, размер компенсации морального вреда, защита прав граждан, нравственные страдания, физические страдания, методика Эрделевского.

ON THE ISSUE OF COLLECTING COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE

Annotation: the article reveals the concept of moral damage, the specifics of determining the amount of compensation for moral damage, the procedure for its recovery and the conditions for causing moral damage, contains an example from judicial practice on the recovery of compensation for moral damage using one of the



methods of determining the amount and with references to scientific works by various authors devoted to the issue of compensation for moral damage.

Key words: moral harm, compensation for moral harm, the amount of compensation for moral harm, protection of citizens' rights, moral suffering, physical suffering, Erdelevsky's method.

Права человека, гарантированные Конституцией, в случае нарушения, могут защищаться всеми не запрещенными законом способами [1]. Одним из способов защиты прав, призванным частично или полностью компенсировать причиненные неправомерными действиями страдания, которые невозможно измерить какими-либо единицами измерения является компенсация морального вреда [2]. С учетом ст. 1101 ГК РФ иная форма компенсации морального вреда кроме денежной формы, не предусмотрена [3].

Каждая деталь, касающаяся пострадавшего: его возраст, психологическое состояние, конкретные жизненные обстоятельства – всё это учитывается судом при определении права на компенсацию морального вреда, ее размера. Именно пострадавшее лицо, то есть истец, обязано представить суду доказательства нарушения его личных неимущественных прав, повлекшего страдания.

Под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причинённые действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага или нарушающими его личные неимущественные права либо нарушающими имущественные права гражданина [4]. К личным неимущественным правам относятся такие неотъемлемые блага как право на жизнь, здоровье, честь, доброе имя и другие.

А.В. Терещенко указывает способы доказывания морального вреда. Физические страдания доказываются соответствующими медицинскими документами. Нравственные страдания могут быть подтверждены справкой соответствующего врача, заключением эксперта (психолога, психотерапевта)



[5, с. 32]. В основе нравственных страданий могут лежать переживания человека, которые повлияли на психическую деятельность человека или возникли из-за данных изменений [6, с. 29].

Для взыскания компенсации морального вреда требуется наличие одновременно 4 оснований и условий: физических или нравственных страданий потерпевшего; неправомерных действий (бездействия) причинителя вреда; причинной связи между неправомерными действиями (бездействием) и моральным вредом; вины причинителя вреда [7].

Стоит обратить внимание на статью М.С. Сирик, из которой следует, что в результате противоправных действий потерпевшему всегда причиняется вред, в том числе и моральный. Вред является последствием преступления и отражается в субъективной стороне состава преступления. Поэтому иск о компенсации морального вреда можно предъявить и в уголовном судопроизводстве. [8, с. 501-505].

Обязанность денежной компенсации морального вреда может быть возложена как за вред, причиненный действиями, нарушающими личные неимущественные права гражданина либо посягающими на нематериальные блага [9], так и в связи с нарушением имущественных прав гражданина [10]. В то же время отсутствие в законе прямого указания на возможность компенсации морального вреда не исключает права потерпевшего на его компенсацию [11].

Допустимо взыскание компенсации морального вреда, если одновременно с нарушением имущественных прав гражданина нарушаются и его личные неимущественные права, или нарушитель посягает на нематериальные блага гражданина [12]. Например, кража предмета, представляющей семейную ценность, или смерть близкого человека могут причинить страдания, не связанные непосредственно с имущественным ущербом. Нарушение прав потребителей также является основанием для взыскания компенсации морального вреда [13].



Законом предусмотрены случаи компенсации морального вреда независимо от вины причинителя [14]. Таковыми являются причинение вреда источником повышенной опасности (например, транспортным средством), причинение вреда незаконными действиями органов государственной власти, местного самоуправления и должностных лиц (например, при незаконном привлечении к уголовной ответственности), распространение сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию и иные случаи, предусмотренные законом.

В законодательстве нет порядка определения размера компенсации морального вреда. Истец может указывать ее размер по своему усмотрению. Однако окончательное решение, определяющее размер компенсации морального вреда, подлежащей выплате ответчиком, выносит суд.

В таком случае суд руководствуется принципом разумности и справедливости. Размер компенсации морального вреда зависит от причинённых страданий и вины причинителя вреда [15]. Суд обращает внимание на степень вины нарушителя и другие важные обстоятельства. Суд учитывает степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями пострадавшего [16].

Игорь Николаев и Ольга Точилкина в своей работе «Экономика морального вреда» предложили один из способов расчёта размера компенсации морального вреда – «методику А.М. Эрделевского». Согласно ей, размер компенсации морального вреда рассчитывается по формуле:

$D = d \cdot f(v) \cdot i \cdot c \cdot (1 - fs) \cdot p$, где D - размер компенсации действительного морального вреда, d – размер компенсации презюмируемого (без учёта конкретных обстоятельств дела) морального вреда, f_v – степень вины причинителя вреда, i – коэффициент индивидуальных особенностей потерпевшего, c – коэффициент учета заслуживающих внимания обстоятельств, в том числе влияние психотравмы на сферы жизнедеятельности потерпевшего, fs – степень вины потерпевшего [17, с. 54].



Как правило, в правоприменительной практике судами «метод Эрделевского» не используется, несмотря на имеющиеся место факты обоснования истцами размера компенсации морального вреда именно с использованием выполненного по этому методу расчета. Примером служит рассмотренное Оловяннинским районным судом Забайкальского края гражданское дело по иску к Министерству финансов Российской Федерации в лице Управления Федерального казначейства о компенсации морального вреда в целях реализации права на реабилитацию [18].

Выполненным истцом с помощью «метода Эрделевского» расчетом определена сумма морального вреда в размере 1 093 132,80 рублей. В расчёте размера компенсации морального вреда использовался минимальный размер оплаты труда в России на 1 января 2018 года в размере 9489 рублей в месяц [19]. Однако решением суда иск удовлетворен частично на сумму 20 000 рублей. При этом судом основания неприменения такой методики не мотивированы.

При определении размера компенсации важно учитывать все особенности и обстоятельства. Бывают случаи, когда судами вышестоящих инстанций размер компенсации значительно изменялся, поскольку принимались во внимание не учтенные ранее обстоятельства. В судебной практике количество полностью удовлетворенных требований истца незначительно. Вероятно, это связано с отсутствием нормативно урегулированной методики расчета размера компенсации морального вреда. Истцы могут злоупотреблять правом, требуя явно завышенные суммы ко взысканию. Александр Эрделевский отмечает, что зачастую истец на вопрос о размере взысканного вреда ответит: «Потому что считаю, что получение именно такой суммы компенсирует перенесенные мной страдания» [20, с. 57].

Стоит отметить, что при аналогичных обстоятельствах размер назначаемой решениями судов компенсации морального вреда зачастую в разы отличается, что свидетельствует об отсутствии единообразного подхода.



Велика разница между ожиданиями о справедливом размере компенсации морального вреда и реальной удовлетворяемой судами в среднем суммой компенсации морального вреда в различных спорах. Учитывая изложенное, видится целесообразным правовое регулирование и законодательное закрепление порядка расчёта и назначения размера компенсации морального вреда. Несмотря на то, что окончательное решение о назначении определённого размера компенсации морального вреда принимает суд, стоит законодательно определить чёткий порядок, критерии и алгоритм определения размера взыскиваемой суммы компенсации морального вреда. Подобные нормы смогут облегчить процесс принятия решения по данным исковым заявлениям судом, обеспечат однообразный подход к определению основных показателей, влияющих на размер компенсации морального вреда, что позволит гарантировать равенство прав граждан, в частности пострадавших. Данное нововведение в законодательстве может способствовать снижению числа исковых заявлений с завышенной суммой компенсации морального вреда, а также повышению процента удовлетворённых исков.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Ст. 45.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. N 51-ФЗ ст. 12 // Рос. газ. 08.12.1994 г.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ ч. 1 ст. 1101 // Рос. газ. 10.02.1996 г.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2022 N 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» п.1 // Рос. газ. 25.11.2022 г.



5. Терещенко А.В. Компенсация морального вреда / А.В. Терещенко // Закон и жизнь. – 2018. – Т. 2, № 4. – С. 30–36.
6. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза по делам о компенсации морального вреда в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Том 6. № 2. С. 26–40.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2022 N 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» п.12 // Рос. газ. 25.11.2022 г.
8. Сирик М.С. Категория морального вреда в уголовном судопроизводстве РФ / М.С. Сирик, С.Н. Сирик // Молодежь и наука: реальность и будущее: VIII Международная научно-практическая конференция. – Невинномысск, 2015. – С. 501–505.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. N 51-ФЗ ст. 151 // Рос. газ. 08.12.1994 г.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ ч. 2 ст. 1099 // Рос. газ. 10.02.1996 г.
11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2022 N 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» п.2 // Рос. газ. 25.11.2022 г.
12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2022 N 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» п.4 // Рос. газ. 25.11.2022 г.
13. Закон Российской Федерации от 07.02.1992 N 2300-1 «О защите прав потребителей» ст. 15 // Рос. газ. 16.01.1996 г.
14. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ ст. 1100 // Рос. газ. 10.02.1996 г.
15. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ ч. 2 ст. 1101 // Рос. газ. 10.02.1996 г.



16. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. N 51-ФЗ ст. 151 // Рос. газ. 08.12.1994 г.
17. Николаев, И. Экономика морального вреда / И. Николаев, О. Точилкина // Общество и экономика. – 2013. – № 9. – С. 41-72.
18. Решение Оловянинского районного суда Забайкальского края по гражданскому делу №2-410/2018 от 17 мая 2018 года // Судебные и нормативные акты РФ (sudact.ru) 23.05.2018 г.
19. Федеральный закон от 28.12.2017 N 421-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части повышения минимального размера оплаты труда до прожиточного минимума трудоспособного населения".
20. Эрделевский А.М. Моральный вред и компенсация за страдания. Научно-практическое пособие. М: Издательство БЕК, 1997. – 188 с.



ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

УДК 349.2

Аширбакиев Ринат Маратович

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

rashirbakiev02@mail.ru

Ashirbakiev Rinat

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Institute of Prosecutor's Office

Russia, Ekaterinburg

НЕДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЕ ЗАПРЕТЫ КАК СПОСОБ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ЖЕНЩИН. АРГУМЕНТЫ ПРОТИВ

Аннотация: в настоящей работе подвергается анализу один из подходов, который избирает законодатель при регулировании трудовых правоотношений с участием женщин и который выражается в установлении абсолютных и недифференцированных запретов на осуществление определенных видов трудовой деятельности. В статье приводятся аргументы о том, что данный способ правового регулирования нельзя признать оптимальным. Автор демонстрирует, что установление абсолютных запретов приводит к абсолютному ограничению трудовых прав женщин, а также, что у законодателя в распоряжении находится множество правовых инструментов, которые позволяют дифференцированно подходить к регулированию труда упомянутой категории работников.

Ключевые слова: трудовое право, Трудовой кодекс РФ, недифференцированный запрет, труд женщин, ограничение труда, свобода труда.



UNDIFFERENTIATED PROHIBITIONS AS A WAY OF LEGAL REGULATION OF WOMEN'S LABOR. ARGUMENTS AGAINST

Annotation: in this paper, one of the approaches chosen by the legislator in regulating labor relations with the participation of women is analyzed and which is expressed in the establishment of absolute and undifferentiated prohibitions on certain types of labor activity. The article provides arguments that this method of legal regulation cannot be considered optimal. The author demonstrates that the establishment of absolute prohibitions leads to an absolute restriction of women's labor rights, and also that the legislator has at his disposal a variety of legal instruments that allow a differentiated approach to regulating the labor of the mentioned category of workers.

Key words: labor law, the Labor Code of the Russian Federation, undifferentiated prohibition, women's labor, restriction of labor, freedom of labor.

Одним из основополагающих принципов трудового права является принцип единства и дифференциации правового регулирования. Данное руководящее начало на практике проявляется в установлении специальных правовых норм, содержащих изъятия из общего правового статуса работников [1, с. 78]. В Трудовом кодексе РФ непосредственной реализации данного принципа посвящен раздел XII, в котором отражены особенности осуществления труда отдельных категорий работников. Так, законодатель установил специальное регулирование в отношении несовершеннолетних; лиц, работающих по совместительству; сезонных рабочих; лиц, работающих вахтовым методом; надомников; дистанционных работников и др. [2, с. 287]. Специальный правовой статус в трудовых правоотношениях устанавливается и для женщин. Именно данной категории работников посвящена настоящая работа.

Дифференциация правового регулирования должна иметь под особой обоснованные и объективно существующие основания, достаточные для того,



чтобы оправдать особый статус соответствующих групп работников. Представляется, что установление в отношении женщин специальных правовых норм является социально необходимой мерой, которая вызвана их биологическими и психофизическими особенностями [3, с. 19]. Регулированию труда женщин посвящена глава 41 Трудового кодекса РФ, анализ которой позволяет сделать общий вывод о том, что изъятия из общего правового статуса работников обуславливаются реализацией публичного интереса в повышенной защите жизни и здоровья женщины [4, с. 153-154].

Вместе с этим, является важным обратить внимание на то, каким образом достигается и обеспечивается особое положение работников в трудовых правоотношениях. Так, одним из подходов, избранных законодателем, является установление абсолютных и недифференцированных запретов, что нашло свое выражение в части 1 статьи 259 Трудового кодекса РФ.

В приведенной статье содержится запрет на направление в служебные командировки, привлечение к сверхурочной работе, работе в ночное время, выходные и нерабочие праздничные дни беременных женщин. Таким образом, в период с первого и по последний день беременности женщина не может на законных основаниях осуществлять данные виды трудовой деятельности. Формулировка данной нормы исключает возможность иного ее толкования.

Главным тезисом настоящей работы является утверждение о том, что установление абсолютных и недифференцированных запретов при регулировании труда отдельных категорий работников, в частности женщин, является недопустимым, поскольку неизбежно приводит к несоразмерному ограничению их трудовых прав и законных интересов. Кроме того, у законодателя в распоряжении находится достаточное количество правовых инструментов, которые позволяют дифференцировано подходить к правовой регламентации труда женщин.

Рассуждения о целесообразности установления недифференцированных, абсолютных запретов должны сопровождаться ответами по меньшей мере на



два вопроса. Можно ли было обеспечить повышенную степень защиты жизни и здоровья женщин иными способами? Есть ли у законодателя объективная возможность избежать закрепления абсолютных запретов, не уменьшая при этом степень реализации данного публичного интереса?

Представляется необходимым начать освещение обозначенной темы с демонстрации того, какие частные интересы женщины затрагиваются, а фактически – умаляются, действующей редакцией ч. 1 ст. 259 Трудового кодекса РФ. Так, наиболее очевидным является то, что запрет определенных видов трудовой деятельности ущемляет право на свободу труда женщины [5, с. 133]. Каждый работник имеет право в полной мере реализовывать всю совокупность предоставляемых ему правовых возможностей, в том числе работать сверхурочно, направляться в командировки и т. д. Частные интересы женщины заключаются также в повышенной оплате труда (в случае со сверхурочными работами, работами в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни), получении нового профессионального опыта при выполнении поручений работодателя в рамках служебной командировки.

Таким образом, абсолютные запреты части 1 статьи 259 Трудового кодекса РФ приводят к абсолютному ограничению трудовых прав и законных интересов беременных женщин.

Вместе с этим подобное регулирование можно было бы признать социально оправданным, если бы иным образом упорядочить данную сферу общественных отношений не представлялось возможным, а установление автоматического запрета являлось бы наименьшим из возможных ограничений. В данном контексте необходимо обратиться к категории соразмерности ограничения прав и свобод человека и гражданина.

В этой связи представляется релевантным обратиться к правовой позиции Конституционного Суда РФ об обоснованности и соразмерности установления общих запретов и автоматических ограничений в праве [6]. Так, орган конституционного контроля отмечает, что принцип соразмерности требует



наличия явной и достаточной связи между ограничением и основанием, в соответствии с которым оно налагается. Поэтому, в случае, когда такая связь является нестабильной и в целом ряде случаев отсутствует, установление автоматических запретов не может быть признано оптимальным.

Возвращаясь к анализу части 1 статьи 259 Трудового кодекса РФ, следует отметить, что закрепленный в норме недифференцированный запрет не позволяет учитывать заслуживающие внимание обстоятельства действительных общественных отношений. Такими обстоятельствами, в частности, могут быть сам характер поручаемой женщине работы, отсутствие медицинских противопоказаний и др.

Представляется абсолютно реальной ситуация, при которой возникает необходимость направить беременного работника в служебную командировку при наличии следующих существенных условий: краткосрочность командировки; выполнение служебного задания, связанного с интеллектуальным трудом; направление в командировку на безопасном транспорте, в частности, на поезде; женщина находится на раннем сроке беременности и не имеет медицинских противопоказаний. Однако действующее правовое регулирование запретит работодателю направить такого работника в служебную командировку, а беременной женщине – реализовать свое право на свободу труда. Защищаются ли в данном случае жизнь и здоровье беременной женщины? Можно утверждать, что данный вопрос приобретает риторический характер.

При этом приведенный пример явно демонстрирует, что установленный части 1 статьи 259 Трудового кодекса РФ общий запрет далеко не во всех случаях обеспечивает реализацию публичного интереса в защите жизни и здоровья женщины. Таким образом, запрет на осуществлении соответствующих видов трудовой деятельности распространяется на все без исключения случаи беременности работника, а также применяется автоматически, то есть все независимо от необходимости обеспечения защиты жизни и здоровья



женщины, однако не свидетельствует о наличии достаточной связи между ограничением прав и основанием для того ограничения.

На данном этапе исследования целесообразно задаться вопросом, а мог ли законодатель иным образом урегулировать данную сферу общественных отношений, избежав установления автоматических ограничений, но тем не менее в достаточной степени обеспечив защиту жизни и здоровья женщины? Есть ли для этого соответствующие инструменты?

Обратимся к главе 41 Трудового кодекса РФ, которая посвящена особенностям регулирования труда женщин. Наравне с наличием в Трудовом кодексе абсолютных и недифференцированных запретов, во внимании законодателя находятся вполне объективные критерии для дифференциации правового регулирования.

Так в статье 253 Трудового кодекса РФ в качестве основания для ограничения трудовых прав женщин выступает опасный или вредный характер работы. Перечень таких работ не закрытый, но утверждается Министерством труда и социальной защиты с учётом мнения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений.

В статье 254 Трудового кодекса РФ ТК РФ критериями дифференциации являются наличие медицинских противопоказаний и неблагоприятных производственных факторов. В статье 255 Трудового кодекса РФ «Отпуска по беременности и родам» в основу правовой нормы заложен срок беременности. В части 2 статьи 259 Трудового кодекса РФ: наличие волеизъявления работника в форме письменного согласия и отсутствие медицинских противопоказаний.

Таким образом, у законодателя в распоряжении находится множество инструментов, которые он бы мог применить при регулировании вопросов о направлении в служебные командировки, привлечение к сверхурочной работе, работе в ночное время, выходные и нерабочие праздничные дни беременных женщин. В части 1 статьи 259 Трудового кодекса РФ можно было бы применить систему критериев дифференциации.



На основании изложенного представляется возможным сделать вывод о том, что применение недифференцированных и абсолютных запретов при регламентации труда женщин не является оптимальным способом воздействия на общественные отношения. Подобное правовое регулирование приводит к неизбежному ограничению трудовых прав и законных интересов женщин, нарушающему принцип соразмерности. Одновременно с этим, автоматические запреты не во всех случаях обеспечивают реализацию публичного интереса в защите жизни и здоровья женщины. У законодателя в распоряжении находятся достаточное количество инструментов, которые позволяли бы обеспечивать реализацию публичного интереса, не устанавливая автоматических запретов.

Список литературы:

1. Рогалева, И. Ю. Некоторые проблемы единства и дифференциации в правовом регулировании отношений в сфере труда / И. Ю. Рогалева // Право и государство: теория и практика. 2016. № 1(133). С. 78-81
2. Головина, С. Ю. Особые правовые приемы, используемые при регламентации трудовых отношений отдельных категорий работников / С. Ю. Головина // Ежегодник трудового права. 2013. № 8. С. 287-302.
3. Ульянова, Д. С. Особенности регулирования труда женщин / Д. С. Ульянова, А. Г. Остапенко // Уникальные исследования XXI века. 2016. № 3(15). С. 18-23.
4. Беспалова, А. Г. Некоторые вопросы регулирования труда беременных женщин / А. Г. Беспалова // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук : материалы XXXI международной научно-практической конференции, Москва, 22–23 ноября 2016 года / Научно-информационный издательский центр "Институт стратегических исследований". Москва: Научно-информационный издательский центр "Институт стратегических исследований", 2016. С. 153-159.



5. Головина, С. Ю. Конституционные принципы и права в сфере труда и их конкретизация в трудовом законодательстве России / С. Ю. Головина // Российский юридический журнал. 2015. № 1(100). С. 132-145.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ». 2016. № 17. Ст. 2480.



УДК 351.349.2

Старшинова Ксения Ярославовна

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина

Институт частного права

Россия, Москва

ksenia.starshinova@mail.ru

Starshinova Kseniia

Kutafin Moscow State Law University

Private Law Institute

Russia, Moscow

**КРИТЕРИИ АМОРАЛЬНОСТИ НЕСОВМЕСТИМОГО С
ПРОДОЛЖЕНИЕМ РАБОТЫ ПРОСТУПКА, СОВЕРШЕННОГО
РАБОТНИКОМ, ВЫПОЛНЯЮЩИМ ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ**

Аннотация: в статье анализируется понятие аморального проступка, несовместимого с продолжением работы, совершенного работником, выполняющим воспитательные функции. Рассматривается проблема отсутствия четких законодательно урегулированных критериев аморальности подобных деяний. Автор анализирует различные подходы к определению «аморального проступка», приводит критерии дифференциации действий работников, выполняющих воспитательные функции, а также классификацию аморальных проступков, которая позволит определить характер и степень их опасности.

Ключевые слова: трудовое право, увольнение работника, аморальный проступок, воспитательные функции, работодатель.

**CRITERIA OF IMMORALITY OF AN OFFENCE INCOMPATIBLE
MISDEMEANOUR COMMITTED BY AN EMPLOYEE PERFORMING
EDUCATIONAL FUNCTIONS INCOMPATIBLE WITH THE
CONTINUATION OF WORK**



Annotation: the article analyses the concept of immoral misconduct incompatible with the continuation of work, committed by an employee performing educational functions. The problem of the lack of clear legally regulated criteria of immorality of such acts is considered. The author analyses various approaches to the definition of "immoral misconduct", provides criteria for differentiation of actions of employees performing educational functions, as well as the classification of immoral misconduct, which will help to determine the nature and degree of their danger.

Key words: labour law, dismissal of an employee, immoral misconduct, educational functions, employer.

Актуальной проблемой науки трудового права является определение оснований для расторжения трудового договора с работниками, выполняющими воспитательные функции, в случае совершения ими аморального проступка.

Согласно положениям Трудового кодекса РФ, работодатель вправе инициировать увольнение педагогического работника при наличии обстоятельств, которые свидетельствуют о несовместимости совершенного работником проступка с продолжением им профессиональной деятельности (ст. 81, п. 8) [1].

Однако действующее законодательство не содержит четких критериев для юридической квалификации того или иного действия в качестве аморального проступка применительно к сфере образования. Отсутствие конкретизации данного основания для увольнения на практике приводит к неоднозначному толкованию и правоприменению соответствующей нормы.

В научной литературе также не сложилось общепринятого подхода к определению понятия «аморальный проступок» применительно к деятельности работников, реализующих воспитательные функции. Различные авторы трактуют его неоднозначно, акцентируя внимание на разных аспектах.



С точки зрения общенаучного подхода, аморальный проступок можно определить как действие или бездействие, нарушающее общепринятые морально-нравственные нормы и этические ценности. Применительно к рассматриваемой категории работников, на наш взгляд, данное определение нуждается в конкретизации с учетом специфики их профессиональной деятельности.

В педагогической науке аморальный проступок чаще всего понимается как нарушение педагогом этических норм и требований профессиональной морали, которое может оказать негативное влияние на обучающихся. С юридической точки зрения акцент делается на противоправности действий работника и их несоответствии установленным законом моральным принципам.

В условиях развития цифровых технологий и их активного проникновения в сферу образования, проблема аморальных проступков работников, выполняющих воспитательные функции, приобретает новые формы и особенности. Как справедливо подчеркивает А.А. Кульпин, активное развитие цифровых технологий открывает новые возможности для нарушения этических и правовых норм [6, с. 135], в том числе в профессиональной деятельности педагогических работников.

В частности, использование интернета и социальных сетей сопряжено с рисками кибербуллинга в отношении учащихся, распространения оскорбительных высказываний и изображений, несанкционированного сбора и использования персональных данных и даже распространение заведомо ложной информации, предусмотренной ст. 207.3 УК РФ [9].

Авторы Н.А. Данилова и А.А. Кульпин справедливо обращают внимание на проблему распространения недостоверной информации в период проведения специальной военной операции [5, с. 39]. Распространение работниками образовательных организаций заведомо ложных сведений (фейков), предусмотренных ст. 207.3 УК РФ, может нанести существенный вред как обучающимся, так и репутации самого работника и учреждения.



Схожей позиции также придерживаются Синявская С. П. и Панкова Е. Н., по мнению которых дети и подростки наиболее подвержены влиянию недостоверной информации, особенно исходящей от педагогов, которым они доверяют, что чревато искажением мировоззрения, паникой и другими негативными последствиями [8, с. 110].

На наш взгляд, опасность также заключается в том, что подобные действия в виртуальном пространстве могут быстро распространяться среди значительной аудитории и причинять серьезный вред. Кроме того, появляются новые риски нарушения работниками норм профессиональной этики в онлайн-взаимодействии с учениками и их родителями, например, некорректные комментарии в мессенджерах и социальных сетях. В этой связи видится необходимым разрешение данного пробела в законодательстве с целью минимализации количества дискуссий по рассматриваемой проблеме и приведения к единообразию судебной практики по данной категории трудовых споров.

Отметим, что расторжение трудового договора по основанию, предусмотренному п. 8 ст. 81 ТК РФ, возможно лишь в отношении ограниченного круга работников, профессиональная деятельность которых носит воспитательный характер. Согласно разъяснениям, данным в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, речь идет о педагогических работниках, выполняющих воспитательные функции в качестве основного вида трудовой деятельности. К таким профессиям относятся учителя, преподаватели образовательных учреждений, мастера производственного обучения, а также воспитатели детских садов и других учреждений, работающие с несовершеннолетними [2].

Перечень не является исчерпывающим, однако можно констатировать, что речь идет о специалистах, чья работа направлена на воспитание, образование и развитие обучающихся. Соответственно, данное основание



неприменимо для увольнения работников иных профессий, не связанных напрямую с педагогической деятельностью.

При этом правомерность увольнения работника, выполняющего воспитательные функции, в связи с совершением аморального проступка должна определяться с учетом совокупности факторов.

Во-первых, необходимо анализировать должностные обязанности конкретного работника на основании трудового договора, должностной инструкции и иных локальных актов, что позволит установить, в какой мере его профессиональная деятельность связана с реализацией воспитательных функций.

Во-вторых, при оценке аморальности проступка следует учитывать степень значимости выполняемых работником воспитательных функций, а также характер и обстоятельства самого проступка.

В-третьих, обязательным условием для применения рассматриваемого основания увольнения является установление факта несовместимости совершенного работником проступка с продолжением им педагогической деятельности.

Такой комплексный подход к оценке ситуации соответствует принципам трудового законодательства и позволяет обеспечить соблюдение прав как работников (в том числе и на обжалование в суде), так и работодателей в данной сфере.

Как уже указывалось ранее, понятие «аморальный проступок» не нашло свое отражение. Однако, стоит отметить, что применительно к основаниям расторжения трудового договора с работником, осуществляющим воспитательные функции, оно носит оценочный характер и нуждается в уточнении с учетом сложившейся правоприменительной практики.

Исходя из позиций, отраженных в судебных актах, аморальным проступком следует считать виновное действие или бездействие работника, нарушающее основополагающие морально-нравственные нормы, принятые в



обществе [3]. При этом место и время совершения такого проступка значения не имеют - он может быть совершен как по месту работы, так и в быту [2]. Главный критерий аморальности в рассматриваемом контексте — это несоответствие поведения работника тем этическим и моральным требованиям, которые предъявляются к лицам, выполняющим воспитательные функции. Установление данного факта является основанием для применения нормы об увольнении по причине утраты доверия к такому работнику с учетом специфики его профессиональной деятельности.

Федеральное законодательство в сфере образования устанавливает для педагогических работников обязанность соблюдать этические нормы и следовать требованиям профессиональной морали. В частности, согласно статье 48 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», к обязанностям педагога относятся учет особенностей психофизического развития обучающихся, соблюдение правовых, нравственных и этических норм, следование требованиям профессиональной этики, а также уважение чести и достоинства всех участников образовательных отношений [4].

Таким образом, действующее законодательство закрепляет необходимость для работников, выполняющих воспитательные функции, руководствоваться в своей деятельности не только правовыми предписаниями, но и моральными принципами, этическими нормами. Это обусловлено особым характером педагогического труда, влиянием работников данной сферы на формирование личности обучающихся. Указанные требования лежат в основе определения критериев аморальности проступков, совершаемых сотрудниками.

С учетом изложенного интересной представляется предложенная М.Н. Малединой классификация аморальных проступков работников, выполняющих воспитательные функции, представляется весьма обоснованной и перспективной. Автор разделяет такие проступки на три группы в зависимости от масштаба негативных последствий: проступки, влияющие преимущественно



на обучающихся; проступки, влияющие на трудовой коллектив; проступки, наносящие ущерб имиджу и репутации организации [7, с. 66–67].

Дифференциация аморальных действий работников по данному основанию позволяет более точно определить их содержание и характер, а также дифференцировать степень общественной опасности таких проступков. Предложенный подход может использоваться для выработки критериев оценки аморальности проступка применительно к целям правового регулирования трудовых отношений. Учет негативных последствий по отношению к различным объектам повышает обоснованность решения вопроса о возможности продолжения работы лицом, их совершившим.

Наглядным примером и подтверждением необходимости введения таких изменений в трудовое законодательство выступает судебная практика. Определением Третьего кассационного суда общей юрисдикции были удовлетворены требования о восстановлении истца на работе в должности учителя начальных классов и о признании приказа об увольнении по п. 8 ст. 81 ТК РФ незаконным. В рассматриваемом случае аморальным проступком, несовместимым с продолжением работы, было воспринято распространение фотографий интимного содержания работника, из объяснений которой следовало, что об их существовании она не знала, поскольку снимки были удалены. Также истец указывает, что фотографии были личными, разрешения на их копирование и распространение она никому не давала. Однако приказом директора учитель начальных классов все же была уволена на основании п. 8 ч. 1 ст. 81 ТК РФ [10].

Возникновение подобных трудовых споров является последствием неурегулированности законодательного понятия аморального проступка как такового и отсутствия конкретных критериев для определения тяжести деяний, подпадающих под такую характеристику. Рассматривая приведенную ранее классификацию аморальных проступков в контексте указанного примера из судебной практики, можно констатировать, что деяния, совершенные учителем



младших классов, подпадают под третью группу и являются наиболее малозначительными. Так, в случае законодательного закрепления критериев дифференциации аморальных проступков, данные деяния могли бы привести к менее тяжким последствиям и санкциям для работника, выполняющего воспитательные функции.

Решение рассматриваемой проблемы видится возможным посредством введения новых положений в трудовое законодательство. Так, например, разделение аморальных проступков на три группы в зависимости от степени воздействия на обучающихся и трудовой коллектив позволит не только установить критерии аморальности совершаемых работником, выполняющим воспитательные функции, деяний, но и определить соразмерное наказание в случае возникновения спорной ситуации.

Список литературы:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», № 1 (ч. 1), ст. 3, 07.01.2002.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // «Официальные документы в образовании», № 12.
3. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) 6-е издание, под ред. О.А. Шевченко // «Проспект», 2022.
4. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», № 53 (ч. 1), ст. 7598, 31.12.2012.
5. Данилова Н. А., Кульпин А. А. Обстоятельства, подлежащие установлению в ходе расследования публичного распространения заведомо ложной информации о действиях Вооруженных Сил Российской Федерации и иных участников специальной военной операции на территории Украины (ст. 207.3 УК РФ) // Криминалисть. – 2023. – № 4 (45). – С. 38—45.



6. Кульпин А. А. О необходимости расширения круга субъектов трудового права, как следствие цифровизации в период пандемии covid-19 // Альманах молодого исследователя. – 2021. – № 10. – С. 135–137.
7. Малеина М. Н. Аморальный проступок преподавателя: правовая оценка понятия и последствий в сфере трудового и гражданского права / М. Н. Малеина // Журнал российского права. – 2018. – № 10 (262). – С. 61–72.
8. Синявская С. П., Панкова Е. Н. Особенности анализа экстремистского дискурса на современном этапе // Криминалисть. 2022. – № 2 (39). – С. 110–115.
9. Уголовное дело № 1–184/2022 (2022 г.). Архив Ленинского районного суда г. Пензы.
10. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 16.12.2019 года № 88–1181/2019.



ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК №29

**ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО; ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО;
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО**

УДК 504.03

Ле Хоанг Ань Хой

Академия народной безопасности Вьетнама

Кафедра профессиональных основ

Вьетнам, Ханой

tieungao142@gmail.com

Le Hoang Anh Khoi

People's Security Academy

Department of Professional Fundamentals

Vietnam, Hanoi

**О ПРОБЛЕМАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ ВЬЕТНАМА**

Аннотация: в настоящее время обеспечение экологической безопасности стало глобальной проблемой, требующей сотрудничества и обмена опытом между странами. Проблемы экологической безопасности не только угрожают безопасности человека, экономике, продовольствию... но и являются одной из основных угроз национальной безопасности и выживанию человечества. Во Вьетнаме качество окружающей среды пагубно меняется для жизни людей. В статье рассматриваются некоторые вопросы экологической безопасности Вьетнама в текущий период.

Ключевые слова: экологическая безопасность, национальная безопасность, люди, глобальная проблема, Вьетнам, угрожать.

**REGARDING THE CHALLENGES OF GUARANTEEING
ENVIRONMENTAL SAFETY VIETNAM**



Annotation: ensuring environmental safety is becoming a worldwide issue that calls for international collaboration and experience sharing. Environmental safety issues are a major threat to human survival and national security in addition to endangering economics, food security, and human safety. The environment has a negative impact on people's life in Vietnam. The article addresses a few concerns regarding Vietnam's environmental safety at the present.

Key words: environmental safety, national security, people, global problem, Vietnam, threaten.

Экологическая безопасность «это состояние, в котором экологическая система способна обеспечить безопасные условия жизни людей, проживающих в ней» [1, с. 117].

Кроме того, экологическая безопасность также понимается на национальном, региональном или глобальном уровне. Более значительные события, такие как парниковый эффект, крупномасштабное опустынивание, разрушение озонового слоя и другие. В настоящее время причины отсутствия экологической безопасности во Вьетнаме могут быть классифицированы как естественные, деятельность человека или сочетание этих факторов:

- *Отсутствие экологической безопасности из-за стихийных бедствий:* стихийные бедствия - это изменения природы, которые наносят ущерб людям и производству. Чтобы смягчить и ограничить ущерб, причиненный стихийными бедствиями, люди стремятся предотвратить их главным образом путем укрепления способности предсказывать, прогнозировать, адаптировать совместное проживание, планирование, проектирование работ по адаптации и спасению при стихийных бедствиях. Стихийные бедствия могут затронуть многие области, такие как экономика, политика, вооруженные силы, безопасность и оборона...

- *Угрозы экологической безопасности из-за деятельности человека:* Избыточная эксплуатация природных ресурсов приведет к истощению



природных ресурсов, дисбалансу в экосистеме и значительной деградации окружающей среды. Экологическая нестабильность может быть вызвана такими факторами, как чрезмерный рост населения, необоснованное использование энергии, чрезмерная эксплуатация природных ресурсов и уничтожение военных. Опрос, проведенный Министерством природных ресурсов и окружающей среды в 2023 году, привел к следующим результатам: 33,9% респондентов сказали, что природные ресурсы Вьетнама бесконечны; 36,9% сказали, что лесные ресурсы Вьетнама бесконечны; 27,55% сказали, что загрязнены только поверхностные воды, но нет подземных вод; и 29,2% сказали, что окружающая среда загрязнена в городах, но не в сельской местности [2, с. 89].

Кроме того, между такими законами, как Закон об охране окружающей среды, Закон о земле, Закон об охране лесов, Закон о полезных ископаемых и другими законами, все еще существует множество неспецифических и пересекающихся положений в правовой системе окружающей среды. Недостаточно механизмов для урегулирования экологических споров и конфликтов, а также возмещения ущерба, причиненного загрязнением окружающей среды.

Во Вьетнаме считается, что обеспечение экологической безопасности является регулярной и долгосрочной задачей для политической системы и всего общества. Одним из самых важных вопросов человечества является охрана окружающей среды. Он влияет на социально-экономическое развитие, политическую стабильность, национальную безопасность и оборону, а также на международную экономическую интеграцию и здоровье и качество жизни людей. Вьетнам также сталкивается с глобальным изменением климата, сокращением биоразнообразия, опустыниванием земель, истощением лесов, истощением пресноводных и морских ресурсов и другими проблемами, включая:



Глобальное изменение климата, повышение уровня моря, угрожающее окружающей среде: очевидно, что одним из наиболее важных вопросов экологической безопасности в настоящее время является то, что изменение климата и повышение уровня моря представляют собой серьезную проблему, которая значительно угрожает целям устойчивого развития и источникам средств к существованию людей. Явления El Niño (Эль-Ниньо и Ла-Нинья) становятся все. Вьетнам является одной из пяти стран Азии, которые испытывают наибольшие последствия изменения климата и повышения уровня моря.

В результате изменения климата частота и интенсивность стихийных бедствий увеличились в последние годы. Это привело к значительным потерям жизни, имущества, инфраструктуры, экономики, культуры, общества и неблагоприятному воздействию на окружающую среду. Центральное побережье, дельта Красной реки и дельта Меконга наиболее уязвимы. В частности, в связи с повышением уровня моря дельта Меконга является одной из самых уязвимых и уязвимых дельт в мире. Согласно статистическим данным, с 1949 по 2018 год на побережье Вьетнама обрушилось 453 тропические шторма или впадины, что составляет в среднем 6-7 штормов в год. Ураганная активность наиболее интенсивна в средней части северного моря. Несмотря на то, что они произошли в разное время, шторм ударил по всему побережью Вьетнама. Вьетнамская среднегодовая температура в период 1991–2020 гг. была выше среднегодовой температуры 1931–1960 гг. На карте распределения осадков нашей страны много изменений, неравномерное распределение и аномалии. Сокращая природные ресурсы, изменяя социальную структуру и инфраструктуру экономики, и вызывая социально-политическую нестабильность, изменение климата было и продолжает оказывать все большее влияние на жизнь и средства к существованию людей [3, с. 96].

В прибрежных районах изменение климата и повышение уровня моря оказывают значительное влияние на все природные, социально-экономические,



медицинские, человеческие жизни, а также на социальное обеспечение и порядок. Нарушения сельскохозяйственного климатического цикла вызывают рост вредителей и эпидемий, снижение урожайности культур и ряд других серьезных проблем. Согласно расчетам ученых, изменение климата приведет к снижению урожайности ярового риса в дельте Красной реки на 3,7% к 2030 году и на 16,5% к 2070 году. Урожайность риса снизится на 1% к 2030 году и на 5% к 2070 году, если не будет своевременных и эффективных мер реагирования.

- *Водная безопасность:* во Вьетнаме есть 2360 рек, которые образуют 16 речных бассейнов. Благодаря своей географии более 60% поверхностных вод Вьетнама поступает из других стран. Например, 95% бассейна реки Меконг происходит из верхнего течения реки Меконг; почти 40% поверхностных вод Красной реки — реки Тай Бинь — происходит из Китая; 30% реки Ма, 22% реки Ка и 17% реки Донг Най происходят из Камбоджи.

Поскольку наша основная зависимость от поставок проистекает из торговли территориями, использование соседних стран, особенно реки Меконг и Красной реки, может поставять под угрозу наши водные ресурсы. Несмотря на то, что они влияют на Вьетнам, эти две реки используются странами выше по течению, особенно Китаем и Таиландом. Десятки миллионов людей, проживающих в дельте Меконга, находятся в прямой опасности из-за множества плотин и водохранилищ, построенных на реке Меконг Китаем, Таиландом и Лаосом. Кроме того, Красная река истощается и загрязняется, в частности из-за выбросов вредных сточных вод из промышленных районов, проходящих через границу. Наиболее опасным фактором является риск утечки ядерной радиации с выше по течению китайских атомных электростанций. Если страны с интересами, связанными с нашей страной, будут сознательно реализовывать проекты развития со связанными странами, спор о водных ресурсах между Вьетнамом и странами региона также станет напряженным и серьезным в ближайшем будущем [4, с. 34].



Нехватка воды часто возникает в сухой сезон из-за привычек людей использовать большое количество воды для производства и сельскохозяйственного выращивания. Однако во многих местах нет разумных мер по сохранению и хранению воды в сезон дождей и паводков, чтобы постепенно использовать ее в сухой сезон. Поскольку объем поверхностных вод на душу населения в год составляет всего 3840 м³, Вьетнам входит в группу стран с «нехваткой воды». Это ниже целевого показателя Международной ассоциации водных ресурсов (IWRA) в 4000 м³ на душу населения в год. Это рассматривается как парадокс для страны с такой плотной сетью рек, как наша [5].

- *Морская экологическая безопасность:* Хотя Вьетнам обладает морскими преимуществами, у нашей страны есть проблемы с экологической безопасностью и суверенитетом территории. Сообщается, что 80% коралловых рифов Южно-Китайского моря находятся в упадке, что приводит к уменьшению рыбных запасов. В последнее время незаконное украшение и строительство Китаем больших искусственных пород в Восточном море также ухудшило окружающую среду моря. В настоящее время от 70 до 80 процентов морских отходов происходят из заводов, промышленных парков и жилых районов [6]. Эти предприятия сбрасывают неочищенные сточные воды и твердые отходы в реки в прибрежных равнинах или непосредственно в море. Кроме того, существуют ограниченные возможности реагирования на загрязнение морской среды.

- *Трансграничное загрязнение:* недавно рядом с Вьетнамом были построены несколько китайских атомных электростанций. Это действительно серьезная проблема трансграничного загрязнения, которая угрожает национальной и экологической безопасности. Кроме того, Вьетнам может стать «мировой промышленной свалкой». Согласно статистике Главного таможенного управления, в 2011 году было выявлено 17 случаев выловки



опасных отходов в объеме 573 тонны, а в 2012 году было зарегистрировано 30 случаев с объемом 3868 тонн.

- *Деградация лесных ресурсов и биоразнообразия*: тревожный факт, что качество естественных лесов продолжает ухудшаться. Лесной покров увеличивается, но в основном это лесонасаждения с низким биоразнообразием. Общая площадь выжженных лесов в 2014 году увеличилась на 157,2% по сравнению с предыдущим годом, составив 3157 га. За 47 лет (1943–1990) темпы потери мангровых зарослей были в 1,7 раза выше, чем за последние 22 года (1990–2012 гг.). К 2012 году вновь посаженные леса, чистые типы и плохое качество лесов по размеру, высоте и разнообразию видового состава составляли 56% общей площади мангровых зарослей по всей стране.

Экологическая безопасность считается одной из регулярных и долгосрочных задач как политической системы, так и всего общества. Для упреждающего снижения угроз экологической безопасности Вьетнаму необходимо внедрить множество решений, в том числе:

- *Во-первых, продвижение информации, коммуникации и образования для повышения осведомленности общества*

Содействовать работе по информированию, коммуникации и просвещению для повышения осведомленности общества, прежде всего партийных организаций, государственных органов, предприятий, общественно-политических организаций и кадров и членов партии по вопросам экологической безопасности и экологической безопасности; сделать так, чтобы задача защиты экологической безопасности стала осознанием и самосознательными действиями каждого члена общества, стала культурным образом жизни каждого человека; сформировать общественное мнение, осуждающее акты растраты ресурсов, сжигания лесов, загрязнения окружающей среды, охоты и потребления живой природы; сделать экологическую безопасность действительно важной составной частью национальной безопасности.



- во-вторых, продолжить изучение и постепенное совершенствование правовой системы по вопросам охраны окружающей среды и разработку законов об экологической безопасности; укрепить потенциал специализированных учреждений, отвечающих за охрану окружающей среды, создать специализированные учреждения для обеспечения национальной экологической безопасности;

Что касается законотворческой работы, то помимо продолжения изучения, дополнения и внесения изменений в закон об охране окружающей среды, необходимо изучить формулировку и обнародование закона об экологической безопасности [7]. Изучить создание национального агентства экологической безопасности, по направлению: являющегося государственным органом с функцией государственного управления охраной экологической безопасности, выполняющего задачи по охране экологической безопасности, являющегося координационным центром международных отношений и сотрудничества в области охраны окружающей среды и обладающего компетенцией по рассмотрению актов нарушения экологической безопасности.

- В-третьих, сосредоточиться на инвестировании в улучшение потенциала для прогнозирования, предупреждения и преодоления последствий стихийных бедствий и реагирования на изменение климата:

Заблаговременно разрабатывать и организовывать учения по отработке сценариев и планов реагирования на экстремальные погодные ситуации, штормы, наводнения, землетрясения, цунами и ядерные катастрофы. Хорошо подготовить планы миграции, перенести важные работы по национальной обороне и безопасности из опасных районов. Организовать обзор и оценку влияния проектов развития на повседневную жизнь и производство людей, минимизировать экологические конфликты, особенно конфликты между промышленностью (гидроэнергетика, концентрированные индустриальные парки) и фермерскими и рыболовецкими сообществами, между людьми и органами власти, предприятиями и инвесторами из-за



загрязнения, сбрасываемого предприятиями в окружающую среду и правительство, чтобы люди подозревали помощь государственных чиновников.

- В-четвертых, укрепление международного сотрудничества в области охраны окружающей среды:

Обратиться за международной поддержкой и помощью в области экологической безопасности и защиты окружающей среды. Особое внимание уделяется надлежащему урегулированию споров по водной безопасности в рамках субрегионов Меконга и Красной реки и эксплуатации рыбных ресурсов в Южно-Китайском море с Китаем и соответствующими странами.

В настоящее время Вьетнам активно участвует в 19 международных природоохранных договорах, уделяя особое внимание эффективному выполнению двусторонних и многосторонних договоров. То есть содействие реализации мероприятий по сотрудничеству в рамках подписанных Меморандумов о взаимопонимании с Лаосом, Россией, Польшей, Японией, Китаем, Нидерландами, Италией, Кореей, Кубой, Францией; рассмотрение, оценка и представление компетентным органам подписания Меморандумов о взаимопонимании на уровне министров по вопросам охраны окружающей среды и реагирования на изменение климата с потенциальными международными партнерами. Поэтому необходимо содействовать институциональному совершенствованию, административной реформе, улучшению условий для иностранных инвестиций, связанных с привлечением инвестиций с мониторингом процесса реализации, обеспечением экономической безопасности, социально-экономической - экологической эффективности; стимулировать деятельность государственно-частного сотрудничества для участия в охране окружающей среды, развитии циркулярной экономики; эффективно выполнять международные обязательства, а также реализовывать стратегии свободной торговли с экономическими и торговыми партнерами в соответствии с интересами и



особенностями страны; активно участвовать в разработке общих правил и законов, способствовать решению мировых экологических проблем.

- В-пятых, гармонично и синхронно решить связь между экономическим развитием, охраной окружающей среды и социальными вопросами

С сегодняшним демографическим взрывом, когда 66% населения мира будет жить в городах к 2050 году, города будут все чаще сталкиваться с социально-экономическими и экологическими проблемами. Более того, в последние годы чрезмерная эксплуатация ресурсов, растущая индустриализация и урбанизация, наряду с современным образом жизни, использование энергии, приводящие к увеличению выбросов парниковых газов, вызывают негативные последствия для окружающей среды и людей. Поэтому переход к циркулярной экономике неизбежен для достижения более устойчивого и инклюзивного развития [8]. Циклическое экономическое развитие способствует экономическому развитию путем продления жизненного цикла продуктов, сокращения отходов, ограничения загрязнения окружающей среды, восстановления и регенерации природных ресурсов, а также помогает сократить выбросы парниковых газов и более эффективно использовать ресурсы. Это помогло модели экономики замкнутого цикла получить широкий интерес и применение в различных областях по всему миру.

Окружающая среда во Вьетнаме в настоящее время очень небезопасна для людей. Люди страдают от негативного воздействия окружающей среды. Отсутствие экологической безопасности является причиной экономических, политических и социальных кризисов. Чтобы обеспечить экологическую безопасность, в стратегии социально-экономического развития люди должны поддерживать дух, чувство ответственности, балансировать между непосредственными и долгосрочными выгодами, сочетать инвестиции в экономическое развитие с инвестициями в охрану окружающей среды.

Список литературы:



1. Нгуен Динь Хое, учебник «Экологическая безопасность», Ханой, 2003 г., с.117.
2. Нгуен Динь Хое, учебник «Окружающая среда и устойчивое развитие», образовательное издательство, ноябрь 2007 г., с.89.
3. Чан Тхи Тхуй Ха, Экологическая безопасность во Вьетнаме сегодня, Журнал социальных наук Вьетнама, № 6 - 2017, с.96.
4. Лук Чиеу Ви, Обсуждая нетрадиционную безопасность, Издательство «Текущие события», Ханой, 2005 г., с.34.
5. Hội thảo tham vấn chuyên gia cho dự án “Điều tra khảo sát vết cacbon và đề xuất hệ thống giám sát cacbon đen ở Việt Nam” [Электронный ресурс] URL: <https://imh.ac.vn/hoi-thao-tham-van-chuyen-gia-cho-du-an-dieu-tra-khao-sat-vet-cacbon-va-de-xuat-he-thong-giam-sat-cacbon-den-o-viet-nam/> (Дата обращения: 30.01.2024)
6. Văn Nam: “Tiêu hao năng lượng ngành công nghiệp Việt Nam cao gấp 1,6 lần khu vực”, Thời báo Tài chính, [Электронный ресурс] URL: <https://thoibaotaichinhvietnam.vn/tieu-hao-nang-luong-nganh-cong-nghiep-viet-nam-cao-gap-16-lan-khu-vuc-112906.html> (Дата обращения: 28.01.2024)
7. Châu Anh: “Sử dụng năng lượng tiết kiệm và hiệu quả hướng đến sự phát triển bền vững năng lượng Việt Nam”, Cổng thông tin điện tử Bộ Công Thương (MOIT), [Электронный ресурс] URL: <https://moit.gov.vn/tin-tuc/su-dung-nang-luong-tiet-kiem-va-hieu-qua/su-dung-nang-luong-tiet-kiem-va-hieu-qua-huong-den-su-phat-trien-ben-vung-nang-luong-viet-nam.html> (Дата обращения: 30.01.2024)
8. Hương Loan: “Cả nước chỉ có 19,3% cụm công nghiệp có hệ thống xử lý nước thải”, Tạp chí điện tử VnEconomy, [Электронный ресурс] URL: <https://vneconomy.vn/ca-nuoc-chi-co-19-3-cum-cong-nghiep-co-he-thong-xu-ly-nuoc-thai.htm> (Дата обращения: 29.01.2024)



Молчанов Максим Дмитриевич
Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Институт Частного права
Россия, Москва
molchanov2014@gmail.com
Molchanov Maksim
The University named after O.E. Kutafin (MSAL)
The Institute of Private Law
Russia, Moscow

ПРАВОВОЙ СТАТУС САМОРЕГУЛИРУЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СФЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Аннотация: в статье представлен обзор правового статуса саморегулируемых организаций в сфере строительства в России и за рубежом. Проанализированы базовые положения, регулирующие деятельность саморегулируемых организаций в сфере строительства в России. Проведен сравнительный анализ правового статуса саморегулируемых организаций и ассоциаций. Кроме этого, был проведен правовой анализ и сравнение данного института в разных странах. В статье был сделан упор на рассмотрение правового регулирования саморегулируемых организаций в США и Германии.

Ключевые слова: строительство, саморегулируемые организации в сфере строительства, ассоциации, профессиональные объединения, некоммерческие организации.

THE LEGAL STATUS OF SELF-REGULATING ORGANIZATIONS IN THE FIELD OF CONSTRUCTION IN RUSSIA AND ABROAD

Annotation: the article provides an overview of the legal status of self-regulating organizations in the construction sector in Russia and abroad. The basic provisions



regulating the activities of self-regulatory organizations in the construction sector in Russia are analyzed. A comparative analysis of the legal status of self-regulating organizations and associations is carried out. In addition, a legal analysis and comparison of this institution in different countries was carried out. The article focuses on the consideration of the legal regulation of self-regulatory organizations in the USA and Germany.

Key words: construction, self-regulating organizations in the field of construction, associations, professional associations, non-profit organizations.

Саморегулируемые организации (далее - СРО) в строительстве представляют собой довольно распространенное явление. Так, СРО - это некоммерческая организация, созданная в форме ассоциации (союза) и основанная на членстве индивидуальных предпринимателей и (или) юридических лиц, выполняющих инженерные изыскания или осуществляющих подготовку проектной документации или строительство, реконструкцию, капитальный ремонт, снос объектов капитального строительства по договорам о выполнении инженерных изысканий, о подготовке проектной документации, о строительстве, реконструкции, капитальном ремонте, сносе объектов капитального строительства, заключенным с застройщиком, техническим заказчиком, лицом, ответственным за эксплуатацию здания, сооружения, либо со специализированной некоммерческой организацией, которая осуществляет деятельность, направленную на обеспечение проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах.

Необходимость в создании СРО в сфере строительства возникла в связи с необходимостью контроля деятельности строительных организаций при минимальном участии государства. До 2010 года данные функции были возложены на государство путем осуществления лицензирования строительной деятельности. Далее эта обязанность была переложена непосредственно на самих участников рынка.



Для приобретения некоммерческой организацией статуса СРО необходимо соответствовать определенным требованиям. Обозначим основные из них: наличие компенсационного фонда (компенсационный фонд формируется исключительно в денежной форме за счет взносов членов саморегулируемой организации), наличие у некоммерческой организации стандартов СРО и внутренних документов, разработка и утверждение которых являются обязательными, объединение в составе некоммерческой организации в качестве ее членов не менее чем пятьдесят индивидуальных предпринимателей и (или) юридических лиц (в отношении СРО осуществляющие строительство, нужно не менее ста), для СРО осуществляющие строительство, необходимо отсутствие территориальных подразделений, обособленных филиалов и представительств, расположенных за пределами территории субъекта Российской Федерации, в котором такая некоммерческая организация зарегистрирована (данное требование не распространяется на СРО, выполняющих инженерные изыскания или осуществляющих подготовку проектной документации).

Существует несколько видов объединений: СРО, основанные на членстве лиц, выполняющих инженерные изыскания; подготовку проектной документации; осуществляющие непосредственно строительство.

Стоит отметить, что не для всех участников строительного рынка членство в СРО является обязательным. Так, обязанность состоять в СРО не возлагается на следующих субъектов: государственные и муниципальные унитарные предприятия; если размер обязательств по строительству, реконструкции, капитальному ремонту объектов капитального строительства не превышает 10 млн. рублей; юридическим лицам, где учредителями выступают публично–правовые образования (с долей собственности 50% и выше); предприниматели, которые занимаются строительством объектов индивидуального жилищного строительства, объектов не являющимися объектами капитального строительства, вспомогательных сооружений.



Стоит также упомянуть о целях СРО в сфере строительства, которые закреплены в градостроительном кодексе Российской Федерации (далее - ГрК РФ). СРО в сфере строительства преследует следующие цели: предупреждение причинения вреда, повышение качества выполнения работ, обеспечение исполнения членами саморегулируемых организаций обязательств по договорам подряда. Очевидно, что деятельность СРО направлена как на уменьшение вреда во время осуществления строительства и иных работ, так и создание дополнительных требований при осуществлении этих работ. На наш взгляд, данный подход является более гибким решением по сравнению с лицензированием, так как сами строительные организации участвуют в разработке требований к строительным организациям и могут в лучшей степени оценить необходимость наличия тех или иных требований. Члены СРО имеют множество преимуществ по сравнению с застройщиками, проектировщиками и изыскателями, не входящими в СРО.

Далее необходимо рассмотреть преимущества членства в СРО. СРО представляет интересы членов саморегулируемой организации в их отношениях с органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления; возможность возмещения ущерба, причиненного заказчику, за счет компенсационных фондов; возможность участия в различных тендерах в том числе государственных (так как членство в СРО является обязательным); обмен опытом и наработками с другими членами.

Участие в СРО повышает престиж строительной организации и доверие у заказчиков за счет формирования компенсационных фондов и предъявления повышенных требований к членам СРО.

Однако есть определенные проблемы в сфере рассматриваемых отношений. В законе не определен общий механизм привлечения к ответственности причинителя вреда (члена СРО), последовательность предъявления требований к указанным лицам, основания, условия и сроки



выплаты средств из компенсационного фонда СРО. Кроме того, установление дополнительных требований к участникам СРО носит необязательный характер, в связи с этим многие СРО не устанавливают дополнительные требования к процессу осуществления строительства и корпоративному управлению компании. Соответствующие недостатки в правовом регулировании могли бы быть решены в специальных законах, однако они так и не были решены. Следует более подробно рассмотреть обозначенные проблемы и возможные пути их решения.

Как гласит статья 55.4 ГрК РФ некоммерческая организация вправе приобрести статус саморегулируемой организации при наличии у некоммерческой организации компенсационного фонда возмещения вреда [7]. СРО в соответствии с федеральными законами в пределах средств компенсационного фонда СРО несет ответственность по обязательствам своего члена, возникшим в результате причинения вреда вследствие недостатков, произведенных членом СРО товаров (работ, услуг).

В ГрК РФ отсутствуют нормы, в которых указаны основания привлечения СРО к субсидиарной ответственности по обязательствам его членов. Исходя из ст. 62 ГрК РФ следует, что в случае причинения вреда жизни или здоровью физических лиц, имуществу физических или юридических лиц в результате нарушения законодательства о градостроительной деятельности в течение 10 дней со дня причинения такого вреда создаются технические комиссии для установления причин такого нарушения и определения лиц, допустивших такое нарушение. По итогам установления причин нарушения законодательства утверждается заключение, содержащее выводы: о причинах нарушения законодательства, в результате которого был причинен вред жизни или здоровью физических лиц, имуществу физических или юридических лиц, и размерах возмещения; об обстоятельствах, указывающих на виновность лиц; о необходимых мерах по восстановлению благоприятных условий жизнедеятельности человека.



Нормы ГрК не конкретизируют является ли данное заключение основанием для выплаты средств из компенсационного фонда в случае отказа или невозможности выплатить эту компенсацию застройщиком. Например, если обратиться к положению о компенсационном фонде возмещения вреда Ассоциации дорожно-строительных компаний Саморегулируемой организации «Капитальный ремонт и благоустройство», то там указано, что выплата из компенсационного фонда возмещения вреда осуществляется на основании требования заявителя и вступившего в законную силу решения суда. Такое же положение закреплено в положении о компенсационном фонде возмещения вреда Ассоциации строителей «Саморегулируемая организация «Строительные Допуски». В большинстве случаев для выплаты из компенсационного фонда нужно решение суда. Есть исключения, когда СРО устанавливают внесудебный порядок рассмотрения требований кредиторов, однако они малочисленны. Необходимо доработать законодательство и прописать в статье 62 ГрК РФ возможность на основании заключения технической комиссии получить выплаты из компенсационного фонда.

Еще одной важной проблемой является установление дополнительных требований к участникам СРО. Стоит отметить, что установление дополнительных требований для участников СРО является необязательным. В большинстве случаев СРО устанавливают дополнительные требования к получению сертификата ISO и дополнительные требования к осуществлению строительства, которые разработаны НОСТРОЙ. На наш взгляд, СРО в полной мере не пользуются данной возможностью для установления дополнительных требований. Ряд стандартов, которые были разработаны НОСТРОЙ, требуют актуализации. Так же в большинстве случаев они не устанавливают дополнительные требования к осуществлению строительства. СРО не устанавливают требования по получению зарубежных сертификатов WELL, LEED, DGNB или отечественного сертификата GREEN ZOOM. Данные стандарты устанавливают повышенные требования к процессу осуществления



строительства и последующей эксплуатации, а также повышенные требования к охране окружающей среды и рациональному использованию ресурсов. Однако если СРО будут вводить данные требования, то при выборе, в какую СРО вступить, на первое место будут выходить СРО, где данное требование отсутствует. В связи с этим данная мера является бессмысленной.

На наш взгляд, решением данной проблемы может являться установление дополнительных требований для участников тендерных торгов. Строительные госконтракты занимают существенную долю в строительном секторе экономики, в связи с этим СРО, вводящие дополнительные требования, стали бы более конкурентоспособными за счет предоставления своим участникам возможности участия в тендерных торгах. Установление дополнительных требований может стать действенным механизмом для более активного внедрения повышенных требований к строительству, что в свою очередь приведет к конкурентоспособности СРО на рынке.

Как уже было отмечено, в соответствии с законодательством СРО создаются в форме ассоциации (союза). Однако, на наш взгляд, СРО и ассоциации хоть и похожи, но являются разными некоммерческими организациями. Ассоциации, как и СРО, являются объединениями, которые представляют и защищают общие, в том числе профессиональные интересы участников для достижения общественно полезных, а также иных целей. И все же главное отличие СРО от ассоциации, является то, что для деятельности в строительной сфере вступление в СРО является обязательным. То есть институт СРО фактически заменяет лицензирование. СРО имеет определенные властные полномочия, которые отсутствуют у ассоциаций.

Еще одним отличием является то, что саморегулируемая организация в пределах средств компенсационного фонда возмещения вреда несет солидарную ответственность по обязательствам своих членов. Однако ассоциация не отвечает по обязательствам своих членов и это, на наш взгляд, тоже является существенной характеристикой именно СРО.



Наличие членства в СРО предполагает принятие субъектами профессиональной или предпринимательской деятельности повышенных обязательств, в том числе перед потребителями и третьими лицами, что и является отличительным признаком от ассоциаций. СРО в пределах средств компенсационного фонда несет ответственность по обязательствам своего члена, возникшим в результате причинения вреда вследствие недостатков, произведенных членом СРО товаров (работ, услуг).

Кроме этих отличий, есть особенности в выходе из ассоциаций и СРО. В случае прекращения членства в СРО бывший член не может вступить в течение одного года в другую СРО, а в отношении ассоциаций такого ограничения нет.

Порядок осуществления ликвидации также имеет свои особенности. При ликвидации ассоциации оставшееся после удовлетворения требований кредиторов имущество направляется на удовлетворение интересов ее членов в связи с достижением целей деятельности ассоциации и (или) на благотворительные цели в порядке, определенном Общим собранием членов. При ликвидации СРО члены СРО могут получить денежные средства из компенсационного фонда, если они были приняты в другую СРО. Члены обязаны подать заявление в национальное объединение о перечислении зачисленных на счет такого национального объединения саморегулируемых организаций средств компенсационного фонда на счет саморегулируемой организации, которой принято решение о приеме.

Для комплексного изучения института СРО необходимо также рассмотреть и регулирование СРО за рубежом.

В США создание СРО является распространенным способом регулирования профессиональной деятельности в различных отраслях, включая строительство. Как правило, профессиональные объединения оформлялись на базе отраслевого законодательства, регулирующего определенные сегменты экономики [6, с. 91]. Структура СРО и функции схожи в разных штатах, поэтому в рамках данной статьи будет рассмотрен только один штат



Калифорния. Например, в штате Калифорния функционируют СРО, такие как Contractors State License Board, California Architects Board и др. Каждая из них занимается регулированием определенных аспектов деятельности строителей и подрядчиков. Остановимся на некоторых из них более подробно.

Государственный лицензионный совет подрядчиков (далее - CSLB) был создан в 1929 году как Бюро лицензирования подрядчиков при Департаменте профессиональных стандартов (Department of Professional and Vocational Standards) [1]. Сегодня CSLB входит в состав Департамента по делам потребителей. Совет CSLB, состоящий из 15 членов, назначает исполнительного директора и определяет политику деятельности. В соответствии с Кодексом бизнеса и профессий 7002 в состав Совета входят 10 представителей общественности (в том числе один представитель профсоюзов, один государственный служащий в области строительства и один представитель общегосударственной организации пожилых людей) и пять подрядных организаций [2]. Назначения производятся губернатором и собранием штата. Кроме совета, в CSLB существуют комитеты, которые занимаются определенной деятельностью. В настоящее время действует пять комитетов: исполнительный, правоприменительный, лицензирующий, законодательный и по связям с общественностью.

CSLB лицензирует и регулирует деятельность подрядчиков по 44 классификациям, которые составляют строительную отрасль. CSLB занимается выдачей лицензий на профессиональную деятельность в области строительства, контролирует и надзирает за деятельностью подрядчиков и предоставляет потребителям информацию о лицензированных подрядчиках и возможных проблемах с ними. CSLB занимается обеспечением соблюдения законодательства и стандартов в области строительства, включая проверку соответствия проектов требованиям кодексов и нормативных актов.

California Architects Board (далее - CAB) является саморегулируемой организацией. CAB — это учреждение, которое регулирует и контролирует



архитектурную деятельность в Калифорнии. Она является частью Department of Consumer Affairs (департамента по вопросам потребителей) штата Калифорния и отвечает за лицензирование и надзор за архитекторами, работающими в этом штате. По своей структуре САВ не сильно отличается от CSLB. Единственное отличие заключается в том, что вместо строительных организаций в нее должны входить организации, занимающиеся архитектурной деятельностью. САВ устанавливает и применяет правила и стандарты для практики архитектуры, включая требования к образованию, опыту и профессиональной компетенции архитекторов. Она также обеспечивает соблюдение этих требований, проводя проверки, выдачу лицензий и рассмотрение жалоб на архитектурную практику.

Так же есть ассоциации, которые представляют интересы строительных компаний из разных штатов. Одним из таких примеров является Национальная ассоциация строителей жилья (далее - НАНВ). НАНВ является крупнейшей ассоциацией строителей жилой недвижимости в США и представляет интересы более чем 140 000 компаний, занимающихся строительством домов. Ассоциация предлагает стандарты, предоставляет площадку, на которой строительные организации могут узнать и обсудить новейшие технологии строительства, ознакомиться с новейшими продуктами и пообщаться с другими участниками отрасли жилищного строительства.

НАНВ неизменно называют одним из ведущих лоббистов в Вашингтоне [3]. НАНВ имеет также комитет политических действий BUILD-PAC, который способствует продвижению кандидатов в Конгресс США. Кроме того, НАНВ работает с федеральными агентствами, правительствами штатов и местными органами власти над нормативными актами, затрагивающими жилищную отрасль в области ипотечного финансирования, строительных норм, энергоэффективности и окружающей среды. Управление экономической и жилищной политики НАНВ проводит независимые исследования и выпускает ряд публикаций и индексов, в том числе индекс рынка жилья (HMI) НАНВ/



Wells Fargo. НАНВ предлагает своим членам непрерывное образование с помощью курсов (как онлайн, так и очные курсы).

Сравнение отечественной и американской модели саморегулирования позволяет выделить ряд отличий. Первым отличием является то, что вступление в СРО в США является необязательным. В России СРО являются юридическими лицами, созданными представителями отрасли с целью регулирования деятельности своих членов и предоставления им права на осуществление строительной деятельности. Вступление в СРО в России является обязательным для осуществления строительства. В США, система регулирования строительной деятельности основана на лицензировании строительной деятельности, выдаваемых органами государственного управления, такими как Contractors State License Board. Получение лицензии является обязательным для осуществления строительной деятельности в США. СРО в США больше похожи на ассоциации, так как могут устанавливать дополнительные требования и стандарты для своих членов, как и СРО и ассоциации в России, но вступление в них не является обязательным для осуществления строительной деятельности в отличие от СРО в России. На наш взгляд, CSLB и CAB больше всего похожи на СРО в России, так как в их структуру входят строительные организации, которые оказывают существенное влияние на деятельность, они функционирует как отдельное агентство, имеющее свою организационную структуру, совет и полномочия, определенные законодательством Калифорнии. Однако стоит отметить, что они являются государственными агентствами, которые отчитываются перед законодательным собранием Калифорнии, также организации не могут прямо вступать в CSLB и CAB в качестве членов или участников, строительные организации могут вступить только после утверждение их губернатором и законодательным собранием. Поэтому можно сделать вывод, что эти организации не являются СРО в прямом смысле, а функционируют как отдельные агентства. Если рассмотреть НАНВ, то данная организация является



ассоциацией. Она представляет интересы строительной отрасли, но не имеет прямого регулирующего влияния на деятельность своих членов, как это бывает в СРО. Исходя из этого, можно сделать вывод, что хоть CSLB и САВ являются государственными агентствами они ближе всего похожи на СРО в рамках российского законодательства с определенными оговорками, а НАНВ больше похож на ассоциацию, нежели на СРО. Важно понимать, что различия в системах регулирования и терминологии могут приводить к некоторому отличию в понимании и классификации организаций в этих странах.

Следующее отличие - это организационная структура СРО. В совет CSLB и САВ, обязательно должны быть включены представитель профсоюзов и один представитель общегосударственной организации пожилых людей. Такой состав определен тем, что деятельность СРО в США направлена не только на представление и защиту интересов строительных организаций, но и интересов потребителей, а также работников в данной сфере. Полагаем, что это является наиболее оптимальным вариантом по сравнению с отечественной моделью саморегулирования, так как при функционировании СРО будет учитываться мнение не только строительных компаний, но и других заинтересованных сторон. В отношении НАНВ такие требования к структуре отсутствуют.

Еще одно отличие заключается во влиянии на деятельность государства. Как уже было отмечено выше, НАНВ способствует продвижению кандидатов в Конгресс США. Кроме того, НАНВ работает с федеральными агентствами, правительствами штатов и местными органами власти над нормативными актами, затрагивающими жилищную отрасль в области ипотечного финансирования, строительных норм, энергоэффективности и окружающей среды. Если рассматривать данные аспекты, можно прийти к выводу, что СРО в США имеют значительное влияние на государственные органы, в отличие от отечественных.

Данное влияние обеспечивается репутационными механизмами. Саморегулирование важно рассматривать как правовое средство, применение



которого позволяет качественно изменять уровень регулирования общественных отношений, развития экономики, общества, реализовывать новую систему ценностей [8, с. 7]. Фактически репутация саморегулируемой организации состоит из образа, составленного целевыми аудиториями из информации об организации по разделам:

Информационная открытость СРО. Это, прежде всего, наличие на сайте организации всех сведений, обязательных для размещения саморегулируемыми организациями, а также своевременное их обновление;

Отсутствие нарушений законодательства в деятельности СРО, выявленных при проверках специалистами Ростехнадзора, НОСТРОЙ, НОПРИЗ;

Отсутствие задолженности по взносам в НОСТРОЙ, НОПРИЗ. Это косвенный показатель финансовой стабильности СРО;

Количество членов. От суммы членских взносов зависит бюджет организации, способность содержать аппарат высококвалифицированных специалистов, достаточный для выполнения всех функций СРО;

Отсутствие нарушений законодательства со стороны СРО по отношению к своим членам. На сайте СРО должна быть размещена информация о судебных делах.

Однако, как отмечалось в докладе Минэкономразвития в российской экономике крайне слабо развиты различного рода репутационные и сигнальные механизмы, присутствует высокая инерционность общественного сознания, и отсутствует необходимый уровень доверия потребителей к субъектам предпринимательства. С другой стороны, и сами предпринимательские структуры далеко не всегда готовы и даже заинтересованы в развитии культуры корпоративного управления, повышении эффективности собственной деятельности и обеспечении высокого качества ее результатов [4, с. 17].

Фактически на данный момент СРО не могут оказывать какого-либо значительного влияния как на государственные органы, так и на общественное



мнение из-за неразвитости механизмов, рассмотренных выше. Несмотря на то, что НОПРИЗ и НОСТРОЙ представляют интересы СРО в органах государственной власти, они не имеют существенного влияния на принятие решений государственными органами. В итоге получается, что СРО пусть даже и имеют определенные надзорные и контрольные функции, но какое-либо влияние оказывать не могут. При этом строительные компании и сами СРО в сфере строительства обладают значительными финансовыми и иными ресурсами для продвижения определенных инициатив, как видно на примере США. Из этого следует, что СРО может или стать площадкой для продвижения кандидатов, которые представляли бы их интересы в органах государственной власти, как, например, NANB, или привлекать представителя от СРО, который бы представлял интересы в региональных и местных органах власти, как, например, CSLB и CAB. На наш взгляд, лучшим подходом является внедрение представителей СРО в органы власти на примере CSLB и CAB. Статьей 13 ФЗ "Об основах общественного контроля в Российской Федерации" предусмотрено создание общественных советов, которые выполняют консультативно-совещательные функции и участвуют в осуществлении общественного контроля [9]. Однако общественные советы, как и СРО, не обладают какими-либо существенными полномочиями или влиянием, позволяющими оказывать воздействие на принятие решения органами государственной власти. По нашему мнению, было бы разумно создать коллегиальные органы государственной власти, в которые вошли бы представители от органов государственной власти, представители СРО и представители других организаций, вовлеченные в строительную деятельность. Данный орган принимал бы решение большинством голосов. Или можно было бы создать коллегиальный орган, в который также входили бы представители СРО и представители других организаций, который бы разрабатывал заключение по нормативно-правовым актам, принимаемыми органами государственной власти. У каждого из этих подходов есть как свои плюсы, так и свои



недостатки. Если рассматривать коллегиальный орган государственной власти, то процесс принятия решения усложняется и потребует намного большего времени, так как каждый представитель продвигал бы свои собственные интересы, что затрудняет принятие единого решения по любому вопросу. Если рассуждать про орган, который разрабатывал бы заключение, то тут возникает проблемы, связанные с учетом этого заключения при принятии решения. Признание данного заключения обязательным, то есть внесение органом обязательном порядке поправок в соответствии с данным заключением или составление мотивированный ответ, почему данные изменения нельзя выполнить, также в значительной степени усложняет процесс принятия решения. В ином случае орган государственной власти может просто проигнорировать данное заключение и принять акт. Поэтому при рассмотрении одного из данных подхода необходимо проработать данные аспекты.

Кроме США, СРО развиты и в Европейских странах. В Европе СРО являются распространенным способом регулирования профессиональной деятельности в различных отраслях, в том числе и в строительстве. В Европейском Союзе (далее - ЕС) роль СРО закреплена в директивах, которые описывают процесс регулирования профессиональной деятельности и обеспечения безопасности в различных отраслях, включая строительство. Например, Директива ЕС 2005/36/ЕС касается признания государствами-членами профессиональных квалификаций, полученных в других государствах-членах, а также определяет процедуру признания профессиональной квалификации и ее эквивалентности между странами-членами ЕС. Данная директива также распространяется и на строительную отрасль. Директива рекомендует использование СРО для регулирования профессиональной деятельности в различных отраслях, в том числе и в строительстве.

Кроме того, в некоторых странах Европы СРО имеют свой собственный законодательный статус, например, в Германии, Франции, Италии, Испании и других странах. В Германии СРО регулируют деятельность в различных



отраслях, включая строительство. В целом, использование СРО в Европе зависит от конкретной страны и отрасли, и может быть различным в разных контекстах. Считаем целесообразным более подробно остановимся на одной из стран ЕС, а именно Германии.

Architektenkammer (Палата архитекторов) — это профессиональная организация, объединяющая архитекторов в Германии. Каждый субъект в Германии имеет свою собственную Architektenkammer, и они действуют в соответствии с законодательством и правилами, установленными в каждом субъекте. Например, Architektenkammer Berlin является СРО в сфере архитектурной деятельности. Членство в Architektenkammer Berlin обязательна для архитекторов. Для того чтобы вступить в данное СРО самостоятельно, необходимо успешно завершить обучение по соответствующей специальности, проучившись в немецком вузе или вузе страны участницы Европейского союза не менее четырех лет, а также иметь опыт работы путем прохождения стажировки не менее двух лет. Для организаций необходимо предоставить документы о регистрации, наличие страхового покрытия, наличие в штате сотрудников соответствующей квалификации и имеющие больше половины капитала организации или голосующих акций [5].

Если перейти к рассмотрению структуры Architektenkammer Berlin, то она состоит из совета директоров, регистрационного комитета, совета представителей. Совет Architektenkammer Berlin избирается собранием представителей сроком на четыре года. Он состоит из президента, двух вице-президентов и как минимум четырех других членов правления. Президент и вице-президент избираются из числа членов, зарегистрированных в качестве внештатных сотрудников. Другой вице-президент избирается из числа государственных служащих или штатных сотрудников. Среди членов представлены все дисциплины и виды занятости. Совет директоров управляет делами палаты.



Собрание представителей является важным органом Architektenkammer Berlin и избирается каждые четыре года тайным голосованием членов палаты. В состав Ассамблеи представителей входит 41 член, из которых не менее 21 являются внештатными работниками в соответствии с положением о выборах. Каждая дисциплина представлена не менее чем двумя членами. Совет директоров и президент избираются из числа членов собрания представителей. Собрание представителей, принимает решения об уставе, актах палаты и бюджете, а также принимает решения о целях и мерах политики палаты. Она также отвечает за формирование комитетов палаты.

Ingenieurkammer (Палата инженеров): Членство в Ingenieurkammer может быть обязательным для инженеров-строителей, занимающихся инженерным проектированием и/или контролем строительных работ. Ingenieurkammer в Германии является формой саморегулируемой организации в области инженерных изысканий. Она регулирует и контролирует деятельность инженеров, работающих в строительной отрасли. Членство в Ingenieurkammer является обязательным для инженеров. Ingenieurkammer выполняет, среди прочего, следующие задачи: регулирование профессиональной деятельности; участие в нормотворчестве; вопросы регулирования и контроля качества; консультации и поддержка членов по техническим и юридическим вопросам, страхованию, защите окружающей среды и т.д. Ingenieurkammer регулируются законами субъектов. В то время как некоторые СРО являются общими для инженеров всех специальностей, другие палаты ограничены определенными видами деятельности. Есть также совместные СРО для инженеров и архитекторов. Стоит отметить, что внутреннее устройство и требования к участникам, то они схожи с Architektenkammer.

Стоит отметить, что СРО, основанное на членстве лиц, осуществляющих строительство, в Германии отсутствуют. Есть только ассоциации, например, Bauverbände. Bauverbände - это ассоциации, объединяющие строительные компании и представляющие их интересы. Данные организации разрабатывают



стандарты качества, нормы и правила для выполнения строительных работ. Членство в подобных организациях не является обязательным. Как и в США, непосредственное строительство подлежит лицензированию.

На основе изложенного можно сделать вывод, что СРО обязательны в сфере инженерных изысканий и подготовки проектной документации. Так как инженеры, проектировщики и архитекторы непосредственно выполняют данную деятельность. Однако СРО в понимании российского права в других сферах связанные с строительством отсутствуют. В данной сфере преобладают ассоциации. Есть и другое отличие, связанное с требованием о наличии в компании архитекторов и инженеров, обладающие больше половины капитала организации или голосующих акций, то это больше связано с особенностью корпоративного управления в Германии.

Анализ зарубежного законодательства позволяет констатировать, что за рубежом преобладают ассоциации, представляющие интересы своих членов. Вступление в них не является обязательным, но они все равно оказывают значительное влияние на строительную деятельность. Как уже было отмечено, ассоциации и департаменты в США влияют на строительную деятельность путем лоббирования интересов строительных и иных компаний в государственных органах или напрямую участвуют в их деятельности. На наш взгляд, стоит рассмотреть возможность создания специальных комитетов в рамках СРО в России, которые смогут давать определенные рекомендации государственным органам при принятии тех или иных решений в рамках строительной отрасли. Стоит отметить, что государство передало часть своих функций СРО, но они не имеют такой значимой роли в строительной отрасли, как ассоциации и департаменты в США. В Германии, так же, как и в США, СРО в российском понимании отсутствуют, за исключением СРО в сфере инженерных изысканий и подготовки проектной документации. Однако все же данные СРО существенно отличаются от СРО в России в связи с особенностями корпоративного управления в Германии.



Список литературы:

1. Contractors State License Board — Текст : электронный // History and Background: [сайт]. — URL: https://www.cslb.ca.gov/About_Us/History_and_BackGround.aspx (дата обращения: 10.10.2023).
2. California Legislative Information — Текст : электронный // BUSINESS AND PROFESSIONS CODE: [сайт]. — URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes_displaySection.xhtml?lawCode=BPC§ionNum=7002 (дата обращения: 10.10.2023).
3. THE HILL — Текст : электронный // The Hill's Top Lobbyists 2019: [сайт]. — URL: <https://thehill.com/business-a-lobbying/business-a-lobbying/474162-the-hills-top-lobbyists-2019/> (дата обращения: 15.10.2023).
4. Всероссийский Профсоюз работников аудиторских, оценочных, экспертных и консалтинговых организаций — Текст : электронный // Доклад «Об итогах анализа практики применения законодательства Российской Федерации о саморегулируемых организациях в отдельных сферах и отраслях экономической деятельности»: [сайт]. — URL: http://www.profsro.ru/documents/07_02_2011/MER_SRO_dec_2010.pdf (дата обращения: 17.10.2023).
5. Architektenkammer Berlin — Текст : электронный // Architektenkammer Berlin: [сайт]. — <https://www.ak-berlin.de/architektenkammer-berlin/architektenkammer.html> (дата обращения: 19.10.2023).
6. Заворотченко И.А. Саморегулируемые организации за рубежом // Журнал российского права. - 2007. - №8. - С. 89.- Текст : непосредственный.
7. Об ответственности саморегулируемых организаций по обязательствам своих членов // Cyberleninka URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-otvetstvennosti-samoreguliruemyh-organizatsiy-po-obyazatelstvam-svoih-chlenov> (дата обращения: 19.10.2023).



8. Мхитарян Ю.И. Ответственность органов государственного управления за нарушение деловой репутации саморегулируемых организаций // Век качества. - 2017. - №3. - С. 4. - Текст : непосредственный.

9. Федеральный закон "Об основах общественного контроля в Российской Федерации" от 21.07.2014 № 212-ФЗ // Российская газета. - 2014 г. - № 163. - Ст. 13 с изм. и допол. в ред. от 27.12.2018.



Пуцин Арсений Игоревич
Санкт-Петербургский государственный университет
Юридический факультет
Россия, Санкт-Петербург
arsenypushchin@gmail.com

Pushchin Arsenii
St Petersburg University
Faculty of Law
Russia, Saint Petersburg

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРОВ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО РЫБОЛОВСТВА

Аннотация: в статье анализируются особенности договоров в сфере предпринимательского рыболовства. Обосновывается позиция об их публичном характере, который сочетается с вкраплениями частноправового регулирования. Осуществляется их квалификация как административных договоров.

Ключевые слова: договоры, предпринимательское рыболовство, публичный, хозяйствующий субъект, административные договоры.

THE LEGAL NATURE OF CONTRACTS IN THE FIELD OF COMMERCIAL FISHING

Annotation: the article analyses the features of contracts in the field of commercial fishing. The position on their public nature, which is combined with intersperses of private legal regulation, is substantiated. Their qualification as administrative contracts is carried out.

Key words: contracts, commercial fishing, public, business entity, administrative contracts.



Согласно статье 9 Конституции РФ природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. В силу этого не только охрана, но и пользование любыми природными ресурсами, находящаяся в сфере публичного интереса, а преобладающим методом регулирования в данной области отношений является императивный («власти-подчинения»), несмотря на активное использование частноправовых механизмов [1, с. 14-15]. В представлении многих современных специалистов именно дополнение природоресурсного законодательства договорными формами взаимодействия хозяйствующих субъектов с органами публичной власти наилучшим образом соответствует тенденциям развития рыночной экономики [2, с. 55].

Достаточно ярко подобное проявлено в регулировании предпринимательского рыболовства [3, с. 358], которое активно набирает вес в экономике современной России: по данным Федерального агентства по рыболовству (Росрыболовства) уже в 2021 году общий вылов водных биоресурсов в нашей стране превысил 5 млн тонн, а доходы рыболовных компаний составили более 500 млрд рублей. Ввиду обширного массива законодательства, необходимого для контроля за коммерческим рыболовством, ряд специалистов уже выделяют данную область в качестве полноценной отрасли или, по крайней мере, подотрасли права [4, с. 15-17].

Однако в современной науке и практике остается неразрешенным вопрос о правовой природе договоров в сфере рыболовства – в частности, в сфере предпринимательского рыболовства, – что обуславливает сохраняющуюся научную актуальность проблемы.

При этом далеко не всякое рыболовство может считаться предпринимательским. Статья 16 Федерального закона «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» от 20.12.2004 № 166-ФЗ (далее – Закон о рыболовстве) устанавливает закрытый перечень видов рыболовства,



которые могут осуществлять граждане и юридические лица на территории Российской Федерации. В него входят:

- 1) промышленное рыболовство;
- 2) прибрежное рыболовство;
- 3) рыболовство в научно-исследовательских и контрольных целях;
- 4) рыболовство в учебных и культурно-просветительских целях;
- 5) рыболовство в целях аквакультуры (рыбоводства);
- 6) любительское рыболовство (и его подвид – спортивное рыболовство);
- 7) рыболовство в целях обеспечения ведения традиционного образа

жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

Несложно заметить, что виды 3, 4, 6 и 7 выделяются на основании специфических целей добычи водных биоресурсов: речь идёт о научно-исследовательской направленности вылова; осуществлении его уполномоченными органами и организациями в порядке проверки качества среды или здоровья популяции; в учебных и культурно-просветительских целях; в целях проведения личного досуга; в целях поддержания жизнедеятельности и продолжения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Отдельным, не относящимся в полной мере к рыболовству [5, с. 234-236], является т. н. рыболовство в целях аквакультуры (рыбоводства), осуществляемое, как правило, в коммерческих интересах или для защиты водных видов от вымирания, но в отношении животных, не находящихся в состоянии естественной свободы (содержащихся в специальных прудах, запрудах, садках).

В то же время промышленное и прибрежное рыболовство выделены по критериям территории осуществления, используемых технологий и масштаба



добычи. Промышленное рыболовство включает в себя всякую деятельность по поиску и добыче (вылову) водных биоресурсов, по приемке, обработке, перегрузке, транспортировке, хранению и выгрузке уловов водных биоресурсов, производству на судах рыбопромыслового флота рыбной и иной продукции из этих водных биоресурсов. Прибрежное рыболовство представляет собой, в сущности, то же самое, что и промышленное, но осуществляется в меньшем масштабе и меньшими силами и результируется выгрузкой уловов водных биоресурсов в определенные органами государственной власти прибрежных субъектов Российской Федерации места доставки на территориях этих субъектов, в т. ч. в морские порты.

Указанные два вида рыболовства всегда обусловлены целью извлечения коммерческой выгоды в результате добычи водных биоресурсов путём изъятия их из естественной среды обитания, и потому в совокупности образуют сферу предпринимательского (коммерческого, промыслового) рыболовства, как её обычно понимают в отечественной науке [5, с. 234-236; 6, с. 121].

В соответствии со ст. 19 Закона о рыболовстве правовыми основаниями (юридическими фактами) для возникновения права на добычу водных биоресурсов являются решения уполномоченных органов публичной власти (Росрыболовства или органов субъектов РФ), либо договоры, заключенные с указанными органами. Исключительно на основании договора возникает право осуществления промышленного и прибрежного рыболовства, при этом многие крупные рыбопромысловые компании заключают договоры на оба вида, поскольку имеют в своем распоряжении (в том числе на условиях привлечения сторонних фирм и индивидуальных предпринимателей) как полноценный морской флот, так и малотоннажные суда для прибрежной ловли. В настоящее время Закон о рыболовстве предусматривает четыре вида договоров в сфере предпринимательского рыболовства: договоры пользования рыболовным участком; договоры пользования водными биоресурсами; договоры о закреплении доли квоты добычи (вылова) водных биоресурсов; договоры о



закреплении и предоставлении доли квоты добычи (вылова) водных биоресурсов на инвестиционные цели.

Отличительной особенностью всех договоров в сфере предпринимательского рыболовства является их субъектный состав: одной их стороной всегда выступает коммерческая организация или индивидуальный предприниматель, а другой – государственный орган (орган субъекта РФ или территориальный орган Росрыболовства). В целом, это свойство соотносится с аналогичным свойством большинства других договоров в области природопользования [7, с. 60].

Таким образом, указанные договоры представляют собой форму публично-частного взаимодействия, а потому в отношении них существует достаточно жесткое регулирование не только порядка заключения, но даже содержания: в отношении договоров в сфере предпринимательского рыболовства Постановлениями Правительства РФ утверждены типовые формы.

Что касается самого порядка заключения договоров, то он, в общем виде, представляется довольно стандартным: обычная процедура подачи заинтересованным субъектом в уполномоченный государственный орган заявки на заключение договора (с пакетом документов) и последующего принятия указанным органом решения о заключении или об отказе в заключении договора.

Однако из указанного общего порядка существует большое количество исключений. Речь идет о случаях проведения конкурса или аукциона. Так, последние являются обязательными при заключении договора пользования рыболовным участком, договоров о закреплении доли квоты добычи (вылова) водных биоресурсов в морских водах, о закреплении доли международной квоты Российской Федерации и т. д. И хотя в соответствии с ч. 2 ст. 5 Закона о рыболовстве к указанным конкурсам и аукционам должны применяться нормы Гражданского кодекса, на деле порядок их проведения исчерпывающим



образом изложен в соответствующих Постановлениях Правительства РФ, а потому для субсидиарного применения ГК зачастую не остается места.

Правовая природа договоров в сфере предпринимательского рыболовства, несмотря на данное им законодателем название, отсылающее к гражданскому праву, является предметом дискуссий в научном сообществе. Аргументы сторонников гражданско-правовой их сущности сводятся, в общем виде, к нормативному определению их как «договоров» и к указанию в ч. 2 ст. 5 Закона о рыболовстве на субсидиарное применение Гражданского кодекса РФ к отношениям, связанным с водными биоресурсами [8, с. 159].

Первый аргумент разбивается о тот факт, что отечественный законодатель в принципе нередко дает различным правовым институтам названия, не вполне корректные с терминологической точки зрения: например, по неизвестным причинам различные виды природопользования требуют для своего осуществления или получение разрешения или лицензии, или принятие решения органом власти, хотя сущностно перечисленные документы идентичны.

Второй аргумент кажется справедливым и в исключительных случаях даже применяется на практике [9, с. 13-16], однако предусмотренная законом возможность субсидиарного применения гражданского законодательства к договорам в сфере предпринимательского рыболовства сама по себе не делает их гражданско-правовыми. Против данного тезиса говорит и объективное неравенство сторон этих договоров – частных лиц и Росрыболовства (органов власти субъектов РФ), – а также отсутствие реальной возможности у хозяйствующих субъектов как-то повлиять на содержание будущего договора, поскольку его положения устанавливаются в соответствии с типовыми моделями и желанием публичных органов.

Кроме того, по смыслу положений Закона о рыболовстве заключению договоров предшествует детальная проверка Росрыболовством всех



представленных в заявке на их заключение сведений, что не характерно для гражданско-правового регулирования.

И наконец, поскольку без заключения соответствующего договора лицо фактически не имеет права на осуществление предпринимательского рыболовства, такой договор выступает способом расширения его правоспособности, что по смыслу п. 1 ст. 49 Гражданского кодекса РФ характерно только для административного акта (специального разрешения, лицензии).

Следовательно, договоры в области предпринимательского рыболовства являются скорее инструментом публично-правового регулирования. Область, в которой они применяются, обладает рядом признаков:

1) Осуществление деятельности в сфере промышленного или прибрежного рыболовства потенциально создает угрозу публичным интересам (что является проявлением закрепленной в ст. 3 ФЗ «Об охране окружающей среды» презумпции экологической опасности планируемой хозяйственной деятельности);

2) Предпринимательское рыболовство заключается в вылове (добыче) охраняемого государством природного ресурса – водных биоресурсов, – а потому безусловно затрагивает публичные интересы;

3) Предпринимательское рыболовство требует постоянного контроля и вмешательства со стороны уполномоченных административных органов, в т. ч. в случаях начала деятельности новых субъектов-участников рынка;

4) Осуществление деятельности в области предпринимательского рыболовства возможно только при согласии уполномоченного органа (т. е. с публичной санкции), оформленном посредством специального акта (договора);

5) Заключению такого договора всегда предшествует формализованное обращение (заявка) заинтересованного субъекта, сопровождающееся передачей и предварительной проверкой пакета документов. Во многих случаях возможен отказ от предоставления права на рыболовство ввиду неудовлетворительного



состояния документов интересанта. Кроме того, получению права на рыболовство предшествует не менее строго зарегулированная процедура проведения конкурса или аукциона – хотя последние традиционно отнесены к гражданско-правовым механизмам, на практике для обращения к их частно-правовой природе обычно не остаётся места;

б) При проверке сведений, содержащихся в заявке на заключение договора в сфере предпринимательского рыболовства, действуют принципы, аналогичные тем, что применяются в законодательстве о лицензировании.

Из перечисленного выше можно сделать вывод, что договоры в сфере предпринимательского рыболовства представляют собой проявление разрешительного типа правового регулирования и соответствуют его критериям [10, с. 255-259].

Однако указанные договоры нельзя считать обычными административно-правовыми разрешениями или разрешениями на природопользование, характерными для экологического права. По общему правилу, для получения подобного разрешения заявителю не требуется победа в конкурсе или аукционе, в то время как в области предпринимательского рыболовства последние производятся в соответствии с положениями законодательства или при наличии решения Росрыболовства и в настоящее время проводятся всё чаще и чаще.

Таким образом, даже при определении публично-правовой природы договоров в сфере предпринимательского рыболовства вопрос о конкретной их сущности как правовых институтов сохраняется. Перспективным представляется рассмотрение их как административных договоров – феномена, на данный момент не имеющего нормативной дефиниции, но активно разрабатываемого в современной науке. Так, Д.Н. Бахрах отмечает следующие отличительные черты административного договора [11, с. 132-139]:

1. Административные договоры имеют, как правило, организационное содержание, их целью является достижение публично значимых результатов;



2. Административный договор всегда выступает как правовая форма деятельности субъектов, которые обладают определенной степенью самостоятельности в решении соответствующих вопросов, хотя права и обязанности сторон, даже если они не находятся в отношении «власть – подчинение», не равны, поскольку речь идет об управленческих, а не имущественных отношениях;

3. Административный договор не является совершенно самостоятельной формой управления, но непосредственно связан с административным актом (например, заключается в соответствии с установленными в таком акте правилами);

4. Нормативной базой административно-договорной практики являются нормы административного, а не гражданского права;

5. Административный договор во многих случаях может заменить административный акт (лицензию, разрешение);

6. Административный договор может заключаться как между органами публичной власти, так и между ними и частными лицами;

7. За нарушение договора возможно применение мер различных видов ответственности: общественной, дисциплинарной, политической, материальной, финансовой; не исключено применение и других видов принуждения.

Все приведенные признаки характерны для договоров в сфере предпринимательского рыболовства. При этом отнесение их к категории административных договоров отнюдь не исключает их из области экологического права, поскольку последнее с административным являются объективно родственными отраслями (если не брать во внимание ряд доктринальных позиций, которые в принципе отказывают экологическому праву в самостоятельности от административного).

Как отмечает В.Г. Розенфельд [12, с. 6], в пользу административно-правового характера договоров в области природопользования говорит тот



факт, что могут быть расторгнуты не только по соглашению сторон или иным обстоятельствам, предусмотренным гражданским законодательством, но и в одностороннем порядке – по решению уполномоченного органа. В сфере предпринимательского рыболовства это прямо отражено в ч. 2 ст. 13 и ч. 2 ст. 33.5 Закона о рыболовстве. Все случаи такого расторжения так или иначе сводятся к нарушению хозяйствующим субъектом публично-значимых запретов или необходимости изъятия и (или) закрытия водоема для государственных нужд.

Данная позиция в целом соответствует развивающемуся в современной отечественной доктрине подходу, согласно которому многие (если не все) соглашения в области природопользования в силу публичной значимости их предметов представляют собой административные договоры [13, с. 10]. При этом водные биоресурсы как предмет договоров в сфере предпринимательского рыболовства особенно выделяются, поскольку:

Во-первых, являются живыми организмами и по этой причине по своей специфике близки к иным объектам животного мира.

Во-вторых, наравне с иными объектами животного мира состоят в собственности Российской Федерации и находятся под общим управлением уполномоченных органов (Минсельхоза и Росрыболовства).

В связи с этим представляется разумным провести аналогию между режимами договоров в сфере предпринимательского рыболовства и охотхозяйственных соглашений. Последние современные исследователи также нередко относят к области господства административного регулирования [14, с. 112]. В.Н. Краева, например, и вовсе прямо называет их «публично-правовыми договорами» в силу очевидного преобладания в них публичного регулирования над частно-правовым, хотя и признает комплексность взаимодействия данных норм [15, с. 27]. Также она отмечает, что существенные условия таких соглашений (срок, местоположение охотничьего угодья, разрешенные



контрольные числа отлова или отстрела и т. д.) определяются государством строго самостоятельно, что характерно и для регулирования рыболовства.

На основании изложенного можно утверждать, что договоры в сфере предпринимательского рыболовства наравне с другими соглашениями в области природопользования могут быть отнесены к категории административно-правовых договоров. Представляется, что такой подход может послужить разумным и последовательным вариантом разрешения не только доктринального спора, но и практических коллизий, особенно в современных условиях, когда практика применения договоров в сфере рыболовства (и природопользования в целом) значительно опережает теорию [13, с. 4].

Список литературы:

1. Хлуденева Н.И. Экологическое право: учебник для вузов / Н.И. Хлуденева, М.В. Пономарев, Н.В. Кичигин. – 5-е изд., перераб. и доп. – М., 2022. 229 с.
2. Сиваков Д.О. Особенности договорных отношений в области рыбного хозяйства // Журнал российского права. – 2011. – № 2. С. 55 – 62.
3. Институты экологического права / авт. коллектив: С.А. Боголюбов, Е.А. Галиновская, Ю.Г. Жариков, Н.В. Кичигин др. – М.: Эксмо, 2010. 477 с.
4. Бекашев К.А. Морское рыболовное право: учебник / 3-е изд., доп. и испр. – М.: Проспект, 2021. 640 с.
5. Козлов Д.В. Договорно-разрешительный порядок предпринимательского рыболовства и рыбоводства // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 1. С. 230 – 236.
6. Будникова Ю.Е. Правовая природа договоров в сфере предпринимательского рыболовства // Вестник Удмуртского университета. – 2020. – Т. 30, вып. 1. С. 120 – 124.



7. Оленина Т.Ю. Договор в сфере лесопользования: гражданско-правовой или административно-правовой? // Российская юстиция. – 2015. – № 2. С. 59 – 60.
8. Козяр Н.В., Митякина Н.М., Федорященко А.С. Гражданско-правовая сущность договоров о добыче водных биоресурсов // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2016. – № 5. С. 157 – 160.
9. Бессчастный С.А., Ягубкин А.В. Проблемы применения Федерального закона «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» // Законность. – 2014. – № 11. С. 13 – 16.
10. Стахов А.И. Административное право России: учебник для вузов / А.И. Стахов, П.И. Кононов. – 5-е изд., перераб. и доп. – М., 2021. 685 с.
11. Бахрах Д.Н. Административное право: учебник для студентов высших учебных заведений / 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2011. 622 с.
12. Розенфельд В.Г., Стариков Ю.Н. Современные проблемы формирования теории административного договора // Правовая наука и реформа юридического образования. – 1995. – № 3. С. 6 – 50.
13. Хаустов Д.В. Публично-правовые договоры как особый инструмент государственного регулирования природопользования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.06. – М., 2003. 227 с.
14. Иванова С.В. Правовая природа охотхозяйственного соглашения // Аграрное и земельное право. – 2016. – № 11. С. 108 – 112.
15. Краева В.Н. Правовое регулирование пользования охотничьими ресурсами на закрепленных охотничьих угодьях: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.06. – М., 2010. 236 с.



УДК 349.4

Сергеева Анастасия Вадимовна
Санкт-Петербургский Политехнический Университет Петра Великого
Гуманитарный институт
Кафедра Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы
Россия, Санкт-Петербург
N14011998@mail.ru
Sergeeva Anastasiya
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
Institute for the Humanities
Department of the Higher School of Law and forensic technical expertise
Russia, Saint Petersburg

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОГО ЛЕСОВОССТАНОВЛЕНИЯ

Аннотация: в данной работе, проведен анализ нынешней системы лесного законодательства, регулирующей общественные отношения в сфере лесовосстановления. В соответствии с последними исследованиями и проводимой государственной политикой видно, в России активно осуществляются мероприятия по восстановлению лесов. Однако, научно сообщество сходится во мнение, что проводимая политика, в условиях постоянного использования лесных ресурсов и гибели лесов является неэффективной. В рамках данного исследования рассматриваются приемы и способы по восстановлению лесов, а так же предлагается приемы по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: лесовосстановление, лесопользователь, планирование, стимулирование, естественное лесовосстановление, искусственное лесовосстановление.



LEGAL PROBLEMS OF THE IMPLEMENTATION OF EFFECTIVE FOREST REGENERATION

Annotation: in this work, an analysis of the current system of forest legislation regulating public relations in the field of reforestation is carried out. In accordance with the latest research and ongoing government policy, it is clear that forest restoration measures are being actively implemented in Russia. However, the scientific community agrees that the current policy, given the constant use of forest resources and forest destruction, is ineffective. This study examines techniques and methods for reforestation, and also proposes techniques for improving legislation.

Key words: reforestation, forest user, planning, stimulation, natural reforestation, artificial reforestation.

Леса играют важную роль в жизнедеятельности человека. Так, деревья в них являются не только ресурсами, но и важнейшей частью экосистемы Земли, без которой невозможно проживание на планете. По своей природе они представляют собой исчерпаемые возобновляемые ресурсы. Поэтому восстановление лесов должно является одним из ключевых направлений государственной и общественной деятельности.

В настоящий момент площадь лесных земель в России составляет 894 тыс. га [1], что составляет одну пятую часть площади лесов всего мира. Соответственно лесные ресурсы являются важной частью экономики России. По данным Рослесинфорг использование лесов в 2021 привнесло в государственный бюджет 73,8 млрд рублей, а экспорт лесопродукции в этот период оценивается в 17,5 млрд долларов [2]. Это в свою очередь неизбежно ведет к активному использованию лесов и, соответственно, к их истощению. Усугубляет положение постоянная проблема лесных пожаров. Данные обстоятельства приводят к так называемой «гибели лесных насаждений», под которой понимается гибель древесной растительности в результате природного или антропогенного воздействия.



За 2021 погибло около 88,6 тыс. га лесных насаждений [3]. Данная цифра в различные годы меняется, но стабильно остается высокой. Подобная динамика гибели лесов приводит к необходимости осуществлять эффективную политику по лесовосстановлению. В связи с этим хочется отметить, что площадь восстановления лесов в России каждый год растет. Если в 2020 г. площадь восстановления занимала 1185847,39 га, то в 2021 г. она увеличилась до 1235768,67 га [4]. Данные показатели говорят об активном осуществлении лесовосстановления, однако они не свидетельствуют об эффективности его осуществления. Проблема заключается в том, что восстановление лесов занимает достаточно много времени, и в условиях постоянного использования лесов важно не только увеличивать площадь восстановления, но и правильно выбирать способы лесовосстановления. Вместе с этим необходимо мотивировать участников предпринимательской деятельности самостоятельно и добровольно ограничивать использование лесных ресурсов и осуществлять восстановление лесов. Способствовать этому должен тот факт, что данные лица сами заинтересованы в этом, поскольку для дальнейшего развития их предприятия им необходим постоянно восстанавливающийся ресурс.

Несмотря на все вышесказанное, современное лесное законодательство не способствует повышению эффективности восстановления лесов, что является серьезной проблемой. В связи с этим необходимо ответить на три вопроса: что собой представляет лесовосстановление, какие есть способы его осуществления и какие есть основные правовые проблемы лесовосстановления, мешающие эффективному проведению восстановления лесов.

В настоящее время тема лесовосстановления раскрыта в трудах многих авторов. Так, Мельниченко Н.П. [5] раскрывает актуальность проведения восстановления лесов, рассказывая о последствиях полной гибели лесов на определенной территории. В данном случае происходят радикальные изменения надпочвенного слоя и распространение на данной территории растений, в частности трав, мешающих дальнейшему использованию земли.



Для предотвращения этого необходимо, чтобы органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации ответственно подходили к планированию лесовосстановления в их регионе, отталкиваясь в первую очередь от эффективности его проведения [6].

Однако в современной науке нет точного определения понятия «эффективное восстановление лесов». В советской научной доктрине под этим термином понимался комплекс мер, направленных на способствование соблюдению баланса между растущими потребностями путем заблаговременного проведения различных восстановительных мероприятий, опирающихся на долгосрочное планирование [7, с. 334]. В настоящее же время существует позиция, в соответствии с которой важнейшим условием и признаком расширенного воспроизводства лесов является постоянное увеличение эффективного и потенциального запаса качественной древесины [8, с. 119].

Гулин К.А. утверждает, что лесовосстановления в России осуществляется неэффективно [9, с. 83]. Последние несколько лет ежегодный объем лесовосстановления уменьшился в два раза. При этом в процентном соотношении доля искусственного восстановления лесов составляет около 20%, что является недостаточным с учетом количества территорий, где естественное восстановление провести невозможно. Исправить данную ситуацию можно с помощью совершенствования мероприятий по компенсационному лесовосстановлению [10].

Таким образом, анализ литературы позволяет сделать вывод о том, что повышение эффективности лесовосстановления является одной из важнейших задач, стоящих перед государством. Вместе с этим в России существующее российское законодательство не способствует увеличению эффективности восстановления лесов.

В основе исследования лежат различные нормативно-правовые акты, в частности Лесной кодекс Российской Федерации [11]. Используя логические



приемы анализа и синтеза рассматривается Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [12], и на основании этого были выделены основные противоречия и проблемы в законодательном закреплении ответственности за нарушение требований по лесовосстановлению. Формально-юридический метод использовался для определения способов осуществления лесовосстановления, перечисленных в Приказе Минприроды России "Об утверждении Правил лесовосстановления" [13], и их подробного описания, что позволит сделать выводы об эффективности и целесообразности применения каждого из них. Вместе с этим процесс восстановления лесов рассматривается как совокупности взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, т.е. процесс лесовосстановления воспринимается как единая сложная система, что способствует более комплексному изучению проблемы повышения эффективности данного процесса.

В соответствии с Лесным кодексом лесовосстановлением называется процесс восстановления вырубленных, погибших, поврежденных лесов. Вместе с этим, целью лесовосстановления являются не только восстановление лесов, но и сохранение их полезных функций и биологического разнообразия.

Правила лесовосстановления устанавливаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, т.е. Минприроды РФ. Актуальные правила были утверждены в 2020 году, именно они и являются основным нормативным актом в этой области.

В Правилах лесовосстановления перечислены следующие способы лесовосстановления:

-естественное восстановление лесов, которое происходит непосредственно с помощью природных процессов, а также при осуществлении мер содействия восстановлению;

-искусственное восстановление лесов, которое проводится с помощью создания лесных культур из саженцев;



-комбинированное восстановление лесов, которое соединяет меры естественного и искусственного восстановления.

Естественное лесовосстановление представляется наиболее требовательным способом восстановления, поскольку для его эффективного проведения необходимо соответствие территории условиям естественного роста деревьев. В связи с этим оно осуществляется лишь при рубке насаждений с наличием жизнеспособного подроста главных деревьев и при рубке деревьев, способных к вегетативному возобновлению.

Главными особенностями данного вида восстановления лесов является обеспечение сохранения жизнеспособного поколения главных лесных деревьев, сохранение жизнеспособного укоренившегося подроста, уход за ним, минерализацию поверхности почвы на местах планируемых рубок, оставление семенных деревьев, а также подавление корнеотпрысковой способности деревьев. Все эти меры осуществляются одновременно с проведением рубки.

Комбинированное лесовосстановление осуществляется путем посадки и посева на лесных участках, на которых отсутствует возможность проведения полного естественного восстановления. При осуществлении данного способа восстановления первоначальная густота посадки главных деревьев на единице площади устанавливается в зависимости от количества уже имеющегося жизнеспособного подроста данных деревьев.

Самым сложным способом восстановления является искусственное лесовосстановление. Оно проводится лишь в случае, если невозможно осуществить естественное лесовосстановление, а комбинированное восстановление нецелесообразно. Искусственное восстановление осуществляется в крайнем случае, например, если на лесных участках погибли лесные культуры. Особенностью данного способа восстановления лесов является и то, что перед ним проводится подробное обследование лесного участка, целью которого является определения состояния и пригодности почвы для выращивания лесных насаждений, количество необходимых подростов и



т.д. Также для обеспечения качества выполнения всех последующих технологических операций, и уменьшения риска возникновения пожара восстановитель проводит специальную подготовку восстанавливаемого лесного участка. Именно этим и объясняется сложность и дороговизна искусственного восстановления лесов.

Более подробная информация о критериях и требованиях к лесовосстановлению указаны в Приложениях к правилам.

Восстановление лесов может осуществляться следующими субъектами:

-лицами, осуществляющими рубки лесных насаждений;

-органами государственной власти, органами местного самоуправления в пределах их полномочий;

-лицами, осуществляющими рубку лесных насаждений при использовании лесов для создания охранных зон;

-лицами, осуществляющие строительство зданий, строений, сооружений в границах лесопарковых зеленых поясов либо ходатайствующие об изменении их границ, в том числе в целях перевода земель лесного фонда в земли иных категорий.

Для отслеживания необходимости проведения на какой-либо территории лесовосстановительных работ проводится ежегодный учет площадей вырубок, гарей, прогалин и т.д. Вместе с этим в зависимости от состояния и количества на территории подроста и молодняка, определяются способы лесовосстановления. Для каждого способа восстановления учет площади лесных участков осуществляется отдельно. Он основан на следующих специальных источниках:

-государственный лесной реестр;

-материалы лесоустройств;

-материалы специальных обследований, при отводе лесосек и осмотре мест осуществления лесосечных работ.



Данная процедура осуществляется на каждом лесном участке в соответствии с проектом лесовосстановления и считаются завершенными после отнесения этих земель, к землям, на которых расположены леса. За планирование отвечают органы государственной власти и органы местного самоуправления в соответствии с их полномочиями. При этом Рослесхоз осуществляет контроль и надзор за региональными исполнительными органами, в случае осуществления ими полномочий в области лесовосстановления.

Ключевой особенностью всех проводимых мероприятий по лесовосстановлению является тот факт, что достижение реального результата от их проведения, выражающегося как в количественном, так и в качественном составе лесного покрова, происходит лишь по прошествии нескольких десятилетий.

В настоящее время все чаще поднимается вопрос об эффективности проведения лесовосстановительных работ в России. Так, искусственное восстановление применяется не так часто, с учетом количества подходящих для этого территорий. С одной стороны, это можно объяснить высокой стоимостью данной процедуры. С другой стороны, важность осуществления подобного восстановления должна перекрывать все проблемы, связанные с предполагаемыми затратами.

Решить данную проблему достаточно трудно. Можно минимизировать требования к лесовосстановлению, однако это может привести лишь к ухудшению ситуации, поскольку некоторые субъекты восстановления будут использовать подобные послабления не как способ найти наиболее эффективный метод восстановления лесов, а как способ сэкономить, используя наименее эффективные методы. Также можно внести изменения в Правила лесовосстановления, где будут указаны различные способы восстановления в зависимости от климата, почвы и т.д. Однако, учитывая природное разнообразие России, это сделать достаточно проблематично.



Спорным является вопрос о том, что искусственное лесовосстановление возможно лишь в том случае, когда невозможно естественное и комбинированное восстановление лесов. Это опять же подтверждает тот факт, что государство отдает предпочтение более дешевому естественному способу лесовосстановлению. Однако такой подход вызывает вопросы.

Сама по себе дешевизна естественного лесовосстановления ставится под вопрос. Это связано с тем, что в сравнении с искусственным способом восстановления лесов, естественный способ менее предсказуемый. Если оценивать все экономические затраты на всем цикле лесопользования начиная с лесовосстановления и заканчивая основной рубкой, можно сделать вывод, что естественный способ восстановления лесов не всегда будет являться наиболее дешевым. Объясняется это тем, что в данном случае необходимо проводить постоянные работы по сохранению подроста, проведения рубок ухода и осветления. Особенно это заметно при осуществлении повторных работ, если в первый раз не удалось добиться необходимого результата.

Использование по большей части естественного лесовосстановления можно связать также с особенностью лесопользования в России. В соответствии с главой 6 ЛК РФ передача земельных участков для лесопользования осуществляется на основании договоров аренды лесного участка, для заключения которого необходимо выиграть на аукционе. Восстановление лесов на таких участках проводится непосредственно их арендаторами и выполняются в строгом соответствии с установленными правилами. Договор аренды заключается на срок от 10 до 49 лет. На практике почти все они заключаются на максимальный срок, что, по идее, должно способствовать повышению ответственности лесопользователей при осуществлении рубок, а также мероприятий по лесовосстановлению и уходу за лесами. Однако восстановление лесов является достаточно долгим процессом, который может занимать не одно десятилетие. Вместе с этим Рослесхоз устанавливает достаточно высокий возраст рубки. Подобное решение приводит



к ситуации, когда арендатор заинтересован в проведении эффективного лесовосстановления лишь первые 10 лет и только на участках с наименее ценными лесными породами, для которых возраст рубки ниже. Это все является проблемой, которую можно обозначить как недостаток мотивации у арендатора.

Эту проблему частично решает преимущественное право заключения договора аренды на новый срок с прежним арендатором, который надлежащим образом исполнил договор аренды лесного участка, закрепленный в ст. 74 ЛК РФ. Однако данное право все ещё не дает арендаторам полную гарантию того, что данный лесной участок останется у них в пользовании. В последнее время российское лесное законодательство постоянно меняется, что может привести к необходимости заключения нового договора аренды или же к расторжения существующего.

В связи с этим можно сделать вывод, что в настоящий момент в России не созданы условия, которые бы стимулировали арендатора лесных участков организовывать мероприятия по расширению лесовосстановления. Данную проблему, возможно, разрешить либо увеличив максимальный срок договора аренды лесного участка, либо закрепив на законодательном уровне бессрочность повторно заключенного договора аренды лесных участков.

Вместе с этим законодатель закрепил ответственность для арендаторов лесных участков, невыполняющих или плохо выполняющих свои обязанности по лесовосстановлению. В ст. 8.27 КоАП РФ сказано, что нарушение требований лесного законодательства по проведению лесовосстановления влечет наложение административного штрафа от 200 руб. до 300 тыс. руб. в зависимости от субъекта правонарушения. Едва ли данную сумму штрафа можно считать достаточной, учитывая тот факт, что она несопоставима ни со стоимостью аренды лесного участка, ни с получаемой прибылью, ни с необходимыми затратами на формальное выполнение работ по восстановлению



леса. То есть для большей эффективности данной нормы, возможно, необходимо повысить сумму штрафа.

Большого эффекта можно добиться с помощью закрепления в законе дополнительных возможностей досрочного прекращения договора аренды. Это стимулирует арендаторов, которые рассчитывают на долгосрочное пользование лесным участком, выполнять все требования, указанные в лесном законодательстве. Существующие возможности расторжения договора и малое количество свободных лесных участков, имеющих необходимые требования для предпринимательской деятельности, привела к практике, что расторжение договора аренды лесных участков в связи с невыполнением работ по восстановлению лесов происходит достаточно редко. Вместе с этим, поскольку данный договор может быть расторгнут в одностороннем порядке только судом, эта процедура обычно сильно затягивается.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что в настоящий момент правовое регулирование лесовосстановления имеют определенные проблемы, которые необходимо решить для повышения эффективности проведения мероприятий по восстановлению лесов.

Действующее лесное законодательство предусматривает наличие четкой системы лесовосстановления. Площадь восстановления лесных участков постоянно растет. Однако это все не свидетельствует о том, что данный процесс осуществляется эффективно. В рамках постоянной гибели лесов, наличие системы, способствующей удовлетворению лишь минимальных требований к их восстановлению, необходимо считать недостаточной. Данную ситуацию может исправить лишь комплексное реформирование лесного законодательства. К необходимым изменениям можно отнести, например, предоставление возможности осуществлять искусственное восстановление вне зависимости от состояния лесного участка. Также необходимо стимулировать лесопользователей к проведению восстановительных мероприятий.



Список литературы:

1. Федеральное агентство лесного хозяйства [Электронный ресурс] // URL: <https://rosleshoz.gov.ru/opendata/7705598840-ForestlandArea>.
2. Экспорт леса из России в 2021 году [Электронный ресурс] // URL: <https://roslesinforg.ru/news/all/6311/>.
3. Сведения о гибели лесных насаждений (по состоянию на 01.08.2023) [Электронный ресурс] // URL: <https://rosleshoz.gov.ru/opendata/7705598840-RegisterPlants>.
4. Информация о выполнении мероприятий по лесовосстановлению и лесоразведению за 2019-2021 [Электронный ресурс] // URL: <https://rosleshoz.gov.ru/activity/seedfarm/stat?4ac044b080a58bd37ec73a26ca8ba7ab>.
5. Мельниченко Н. П. Проблема лесовосстановления в шелкопрядниках Сибири // Academy. 2020. №6 (57).
6. Василенко Светлана Юрьевна Планирование объектов лесовосстановления и лесоразведения // Евразийский Союз Ученых. 2019. №6-2 (63).
7. Моисеев Н.А., Комков В.В. Оптимизация воспроизводства лесных ресурсов. М.: Лесная промышленность, 1987. 547 с.
8. Гулин К.А., Дианов С.В., Антонов М.Б. Проблемы мотивации арендаторов лесных участков на использование эффективных методов лесовосстановления в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогнозы. 2019. №1. 108-123 с.
9. Гулин К.А., Дианов С.В., Антонов М.Б. Агент-ориентированный подход к реализации модели лесовосстановления // Проблемы развития территории. 2018. №1(93) с.83-97
10. Платонов Е. П., Оплетаев А. С., Залесов С. В., Башегуров К. А. Пути совершенствования мероприятий по компенсационному лесовосстановлению // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. 2021. №6.



11. Лесной кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. – 2006. Выпуск №50. Ст. 5278.

12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // Собрание законодательства РФ. – 2002. Выпуск №1. Ст.1

13. Приказ Минприроды России от 29.12.2021 N 1024 «Об утверждении Правил лесовосстановления, формы, состава, порядка согласования проекта лесовосстановления, оснований для отказа в его согласовании, а также требований к формату в электронной форме проекта лесовосстановления».



**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС;
КРИМИНАЛИСТИКА**

УДК 343.64

Вострикова Анастасия Михайловна

Руф Владислав Сергеевич

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

vostrikova.anastasia2001@yandex.ru

ruf.vlad-1988@yandex.ru

Vostrikova Anastasia

Ruf Vladislav

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of the Prosecutor's Office

Russia, Ekaterinburg

**ПОВОДЫ ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ПРОБЕЛЫ В
ЗАКОНЕ И СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ**

Аннотация: в статье рассмотрены поводы к возбуждению уголовного дела, дана их характеристика. Проанализирована складывающаяся правоприменительная практика относительно некоторых поводов к возбуждению уголовного дела. Авторами также изучены пробелы, содержащиеся в статье 140 УПК РФ, предложены пути их решения.

Ключевые слова: повод к возбуждению уголовного дела, заявление о преступлении, явка с повинной, рапорт об обнаружении признаков преступления, сообщение о преступлении, постановление прокурора.



REASONS FOR INITIATING A CRIMINAL CASE: GAPS IN THE LAW AND WAYS TO SOLVE THEM

Annotation: the article considers the reasons for the initiation of a criminal case, their characteristics are given. The article analyzes the emerging law enforcement practice regarding some of the reasons for initiating a criminal case. The authors also studied the gaps contained in Article 140 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, and proposed ways to solve them.

Key words: the reason for the initiation of a criminal case, a statement of a crime, a confession, a report on the detection of signs of a crime, a report on a crime, a prosecutor's decision.

Уголовный процесс - одна из основных, фундаментальных отраслей права, имеющих большое значение для современной юриспруденции. Однако, как и в любой другой отрасли в ней есть несовершенства, в частности, пробелы в законе. Одним из заметных упущений законодателя при составлении Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее - УПК РФ) является пробел в характеристике некоторых поводов для возбуждения уголовного дела, который появился вследствие несоблюдения правил юридической техники.

Как справедливо отметил профессор Ю. К. Краснов, отступление от правил законодательной техники, русского литературного языка и формальной логики при подготовке закона неизбежно порождает законотворческие ошибки, в результате которых возникают пробелы или противоречия, нечеткие или неясные правовые предписания и т.д. [5, с. 521].

В соответствии с ч. 1 ст. 140 УПК РФ поводами для возбуждения уголовного дела являются: заявление о преступлении, явка с повинной, сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученным из других источников, а также постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.



Первым поводом является заявление о преступлении, которое подробно регламентируется в ст. 140 УПК РФ. При дальнейшей характеристике данного основания в кодексе, законодатель указывает, в частности, на то, что заявитель предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, о чем делается соответствующая отметка в протоколе.

Приведенная норма (ч. 6 ст. 141 УПК РФ) содержит в себе первый пробел. Как известно, заявление может быть подано устно, то есть заявитель непосредственно обращается в правоохранительные органы, где с его слов сотрудник в протокол записывает все обстоятельства, на котором и проставляется соответствующая отметка о предупреждении об уголовной ответственности.

Однако возникает следующий вопрос: если заявитель обращается в органы с письменным заявлением (которое лицо написал заранее), обязан ли сотрудник правоохранительных органов предупреждать его об уголовной ответственности?

Некоторые процессуалисты высказывают точку зрения о том, что независимо от того, как подается заявление – письменно или устно – лицо должно предупреждаться об ответственности. [2, с. 8]. В целом, такой подход видится оправданным, особенно, если заявление «персонифицировано», т.е. в нем указано конкретное лицо, которое заявитель считает виновным.

Стоит отметить, что по данному вопросу сложилась судебная практика, которая носит противоположный указанному мнению характер. Например, В Определении от 22.06.1999 г. Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ, суд отметил, что для письменных заявлений предусмотрено только одно требование – на них должна быть личная подпись заявителя, а вопрос о предупреждении об уголовной ответственности может быть решен на допросе данного лица.

Второй повод для возбуждения уголовного дела – это явка с повинной. При раскрытии данного повода законодатель указывает, что не просто явка с



повинной рассматривается как повод для возбуждения уголовного дела, а им служит заявление о явке с повинной – добровольное сообщение лица о совершенном преступлении (ч. 1 ст. 142 УПК РФ).

Само значение слова «явка», если обращаться к словарю Ожегова, означает прибытие куда-либо, появление в каком-то месте. В связи с этим справедливо отметить слова А. А. Давлетова: «при явке с повинной поводом к возбуждению уголовного дела служит не сама явка лица с повинной, а его добровольное сообщение о преступлении. <...> В УПК явка с повинной упоминается лишь в одном значении – как повод к возбуждению уголовного дела. Это означает, что правоохранительному органу впервые становится известно о преступлении именно от самого лица, его совершившего» [3, с. 155]. Как отмечает Ахтям Ахатович далее, у явки с повинной есть еще несколько проявлений. На наш взгляд, упущение законодателя в данном случае заключается именно в том, что УПК не содержит иных вариантов явки с повинной, которые существуют на практике [3, с. 156].

Так, вторым проявлением явки с повинной являются случаи, когда лицо, совершившее преступление, объявлено в розыск, т.е. правоохранительные органы и другие лица имеют представление о данной личности. В такой ситуации нарушители сами «сдаются» в руки полиции, что также является явкой с повинной, но не является поводом к возбуждению уголовного дела.

Третий вариант – лицо уже поймано и находится в следственном изоляторе (далее – СИЗО). Достаточно часты случаи, когда виновный поэтапно, «поштучно» сознается в совершении нескольких преступлений. В данном случае, если обращаться непосредственно к сути данного правового явления, то мы можем признать данные действия ничем иным, как явкой с повинной.

Последние два выражения явки с повинной имеют общую черту – они имеют место в том случае, когда уголовное дело уже есть и его возбуждение не требуется. Но они также, как и заявление о явке, требуют законодательного закрепления, поскольку у лица, сознавшегося в преступлении – независимо от



того, когда оно совершило это действие – должна быть возможность на смягчающее обстоятельство.

Таким образом, явку с повинной можно охарактеризовать как добровольную сдачу (приход) лица в руки правоохранительных органов и правосудия при наличии таких обстоятельствах, в которых он мог бы не явиться. Авторы считают, что необходимо уточнить положения ст. 142 УПК о явке с повинной, отразив в ней указанную выше характеристику, а также выделить заявление о явке с повинной как повод к возбуждению уголовного дела и отдельно отметить иные проявления явки с повинной.

Третий повод в перечне, закрепленном в ст. 140 УПК РФ, это сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников. При регламентации данного повода в ст. 143 УПК, законодатель именует его рапортом.

Некоторые процессуалисты, например, И. Р. Дмитриев, критикуют формулировку ст. 143 УПК РФ. В своем автореферате Игорь Радикович акцентирует внимание на том, что в п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ такой повод как сообщение о готовящемся или совершенном преступлении является по своей сути «свободным», т.е. «таким элементом системы поводов, который позволяет этой системе улавливать максимальное число сведений о признаках преступлений» [4, с. 8]. Однако далее данный повод подвергается жесткой критике, поскольку механизм, заложенный в ст. 143 УПК РФ ограничивает свободу, которая была предусмотрена в п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ.

С этим сложно не согласиться, поскольку при сопоставлении и дальнейшем анализе указанных норм возникает противоречие между самой сутью данного повода (как отмечает И. Р. Дмитриев, информационной потребностью) и последующей уголовно-процессуальной регламентацией и реализацией.

В данном случае ошибка законодателя заключается в том, что необходимо уточнить, что сообщение о готовящемся или совершенном



преступлении является не поводом к возбуждению уголовного дела, а информацией для правоохранительных органов, поводом выступает непосредственно составление рапорта сотрудником. Подобную позицию можно найти и в доктрине уголовного процесса: «рапорт – это в большей степени форма отражения обнаруженных признаков преступления, сродни устному или письменному оформлению заявления» [6, с. 120].

В данном случае логично внести изменения в п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ. Конечно, это будет умалять то значение, которое вкладывалось в этот повод изначально – свобода поступающей информации о возможном преступлении – однако будет отвечать одной из основных задач стадии возбуждения уголовного дела – фильтрационной. Поскольку данная стадия отсеивает часть той информации, которая не является сообщением о преступлении (а, например, является информацией о правонарушении), некоторое ограничение такой свободы является допустимой в целях процессуальной экономии, а также отвечает поставленной задаче.

Наконец, четвертый, и последний, повод к возбуждению уголовного дела – постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса о дальнейшем уголовном преследовании (п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ). Данный повод не урегулирован уголовно-процессуальным законодательством, он просто отражен в перечне, но отсутствует какая-либо его правовая регламентация.

Если обратиться к истории внесения данного повода в УПК РФ, то можно заметить, что он появился в 2010 г. и причиной его внесения стало отсутствие у прокурора права, возможности возбуждения уголовного дела. Но поскольку прокурор – важная фигура в уголовном процессе, и на прокуратуру в целом возложена обязанность по надзору за органами следствия и дознания, то потребовалась необходимость хотя бы косвенного участия прокурора на стадии возбуждения уголовного дела.



Стоит заметить, что наряду с указанной нормой появилась еще одна – ч. 1.1 ст. 149 УПК РФ, которая говорит о том, что решение об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с мотивированным постановлением прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного следствия для решения вопроса об уголовном преследовании может быть принято только с согласия руководителя следственного органа.

Однако принятие данных норм даже сейчас порождает ряд вопросов: в перечне поводов не идет речи о мотивированном постановлении прокурора, а ч. 1.1 ст. 149 УПК РФ предусматривает именно такое постановление прокурора; также не совсем явно о каких «соответствующих материалах» говорит законодатель.

Отвечая на первый вопрос, отметим, что характер данного постановления раскрывается в Приказе Генерального прокурора от 23 октября 2023 г. № 730 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и органах предварительного следствия». Пункт 1.15 Приказа содержит положение о том, что прокурорский работник может выносить постановление о направлении соответствующих материалов для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства лишь по результатам всесторонне проведенной прокурорской проверки, содержащей достаточные данные о наличии признаков преступления [1]. В следующем пункте отмечается, что на сотрудников прокуратуры также возлагается обязанность по контролю за своевременностью, полнотой и объективностью разрешения материалов, направленных прокурорами.

Таким образом, можно говорить о том, что в п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ содержится пробел в части того, что постановление прокурора должно быть мотивированным, а под «соответствующими материалами» понимаются результаты всесторонней и полной проверки.



Однако важно заметить, что подобные особенности вынесения постановления, его характеристика должны содержаться в первую очередь в УПК РФ – основном и главном источнике уголовного судопроизводства в Российской Федерации.

Подводя итог вышесказанному, авторы могут отметить, что поводы к возбуждению уголовного дела не регламентированы надлежащим образом, необходимо внесение ясности в нормативное регулирование данной стадии уголовного процесса.

Список литературы:

1. Приказ Генерального прокурора от 23 октября 2023 г. № 730 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и органах предварительного следствия» // «Законность», N 12, 2023.
2. Газетдинов Н. И. О законодательной регламентации поводом и оснований для возбуждения уголовного дела / Н. И. Газетдинов // Российский следователь. 2007. № 20. С. 7-10.
3. Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации: учебное пособие. Изд. УМЦ УПИ. 2023. 348 с.
4. Дмитриев И. Р. «Свободный» повод для возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Н. Новгород, 2005. 180 с.
5. Краснов Ю. К., Надвикова В. В., Шкатулла В. И. Юридическая техника: учебник. М., 2014. 220 с.
6. Марфицин П. Г., Тимченко В. А. Рапорт об обнаружении признаков преступления: уголовно-процессуальный и оперативно-разыскной аспекты // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. №1 (25). С. 118 -121.



УДК 343.9

Демидова Анна Владимировна

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

Институт Прокуратуры

Россия, Москва

annademidova2002964@mail.ru

Demidova Anna

Moscow State Law University (MSAL)

Institute of the Prosecutor's Office

Russia, Moscow

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация: социальной «язвой» общества XXI века является коррупция, одним из видов которой выступает взяточничество. Законодатель в целях борьбы с данным явлением включил составы преступлений «дача взятки», «получение взятки» в Уголовный Кодекс РФ. Однако следователям, осуществляющим досудебное производство по уголовному делу, необходимо придерживаться определённых рекомендаций при производстве следственных действий. В связи с этим в данной статье автором дается криминалистическая характеристика взяточничества с точки зрения методики расследования.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика взяточничества, взяточничество, коррупционные преступления, дача взятки, получение взятки.

CRIMINALISTIC METHODS OF INVESTIGATION OF BRIBERY: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Annotation: the social "ulcer" of the society of the XXI century is corruption, one of the types of which is bribery. In order to combat this phenomenon, the legislator



included the elements of crimes "giving a bribe" and "receiving a bribe" in the Criminal Code of the Russian Federation. However, investigators conducting pre-trial proceedings in a criminal case must adhere to certain recommendations when conducting investigative actions. In this regard, in this article, the author gives a criminalistic characterization of bribery from the point of view of the investigation methodology.

Key words: criminalistic characteristics of bribery, bribery, corruption crimes, bribery, receiving a bribe.

Без доли сомнения можно заявить, что «социальной болезнью XXI века» является коррупция, в т.ч. её многочисленные проявления. Согласно толкованию, данному в Постановлении Пленума ВС РФ [1], коррупционные преступления подразделяются на две группы: 1. взяточничество (статьи 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ), 2. иные коррупционные преступления (в частности, предусмотренные статьями 159, 160, 184, 200.5, 204, 204.1, 204.2, 292, 304 УК РФ).

Преступления коррупционной направленности представляют угрозу экономической стабильности, поскольку создают социальную напряженность в обществе, подрывают авторитет органов публичной власти, осложняют функционирование общественных механизмов, препятствуют развитию экономики страны и реализации социально значимых программ и самое главное – обладают таким свойством как латентность.

Из всех коррупционных преступлений чрезвычайную опасность для общества представляют преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, закреплённые в гл. 30 УК РФ, к которым отнесено взяточничество.

Так, согласно данным проведенного в рамках исследования [2] опроса граждан, на вопрос "Сталкивались ли Вы или члены Вашей семьи, знакомые с



фактами взяточничества и коммерческого подкупа?" 26% респондентов ответили: "Да, один раз", 27% - "Да, несколько раз" и 18% указали: "Да, часто". Сказанное свидетельствует о глобальных масштабах взяточничества в России. При этом особую озабоченность вызывает "усложнение" схем коррупционных отношений, связанных с развитием общества.

Уровень, характер взяточничества, способы совершения и сокрытия, предмет преступного посягательства, сферы жизнедеятельности, в которых часто совершаются рассматриваемые преступления, зависят от экономического, политического, психологического, социального и правового благополучия и развития общества и государства. Изменившийся характер и состояние взяточничества показывают несостоятельность применяемых мер, отсутствие эффективного методического и информационно-технологического противодействия ему. В полной мере это относится к процессу выявления, который специфичен для вышеназванных преступлений. Новаторскими должны быть и подходы к расследованию, его системе, в которой самостоятельное место должен занимать предварительный этап. Сложность деятельности субъектов расследования получения и дачи взятки обусловлена, как было уже отмечено, особенностями выявления данных преступлений, реализацией значительного количества уголовно-процессуальных действий, аналитических тактико-криминалистических средств.

Понятие, состав, сущностные признаки криминалистической характеристики преступлений (в т.ч. и взяточничества) остаются спорными в правовой науке. Позиция кафедры криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина заключается в том, что в состав криминалистической характеристики преступления входят: данные о **предмете** преступного посягательства, **обстановке**, **месте**, **механизме следообразования**, о типичных **способах подготовки, совершения и сокрытия** преступления, о **личности** субъектов преступления, **обстоятельствах**, способствующих этим преступлениям.



Взятничество охватывает четыре уголовно наказуемых деяния, связанных между собой общностью предмета: получение взятки (ст. 290 УК РФ), дача взятки (ст. 291 УК РФ), посредничество во взятничестве (ст. 291.1 УК РФ), мелкое взятничество (ст. 291.2 УК РФ).

Под **предметом** преступления, определяемым собирательным понятием "взятка", в законодательстве понимаются деньги (как российские, так и иностранные денежные знаки); ценные бумаги (облигации, векселя, чеки, акции и т. п. в соответствии со ст. 142 ГК РФ); иное имущество, услуги имущественного характера, предоставление иных имущественных прав.

В криминалистической науке под **обстановкой** совершения преступления понимают совокупность «пространственно-временных, природноклиматических, производственно-бытовых и поведенческо-психологических факторов, характеризующих место, время, объект и предмет совершения посягательства, состав участников и характер их взаимоотношений с потерпевшим и иными лицами, а также материальные элементы окружающей среды, которые влияют на способ и механизм совершения преступления» [4, с. 21].

Мы считаем, что под обстановкой совершения взятничества необходимо понимать совокупность условий внешней среды, существовавших во время совершения и сокрытия преступного деяния.

В отношении преступлений о взятничестве в качестве **обстановки** целесообразно указать:

1. отрасль, профиль органа/организации, где находится на службе должностное лицо, их структура, место в ней должностного лица;
2. полномочия должностного лица (характеристика его должностного статуса);
3. систему документооборота, сопровождающего деятельность органа/организации, должностного лица, а также принятие решений;
4. систему учета и контроля (надзора);



5. режим работы, процедура принятия решений (коллегиальное или единоличное, кто и каким образом готовит рассмотрение вопросов, какова очередность их решения и прочие особенности функционирования органа/организации);

6. производственные, деловые, договорные и иные связи с другими органами и организациями; подчиненность и подконтрольность, личные и прочие внеслужебные связи должностного лица, прежние места работы [5, с. 57];

7. недостатки в деятельности органа, учреждения (бюрократизм, волокита, преступные традиции, недостатки в учете, отсутствие контроля);

Передача предмета взятки может происходить непосредственно как между взяткодателем и взяткополучателем, так и с участием посредника, который получает предмет взятки от взяткодателя и потом передает его взяткополучателю.

Практикой выработаны часто встречаемые по таким уголовным делам **места** дачи-получения взятки: кабинет взяткополучателя – 39%; служебные помещения (аудитория в вузе, класс в школе, здание органа публичной власти или правоохранительного органа) – 29%; предприятия торговли и питания – 6%; автомобиль – 6%; квартира взяткополучателя – 5% и другие места (казино, бары, клубы, общественные транспорт, номера гостиниц, тайники, общественные пространства)

По данным ранее проведенных исследований [6, с. 41], взятки в 73% случаев передавались в рабочее время; значительно реже – в вечернее время – 26%, и даже в ночное время – 1%. По результатам исследований, получение взятки происходило в 6% случаев в промежуток времени с 6:00 до 10:00, в 51% – с 10:00 до 18:00, в 39% – с 18:00 до 22:00, в 4% случаев – с 22:00 до 6:00.

Таким образом, между действиями субъектов преступления и условиями, в которых они происходят, существует взаимосвязь. Условия, осознаваемые взяточниками, оказывают влияние на их преступное поведение, а их действия,



как результат, отображаются в окружающей действительности в виде разного рода материальных, а иногда и идеальных следов. Поэтому задача субъекта расследования состоит во внимательном исследовании условий, где происходило интересующее его событие, для того чтобы иметь объективные данные для выдвижения версий, избирать наиболее верные направления расследования.

Способ совершения взяточничества (включающий в себя также действия по подготовке дачи – получения взятки) можно определить как обусловленную объективными и субъективными причинами систему действий (бездействия) субъектов взяточничества, направленных на достижение преступной цели – выполнение служебной деятельности должностным лицом за «вознаграждение» [7, с. 28].

Исходя из уголовно-правовой теории, неоконченное преступление может быть в форме приготовления и покушения. В рамках исследуемых составов подготовительные действия субъекта-взятокодателя включают в себя следующий перечень действий: установление должностного лица, в компетенцию которого входит решение требуемого вопроса; налаживание с ним контакта (лично или через посредников); ведение переговоров о передаче взятки; выяснение условий выполнения служебных действий (бездействия) взяткополучателем; определение характера взятки и ее размера, исходя из интересов и потребностей взяткополучателя; поиск средств для взятки; уточнение способов передачи предмета взятки, исключающих присутствие посторонних в месте передачи.

Совершение дачи – получения взятки предполагает стадию оконченого преступления. В качестве примера могут выступить конкретные дела.

В отношении главы г.Троицка Челябинской области Александра Виноградова возбудили уголовное дело по ч. 4 ст. 290, ч. 3 ст. 291, ч. 2 ст. 291.1 УК РФ (дача взятки, получение взятки, посредничество во взяточничестве). По версии следствия, Александр Виноградов получил беговую дорожку стоимостью 126 тыс.



рублей за содействие субъекту предпринимательской деятельности в оформлении разрешений на строительство и иных документов [8].

Так, например, в Новосибирской области вынесен приговор бывшему судье Молчановского районного суда Томской области Виталию Бажилину, которого признали виновным в получении взяток в период работы в прокуратуре. По версии следствия, Бажилин стал заниматься коррупционной деятельностью в 2018 г., будучи помощником прокурора. В тот период он договорился с владельцем местного банного комплекса Ильиным, что за 28 тыс. рублей в месяц будет оказывать ему общее покровительство и мелкие услуги. Предприниматель воспользовался прокурорской поддержкой, чтобы договориться о снижении миллионного долга перед местным «Водоканалом» [9].

В состав криминалистической характеристики взятнических преступлений входят сведения о личности взяткодателя и взяткополучателя. Как верно заметил Г.А. Зорин, "изучение преступника должно начинаться с первых секунд производства осмотра и продолжаться до его выхода из стен исправительного заведения [10, с. 401].

Получение вышеуказанных данных играет весомую роль, поскольку обязательным элементом любого состава преступления является субъект – физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности (в данных случаях – 16 лет); эти данные позволяют следователю и оперативным сотрудникам разработать тактику проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий соответственно, также они необходимы для определения причин преступности и разработки антикоррупционных рекомендаций.

Личность преступника характеризуется совокупностью социально обусловленных признаков, черт, свойств и связей, которые условно можно объединить в две группы: социально-демографические признаки (пол, возраст, семейное и должностное положение, образование и т.п.); признаки, черты и



свойства, прямо или косвенно связанные с совершением преступления, обуславливающие или объясняющие его совершение (социально деформированные убеждения, установки, ценностная ориентация, направленность личности преступника и пр.) [11, с. 46 - 47].

Преступления, предусмотренные ст. 290 УК РФ, могут быть совершены только должностным лицом, в отличие от деяний, криминализованных в ст. 291 УК РФ, субъектами которых, могут выступать любые лица. Исходя из этого, правомерно рассматривать в качестве самостоятельного элемента криминалистической характеристики признаки специального субъекта, акцентировав на их доказывании основное внимание ввиду присущих им специфических особенностей, в то время как установление признаков общего субъекта производится в обычном порядке.

Легальная дефиниция должностного лица указана в примечании 1 к ст. 285 УК РФ и в дополнение к ней в Постановлении Пленума ВС РФ от 16.10.2009 N 19 (ред. от 11.06.2020) "О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий" дано толкование ситуациям, вызывающим трудности в следственно - судебной практике. Проанализировав определение должностного лица, мы выявили три группы критериев классификации: 1) временной интервал осуществления должностных полномочий; 2) функциональный (целевой) признак; 3) место (орган публичной власти или юридическое лицо) реализации полномочий.

В свою очередь, характеризуя портрет субъектов дачи – получения взятки, можно указать следующее. Подавляющее число взяточполучателей - лица мужского пола – 76%, а 24% – женского. Среди взяткодателей эти показатели соответственно равны 63% и 37% [6, с. 50]. Следует признать, что участие женщин в совершении рассматриваемых преступлений является значительным, опять же это обстоятельство указывает на специфику противоправной деятельности.



Взяткополучатели, как правило, - лица, имеющие высшее образование, длительный опыт осуществления должностных полномочий.

Представляет интерес и возраст субъектов взяточничества как один из социально-демографических признаков (см. Диаграммы 1, 2).

Данные об обстоятельствах, способствующих взяточничеству, свидетельствуют: 1) о сложности правовых норм, регламентирующих деятельность физических и юридических лиц, отсутствии механизма их реализации; 2) об объемности законодательных актов, неоднозначности их отдельных положений, противоречивости и нестабильности; 3) об отсутствии надлежащего контроля над их деятельностью; 4) об отсутствии прозрачности кадровой политики (при приеме на работу, увольнении, продвижении по службе); 5) о наличии искусственных препятствий при решении вопросов граждан; 6) о низком уровне заработной платы взятополучателей по отношению к объему выполняемой ими работы, важности и риску для себя решений, принимаемых в силу служебных обязанностей (не связанных с получением взятки).

По нашему мнению, для предупреждения взяточничества требуется комплекс мер правового, управленческо-организационного, функционального характера.

Названные меры могут включать: 1) принятие правовых актов (относящихся к различным сферам деятельности), по возможности исключающих двойственный характер принятия определенных решений, содержащих положения, предполагающие однозначность юридического толкования; 2) создание целенаправленного банка данных для прогнозирования тенденций; 3) обмен информацией между контролирующими и правоохранительными органами; 4) увеличение социальных, в том числе жилищных, пенсионных гарантий для должностных лиц.

К функциональным мерам можно отнести: эффективный, предметный контроль (как внутренний, так и внешний) над деятельностью



государственного аппарата, органов местного самоуправления; устранение причин коррупции, обстоятельств, способствующих взяточничеству.

В завершение отметим, что типичный портрет взяточполучателя, выглядит следующим образом: мужчина (76%) в возрасте от 26 до 45 лет (66%), ранее не судимый (94%), состоящий в браке (69%), с высшим образованием (67%), положительно характеризующийся по работе (78%). Профессионал, с высоким интеллектуальным уровнем, при этом правовой нигилизм преобладает над рациональным подходом к оценкам жизненных ситуаций, неразборчив в выборе средств повышения своего материального положения, корыстен, склонен к получению легкой наживы.

Исследовав криминалистическую характеристику взяточнических преступлений, мы пришли к следующим выводам:

- рассматриваемые преступления по содержанию элементов, образующих их структуру, являются сложными: они включают в себя две составляющие: прием-передачу предмета взятки (первый элемент) и выполнение либо невыполнение каких-либо действий, обусловленных им (второй элемент). Только совокупность и взаимосвязанность действий обоих элементов образует составы преступлений, предусмотренных ст. 290 и 291 УК РФ. Необходимо в ходе расследования устанавливать оба элемента и доказывать, что они находятся в единстве и взаимозависимости.

- на элементы, составляющие взяточничество как составы преступлений, распространяется действие уголовного закона во времени и пространстве, что обуславливает их взаимосвязь: передача предмета взятки может осуществляться в одном месте и в одно время, а выполнение или невыполнение должностных действий, обусловленных этой передачей, происходит в другом месте и в другое время.

- данная группа преступлений характеризуется особой сложностью доказывания, так как зачастую действия взяткодателей и взяточполучателей легализуются и составляют вполне правомерные юридические факты:



прощение долга, заключение договора дарения, купли-продажи, возврат долга, выполняются какие-либо служебные действия, входящие в компетенцию должностного лица; издаются распоряжения; предлагаются органам государственной власти или управления к принятию какие-либо нормативные или ведомственные документы и т.п., а также тот факт, что анализируемые преступления в большинстве случаев совершаются в отсутствие свидетелей;

- особую роль в расследовании взяточничества играет конфиденциальный характер совершаемых правоохранительными органами мероприятий, в частности оперативно-розыскных, а также быстрота, оперативность и профессионализм следователей, осуществляющих уголовное преследование лиц, подозреваемых в даче-получении взятки;

- латентный характер совершаемых деяний.

Список литературы:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 24.12.2019) "О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях" // "Российская газета", N 154, 17.07.2013.

2. Гармаев Ю.П., Степаненко Д.А., Степаненко Р.А. Особенности расследования преступлений, связанных с посредничеством во взяточничестве и коммерческом подкупе // СПС КонсультантПлюс. 2017.

3. Криминалистика: учебник для вузов/ И.В. Александров [и др.]; под редакцией И.В. Александрова. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 376 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-06661-6. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/511251>

4. Валиев М.Х. Криминалистическая характеристика и особенности первоначального этапа расследования вымогательства: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.12 / Валиев Марсель Химзирович. - Екатеринбург, 1998. - 256 с.



5. Кушниренко С.П. Анализ обстановки совершения преступления при расследовании взяточничества // Криминалисть. - 2008. - № 3. - С. 56 - 60.
6. Савченко Н.И. Особенности предварительного и первоначального этапов расследования получения, дачи взятки: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. / Савченко Нина Игоревна. - Рязань, 2020. - 209 с.
7. Кушниренко С.П. Особенности расследования взяточничества: учеб.пособие. СПб.: СПБЮИ Ген. прокуратуры РФ, 2002. - 108 с.
8. Официальный сайт Российского информационного агентства ТАСС [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://tass.ru/proisshestviya/19542355>
9. Официальный сайт Legal Reports [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://legal.report/sudya-poluchil-7-let-uslovno-za-vzyatki-kotorye-bral-na-prokurorskoj-rabote/>
10. Зорин Г.А. Криминалистическая методология. Минск: Амафея, 2000. – 608 с.
11. Башмаков И.С. Особенности первоначального этапа расследования коррупционных преступлений, совершаемых представителями органов местной власти: дисс. ... канд. юрид. наук. 12.00.09 / Башмаков Иван Сергеевич. - Екатеринбург, 2006. – 212 с.



Приложения

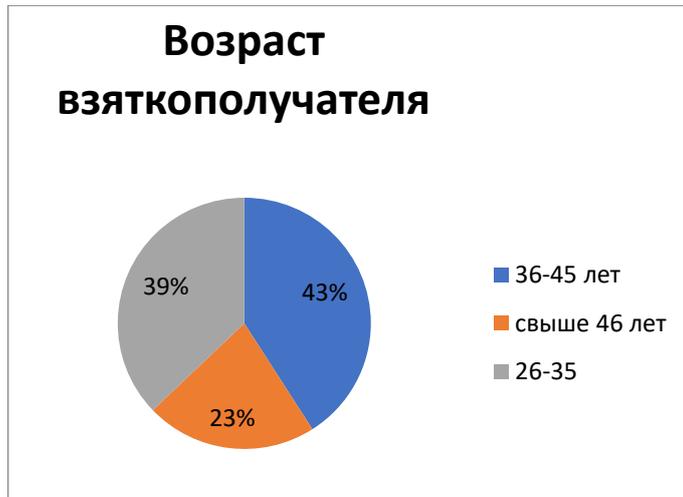


Диаграмма 1.

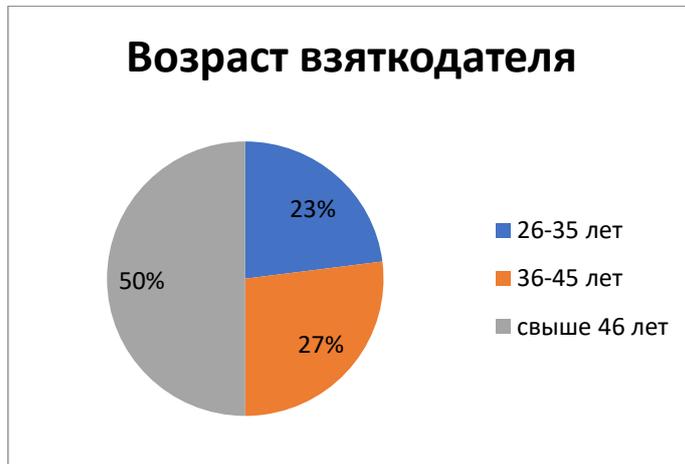


Диаграмма 2.



До Нгок Тан
Академия народной безопасности Вьетнама
Кафедра расследования безопасности
Вьетнам, Ханой
Khanhmon2014@gmail.com
Do Ngoc Tan
People's Security Academy
Department of Security Investigation
Vietnam, Hanoi

**МЕТОДЫ СБОРА, ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ
ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ДЕЛАХ, СВЯЗАННЫХ С
ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Аннотация: одним из новых источников доказательств, определенных в Уголовно-процессуальном кодексе 2015 года Вьетнама, являются электронные данные. Результаты предыдущих расследований, судебных преследований и судебных разбирательств по уголовным делам показали важность установления правдивости и объективности электронных данных для содействия нынешней борьбе с преступностью. В результате необходимо уважать сбор, использование, преобразование и использование этого потока доказательств для установления дел.

Ключевые слова: электронные данные, доказательства, Уголовно-процессуальный кодекс, преступление, дело, компьютерная сеть.

**METHODS FOR GATHERING, CONVERTING, AND APPLYING
ELECTRONIC EVIDENCE IN CASES INVOLVING HIGH-TECH USE**

Annotation: one of the new sources of evidence defined in the CrPC of 2015 is electronic data. The outcomes of previous investigations, prosecutions, and trials of



criminal cases have shown the importance of establishing the truth and objectivity of electronic data in contributing to the present battle against crime. As a result, the collection, exploitation, transformation, and use of this stream of evidence to establish cases must be respected.

Key words: Electronic data, evidence, CrPC, crime, cases, computer network.

High-tech crime in Vietnam

High-tech crime has only been present in Vietnam for little than a decade, but it has grown significantly owing to the rapid growth of information technology. Currently, the situation of high-tech crime is complicated, with developments occurring in many fields such as economy, culture - society, security - defence, causing serious economic damage, disrupting the activities of agencies and organizations, the administration of the Government, limiting the effectiveness of the application of information technology for socio-economic development, particularly threatening security - defence, social order, and safety. After being found and dealt with, high-tech criminal organizations and lines have swiftly altered new tactics and tricks to cope with functional forces. High-tech criminals' activities in Vietnam are becoming more infused with the characteristics of organized crime and multinational crime [1].

There are two major groupings of issues that have emerged from the practice of treating high-tech crime cases:

- The first group: The object of the crime is data integrity, the stable operation of computer networks, telecommunications networks, internet networks, digital devices of agencies, organizations, and individuals (as specified in Articles 286, 287, 288, 293 of the Penal Code 2015), such as spreading viruses, disrupting computer network activities...[2]

- The second group: The object of the crime is most of the objects protected by the penal code, which are: the Fatherland's independence, sovereignty, unity, and territorial integrity; the political regime; the economic regime; culture, defence, and



security; social order and safety; the organization's legitimate rights and interests; citizens' life, health, honour, dignity, freedom, property, and other legitimate rights and interests...

The 2015 Penal code specifies specific actions of high-tech crimes in 08 articles (from Article 285 to Article 294 (abrogating Article 292); The following actions are classified as crimes in seven groups: (1) Deliberately disseminating computer programmes that impair computer networks, telecommunications networks, and electronic devices (abbreviated as computer networks) and infect 50 or more electronic devices; (2) Arbitrarily deleting, destroying, or modifying software, electronic data, or unlawfully stopping computer network data transfer, or conducting other actions that impede or disturb computer network activity (paralysing, disrupting, or disrupting computer network functioning); (3) Posting information contrary to the provisions of law on computer networks; trading, exchanging, donating, repairing, altering, or publicising the lawful private information of agencies, organisations, and individuals on the computer network without the permission of the owner of such information; (4) Deliberately bypassing warnings, access codes, firewalls, using the administrative rights of others, or other methods of illegally intruding into other people's computer network (5) Making use of a computer network to carry out one of the following acts: Using information about agencies, organisations, and individuals' accounts and bank cards to appropriate property or pay for goods and services; creating, storing, trading, using, and circulating fake bank cards; illegally accessing the accounts of agencies, organisations, and individuals in order to appropriate property; e-commerce fraud...; (6) Illegally producing, trading, exchanging, and donating tools, equipment, and software with computer network attack features; (7) Illegally using radio frequencies exclusively for emergency, safety, search and rescue, rescue, national defense and security purposes...

According to crime statistics from December 1, 2009 to November 31, 2019, high-tech crimes primarily focus on the act of appropriating property (Article 290 of



the penal code), accounting for 61%, and illegally using computer network information, telecommunications networks, such as for information trading, reducing the reputation of individuals and organisations (Article 288 of the penal code).

In terms of implementation strategy: 45% of crimes are perpetrated by accomplices and organisations, mostly among people aged 18 to 30; the victims of high-tech crimes are mostly individuals...

High-tech criminals often utilise the following criminal tricks: Stealing, buying, and selling credit card information; using credit card information to pay for services and purchase goods; illegally accessing telecommunications networks to connect and set up unauthorised signal transceiver stations to steal telecommunications fees; hacking emails of individuals and businesses and appropriating property using victims' information theft, appropriation, and control of information of companies, persons, and organisations in order to threaten, blackmail, disrupt, or discredit...; establishment of online trading websites, fraudulently appropriating property, or fraudulently appropriating property in the form of multi-level sales getting acquainted through chat and then cheating, appropriating property, performing depraved acts, prostitution, human trafficking; spreading depraved culture, prostitution, drug trafficking, buying and selling women and children; organising gambling and gambling; using computer networks, telecommunications networks, and the internet to put information online to carry out activities against the people's government, terrorist activities...[3, с. 17]

Some limitations and shortcomings in the fight against High-tech crime in Vietnam

There are still certain deficiencies, restrictions, and challenges in the prevention and battle of high-tech crime in Vietnam, as follows:

To begin with, there are no specific regulations on the necessary processes for handling electronic evidences; there are no regulations and processes for capturing, preserving, and recovering electronic data in order to protect the safety and integrity



of data and preserve the value of electronic evidences; and there are no specific regulations on the preservation and use of this specific type of evidence [4, с. 72].

The Criminal Procedure code (further - CrPC) [5] states that secret electronic data collection is a special procedural investigation measure related to human rights and civil rights (Article 223), but there is no detailed guidance document on this issue for law enforcement agencies to implement uniformly and in accordance with legal regulations.

Second, the victim and the offender often do not know each other; the victim frequently does not know when he or she has been appropriated property, violated personal information... some are hurt for personal reasons, so he or she does not want to report the crime to the relevant authorities. Victims and family members are often scattered throughout the country, making it difficult to gather testimony, compare statistics, and hold confrontations. The majority of the victims utilised the internet and telecommunications networks, but lacked the requisite knowledge of information technology, as well as a grasp of the tactics and tricks of high-tech criminals, as well as the necessary steps and instruments to maintain the confidentiality and protection of personal information.

Third, electronic data is vulnerable to disruption, modification, and destruction. In many cases, collecting electronic evidence is extremely difficult because criminals use advanced technology to conceal information; when there is a risk of disclosure, they frequently shut down websites or delete related information, and destroy electronic devices, so data recovery takes a long time and is not always collected and recovered. Electronic data contained in devices is quite different in shape and kind; there are devices of very tiny size, intended as watches, buttons, pens, key hangers, plug chargers, etc., making it difficult for untrained investigators and procurators to discover, resulting in non-seize. Some subjects choose the form of online data storage through the servers of online storage businesses such as Google Drive, OneDrive, Dropbox, Box...[6, с. 8] These servers are located abroad or at the tenant's location; thus, to collect data, there must be coordination with the service provider through



international cooperation channels; however, this activity is very difficult due to differences in legal regulations between countries, language barriers, and service providers frequently changing.

Fourth, with the present growth of security information sharing forums, high-tech criminals may now easily infiltrate and damage websites. Meanwhile, many websites in Vietnam are not effectively protected, relying on application software with several weaknesses, allowing high-tech criminals to access and attack.

Fifth, in order to gather, retrieve, decode, analyse, and evaluate electronic data, specialised equipment and software must be continually replaced, bought, or updated in accordance with new equipment (such as smartphone analysis software). These specialised equipment and software are sometimes quite expensive; presently, the cost of inquiry has not been fulfilled.

Sixth, the force of investigators, procurators, and judges who had sufficient training in information technology encountered several challenges in identifying and managing high-tech crimes. They also struggled with the utilisation of electronic evidence. However, the procurators lack basic training in high-tech criminals supervision skills, such as how to seize and preserve electronic means and data, how to analyse, inspect, and convert electronic evidence, how to use electronic evidence and judicial outcomes to prove crimes, how to build indictments, how to exercise the right to prosecute, how to investigate and oversee trials at the court, and how to inspect, seize, preserve, copy, analyse, and build electronic data reports in accordance with the guidelines set forth by the International Computer Evidence Organisation (further - IOCE) in March 2000 and the CrPC of 2015's provisions on electronic evidence.

Seventh, high-tech crimes are non-traditional, transnational crimes committed in cyberspace. However, Vietnam has only signed mutual legal assistance agreements with 21 other countries, and many Vietnamese legal provisions conflict with foreign laws. As a result, it is challenging to implement international cooperation and judicial mandates to address high-tech crimes.



The aforementioned obstacles, flaws, and restrictions should be addressed as soon as possible in order to contribute to increasing the efficiency of Vietnam's battle against high-tech crime in the future.

Regulations on electronic evidences, measures to collect, store, transform and use evidences in criminal cases

According to Article 99 of the CrPC 2015, electronic data refers to symbols, characters, numbers, pictures, sounds, or similar information that is generated, stored, transferred, or received using electronic methods. Electronic data will be gathered from electronic devices, computer networks, telecommunications networks, transmission lines, and other electronic sources. For electronic data to be considered legitimate evidence, it must adhere to certain criteria such as the manner of creation, storage, transmission, and the measures taken to preserve the integrity of the data.

The CrPC 2015 specifies many sources of evidence, including as exhibits, testimony, presentations, electronic data, and the outcomes of judicial entrustment and international collaboration. The text refers to Article 87.

Therefore, the CrPC 2015 acknowledged electronic data, outcomes of court entrustment, and international collaboration as valid forms of evidence. Presently, the CrPC 2015 has 09 provisions that govern the acquisition and handling of electronic data as evidence.

Firstly, concerning the confiscation and safeguarding of electronic devices and electronic data

Article 88 of the CrPC 2015 outlines the specific sequence and processes for conducting searches, seizing items, creating records, sealing, and conserving various types of evidence, including computer hard drives, cellphones, USB sticks, memory cards, optical discs, video cameras, cameras, and emails.

In order to make their argument more clear, procedure-conducting agencies must ask other agencies, groups, and people for electronic data and to provide any relevant facts.



According to Article 192 of the CrPC 2015, searches of people, places of employment, accommodations, and methods may yield electronic data.

The capable process-conducting agency obtains a search warrant (Clause 1, Article 113 of the 2015 CrPC) to enable the seizure of electronic data.

According to Clause 2, Article 35 of the 2015 CrPC, search warrants issued by investigative agencies need approval by procuracies of the same level before being executed. To oversee the search, the procurator has to be present (Article 193 of the CrPC of 2015). As per Articles 133, 178, and 193 of the 2015 CrPC, every search case has to be documented in the case file.

Information technology specialists may be invited to join in the seizure of electronic devices and data. Electronic data that is not able to be recorded on media must be backed up to storage media and confiscated in the same way as tangible evidence. Article 196 of the CrPC 2015 states that you must take the peripheral equipment that is connected to electronic devices [7, c. 27].

Procedure-conducting authorities should be accountable for maintaining each step of the proceedings; electronic methods and confiscated electronic data must be retained intact (Articles 107 and 199 of the 2015 CrPC); and must be preserved intact (Article 90 of the 2015 CrPC).

A data storage media or an electronic replica of the data must be presented with electronic evidence when it is presented in court. The competent procedure-conducting agency will have the authority to decide whether to request expertise for the recovery, search, and examination of electronic data; this will only be done on copies, and the results will need to be transformed into a format that can be read, heard, or seen.

Second, conditions for electronic data to be used as evidence in criminal cases

The following are the fundamental rules to follow while gathering, maintaining, copying, analysing, and transforming electronic data into electronic evidence: Do not alter the data saved on computers or digital devices. To gather and retrieve electronic evidence, a skilled expert must have access to original material



stored on computers or digital devices. Data recording (copying) must adhere to internationally recognised and verified processes, as well as the usage of equipment and software. The integrity of electronic data held in the computer must be safeguarded, as must the objectivity, status quo, and verifiability of evidence in court. Must be able to demonstrate the data recovery method, locate evidence, and, if required, repeat the process and arrive at the same outcome as given at trial. In certain circumstances, access to original equipment is required to restore evidence.

Electronic evidence may be manipulated or destroyed by inappropriate opening, checking, and saving, as well as by viruses found in computers and USB sticks. To recover, search, gather, store, and examine this form of evidence, it is important to utilise virus-free computers and specialised software mandated by law or recognised by the world [8, c. 81].

Electronic data must fulfil the qualities of evidence, which include objectivity, legality, and relevance, in order to become an evidence source.

+ Objectivity: This data is true, existing objectively, has a clear origin, is not fabricated or distorted, and has been discovered and stored on computers, mobile phones, emails, USBs, online accounts, internet service provider servers...

+ Legality: Evidence must be collected in accordance with the provisions of the CRPC 2015. While electronic data is real, bearing the traces of crimes, it has no legal value and cannot be used as a basis for resolving criminal cases if not collected in the order and procedures prescribed by the CrPC 2015.

In the process of seeking and seizing exhibits, backing up data, intercepting online, archiving, retrieving, analysing, searching, and examining data, the collecting procedure must employ legally recognised technology.

Electronic devices such as computers, servers, tablets, media devices, USB sticks, CD/DVD discs, routers, wifi, smart phones, household electronics (some devices have data storage, can be connected to the network, accessed, and controlled remotely), GPS global positioning system, and so on must be specifically recorded in



the minutes (not recorded in general such as: a sealed sack, carton box), must be sealed and maintained in accordance with regulations (ensure ON/OFF specification).

Data recovery specialists employ data recovery technology and software, such as write-protection devices (Read Only), to copy data and then only use this copy to recover, analyse, search for data, and convert it to a readable, audible, and visual format. Data recovery must be performed only on copies (not on originals), so that the originals are not destroyed; this procedure may be repeated before the Court. The originals must be kept in compliance with the rules.

+ Relevance: The information acquired is connected to the offence, the perpetrator, the victim, the repercussions, and so on, and is utilised to determine the facts of the case. The principle and technology of electronic trace formation, spatial information, data formation time (logfile, IP, metadata, hash function), storage address, information content (origin and content of emails, chats, messages, attack technology, victims, damage...), access cookies... all reflect relevance.

The minutes of the search, sealing, and recording of testimonies and statements must include three data attributes. Subjects must sign any printed copies on paper, pictures, CDs/VCDs recording electronic data, and other documents relating to the case, verifying the content, form, and provenance. This is also a requirement for converting and establishing evidences collected during the reconnaissance phase, as well as converting important electronic data into papers, pens, and exhibits that may be utilised as evidence.

Third, on the conversion of electronic data into evidence

Electronic data recovery, search, and inspection with the goal of turning electronic data into evidence that can be read, heard, or seen (Article 107 of the CrPC 2015).

The following electronic data conversion technique is obtained:

Make minutes, take testimonies on the act of creating this data, the origin of the data; self-declaration of the data and evidence found, sign for confirmation on each sheet of documents, photos, optical discs, printed from the subject's computer as a



pencil, and sign for confirmation on each sheet of documents, photos, optical discs, printed from the subject's computer as a pencil. To maximize the legal value of electronic data used as evidence, it must be supplemented with additional relevant evidence such as exhibits and witness testimony. Use the “Survey Conclusion” findings on electronic data saved in electronic devices [9].

Regarding judicial assessment: Judicial assessment is the use of knowledge, means, scientific and technical methods by judicial examiners at the request of procedure-conducting agencies for the resolution of cases.

Articles 99 and 107 of the CrPC of 2015 specify electronic data inspection as a new rule. Judicial Assessors execute electronic data assessment operations utilising suitable equipment and technology to copy, recover, decode, analyse, and search for data held in exhibits as storage devices.

The outcomes of recuperation, search, and evaluation must be translated into a format that can be read, heard, or seen.

When the competent procedure-conducting agency decides to seek expertise, the person or organisation responsible for expertise will apply and enforce the CrPC's principles, specifically: The assessment (recovery, search, and examination of electronic data) is only carried out on a copy of the data; the assessment is based on the principles specified in Clause 3, Article 99 of the CrPC of 2015, specifically: “The evidential value of electronic data is determined based on the method of generating, storing, or transmitting electronic data; the method of ensuring the integrity of electronic data; the method of ensuring the integrity of electronic data; the method of ensuring the integrity of electronic data”

The process of recovering, locating, collecting, analysing, and evaluating existing data in digital memory must always be coordinated with investigators in order to determine which electronic data is valid for use as evidence in the case; must make a record of the content of recovered and analysed electronic data; and must be enclosed with testimonies and testimonies of offenders and witnesses of such information.



Fourth, on the use of the results of judicial entrustment and international cooperation as a source of evidence

Because criminals in the field of information technology and telecommunications networks are transnational, involving both domestic and foreign subjects, the implementation of judicial mandates and international cooperation to collect documents and evidence proving crimes in the field of information technology and telecommunications networks is critical.

The results of judicial entrustment and international cooperation are a source of evidence, according to Article 87 of the 2015 CrPC this supplement is compatible with the current development process of science - technology and meets the needs of international cooperation in solving cases in the field of information technology and telecommunications networks.

One of the new sources of evidence in the 2015 CrPC is the outcomes of judicial entrustment and other international collaboration. Article 103 of the CrPC (2015) states that: “The results of judicial entrustment and other international cooperation provided by competent foreign agencies can be considered evidence if it is consistent with the evidence of the case”.

Article 494 of the 2015 CrPC expressly states that “documents and objects collected by competent foreign agencies under judicial mandate of competent Vietnamese agencies or documents and objects sent to Vietnam by competent foreign agencies to entrust criminal prosecution may be considered evidence” If these papers and items meet the criteria outlined in Article 89 of this Code, they may be deemed tangible evidence.

One of the solutions suggested to improve the efficiency of preventing and combatting this sort of crime is international collaboration in the sphere of information technology and telecommunications networks. As a result, the 2015 CrPC specifies that the outcomes of judicial entrustment and international cooperation serve as the foundation for promoting international cooperation between Vietnam and other countries, as well as between functional forces in the field of



information technology, telecommunications networks, and specialised agencies of countries in the region and the United Nations.

Список литературы:

1. Tội phạm sử dụng công nghệ cao tăng 42%, [электронный ресурс], URL: <https://cebid.vn/toi-pham-su-dung-cong-nghe-cao-tang-42/> (Дата обращения: 30.01.2024)

2. Bộ luật hình sự nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam, số: 100/2015/QH13 ngày 27.11.2015 /Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам №100/2015/QH13, 27 ноября 2015 года. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Trach-nhiem-hinh-su/Bo-luat-hinh-su-2015-296661.aspx> (Дата обращения: 30.01.2024)

3. Nguyễn Văn Điền (2019), Chứng cứ điện tử trong Bộ luật tố tụng hình sự 2015, Tạp chí Tư pháp, số 06, 2019, tr.17.

4. Đào Phan Nhật Minh, Nguyễn Đức Trí, Phạm Thành Lâm, Phan Thanh Minh, Đào Thái Bình Dương, Hoàn thiện pháp luật về thu thập dữ liệu điện tử trong tố tụng hình sự Việt Nam, Tạp chí Việt Nam hội nhập, số 298, 2023, tr.72.

5. Bộ luật Tố tụng hình sự nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam, số: 101/2015/QH13 ngày 27.11.2015 /Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам №101/2015/QH13 27 ноября 2015 г. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Trach-nhiem-hinh-su/Bo-luat-to-tung-hinh-su-2015-296884.aspx> (Дата обращения: 03.02.2024)

6. Nguyễn Đức Hạnh, Cao Cẩm Thi, Quy định về chứng cứ điện tử trong pháp luật tố tụng và luật giao dịch điện tử, Tạp chí Kiểm sát, số 03, 2023, tr.08.

7. Nguyễn Thành Minh Chánh, Pháp luật về chứng cứ điện tử tại Việt Nam, Tạp chí Tòa án nhân dân, số 04, 2021, tr.27.

8. Nguyễn Hòa Bình, Những nội dung mới trong Bộ luật Tố tụng Hình sự năm 2015 Sách chuyên khảo, Nhà xuất bản Chính trị Quốc gia, 2016, tr.81.



9. Điều chỉnh nhiệm vụ, quyền hạn thu thập tài liệu, chứng cứ của tòa án, [электронный ресурс], URL: <https://quochoi.vn/tintuc/Pages/tin-hoat-dong-cua-quoc-hoi.aspx?ItemID=80618> (Дата обращения: 30.01.2024).



УДК 343.13

Исмаилов Дмитрий Альбертович
Прокуратура Центрального района г. Тольятти Самарской области
Тольяттинский государственный университет
Институт права
Россия, Тольятти
ismaskoldism@yandex.ru
Ismailov Dmitry
Prosecutor's Office of the Central district of Tolyatti, Samara region
Tolyatti State University
Institute of Law
Russia, Tolyatti

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ

Аннотация: уголовно-процессуальное право в виду изменяющихся современных технологий и обстоятельств, складывающихся в гражданском обществе и юридической науке, требует тщательного проведения анализа и осмысления. В научной статье рассмотрены неоднозначные подходы к понятию об уголовно-процессуальном праве в современном государстве, проанализированы основные принципы уголовного процесса. Результаты исследования позволяют более глубоко понять роль и место уголовно-процессуального права в современной правовой системе и выделить его особенности и значимость для общества и в целом, юридической науки.

Ключевые слова: объективный смысл уголовного процесса, понятие уголовного процесса, значение уголовного процесса, уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальное право, уголовно-процессуальное право.



THE CONCEPT AND MEANING OF CRIMINAL PROCEDURE LAW IN THE MODERN STATE

Annotation: criminal procedure law, in view of the changing modern technologies and circumstances prevailing in civil society and legal science, requires careful analysis and reflection. The scientific article examines ambiguous approaches to the concept of criminal procedure law in the modern state, analyzes the basic principles of the criminal process. The results of the study allow for a deeper understanding of the role and place of criminal procedure law in the modern legal system and highlight its features and significance for society and legal science in general.

Key words: the objective meaning of the criminal process, the concept of the criminal process, the meaning of the criminal process, criminal proceedings, criminal procedure law, criminal procedure law.

В юридической науке существует широкий перечень отраслей права, к которому относится уголовно-процессуальное право, определяющее правовые принципы уголовного судопроизводства, порядок осуществления предварительного расследования, процедуры судебного рассмотрения уголовных дел. Оно существенно влияет на справедливость и законность уголовного процесса в современном государстве.

Целесообразно в контексте данной статьи рассмотреть становление и развитие российского уголовно-процессуального права на историческом уровне. Значимой реформой уголовного судопроизводства в России принято считать судебную реформу 1864 г., когда впервые закреплялись принципы уголовного судопроизводства, а в частности, был впервые отмечен принцип состязательности сторон. Основными положениями судебной реформы 1864 г. являлись: разделение уголовного судопроизводства на предварительное следствие и судебное разбирательство, расширение процессуального статуса потерпевшего и обвиняемого, предоставляя им соответствующие права в



уголовном процессе, упразднение системы формальных доказательств, привлечение к участию уголовного процесса присяжных заседателей [1, с. 231].

В 1917 г. в связи с изменяющейся политической властью, в государстве стал существовать новый порядок уголовного судопроизводства, основанный на категорическом отрицании результатов свершившихся преобразований. С 1917 г. по 1990 г. уголовно-процессуальная сфера правоотношений претерпевает изменения, тем самым складывается новый порядок, требующий новых преобразований, в связи с государственным строем в стране. И лишь в 1993 г. все институты государственных органов требовались корректировке под обстоятельства, происходившие в государстве. Достаточно значимым изменениям были подвергнуты принципы и порядок судебного разбирательства, правовой статус потерпевшего в уголовном процессе [2, с. 189], которые спустя 30-летие с момента образования УПК РФ требуют законодательных изменений. В связи, с современными реалиями, которые происходят в России, учитывая внедрение цифровых технологий. Несмотря на неоднократное изменение действующего российского законодательства, представление об уголовно-процессуальном праве также изменялось.

Однако в настоящее время в юридической доктрине уголовного процесса отмечается некоторое расхождение в объективном представлении уголовно-процессуального права.

Рассмотрим точки зрения исследователей в области уголовного судопроизводства, проведя исторический анализ и сопоставив приведенные понятия в современном время.

Т.Т. Берианидзе предлагает рассматривать уголовно-процессуальное право, как отрасль правовых отношений, в основе которой заложен системный и согласованный подход к установлению законных границ поведения участников уголовного судопроизводства со стороны защиты, обвинения и иных лиц, к порядку судебного рассмотрения и разрешения [3, с. 232-233].



А.В. Победкин считает необходимым разграничение терминологии уголовно-процессуального права как науки, так и теории. В целом, по мнению автора, уголовно-процессуальное право – это общественные отношения и выявление закономерностей, возникающих в ходе производства предварительного расследования и судебного разбирательства [4, с. 120].

А.В. Горская и А.С. Довыденкова проводя широкое научное исследование, рассматривают уголовно-процессуальное право, как форму правоотношений участников уголовного процесса со всех сторон уголовного судопроизводства при рассмотрении, расследовании, разрешении уголовных дел в судебном порядке и исполнение вынесенного приговора [5, с. 606].

Рассматривая понятие уголовно-процессуального права Н.В. Ткачева придерживается философско-правовому аспекту, раскрывая данное понятие, как общественные отношения, где предусмотрен набор прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства в их деятельности [6, с. 19].

Приведенные точки зрения исследователей в области уголовного судопроизводства являются неоднозначными на сегодняшний день, ввиду постоянно изменяющегося законодательства в уголовно-процессуальной сфере. В основном единогласное терминологии заключается в том, что прежде всего, это общественные отношения, и после чего, мнения авторов расходятся, поскольку каждый из авторов представленных понятий предпочитает учитывать конкретные институты уголовного процесса ввиду своей заинтересованности в них, что является необоснованным. Мы считаем, что в терминологии об уголовно-процессуальном праве должны быть в обязательном порядке отражены общие положения досудебного и судебного производства и принципы, присущие исключительно рассматриваемым общественным отношениям.

В настоящее время уголовно-процессуальное право с точки зрения законодательной регламентации регулируются Уголовно-процессуальным



кодексом РФ (далее – УПК РФ), ставшей основным нормативно-правовым актов в области уголовного процесса.

Законодателем отмечается, что УПК РФ закрепляет следующие теоретико-практические аспекты данных отношений:

- общие положения;
- досудебное производство;
- судебное производство;
- особый порядок уголовного судопроизводства;
- международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства;
- электронные документы и бланки процессуальных документов.

Несмотря на широкий перечень обособившихся институтов уголовного процесса, существуют множественные проблемы, встречающиеся на правоприменительной деятельности. Проблемы затронуты в основном как досудебном и судебном производстве, так и в международном сотрудничестве. Так, Г.Ю. Лесников и А.А. Самойлова считают необходимым внесение корректировок в действующее законодательство в части досудебного и судебного производства, а именно, предоставить полноценный процессуальный статус гражданскому истцу, гражданскому ответчику и законному представителю, закрепив тем самым порядок их допроса, и, соответственно, включить их показания в перечень доказательств [7, с. 88].

В доктрине уголовного процесса принято считать дискуссионным вопрос о перечне и соотношении участников уголовного судопроизводства со стороны защиты и обвинения. Мы разделяем мнение с О.А. Зелениной об отнесении прокурора, руководителя следственного органа и следователя, начальника органа дознания, руководителя отдела дознания, органа дознания и дознавателя к числу лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве со стороны обвинения [8, с. 239]. К участникам уголовного судопроизводства со стороны защиты законодатель рассмотрел защитника, подозреваемого, обвиняемого, гражданского ответчика и представителя гражданского ответчика, о чем



закреплено в Главе 7 УПК РФ. Учитывая обвинительный уклон в российском судопроизводстве, особое место в уголовно-процессуальном праве уделяется стороне обвинения и их участников [9, с. 156]. Несмотря на другие государства, например, Казахстан или Белоруссия, обвинительный уклон остается актуальным, однако в западных государствах, например, Франция, Германия, США – в 20% случаев выносятся оправдательные приговоры. В период правления И.В. Сталина, количество вынесенных приговоров составляла не более 10%, а в настоящее время – 0,7% [10, с. 139].

Особое внимание законодателем отмечаются принципам уголовного процесса, имеющие место и значение при досудебном и судебном производстве. Как было отмечено ранее, в российском государстве предпочтению отдается обвинительному уклону, где необходимо соблюдать основополагающие идеи. Среди принципов выделяются следующие: «назначение уголовного судопроизводства, разумный срок уголовного судопроизводства, законность при производстве по уголовному делу, осуществления правосудия только судом, независимость судей, уважение чести и достоинства, неприкосновенность личности и жилища, охрана прав и свобод человека и гражданина, тайна переписки, презумпция невиновности, состязательность сторон, свобода оценки доказательств, язык уголовного судопроизводства, право на обжалование процессуальных действий и решений» [11].

Из проведенного анализа необходимо констатировать, что уголовно-процессуальные отношения в настоящих реалиях являются значимыми в сфере юриспруденции, поскольку именно данные отношения закрепляют правила и порядок судопроизводства. При несоблюдении принципов и правил, закрепленных в УПК РФ, существенно нарушаются права и интересы граждан, создаются новые судебные прецеденты, в том числе, и отрицательные. Ввиду неоднозначного подхода понимания уголовно-процессуального права и нового оттенка в связи с быстро развивающейся системой, как экономической, так и



политической системой, мы предлагаем употребление следующего термина об уголовно-процессуальном праве.

Так, уголовно-процессуальное право – это отрасль права, которая устанавливает порядок рассмотрения уголовных дел и обеспечивает справедливость и законность уголовного процесса. Оно определяет права и обязанности участников уголовного процесса, устанавливает процедуры ведения расследования, доказывания и разрешения дела.

Список литературы:

1. Исмаилов Д. А. Становление и развитие предварительного расследования в уголовном судопроизводстве / Д. А. Исмаилов, А. В. Мурузиди // Социальное управление. 2023. Т. 5, № S2. – С. 228-234.
2. Максин Д.А. Историческое развитие уголовно-процессуального законодательства и возникновение первых уголовно-процессуальных актов в России // Молодой ученый. 2021. № 3(345). – С. 187-191.
3. Берианидзе Т.Т. Уголовно-процессуальное право и уголовное судопроизводство: понятие, назначение и принципы // Мировая наука. 2021. № 12(57). – С. 231-236.
4. Победкин А.В. Наука уголовного процесса // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 6. – С. 119-125.
5. Горская Д.В. Основные понятия и сущность уголовного процесса / Д.В. Горская, А.С. Довыденкова // Экономика и социум. 2018. № 2(45). – С. 605-609.
6. Ткачева Н.В. Особенности уголовно-процессуальных правоотношений: философско-правовой аспект // Философия права. 2022. № 2(101). – С. 17-25.
7. Лесников Г.Ю. К вопросу о необходимости внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации / Г.Ю. Лесников, А.А. Самойлова // Право и государство: теория и практика. 2021. № 9(201). – С. 87-88.



8. Зеленина О.А. Сущность категории "участник уголовного судопроизводства" в науке уголовно- процессуального права // Общество и право. 2010. № 4(31). – С. 238-245.
9. Чупилкин Ю.Б. Основные причины обвинительного уклона российского правосудия // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 2(16). – С. 154-159
10. Медведева С.В. Обвинительный уклон в уголовном процессе: проблемы правоприменения / С.В. Медведева, М.А. Ментюкова, А.М. Попов // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 3. – С. 137-141.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 27.11.2023) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.



Кульпин Александр Евгеньевич
Санкт-Петербургский государственный университет
Юридический факультет
Россия, Санкт-Петербург
culpinsash@yandex.ru
Kulpin Alexander
St. Petersburg State University
Faculty of Law
Russia, St. Petersburg

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ «БОТОФЕРМ» В ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: автор рассматривает использование «ботоферм» и «фабрик троллей» в качестве особого способа совершения медиапреступлений. Особое внимание в работе уделено рассмотрению отличительных признаков ботов, используемых с целью совершения преступления в медиасреде. В статье анализируются особенности выявления и расследования преступлений, совершенных ботами, а также выдвигаются ряд предложений по повышению эффективности борьбы с ними, в качестве примера рассматривается организация под названием «Легион эльфов». В заключении выдвигается тезис о необходимости создания методики выявления, пресечения и расследования преступлений, совершенных ботами.

Ключевые слова: ботофермы, фабрики троллей, цифровые следы, сеть Интернет, оперативное внедрение, IP-адрес, Легион эльфов.

FORENSIC ASPECTS OF THE USE OF «BOTOFARMS» IN CRIMINAL ACTIVITY



Annotation: the author considers the use of "bot farms" and "troll factories" as a special way of committing media crimes. Particular attention is paid to the consideration of the distinctive features of bots used for the purpose of committing a crime in the media environment. The article analyzes the peculiarities of detection and investigation of crimes committed by bots, and also puts forward a number of proposals to improve the effectiveness of the fight against them, as an example, an organization called «Legion of elves» is considered. In conclusion, the thesis is put forward about the need to create a methodology for the detection, suppression and investigation of crimes committed by bots.

Key words: bot farms, troll factories, digital footprints, Internet, operational implementation, IP address, Legion of elves.

Возрастание роли виртуального пространства в повседневной жизни человека непосредственно отражается на большинстве сфер жизни, к которым относится и преступная деятельность. Особое значение в последние годы приобретают противоправные действия, совершаемые в медийном пространстве, так называемые медиапреступления. Под этим следует понимать преступления, в которых способом их совершения является информационное воздействие на сознание человека с помощью информационно-телекоммуникационных технологий с целью причинения ущерба законным интересами личности или общества. Под подобную характеристику попадает целый ряд составов, предусмотренных Уголовным Кодексом Российской Федерации, а именно п. д) ч.2 ст.110 УК РФ; п. д) ч. 3 ст. 110.1 УК РФ; ч.2 ст.128.1 УК РФ; п. в) ч.2 ст.151.2 УК РФ; ч.2 ст.205.2 УК РФ; ст. 207.3 УК РФ и иные.

В качестве одной из разновидностей подобных преступлений можно выделить те, которые совершены с использованием «ботоферм» или по-другому «фабрик троллей». Приблизительным временем появления данного явления можно назвать начало 2000-х годов, где оно зародилось именно в



политическом пространстве в сети Интернет, в свою очередь существование «ботоферм» вполне можно назвать интернациональным явлением, что отмечает ряд исследователей, указывая на использование подобных структур в Китае, Израиле, Великобритании, России и многих других странах [6, с. 76-78]. Весьма точно на сущность и опасность этого феномена указывает Т.Е. Новицкая, по мнению которой, в тех случаях, когда были использованы «ботофермы», происходит непосредственная манипуляция общественным сознанием, что приводит к угасанию демократических институтов [7, с. 185].

В качестве наиболее показательного примера в данной работе стоит рассмотреть недавний скандал, связанный с так называемым «Легионом эльфов», являющимся проектом, который создан и финансируется Free Russia Foundation (признан Минюстом РФ нежелательной организацией), а также вероятно имеет отношение к Anti-Corruption Foundation International*, Inc (Фонд борьбы с коррупцией, признанный в России экстремистской организацией и перенесший свою деятельность в США), признанному в России нежелательной организацией [14]. Исходя из информации о работе этого учреждения, которая попала в открытый доступ благодаря его бывшему сотруднику, предоставившему СМИ внутреннюю переписку и документацию, данный проект попадает под признаки «ботофермы». Собственно, как верно подмечает А.В. Соколов: «Использование троллинговых ферм, в современной реальности является инструментом ведения информационной войны. Ботофермы программируются на определенное задание, чаще всего связанное с формированием определенных мнений, дискредитаций оппонентов и трансляцию дезинформации различной формы» [12, с. 62]. Данная организации полностью соответствует этой концепции, так как её деятельность заключается в основном в написании комментариев, носящих преимущественно антиправительственный и антироссийский характер, на различных информационных платформах. Если проанализировать комментарии, которые оставляли «эльфы», имеющиеся в выложенном архиве, то вполне можно



квалифицировать их действия по таким составам как публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ; публичные призывы к осуществлению террористической деятельности; публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности; публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации и другие.

По большому счету, «ботоферму» в ряде случаев можно рассматривать как преступное сообщество в виду наличия большого количества ключевых признаков для данной квалификации. Если говорить о «Легионе эльфов», то в этом случае имеется высокая степень организованности, четкое распределение ролей, многоуровневость (разделение на комментаторов, кураторов и т.д.), масштабность деятельности (наличие офисов в нескольких странах, в том числе Грузии и Литве), общая материально-финансовая база (спонсирование от Free Russia Foundation), согласованность действий участников (у всех комментаторов имеется общая «методичка» с необходимыми тезисами).

Если говорить о расследовании преступлений, совершенных с использованием ботов, то в самом начале перед нами встает проблема именно выявления ботов в общей массе пользователей соцсетей и иных информационных платформ. К.С. Князев выделяет следующие признаки, которые могут определить платного комментатора: числовое соотношение репостов к оригинальным постам, дата создания аккаунта, случайность имени пользователя и другие. Однако, куда надежнее будет получение внутренних инструкций, списков троллей или же сентиментальный анализ [1, с. 49].

После распознавания в комментаторе сотрудника «фабрики троллей» перед следствием встает необходимость выяснения не только его личности, но и местонахождения его рабочего места. Связано это с тем, что слово «фабрика» применяется к данному феномену по причине частого сходства с производством, разбитым на большее количество подразделений, имеющим



специальные службы контроля и работающим безостановочно, поэтому работники для выполнения своих обязанностей должны находиться на рабочем месте и строго соблюдать дисциплину [6, с. 79]. Собственно, в качестве особенности можно указать то, что, как правило, «тролль» имеет стационарное рабочее место, где также ведут свою деятельность и другие сотрудники «фабрики троллей», что определенно представляет интерес для следствия, поэтому установление местонахождения «ботофермы» имеет первостепенное значение.

Учитывая тот факт, что преступления совершаются ботами именно в виртуальном пространстве, то особое значение для следственных органов имеет обнаружение и фиксация цифровых (виртуальных) следов. Под ними понимают «криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях и действиях, отраженных в материальной среде, в процессе возникновения данной информации, ее обработки, хранения и передачи» [9, с. 179]. Однако, ряд исследователей выделяют эти следы отдельную группу, разграничивая их с материальными и идеальными, поскольку само отображение происходило теперь не в памяти человека или в материальном мире (рядом учёных данное обстоятельство активно оспаривается), но в исключительно новой среде, именуемой как киберпространство, виртуальное пространство, информационная среда [8, с. 174].

Основной проблемой расследования подобных преступлений можно назвать то, что для обнаружения и фиксации цифровых следов следствию приходится полагаться на такие «традиционные» действия как обыск, осмотр места происшествия, осмотр предметов, выемка, а если говорить об оперативно-розыскных мероприятиях: исследование, снятие информации с технических каналов связи, получение компьютерной информации, сбор образцов для исследования, оперативный эксперимент [9, с. 180]. Собственно, можно отметить, что на данный момент при проведении расследования преступлений в медиапространстве основной упор делается на работу с



электронным устройством, которое было орудием преступления, что отмечается исследователями, указывающими на то, что изъятие носителя чаще всего является одним из условий выявления и исследования компьютерной информации [3, с. 150].

Пожалуй, отдельно стоит остановиться на таком оперативно-розыскном мероприятии как получение компьютерной информации, предусмотренном п.15 ст.6 Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». На сегодняшний день получение подобной информации возможно с помощью удаленного подключения к компьютеру подозреваемого в процессе его работы, но только по поручению следователя и с разрешения суда, что определенно отражается на скорости и эффективности расследования. Следовательно, в изменении данной ситуации заинтересованы и правоохранительные органы, особенно Министерство внутренних дел, которое разработало поправки к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности», позволяющие получить удаленный доступ к электронным устройствам до разрешения суда в связи с нехваткой инструментов, которые позволяли бы оперативно и в режиме реального времени исследовать текстовые, аудио- и видеоданные, а также техническую информацию о месте и времени удаленного подключения, оборудовании, включая его модель, сетевой и физический адрес, серийный номер, а также сведения о взаимодействии пользователя с информационными системами и их реакции на запросы пользователя [13]. В действительности, подобные предложения не лишены основания, поскольку даже в документах «Легиона эльфов» можно найти сведения, указывающие на использование различных средств с целью сохранения анонимности в сети «Интернет», в том числе речь идёт об активном использовании VPN-сервисов, что является обязательным требованием в работе каждого «эльфа», что затрудняет работу следственных органов, а следовательно необходимо получать криминалистически важную информацию в кратчайшие сроки.



Отдельно следует рассмотреть установление IP-адреса в ходе расследования преступлений с использованием ботов. Исследователь К.С. Сидорова предлагает рассматривать IP-адрес, под которым понимается уникальный числовой идентификатор устройства в компьютерной сети, работающей по протоколу IP, в качестве одного из специфических идентификаторов человека в виртуальной среде [10, с. 84]. Однако формальный подход к расследованию и поспешное обвинение человека, на чье устройство указывает IP-адрес, будет являться ошибочным. В заблуждение следственные органы может ввести так называемый IP-спуфинг, который представляет из себя использование чужого IP-адреса источника с целью обмана системы безопасности. Помимо этого, в определенных случаях может совпадать динамический IP-адрес, который назначается провайдером автоматически каждый раз при подключении к сети и вполне возможно, что под одним и тем же адресом в разное время суток в сети «Интернет» находились разные пользователи, поэтому необходимо учитывать время совершения преступления, так как в практике известны случаи, когда в совершении преступления пытались обвинить людей к нему не причастных как раз из-за неучета данного фактора [2, с. 77]. Также совпадения IP-адреса возможно при использовании точки доступа к Wi-Fi, к которой может подключиться несколько устройств, и не стоит исключать вероятность того, что злоумышленник использует чужое электронное устройства. В любом случае, для расследования подобных преступлений оптимальной будет следующий алгоритм: установление IP-адреса; установление устройства, на которое указывает IP-адрес; выявление виновного лица.

Собственно, в качестве возможных способов установления IP-адресов исследователями указывается следующее: 1) направление запроса в адрес компании-провайдера, осуществляющей услуги доступа к сети «Интернет» по определенному физическому адресу; 2) направление запроса администрации сайта, на котором зарегистрирован интересующий следователя пользователь в



рамках расследования уголовного дела; 3) проведение следственных действий с целью установления IP-адреса; 4) направление поручения органу дознания об установлении IP-адреса конкретного соединения (й) по обстоятельствам совершенного преступления [11, с. 88-89]. Стоит понимать, что злоумышленники, в том числе сотрудники «ботоферм», активно противодействует тому, чтобы их вычислили подобным образом, что требует привлечения специалистов с соответствующей компетенцией и разработки дополнительных способов установления IP-адресов.

Несмотря на всё вышесказанное, ключевой проблемой, связанной с расследование преступной деятельности «ботоферм», можно назвать их расположение на территории недружественных государств, если говорить о «Легионе эльфов», то речь идёт о Грузии и Литве, что практически лишает российские правоохранительные органы возможности провести подавляющую часть необходимых действий, в том числе изъятие электронных устройств и получение компьютерной информации удаленным путем, что связано с особой ролью «ботоферм» и «фабрик троллей», которые, как правило, являются инструментами информационной войны, поэтому не стоит ожидать, что правоохранители данных государств будут активно сотрудничать с российскими коллегами в данных случаях. Собственно, именно это и берут в расчет организаторы подобных проектов, располагая свои структуры за пределами Российской Федерации.

В качестве возможного решения данной проблемы стоит предложить более активное применение оперативного внедрения, предусмотренного в статье 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». В качестве особенностей данного оперативно-розыскного мероприятия исследователи отмечают, что «сущность данного мероприятия состоит не только в проникновении в криминальную среду (подразумевается внедрение в преступные группы, организации, сообщества, на объекты оперативной заинтересованности), осуществление разведывательной по сути работы, но и



закрепление в ней лица, обладающего определенными социально значимыми свойствами, что позволяет не только своевременно получать достоверную оперативную информацию, но и оказывать воздействие на происходящие в данной среде процессы» [4, с. 156].

В практике выделяются два вида данного мероприятия на основании способа внедрения: «1) Внедрение в преступное сообщество сотрудников оперативных подразделений органов дел или лиц, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе; 2) приобретение оперативно-розыскным органом конфиденциального источника информации из числа лиц, уже находящихся в криминальной среде» [4, с. 156-157].

Если же говорить о разделении в зависимости от субъекта оперативного внедрения, то можно указать следующие виды: «1) оперативное внедрение «негласно» штатных засекреченных сотрудников правоохранительных структур; 2) проведение операций против преступников штатных представителей служб МВД и ФСБ, не засекреченных по своей работе; 3) оперативная деятельность лиц, не являющихся сотрудниками силовых структур, но тесно с ними взаимодействующими» [5, с. 208].

Как уже было указано ранее, по своей структуре «ботоферма» подпадает под признаки преступного сообщества, поэтому достаточно закономерно можно предположить, что использование оперативного внедрения будет крайне эффективно не только из-за возможности выяснить цели и методы работы конкретной организации, но также вероятности установить личности ряда сотрудников «ботофермы», поскольку работа бота, в большинстве случаев, предполагает нахождение в определенном месте с другими ботами во время осуществления деятельности, что позволяет внедренному установить контакт с «коллегами» и выяснить их личные данные. Помимо этого, внедренный информатор может являться способом установления личности кураторов «ботофермы» благодаря непосредственному контакту с ними во время работы, их выявление представляет из себя более приоритетную задачу для



правоохранительных органов, чем установление данных постоянно меняющихся рядовых сотрудников, так как кураторы занимают более высокое место в преступной иерархии и через них в свою очередь можно выйти на заказчиков преступлений, что в свою очередь дает возможность нейтрализовать всю организацию. Если учитывать тот факт, что многие «ботофермы», действующие против Российской Федерации, располагаются на постсоветском пространстве и рекрутируют туда преимущественно выходцев из России, то потенциал для использования оперативного внедрения достаточно высок.

Подводя итоги, активное использование «ботоферм» и «фабрик троллей» в современном медиапространстве представляет из себя особый способ осуществления преступной деятельности, поэтому перед криминалистами стоит задача по разработке и усовершенствованию методики выявления, пресечения и расследования преступлений, совершаемых с применением ботов. Основную роль в данном случае будет играть стремительно развивающаяся цифровая криминалистика, связанная с обнаружением и фиксацией цифровых следов. Однако, большое значение продолжают иметь и более традиционные следственные действия и оперативные мероприятия, от обыска до оперативного внедрения.

Список литературы:

1. Князев К.С. Астротурфинг и призывы в сети Интернет к участию в общенациональных уличных протестах в Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – №7(1). – С.48-50.

2. Кувычков С. И. К вопросу об использовании электронной информации в уголовно-процессуальном доказывании: теоретико-прикладной аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – №2(30). – С.76-81.



3. Ланцова А.В. Проблема виртуального следа в цифровой криминалистике //Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – №12-3(51). – С.149-151.
4. Лузько Д.Н. Некоторые правовые и тактические аспекты проведения оперативного внедрения // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2021. – №4(45). – С.155-160.
5. Макарова Д.А., Дрыгина Т.А. Проведение оперативно-розыскного мероприятия «оперативное внедрение» // E-Scio. – 2022. – №6(69). – С.205-209.
6. Мартьянов Д.С. Политический бот как профессия // ПОЛИТЭКС. – 2016. – Том 12. – №1. – С.74-89.
7. Новицкая Т. Е. Агентность и отчуждение в условиях цифрового капитализма // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. – 2023. – № 1 (269). – С. 181–186.
8. Переверзева Е. С., Комов А. В. Виртуальные и цифровые следы: новый подход в понимании // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 1 (89). – С. 172–178.
9. Семикаленова А.И., Рядовский И.А. Использование специальных знаний при обнаружении и фиксации цифровых следов: анализ современной практики // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – №6(103). – С.178-185.
10. Сидорова К.С. IP-адрес как один из идентификаторов личности в расследовании преступлений // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2018. – № 3(74). – С. 84–87.
11. Сидорова К.С. Способы установления IP-адреса и сведений о нем при расследовании уголовных дел // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2018. – №2(26). – С.88-92.
12. Соколов А.В. Генезис и эволюция категории «фейковые новости» // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – №7. – С.61-64.



13. Добрунов М. МВД попросило доступ к устройствам до разрешения суда [Электронный ресурс] // ежедневная аналитическая газета РБК. 2023. 16 августа. URL: <https://www.rbc.ru/society/16/08/2023/64dc0fb49a794714d5e55314/> (дата обращения 05.02.2024)

14. Казаков И. «Фабрика эльфов»: что это такое, кому принадлежит, чем отличается от «фабрики троллей» [Электронный ресурс] // интернет-газета Фонтанка.ру. 2023. 16 ноября. URL: <https://www.fontanka.ru/2023/11/16/72920387/> (дата обращения: 05.02.2024).



Кульпин Алексей Андреевич
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
Россия, Санкт-Петербург
alex.kulp@yandex.ru
Kulpin Aleksey
St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Russia, Saint-Petersburg

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ИНСТИТУТУ ЭКСТРАДИЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СТ. 207.3 УК РФ)

Аннотация: в статье анализируются новые вызовы, с которыми столкнулся институт экстрадиции в контексте глобальной напряженности между Россией и западными странами на фоне Специальной военной операции на Украине. Рассматривается проблема политизации процедур экстрадиции в отношении российских граждан, обвиняемых по ст. 207.3 УК РФ. Автор анализирует отказы в исполнении запросов о выдаче лиц для уголовного преследования по мотивам «политической мотивированности», а также правомерность позиции Оперативной группы Интерпола.

Ключевые слова: экстрадиция, международное сотрудничество, уголовное судопроизводство, отказ в выдаче, Интерпол, ст. 207.3 УК РФ.

NEW CHALLENGES TO THE INSTITUTION OF EXTRADITION IN CONDITIONS OF GLOBAL TENSION (BASED ON THE EXAMPLE OF ARTICLE 207.3 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)



Annotation: the article analyzes the new challenges faced by the institution of extradition in the context of global tensions between Russia and Western countries against the backdrop of the Special Military Operation in Ukraine. The problem of politicization of extradition procedures in relation to Russian citizens accused under Art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author analyzes refusals to execute requests for the extradition of persons for criminal prosecution on the grounds of «political motivation», as well as the legality of the position of the Interpol Task Force.

Key words: extradition, international cooperation, criminal proceedings, refusal of extradition, Interpol, art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation.

С момента начала Специальной военной операции на территории Украины (далее – СВО) напряженность в отношениях между Россией и европейскими странами возрастает практически с каждым днем, что явилось детерминантой резкого снижения уровня международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве между указанными сторонами. При этом, стоит отметить, что международно-правовое сотрудничество в указанной сфере представляет собой сложную, многоуровневую систему, включающую в себя такие направления, как: правовая помощь по уголовным делам, передача судопроизводства и экстрадиция, обладающая в УПК РФ самостоятельным значением.

Невозможно оставить без внимания тот факт, что институт экстрадиции, долгое время являвшийся важным механизмом международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, за последний год столкнулся с рядом вызовов, оказывающих негативное влияние на его эффективность. В первую очередь это проявляется в увеличении числа отказов в исполнении запросов о правовой помощи и выдаче лиц для уголовного преследования.



Согласно данным, представленным Генеральной прокуратурой РФ, за первое полугодие 2023 г. отказано в исполнении 46 запросов о выдаче обвиняемых, из них в 15 случаях причиной отказа стали так называемые «политические мотивы» уголовного преследования. Сложившаяся ситуация свидетельствует о формировании определенных тенденций в международной практике экстрадиции, которые могут негативно сказываться на эффективности уголовного преследования и исполнения приговоров [11].

Как верно отмечает С.В. Зими́на, на практике в большинстве случаев от инициатора розыска поступает просьба о временном задержании разыскиваемого лица и применении именно такой меры пресечения в целях обеспечения возможности его выдачи [5, с. 52].

Между тем, к настоящему времени уже сформировалась негативная правоприменительная практика по вопросам экстрадиции российских граждан, обвиненных в совершении преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ и объявленных в международный розыск.

Так, в частности, Оперативная группа по международным уведомлениям Генерального секретариата Интерпола уведомила НЦБ Интерпола МВД России о том, что запросы о правовой помощи в части экстрадиции отнесены к вопросам политического характера, что противоречит ст. 2 Устава Интерпола [6], [7], [8].

Аналогичная ситуация складывается по поводу выдачи граждан Венесуэлы, совершивших преступление, предусмотренное ст. 207.3 УК РФ, и в отношении которых судом заочно вынесены постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу [9], [10].

При этом отметим, что в сфере международного и национального уголовного права определение и классификация так называемых «политических преступлений» является одним из остро дискуссионных вопросов. Несмотря на это, ни российское законодательство, ни международные конвенции, не содержат ответ на вопрос о том, что же понимать под «политическими



преступлениями». Следствием такой позиции отечественного законодателя явилось искусственное создание проблемы, связанной с субъективной интерпретацией правоприменителями определения этого понятия.

В этой связи невозможно не признать справедливым мнение И.М. Беляевой и О.В. Начаркиной о том, что существующий пробел может привести к различным толкованиям и, как следствие, к неконсистентности в применении понятия [1, с. 176-177].

Рассматриваемая проблема была затронута и в исследовании Е.В. Быковой и В.С. Выскуб, которые, полагаю, пришли к правильному выводу. Так, в частности, они отмечают нарастающую тенденцию внедрения политического контекста в отношениях между рядом зарубежных стран и Россией по вопросам выдачи российских граждан, совершивших общеуголовные преступления на территории РФ [2, с. 73].

В международной правовой доктрине политическая мотивированность преследования, как основание для отказа в выдаче, исторически являлась важным инструментом защиты прав человека. Однако, представляется, что в современных условиях она используется исключительно, как инструмент политического давления и манипуляции, что подрывает доверие к международной системе правосудия.

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть возможность исключения политической мотивированности преследования из оснований для отказа в выдаче, тем самым способствуя унификации и стандартизации процедур экстрадиции.

Между тем, необходимо отметить, что при изучении ранее упомянутого ответа на запрос Генеральной прокуратуры РФ о правовой помощи неизбежна постановка ряда вопросов.

Во-первых, что из себя представляет Оперативная группа по международным уведомлениям Генерального секретариата Интерпола (далее по тексту – ОГМУ)?



В процессе (ходе) глобализации и ускоренного развития технологий современный мир сталкивается с растущими вызовами в области трансграничной преступности. В связи с этим, Оперативная группа по международным уведомлениям Генерального секретариата Интерпола выступает в качестве интегрального компонента системы международного сотрудничества, направленного на противодействие угрозам безопасности государств.

ОГМУ, как специализированное подразделение Интерпола, обеспечивает координацию и обмен информацией между странами-членами этой организации, что способствует повышению эффективности противодействия трансграничной преступности. Основные функции ОГМУ включают обработку и распространение международных уведомлений, координацию оперативного сотрудничества между национальными центральными бюро (НЦБ) и поддержку международных операций и специализированных проектов.

В контексте международных уведомлений ОГМУ активно использует инструментарий Интерпола (например, красные, синие, зеленые и другие виды уведомлений) для обеспечения оперативного поиска преступников, предупреждения о потенциальных угрозах и обмена информацией о преступлениях и преступниках. Это позволяет ускорить процесс расследования и привлечения к ответственности лиц, совершающих либо вовлеченных в трансграничные преступления.

ОГМУ также играет важную роль в координации оперативного сотрудничества между НЦБ стран-членов Интерпола, обеспечивая своевременный и эффективный обмен информацией и содействие в расследованиях, что способствует укреплению международного сотрудничества и повышению уровня доверия между правоохранительными органами разных стран.

В дополнение к этому ОГМУ активно участвует в поддержке и координации международных операций и специализированных проектов,



направленных на борьбу с различными видами трансграничной преступности (терроризм, наркоторговля, торговля людьми и киберпреступность). Это позволяет совместными усилиями противостоять глобальным угрозам и обеспечивать безопасность на международном уровне [3, с. 130–151].

Таким образом, Оперативная группа по международным уведомлениям Генерального секретариата Интерпола является ключевым элементом в системе международного сотрудничества по борьбе с трансграничной преступностью, обеспечивая оперативность, эффективность и синергию усилий правоохранительных органов разных стран.

Во-вторых, насколько правомерен отказ ОГМУ в осуществлении экстрадиции российских граждан?

Интерпол, как международная организация, функционирует в соответствии с установленными нормами и принципами, определенными в Уставе Интерпола и других регламентирующих документах. ОГМУ является одним из ключевых структурных подразделений Генерального секретариата, ответственным за координацию и обработку информации, касающейся международных уведомлений, включая красные уведомления.

При этом полномочия Оперативной группы ограничены рамками, установленными Уставом Интерпола и другими регламентирующими актами. В частности, данная структура не обладает правом принимать окончательные решения по вопросам экстрадиции, поскольку это является исключительной компетенцией национальных правоохранительных органов и судебных инстанций государств-членов Интерпола.

Абсолютно права С.В. Горленко, утверждая, что процесс экстрадиции регулируется как национальным законодательством каждой страны, так и международными договорами и соглашениями, заключенными между государствами [4, с. 84]. В этом контексте Оперативная группа по международным уведомлениям выполняет вспомогательную и координационную функцию, обеспечивая обмен информацией между



правоохранительными органами разных стран и предоставляя им необходимые данные для осуществления процедуры экстрадиции.

Таким образом, учитывая вышеизложенные аргументы, можно прийти к выводу, что Оперативная группа по международным уведомлениям Генерального секретариата Интерпола была не вправе отказывать Генеральной прокуратуре РФ в экстрадиции, поскольку ее полномочия ограничены координационными функциями и обработкой информации, связанной с международными уведомлениями. Окончательное решение об экстрадиции принимается национальными правоохранительными органами и судебными инстанциями государств-членов Интерпола в соответствии с их законодательством и международными обязательствами. Следовательно, будет уместным утверждение о нарушении со стороны зарубежных стран процедуры экстрадиции – такой отказ должен был поступить от компетентных правоохранительных органов запрашиваемых государств в Генеральную прокуратуру РФ напрямую, либо посредством ОГМУ, но за их подписью.

С учетом изложенного, полагаем, что подобный подход в политике Западных стран не только подрывает международные стандарты защиты прав человека, но и вносит раздор в международные отношения, усиливая напряженность и недоверие.

В этой связи целесообразна постановка вопроса – способен ли представленный подход быть преодолен или же он обретет статус прецедента, став первым в ряду подобных? Полагаем, что в настоящее время дать однозначный ответ на этот вопрос не представляется возможным, однако безусловно, его решение будет иметь значительное влияние на формирование моделей взаимодействия в контексте международного сотрудничества в области уголовного судопроизводства.

Список литературы:



1. Беляева И. М., Начаркина О. В. Основания отказа в выдаче лиц, совершивших преступления // Проблемы права. – 2015. – № 6(54). – С. 174–179.
2. Быкова Е. В., Вадим С. В. Достоинства и недостатки совершенствования законодательства в сфере международного сотрудничества // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2013. – № 2. – С. 71–75.
3. Волеводз А. Г. Международная организация уголовной полиции - Интерпол и тенденция формирования региональных правоохранительных организаций // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2011. – № 1. – С. 130–151.
4. Горленко С. В. Особенности соблюдения прав и свобод человека и гражданина в сфере выдачи лиц для уголовного преследования и исполнения приговора суда // Международное сотрудничество прокуратуры Российской Федерации в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина: сборник материалов круглого стола (Москва, 19 апреля 2018 года). - М., 2019. – С. 83–94.
5. Зимина С. В. Теоретические и практические аспекты проведения экстрадиционной проверки // Криминалисть. – 2023. – № 2(43). – С. 47–52.
6. Архив Басманного районного суда г. Москвы. Уголовное дело № 01–0001/2023 (2023 г.).
7. Архив Басманного районного суда г. Москвы. Уголовное дело № 01–0152/2023 (2023 г.).
8. Архив Басманного районного суда г. Москвы. Уголовное дело № 01–0154/2023 (2023 г.).
9. Архив Басманного районного суда г. Москвы. Дело об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу № 3/1-0157/2023 (2023 г.).
10. Архив Басманного районного суда г. Москвы. Дело об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу № 3/1-0158/2023 (2023 г.).
11. Генпрокуратура объяснила «русофобией» отказы стран Запада в помощи по уголовным делам [Электронный ресурс] // URL:



ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК №29

<https://www.forbes.ru/society/490571-genprokuratura-ob-asnila-rusofobiej-otkazy-stran-zapada-v-pomosi-po-ugolovnym-delam?ysclid=liyyutm5gn142929290>.



Матвиенко Софья Васильевна
Российский государственный университет правосудия
Северо-Западный филиал
Кафедра общеобразовательных дисциплин
Россия, Санкт-Петербург
karafizi.sofya@yandex.ru

Абрамович Ювелина Борисовна
Российский государственный университет правосудия
Северо-Западный филиал
Юридический факультет
Россия, Санкт-Петербург
yuvelinaa@mail.ru

Matvienko Sofya
Russian State University of Justice
North-Western Branch
General Education Department
Russia, Saint-Petersburg
Abramovich Iuvelina
Russian State University of Justice
North-Western Branch
Faculty of Law
Russia, Saint-Petersburg

**ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ И СВИДЕТЕЛЕЙ С
ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПРОТОКОЛА NICHD**

Аннотация: в статье исследуются особенности, порядок и правила производства допроса несовершеннолетних лиц с использованием протокола



NICHD. Авторы приходят к выводу, что данный метод допроса является высокоэффективным, благодаря грамотно выстроенной коммуникации с несовершеннолетним лицом достигаются поставленные цели, а также предотвращается оказание регрессивного воздействия.

Ключевые слова: допрос несовершеннолетнего лица, несовершеннолетний потерпевший, несовершеннолетний свидетель, досудебное производство, протокол NICHD.

PECULIARITIES OF INTERROGATION OF MINOR VICTIMS AND WITNESSES USING THE NICHD PROTOCOL

Annotation: the article examines the features, procedure and rules of interrogation of minors using the NICHD protocol. The authors come to the conclusion that this method of interrogation is highly effective, thanks to the competently constructed communication with the minor the set goals are achieved and regressive influence is prevented.

Key words: interrogation of a minor, minor victim, minor witness, pretrial proceedings, NICHD protocol.

Сегодня особую сложность при расследовании уголовных дел представляют собой преступления против несовершеннолетних лиц, а также против половой свободы и половой неприкосновенности личности, поскольку зачастую единственным источником информации является несовершеннолетнее лицо. В особенности, если свидетелем или потерпевшим является малолетнее лицо, ведь получение и сбор информации в таком случае требует тщательной подготовки от следователя, производящего допрос (например, познания в сфере детской психологии и др. навыки).

Производство допроса является обязательным этапом на стадии предварительного расследования, уголовно-процессуальное законодательство закрепляет особый порядок его производства (ст. 191 УПК РФ) [1]. Особое



внимание при производстве допроса с участием несовершеннолетних лиц стоит уделять их эмоциональному фону, учитывать, что в таком возрасте дети наиболее восприимчивы, и проведение подобного рода процедуры способно наложить определенный негативный отпечаток на их ментальное и психологическое здоровье. Обстановка при производстве допроса, безусловно, влияет на полноту и достоверность полученной информации, что напрямую зависит от различных факторов, таких как возраст, пол, эмоциональный интеллект, когнитивные функции несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля). В силу определенных особенностей не всегда у ребенка хорошо развиты когнитивные функции (внимание, память, ориентация в местности, логическое мышление, оценка и обобщение происходящих событий), что также влияет на полноту и достоверность полученной информации. Негативное влияние на объективность и полноту полученных данных в ходе допроса способна оказать некая особенность в виде феномена патологического фантазирования у детей. Проявление данного синдрома во многом зависит от окружающей обстановки и иных внешних факторов [2]. Необходимо учитывать наступление возможного процесса забывания и явление реминисценции, поскольку психологи не раз отмечали, что не все детали, имеющие значение для уголовного дела могли быть воспроизведены потерпевшим (свидетелем) сразу после события. Специалисты рекомендуют произвести повторный допрос в течение двух-трех дней с момента совершения преступного посягательства и принятия уголовного дела следователем к производству [3].

Как уже ранее отмечалось, внешние факторы имеют весомое влияние на полноту и достоверность полученных показаний несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля). Например, на стадии предкриминальной ситуации, как правило, несовершеннолетнее лицо отлично запоминает происходящие с ним события, и оно способно вплоть до мельчайших подробностей воспроизвести их, в отличие от воспоминаний о самой криминальной ситуации, так как они могут быть подвержены существенным искажениям или вовсе



вытеснены из памяти ребенка. Представляется важным в ходе производства допроса определить мотивацию ребенка, а также было ли на него оказано какое-либо влияние со стороны родственников, знакомых или иных лиц, заинтересованных в сокрытии обстоятельств противоправного деяния. Порой ребенок может намеренно оговорить человека или, наоборот, скрыть факт совершения преступления. В случае возникновения сомнений в способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значения для уголовного дела, и давать показания в порядке ст. 196 УПК РФ назначается судебная экспертиза [1].

Вышеупомянутые внешние и внутренние факторы стали предпосылками для разработки модели производства допроса по методике Национального института детского здоровья и развития человека им. Юнис Кеннеди Шрайвер (далее – протокол NICHD) был разработан при участии высококвалифицированных сотрудников правоохранительных и судебных органов, клинических психологов, детских социальных педагогов и иных узкопрофильных экспертов [5]. С целью увеличения эффективности производства допроса несовершеннолетних лиц, предотвращения оказания регрессивного воздействия, а также для сбора объективной и наиболее полной информации. Данный метод представляет собой полуструктурированный опросник, содержащий в себе открытые вопросы, особое внимание уделяется формулировкам вопросов, поскольку именно от постановки вопроса зависит полнота получаемой информации от несовершеннолетнего допрашиваемого.

Протокол NICHD в первую очередь делает акцент на необходимость установления доверительного и экологичного контакта между следователем и несовершеннолетним лицом, а также иными лицами, присутствующими в ходе производства допроса.

Предлагаем к рассмотрению особенности и последовательность использования протокола NICHD в ходе производства допроса. При установлении межличностного контакта с несовершеннолетним лицом



опрашиваемому лицу необходимо представиться и создать доброжелательную атмосферу, в процессе интервьюирования следует уделять пристальное внимание не только вербальной информации, но и невербальной (поза, жесты, мимика допрашиваемого). Протокол предполагает следующее: пока контакт с допрашиваемым не установлен, мы не можем перейти к следующей стадии.

Вскоре после успешного установления межличностного контакта следует непринужденно обозначить основные правила и формат проведения допроса. Одним из обязательных правил процедуры является необходимость говорить только правдивую информацию. Коммуникацию следует начать с нейтральной темы, а именно с открытых вопросов, например: Иван, расскажи, пожалуйста, чем ты любишь заниматься в свободное время? Далее рекомендуется задать наводящие, конкретизирующие вопросы для получения наиболее полной и достоверной картины произошедшего, например: Почему ты так считаешь?, Почему для тебя это важно? или Расскажи мне об этом поподробнее.

Следующим этапом является непосредственное внедрение вопросов, относящихся к обстоятельствам уголовного дела, для построения более эффективной коммуникации по возможности разработчики опросника рекомендуют задавать как можно больше открытых, побуждающих, направляющих и расширяющих вопросов с последующим конкретизированием посредством продолжающих, резюмирующих и прямых вопросов.

Разделение события на эпизоды, в свою очередь, поможет смоделировать наиболее полную картину произошедшего, предлагается использовать целенаправленную постановку открытых вопросов о той информации, которая была не упомянута или раскрыта не в полном объеме: Расскажи мне, что с тобой произошло в ..., Это ... произошло с тобой впервые или у тебя были еще подобные случаи?, Опиши, пожалуйста, как это произошло с тобой впервые, что ты чувствовал в тот момент, о чем ты думал? и др.

На данном этапе важно оказать поддержку несовершеннолетнему лицу, проявить свою заинтересованность к его ситуации, а также дополнительно



подчеркнуть всю ценность и значимость представляемой им информации для предварительного расследования. Следует уделить особое внимание психологическому и эмоциональному фону ребенка при описании обстоятельств, при необходимости необходимо плавно перенаправить фокус внимания и задать менее травмирующий вопрос, важно не допустить прерывание позитивного и доверительного контакта, при необходимости рекомендуется сделать перерыв.

Далее, после описания предкриминальной и криминальной ситуации, следует перейти к исследованию посткриминальной ситуации посредством использования побуждающих и расширяющих открытых вопросов. Существенное значение имеет информация: рассказывал, обсуждал ли несовершеннолетний потерпевший (свидетель) обстоятельства произошедшего, когда и с кем он это обсуждал, какая у них была реакция. На данной стадии наиболее эффективными являются косвенные (уточняющие) вопросы.

Завершающей стадией является финальное уточнение с помощью подобных открытых вопросов: Иван, хочешь ли ты со мной еще чем-нибудь поделиться?, Может быть, у тебя остались какие-то вопросы ко мне, я с радостью на них отвечу и т.п.

В заключение необходимо поблагодарить ребенка за его помощь, рассказ, еще раз отметить его весомый вклад, после чего следует переключить фокус внимания на позитивный, стабилизировать эмоциональный фон несовершеннолетнего лица, на данном этапе можно снова побеседовать на нейтральные позитивные темы [6].

Помещение, в котором производится допрос, имеет значение, детские клинические психологи рекомендуют использовать светлые оттенки красок, неброские минималистические декоративные элементы, теплый свет, оснастить комнату безопасной нетканой мебелью и вспомогательным материалом (робот со встроенным полиграфом, раскраски, мячики, детские игрушки, книги, атлас анатомии человека). Запрещается использование в интерьере ярких



отвлекающих деталей, а также картин и иных предметов, которые способны вызвать переживания и негативные эмоции [4].

Безусловно, несовершеннолетние лица имеют ряд когнитивных и психофизиологических особенностей, осознавая тот факт, что данная процедура требует тщательной подготовки, и, учитывая их, был разработан протокол NICHD, в настоящее время опросник переведен на 19 языков мира и активно используется в различных государствах [7]. С точки зрения детской психологии данный метод допроса является высокоэффективным, благодаря грамотно выстроенной коммуникации с ребенком, достигаются поставленные цели, а также предотвращается оказание регрессивного воздействия. Основным акцентом использования данного метода является создание доверительного и положительного межличностного контакта между сторонами, построению которых уделяется характерное внимание.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СПС «Гарант» URL: <https://base.garant.ru/12125178/> (дата обращения: 16.01.2024).
2. Кравченко И.В. Синдром фантазирования у детей: клиника, динамика, систематика : диссертация ... кандидата медицинских наук : 14.01.06 / Илья Владимирович Кравченко – Санкт-Петербург, 2021. – 155 с.
3. Курмарева Н.А. Тактические и процессуальные особенности участия специалиста-психолога в допросе несовершеннолетних потерпевших и свидетелей на предварительном следствии // Вопросы ювенальной юстиции. – 2011. – № 1 (33). – С. 21-23.
4. Матвиенко С.В., Абрамович Ю.Б. Об особенностях производства допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в условиях цифровизации общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 23. – С. 363-369.



5. Lamb M.E., Orbach Y., Hershkowitz I., et al. A structured forensic interview protocol improves the quality and the informativeness of investigative interviews with children: a review of research using the NICHD investigative interview protocol // *Child Abuse and Neglect*. – 2007. – Vol. 31, Iss. 11-12. – pp. 1201-1231. DOI: 10.1016/j.chiabu.2007.03.021

6. La Rooy D., Brubacher S.P., Aromäki-Strato, A., et al. The NICHD Protocol: a review of an internationally-used evidence-based tool for training child forensic interviewers // *Journal of Criminological Research, Policy and Practice*. – 2015. – Vol. 1, Iss. 2. – pp. 76—89. DOI: 10.1108/jcrpp-01-2015-0001

7. The National Institute of Child Health and Human Development (NICHD) Protocol: [Электронный ресурс] // Eunice Kennedy Shiver National Institute of Child Health and Human Development. – URL: <http://nichdprotocol.com/the-nichd-protocol/> (дата обращения: 16.01.2024).



Мялицына Мария Андреевна
Омская академия МВД России
Кафедра уголовного права
Россия, Омск
myalitsynamaria@yandex.ru

Myalitsyna Maria
Omsk Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia
Department of Criminal Law
Russia, Omsk

НОВЫЕ ПОТЕРПЕВШИЕ ПРИНУЖДЕНИЯ К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ

Аннотация: в представленной статье осуществляется анализ последних изменений, внесенных в нормативное поле, регулирующее уголовную ответственность за принуждение к даче показаний. В частности, особое внимание уделяется включению в круг потерпевших новых участников, а именно «осужденный» и «оправданный». Исходя из анализа заключения Правового управления аппарата ГД ФС РФ и исследования процессуального статуса указанных категорий, автор анализирует возможные варианты принуждения рассматриваемых участников к даче показаний.

Ключевые слова: принуждение к даче показаний, осужденный, оправданный, предварительное расследование, показания.

NEW INJURED PERSONS OF COERCION TO TESTIFY

Annotation: the presented article conducts an analysis of the latest changes introduced into the regulatory framework governing criminal liability for coercion to testify. In particular, special attention is given to the inclusion of new participants in the circle of victims, namely "convicted" and "acquitted." Based on the analysis of the conclusion of the Legal Department of the apparatus of the State Duma of the



Federal Assembly of the Russian Federation and the examination of the procedural status of these categories, the author examines possible scenarios of compelling the examined participants to give testimony.

Key words: coercion to testify, convicted man, acquitted man, preliminary investigation, testimony.

Расследуя любое преступление перед органами, участвующими в данном процессе, стоит важная задача, как сбор доказательств, которые ложатся в основу предъявляемого обвинения. Одним из наиболее распространенных видов доказательств, которые присутствуют практически в каждом уголовном деле, являются показания участников уголовного судопроизводства. Проведение допроса, результатом которого становятся показания, строго регламентировано уголовно-процессуальным законом. А одним из общих правил производства любого следственного действия является запрет на применение насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц. Нарушение данного запрета влечет наступление уголовно-правовых последствий, в частности по ст. 302 УК РФ.

К сожалению, на данный момент практика привлечения лиц к уголовной ответственности за принуждение к даче показаний не сформирована из-за небольшого числа рассмотренных дел. Тем не менее, интерес законодателя к ст. 302 УК РФ не угасает: в 2022 году она претерпела значительные изменения [1]. В перечень потерпевших были добавлены «осужденный» и «оправданный». Возникновение в рассматриваемом правовом механизме новых потерпевших изначально создает некоторую правовую расплывчатость, поскольку, указанные субъекты по факту показаний не дают [2, с. 20].

Относительно полномочий следователя и лица, занимающегося дознанием, их компетенция на распространяется проведение предварительного расследования. В связи с этим справедливы замечания членов Правового



управления аппарата ГД ФС РФ по проекту Федерального закона № 42307-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ» [3], которые обратили внимание на то что включение комментируемых объектов в перечень лиц, принуждаемых к даче показаний, не учитывает ряд фактов.

Во-первых, в ст. 47 УПК РФ термины «осужденный» и «оправданный» фактически представлены через понятие «обвиняемый», который получает соответствующее юридическое положение в процессе судопроизводства в зависимости от вида вынесенного судебного приговора. Так, обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор именуется осужденным, в свою очередь, в отношении, которого оправдательный – оправданным. По справедливому замечанию Б.Б. Булатова и В.Н. Боркова: «По существу, имея в качестве специальных субъектов следователя и лицо, производящее дознание, системное восприятие закона вполне позволяло пользоваться прежней редакцией применительно потерпевших в части принуждения к даче показаний» [4, с. 3].

Во-вторых, анализ содержания пп. 1-3.1 ч. 2 ст. 74, ст.ст. 76-80 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что под показаниями следует понимать сведения, которые сообщаются подозреваемым, обвиняемым, свидетелем, потерпевшим, экспертом и специалистом на допросе, в ходе предварительного расследования или в суде. Только показания, данные указанными субъектами, допускаются в качестве доказательств по уголовному делу. Также стоит отметить, что в соответствии с ч. 1-3 ст. 56¹ УПК РФ показания может давать и лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве.

Также члены Правового управления аппарата ГД ФС РФ в заключении обращают внимание на показания, даваемые в суде. Тем не менее, в качестве потерпевшего не называется подсудимый. Изучение статей 274, 275, 276 УПК РФ показывает, что в ходе судебного разбирательства подсудимый, как и



другие участники уголовного судопроизводства, дает показания, однако принуждение лица, в ходе судебного разбирательства, к даче показаний вряд ли можно связывать с деятельностью следователя (дознателя), так как на судебных этапах уголовного судопроизводства их компетенция ограничена. При вынесении приговора осужденный и оправданный продолжают участвовать в уголовно-процессуальных отношениях на этапе рассмотрения дела апелляционной инстанцией, в процессе вступления приговора в законную силу и обращении его к исполнению. Также это касается этапов рассмотрения и разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора и пересмотра вступивших в законную силу приговоров суда. В заключении справедливо отмечается, что оправданный и осужденный после окончания уголовного судопроизводства могут быть привлечены к участию в следственных действиях или судебном разбирательстве по другим уголовным делам (ч.ч. 1 и 2 ст. 77.1 УИК РФ). Тем не менее их процессуальный статус в таких случаях будет отличаться от предыдущего [5].

Однако существует и другая ситуация, когда эти участники могут быть привлечены к участию в следственных действиях по тому же уголовному делу. Такое становится возможным при возобновлении производства по уголовному делу из-за новых обстоятельств или вновь открывшихся обстоятельств. В соответствии с ч. 4 ст. 415 УПК РФ при расследовании новых обстоятельств предполагается проведение следственных и иных процессуальных действий. На данном этапе уголовного судопроизводства В.Ф. Крюков подчеркивает недостаточную ясность в установленном порядке проведения следственных действий. По его мнению, это привело к неоднозначному трактованию процессуального статуса осужденного и оправданного. В.Ф. Крюков обращает внимание на то, что на практике их допрашивают в качестве свидетеля или обвиняемого [6, с. 15]. При этом свидетеля предупреждают об уголовной ответственности за дачу ложных показаний, что является неверным. Согласно его мнению, допрос осужденного должен проводиться в соответствии с



правилами допроса обвиняемого, а оправданного – в соответствии с правилами допроса подозреваемого. Такой подход, на мой взгляд, имеет право на существование, поскольку ситуация, при которой эти лица участвуют в качестве свидетелей создает определенную почву для манипулирования показаниями со стороны органов предварительного расследования, хотя фактически лицо имеет другой статус и не может привлекаться к уголовной ответственности за дачу ложных показаний. Без сомнений, процессуальный статус подозреваемого и обвиняемого гораздо ближе для такой ситуации, так как органами предварительного расследования в следствии появления новых обстоятельств проводится проверка причастности лица к совершенному преступлению. По моему мнению, допрос лица в качестве свидетеля в данной ситуации является даже определенным нарушением, поскольку в законодательстве на сегодняшний день отсутствует состав преступления, предусматривающий уголовную ответственность за дачу ложных показаний обвиняемым и подозреваемым. Позиция законодателя сегодня такова, что лица, обвиняемые или подозреваемые, в совершении преступления могут давать ложные показания, либо отказываться от их дачи.

Стоит учитывать и такую вещь, что приговор в отношении осужденного и оправданного остается в силе. Расследование затрагивает новые обстоятельства. Процедура возобновления производства по уголовному делу закреплена в ст.ст. 416-418 УПК РФ. Так, в соответствии с указанными нормами прокурор направляет дело в суд с заключением, копией приговора и материалами расследования только в случае наличия основания для возобновления уголовного производства. В свою очередь суд принимает одно из решений, указанных в ст. 418 УПК РФ. В течение расследования статус осужденного и оправданного сохраняется. Несмотря на то, что процессуальный статус обвиняемого и подозреваемого достаточно близок к статусу рассматриваемых участников уголовного судопроизводства, я считаю, что они должны допрашиваться в качестве «осужденного» и «оправданного», что было



бы целесообразно решить на законодательном уровне. Данное предложение позволит четко определить права рассматриваемых участников и избежать вышеописанных ситуаций, влекущих нарушение прав.

Список литературы:

1. Федеральный закон "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации" от 14.07.2022 N 307-ФЗ (последняя редакция).
2. Курсаев А.В. Квалификация отдельных преступлений против правосудия в новом Постановлении Пленума Верховного Суда // Уголовное право. 2022. № 11. С. 19-33.
3. Заключение Правового управления аппарата Государственной Думы Федерального Собрания РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/search?q=принуждение+к+даче+показаний>.
4. Булатов, Б. Б. Новые потерпевшие и субъект принуждения к даче показаний / Б. Б. Булатов, В. Н. Борков // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2023. – № 2(95). – С. 165-175. – EDN QJYBQJ.
5. Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/search?q=принуждение+к+даче+показаний>
6. Крюков В.Ф. Прокурор и его назначение в пересмотре уголовных дел ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств // Законность. 2011. № 5. С. 12-15.



Роднёнок Анастасия Александровна
Университет прокуратуры Российской Федерации
Иркутский юридический институт (филиал)
Россия, Иркутск
ms.rodnenok@mail.ru
Rodnenok Anastasia
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Irkutsk Law Institute (branch)
Russia, Irkutsk

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ДОПРОСА В РОССИИ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Аннотация: в статье рассматривается порядок становления допроса в России. Автором приводятся различные точки зрения относительно возникновения допроса в нашем государстве, а также предлагается периодизация его становления. Особое внимание уделено особенностям проведения допроса в конкретный исторический период.

Ключевые слова: допрос, следственное действие, исторический период, становление, показания, пытка.

THE HISTORY OF THE FORMATION OF INTERROGATION IN RUSSIA AND ITS HISTORICAL FEATURES

Annotation: the article examines the procedure for the formation of interrogation in Russia. The author presents various points of view regarding the emergence of interrogation in our country, and also suggests a periodization of its formation. Special attention is paid to the specifics of conducting an interrogation in a specific historical period.



Key words: interrogation, investigative action, historical period, formation, testimony, torture.

Любое научное знание содержит информацию не только о каком-то конкретном результате, но и непосредственно о самом процессе становления, поэтому всякое теоретическое исследование без учета исторических особенностей будет поверхностным, неполным. В связи с этим, теоретическое исследование института допроса необходимо начинать с изучения истории его становления, процессуальной регламентации в российском законодательстве, именно такой подход позволит получить наиболее полное представление о допросе, как о следственном действии.

История допроса в России берет свое начало еще с древних времен, с тех пор, когда человечество осознало необходимость и возможность его использования в качестве способа получения информации.

В научной и учебной литературе истоками зарождения допроса как следственного действия принято считать общество догосударственного типа, когда с помощью использования вербального метода получали необходимую информацию от лица [1, с. 184]. Старейшина, который в тот период времени занимался разрешением споров, расспрашивал участников судебного разбирательства об обстоятельствах случившегося. Характерной чертой допроса в указанный период было его сопровождение различными пытками с целью получения признательных показаний.

«С древних времен, когда речь шла об извлечении признаний или информации от подозреваемых, применялись различные методы. Эти методы были часто жестокими и безжалостными, главной целью являлось принуждение человека признаться в совершенном преступлении – независимо от того, был он виновен или нет. К такому методу, как правило, относились пытки (как физические, так и психологические), пальцевое пиршество (подозреваемому закручивали петли на пальцы и медленно их стягивали, вызывая сильную боль),



колесо (подозреваемого крепили к деревянному колесу и путем поворота колеса – смягчали или крушили кости, нанося тяжелые травмы), железо и водные испытания (подозреваемого связывали и сажали в бочку с водой, в которой последний долго и мучительно задыхался)» [2].

Безусловно, подобные методы допроса позволяли привлечь к ответственности любого подозреваемого, даже невиновного, поскольку в таких условиях и во избежание дальнейших пыток человек готов был признаться даже в тех деяниях, которые не совершал.

Так, еще в первом правовом памятнике – Русской Правде – поименованы такие виды судебных испытаний, как железо, под которым понималось судебное испытание раскаленным железом, ордалия, «Божий суд»; вода – как судебное испытание посредством погружения в воду, «Божий суд» [3].

Согласно пункту 87 Русской Правды: «если привлекают на испытание железом по показаниям свободных людей, или подозрение на нем будет, либо ночью проходил <у места преступления>, то если <обвиняемый> каким-либо образом не обожжется, то за муки ему не платят, но только судебную пошлину за испытание железом платит тот, кто вызывал на суд» [3].

Продолжая рассуждения на тему возникновения допроса в Древней Руси, необходимо отметить, что на сегодняшний день исследователи не пришли к единому мнению относительно периодизации возникновения данного института.

Так, одни авторы полагают, что допрос появился еще в Древней Руси [4, с. 59], другие же авторы считают, что «история допроса в России берет начало с указов царя Алексея Михайловича (примерно 1649 г.) о «доведении» доноса, то есть об упоре в работе с подозреваемым не только на получение признательных показаний, но и их подтверждение в ходе других допросов» [5, с. 31], третьи авторы ведут отсчет со времен принятия Указа Петра I «Краткое изображение процессов или судебных тяжб против римских, цесарских и саксонских прав» от 30.03.1715 г. [6, с. 86].



На наш взгляд, наиболее логичной и аргументированной представляется позиция тех авторов, которые предлагают исследование процессуального закрепления допроса со времен образования Киевского государства [7, с. 6]. Поскольку, как уже было упомянуто ранее, в памятниках Древней Руси, так или иначе, закреплялся институт допроса в его первоначальном виде, впервые упоминался термин «показания». Так, например, в пункте 26 Русской Правды говорится: «если следов побоев нет, то привести ему свидетеля в соответствии со словами его показания» [3].

Стоит отметить, что в тот период времени конфликты разрешались с помощью поединка или ордалий, которые и применялись к допрашиваемым. Основным источником доказательств являлись свидетельские показания, в редких случаях присутствовали и вещественные доказательства [8, с. 439]. Стоит отметить, что в Русской Правде свидетели делились на «видоков» (те, что видели сам факт случившегося) и «послухов» (те, которые слышали о происшествии).

Следующим этапом развития допроса как следственного действия является период Судебников 1497 г., 1550 г., 1589 г., а также Соборного Уложения 1649 г.

Обвинительная форма («суд») проходила небольшими городскими или сельскими общинами, цель ее, как правило, состояла в возмещении убытков. Доказательства в обвинительном процессе в основном сводились к свидетельским показаниям или документам. Обвинительная форма процесса отражает менее обезличенную идею правосудия и судебной процедуры. Напротив, в розыскной процедуре («сыск», «розыск») центральной фигурой был судья, представлявший интересы общества или государства; в ней применялись пытки, чтобы получить доказательства. В Русском государстве примеры инквизиционного процесса встречаются с конца XV века. Судебник 1497 г. упоминает три ключевых элемента розыскного процесса: обыск (опрос



местного населения судьями), свидетельство о репутации обвиняемого и пытка [9, с. 160–162].

Судебник 1550 г., губные грамоты 1539 и 1550-х гг. развивали розыскную процедуру со значительным вниманием к свидетельствованию, показаниям очевидцев и опросам местного населения о репутации обвиняемого. Судьи активно собирали доказательства: путем допроса подозреваемого, очных ставок и пыток. Предполагалось, что следствие должно двигаться от мягких методов к более насильственным. Так, например, крестоцеловальная запись губных старост 1550-х гг. ориентировала на то, что прежде обращения к пытке криминальную репутацию должны были подтвердить допрос, очная ставка и опрос местного населения [10].

Методы, предполагающие использование пыток, известны также и Соборному Уложению 1649 г. [11, с. 89]. Характерным было то, что пытки применялись к людям абсолютно разных слоев населения. В главе 21 содержалось положение, согласно которому пытку могли применять не более трех раз.

В 1697 году Петром I был издан указ, согласно которому состязательный процесс подвергся жесткой критике. Категоричной была позиция царя и к лжесвидетельству: «А будет же кто свидетель скажет во свидетельстве лживо, и о то сыщется же: и по то его ложное свидетельство казнить смертию же» [12, с. 105]. Иначе говоря, за дачу ложных показаний была введена смертная казнь.

В период царствования Петра I система доказательств имела определенную последовательность и состояла из четырех элементов: собственные признания лица, свидетельские показания, письменные доказательства и присягу. Самыми достоверными доказательствами на тот период считались собственные признания лиц, при этом существовали определенные требования к признанию вины: оно должно было быть заявлено непосредственно перед судьей, быть полным и исчерпывающим, а также не должно вызывать сомнений в истинности. Если же лицо признавалось в



совершении преступления под пыткой, а в суде отказывалось от ранее данных показаний, то его следовало пытать снова. Повторные пытки допускались три раза, после третьего раза, если лицо продолжало отказываться от своих показаний, его следовало отпустить, указав на то, что в случае возникновения новых подозрений лицо может быть вновь подвергнуто пытке [6, с. 87].

Вместе с тем Петром I впервые были предприняты меры по регламентации проведения пыток. В случае если лицо не признавало своей вины, повторная пытка допускалась лишь при получении дополнительных подозрений. Судьи несли ответственность за применение особо жестоких методов. Пыткам не подвергались лица старше 70 лет, подростки, беременные женщины, а также духовенство высоких рангов и дворянство.

Среди источников права той эпохи следует упомянуть такой правовой акт как «Артикул воинский» от 26.04.1715 г. Глава XX «О содомском грехе, о насилии и блуде» содержала в себе методику расследования заявлений об изнасилованиях, а также тактические рекомендации по проведению допросов потерпевших [13, с. 137].

Судье у заявительницы при допросе надлежало выяснять следующие обстоятельства: имеются ли повреждения на одежде, телесные повреждения, как давно совершено преступление, есть ли свидетели, звала ли на помощь. При этом рекомендовалось особо обращать внимание на поведение допрашиваемой: «при котором случае ее притвор и поступки гораздо примечать потребно» [13, с. 138].

Разработка проблем судопроизводства осуществлялась не только на государственном уровне, но и мыслителями той эпохи. Так, например, тактика допроса обвиняемых и свидетелей была изложена современником Петра I – И. Т. Порошковым, который в своем труде «От чего приключается напрасная скудость и от чего гобзовитое богатство умножается» (или «Книга о скудости и богатстве») [14] указал на необходимость детализации показаний как эффективное средство изобличения лжи: «И как кого бог вразумит, надлежит в



самую тонкость свидетелей допрашивать и все те дробные речи записывать имянно, как кто о чем ни скажет, потому что в свидетельстве без меры много ложных свидетелей бывает, а на тонкостных расспросах мудрено ему ложь свою укрыть будет» [14, с. 328].

Т. И. Посошков считал целесообразным производить допрос наедине и в «особых чуланцах», чтобы во время его проведения никто не мешал судье. Допрошенные лица должны были оставаться в отдельных комнатах, чтобы не иметь возможности общаться с еще не допрошенными свидетелями. Показания при этом следовало записывать дословно, дабы исключить возможность их последующего изменения. Указанные рекомендации интересны тем, что в них впервые было предложено отделять допрошенных свидетелей от недопрошенных, чтобы исключить корректировку показаний с учетом услышанной от других лиц информации. Таким образом, Т. И. Посошковым была заложена основа для формирования тактического приема сопоставления показаний.

Изменения отразили стремление России к модернизации и приведению своей системы правосудия в соответствие с западными стандартами. Петр I не только внедрил западные методы дознания, но и создал основу для развития современной системы правосудия в России.

Следующий не менее важный период в истории становления допроса – период правления Екатерины II, в котором получение показаний с помощью пыток все еще имело место, что подтверждается справкой тайной канцелярии розыскных дел, которая подробно описывала методы и порядок осуществления пыток – «Обряд како обвиняемый пытается» [15, с. 225]. Только после издания указа в 1801 г. Александром I пытки были отменены, однако, фактически они все же применялись вплоть до конца первой половины XIX в.

В период правления Александра II все доказательства делились на совершенные, к которым относились признания самого обвиняемого, полученные путем применения жестких мер допроса, и несовершенные. Теория



формальных доказательств была отменена лишь после принятия четырех уставов, после чего в России впервые систематизировался порядок проведения следственных действий, в том числе и допроса [16, с. 41].

Следующий этап – послереволюционный, в котором выделяют два периода: первый – период 1917-1929 гг., в котором все больше внимания уделяется тактике допроса; второй период – с 1929 г. по 1950-е г. – время застоя в теории криминалистики [17, с. 50].

В 1922 и 1923 г. принимались уголовно-процессуальные кодексы РСФСР (далее – УПК РСФСР), в которых постепенно закреплялись положения, касающиеся процессуального порядка проведения допроса. Так, например, в ст. 141 УПК РСФСР 1922 г. прописывалось, что допрос обвиняемого начинается предложением рассказать все ему известное по делу; после дачи обвиняемым показаний ему задаются вопросы. В протоколе допроса излагаются показания обвиняемого и отмечаются, по возможности, заданные обвиняемому вопросы и данные им на них ответы. Показания обвиняемого заносятся в протокол в первом лице и, по возможности, дословно [18].

С принятием УПК РСФСР 1960 г. произошло дальнейшее процессуальное закрепление и совершенствование положений, касающихся проведения допроса. Также был закреплен процессуальный порядок проведения допроса отдельных участников уголовного судопроизводства. Так, например, глава 11, в частности ст. 150 УПК РСФСР 1960 г. была посвящена допросу обвиняемого, глава 19 – допросу свидетеля и потерпевшего, глава 16 (ст. 192) – допросу эксперта [19].

Однако общих правил проведения допроса как следственного действия УПК РСФСР 1960 г. не регламентировал.

С принятием в 2001 году Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) впервые были закреплены основополагающие принципы уголовного судопроизводства. Так свое законодательное закрепление получил принцип уважения чести и достоинства личности,



который означает, что никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению [20]. Все следственные действия, включая допрос, должны проводиться в строгом соблюдении процессуального законодательства.

УПК РФ более детально регламентирует процедуру проведения допроса как следственного действия. Так, в действующем кодексе установлено конкретное количество часов допроса, которое допустимо осуществлять за один день (ч. 2-3 ст. 187 УПК РФ), прописаны полномочия защитника во время проведения допроса (ст. 53 УПК РФ), порядок проведения допроса несовершеннолетнего лица (ст. 191 УПК РФ) и др. Кроме того действующий УПК РФ закрепляет общие правила проведения допроса, а также существует разделение на допрос, осуществляемый в рамках предварительного расследования и судебный допрос. Что касается последнего, то ему посвящены статьи 275 (допрос подсудимого), 277 (допрос потерпевшего), 278 (допрос свидетелей), 280 (особенности допроса несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля), 281.1 (допрос и оглашение показаний лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве), 282 (допрос эксперта) УПК РФ.

Важным и существенным изменением стало введение видеозаписи при осуществлении следственных действий.

Уголовно-процессуальное законодательство России продолжает совершенствоваться и развиваться, учитывая потребности современного мира. Так, в 2021 году в УПК РФ была введена ст. 189.1, которая регламентирует особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи. В 2022 году ст. 278.1 УПК РФ, касающаяся особенностей производства допроса и иных судебных действий путем использования систем видео-конференц-связи, изложена в новой



редакции, а с 9 января 2023 года законодателем были расширены возможности использования видео-конференц-связи и подачи электронных документов [21].

Резюмирую изложенное, можно сделать вывод о том, что институт допроса прошел непростой путь становления и развития. Периодизация исторического развития допроса видится нами следующим образом:

Первый период: период Древней Руси – первые упоминания о показаниях и свидетелях. Для данного периода времени было характерно применение различных видов пыток с целью получения информации от «виновного», а также полное отсутствие законодательной регламентации допроса как процессуального действия. Допрос рассматривался скорее как процедура применения пыток, нежели как процесс получения добровольных показаний.

Второй период: период Судебников 1497 г., 1550 г., 1589 г., а также Соборного Уложения 1649 г. Судебник 1497 г. упоминал три ключевых элемента розыскного процесса: обыск (опрос местного населения судьями), свидетельство о репутации обвиняемого и пытка. Период действия Судебника 1550 г. [22, с. 125] характеризовался тем, что постепенно начинал появляться допрос в современном его понимании. В указанном акте появилось такое следственное действие, как «повальный обыск», который предполагал допрос подозреваемых и свидетелей, и носил массовый характер, то есть проводился в отношении группы лиц. Вместе с тем пытки, как средство получения информации, все еще продолжали существовать и применялись при допросах.

Третий период: период с XVIII по XIX вв. Так, в эпоху Петра I было характерно постепенное упорядочение процедуры проведения пыток, регламентация их проведения (они применялись не ко всем категориям надления и определенное количество раз). Также впервые законодательное закрепление (в акте «Артикул воинский» от 26.04.1715 г.) получила методика расследования отдельных видов преступлений, которая содержала в себе тактические рекомендации по проведению допросов потерпевших. Важным этапом данного периода является отмена пыток при допросах. Так, указом



Александра I «Об уничтожении пытки» от 27.09.1801 г. пытки были отменены, однако, фактически они все же применялись вплоть до конца первой половины XIX в. и продолжали быть эффективным средством получения информации.

В XIX веке произошло значительное развитие и изменение методов допроса в России. В первой половине XIX века было еще широко распространено физическое воздействие на подозреваемых, однако с середины девятнадцатого столетия началась активная реформация методов допроса. Новый подход базировался на психологических принципах, а целью было достижение истины, не прибегая к физическому насилию. Вместо этого допросы проводились с использованием тактик, основанных на психологии и принципах взаимодействия. В целом, XIX век стал периодом важных изменений в методах допроса в России. Вместо физического насилия все большее значение придавалось применению психологических методов, позволяющих достичь более объективных и надежных результатов. Вместе с тем порядок и правила проведения допросов по-прежнему не были упорядочены.

Четвертый период: период кодексов уголовно-процессуального законодательства. Именно с их появлением произошла процессуальная регламентация процедуры проведения допроса в современном его понимании. С принятием в 1922 и 1923 г. УПК РСФСР началось постепенное закрепление положений, касающихся процессуального порядка проведения допроса. С принятием УПК РСФСР 1960 г. произошло дальнейшее совершенствование положений, касающихся проведения допроса. Так, был закреплён процессуальный порядок проведения допроса отдельных участников уголовного судопроизводства.

Действующий УПК РФ впервые закрепил основополагающие принципы уголовного судопроизводства, соблюдение которых обязательно при осуществлении всех процессуальных действий. Также в УПК РФ закреплены положения, касающиеся процедуры проведения допроса не только на стадии



предварительного расследования, но и в суде (судебный допрос). Появились нормы, более детально регламентирующие саму процедуру проведения допроса. Вместе с тем уголовно-процессуальное законодательство России продолжает совершенствоваться и развиваться. Так, за последние несколько лет важными и существенными изменениями в рамках осуществления следственных действий стали введение видеозаписи при осуществлении следственных действий, системы видео-конференц-связи при проведении допроса, как на стадии предварительного расследования, так и в суде.

В целом, судебные реформы и изменения в XXI веке являются важной частью развития правовой системы России. Они направлены на поддержание законности, справедливости и защиты прав граждан в процессе осуществления уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. Еськов, И. П. История развития института допроса в российском судопроизводстве // Актуальные проблемы современного уголовного права и криминологии : материалы международной научнопрактической конференции. Ставрополь, 2015. – С. 184–187.

2. История дознания в России: от древних времен до современности. URL: <https://tigris-shop.ru/istoriya-doznaniya-v-rossii-ot-drevnix-vremen-do-sovremennosti> (дата обращения: 12.12.2023). – Текст : электронный.

3. Русская правда (пространная редакция) : подготовка текста, перевод и комментарии // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева и др. Санкт-Петербург : Наука, 1997. Т. 4 : XII век, 1997. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-4/14 (дата обращения: 15.01.2024). – Текст : электронный.

4. Лукьянишина, В. Н. Допрос в уголовном процессе: история и методы // Обеспечение прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве :



организационные, процессуальные и криминалистические аспекты : материалы Крымского студенческого юридического форума. – Крым, 2018. – С. 59–60.

5. Рзаев, Т. Ю. Современные проблемы теории и практики допроса : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Т. Ю. Рзаев. – МГЮА, 2002. – 241 с.

6. Зинченко, П. И. К вопросу об истории процессуальной регламентации и тактических приемах ведения допроса в России в эпоху Петра I // Вестник института : преступление, наказание, исправление. Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – Москва, 2011. – № 1 (13). – С. 86–90.

7. Осовик, А. И. Допрос как следственное действие в уголовном процессе РФ : магистерская диссертация на соискание степени магистра по направлению подготовки 40.04.01-«Юриспруденция» / А. И. Осовик // НИ ТГУ. – Томск, 2020. – 93 с.

8. Щербич, Л. А., Харабара, В. А. Допрос в России: генезис и развитие // В сборнике: актуальные проблемы юридической науки и практики материалы международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 439–444.

9. Коллманн, Н. Ш. Преступление и наказание раннего Нового времени / Н. Ш. Коллманн ; научный редактор А. Б. Каменский. – Москва : Новое литературное обозрение, 2016. – 616 с.

10. См. ст. 19.: Указная книга Разбойного приказа 1616/17 г. // Памятники Русского Права. / под ред. Л. В. Черепнина. Т. V. Москва : Юридическая литература, 1963. С. 193–194.

11. Соборное Уложение 1649 г. // Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV–XVII вв. / под ред. Л. В. Черепнина. Москва : Юридическая литература, 1956. С. 89. – 632 с.

12. Брусиловский, А. Е. Свидетельские показания в качестве судебных доказательств / А. Е. Брусиловский, М. С. Строгович // Методика и техника следственной работы : сборник статей. – Москва, 1934. – С. 103–107.



13. Военной устав с Артикулом военным, при котором приложены толкования, также с кратким содержанием процессов, экзерцициею, церемониями, и должностями полковых чинов // Императорская Академия Наук. – Санкт-Петербург, 1748. – 228 с.

14. Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. Москва : Академия наук СССР, 1951. – 411 с.

15. Рогов, В. А. История государства и права России IX–начала XX веков / В. А. Рогов. – Москва : Зерцало : ТОО «ТЕИС», 1995. – 263 с.

16. Кондратенко, В. А. Теория и практика допроса в стадии предварительного расследования : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / В. А. Кондратенко. – Москва : РГБ, 2003. – 211 с.

17. Эйсман, А. А. Логика доказывания / А. А. Эйсмана. – Москва : Юридическая литература, 1971. – 320 с.

18. Об Уголовно-процессуальном кодексе : постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета от 25.05.1922 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757376> (дата обращения: 17.01.2024 г.). – Текст : электронный. – Утратил силу.

19. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 27.10.1960 г. URL: https://www.democracy.ru/library/laws/federal/up_kodex/ (дата обращения: 17.01.2024 г.). – Текст : электронный. – Утратил силу.

20. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ : в редакции от 25 декабря 2023 года. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.

21. Основные изменения в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации в 2023–2024 годах. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.



22. Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства. XIV–XV вв. / под ред. Л. В. Черепнина. Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1955. – 527 с.



Рыбакова Татьяна Игоревна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

rybakova.tatyana02@yandex.ru

Rybakova Tatiana

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Ekaterinburg

ЗАНЯТИЕ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация: в статье автором рассматривается статья 210.1 УК РФ, введенная в 2019 году и предусматривающая уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. Анализируется ряд пробелов, имеющих в данной статье, в том числе в определении субъекта данного состава преступления, предлагаются варианты решения данных пробелов.

Ключевые слова: преступная иерархия, занятие высшего положения в преступной иерархии, преступное сообщество, организованная преступность, уголовная ответственность.

OCCUPATION OF THE HIGHEST POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY: PROBLEMS OF QUALIFICATION

Annotation: in the article, the author examines Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, introduced in 2019 and providing for criminal liability for occupying the highest position in the criminal hierarchy. A number of gaps present in this article are analyzed, including in the definition of the subject of a given crime, and options for solving these gaps are proposed.



Key words: criminal hierarchy, occupation of the highest position in the criminal hierarchy, criminal community, organized crime, criminal liability.

Федеральным законом от 01.04.2019 N 46-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) был дополнен статьей 210.1, предусматривающей уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. Однако термин «занятие высшего положения в преступной иерархии» появился в УК РФ несколько раньше, когда Федеральным законом от 03.11.2009 N 245-ФЗ статья 210 УК РФ была дополнена частью 4, предусматривающей уголовную ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии.

Как отмечают И.В. Пантюхина и Л.Ю. Ларина, практического применения ч. 4 ст. 210 УК РФ не нашла из-за невозможности установления связи лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, с конкретными преступлениями, совершаемыми преступными сообществами (организациями), а также непосредственного их участия в создании таких сообществ и управлении ими или какой-либо причастности к их деятельности, чего требует указанная норма [1, с. 160-161].

Появление статьи 210.1 в УК РФ можно объяснить повышенной общественной опасностью лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, а также тем, что к уголовной ответственности чаще всего привлекаются участники преступных сообществ (преступных организаций) и исполнители преступлений, в то время как фактические руководители остаются в тени.

П.В. Агапов, Н.В. Сальников и С.В. Кондратюк отмечают, что общественная опасность лиц, обладающих статусом лидеров в преступной иерархии, заключается в оказании ими значительного криминального влияния как в пределах отдельного преступного сообщества, так и во всей преступной



среде. Благодаря непререкаемому авторитету в преступном мире криминальные лидеры продуцируют, регулируют и направляют организованную преступную деятельность, осуществляют контроль и распределение незаконных доходов, обеспечивают устойчивость преступных традиций и обычаев криминальной среды, чем оказывают существенное негативное влияние на общественные институты [2, с. 50-51].

В итоге данных изменений в УК РФ появился новый специальный субъект, правовой статус которого до сих пор четко не определен, поскольку признаки данного субъекта носят ярко выраженный оценочный характер.

Несмотря на разъяснение, содержащееся в пункте 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 N 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» и касающееся ч. 4 ст. 210 УК РФ, до сих пор остается неясным ответ на вопрос, что понимать под такими понятиями, как «занятие», «высшее положение» и «преступная иерархия».

Часть исследователей, в частности В.И. Гладких, считает, что является, как минимум, незаконным наказывать человека за обладание статусом авторитета преступного мира, особенно с учетом того, что такой статус не имеет законодательного закрепления. Кроме того, в указанном составе отсутствует такой обязательный признак объективной стороны, как общественно опасное деяние. В результате привлечение к уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии противоречит требованиям статьи 8 УК РФ, согласно которым основанием уголовной ответственности выступает наличие в содеянном всех признаков состава преступления [3, с. 55].

Однако некоторые исследователи подчеркивают, что занятие лицом высшего положения в преступной иерархии следует рассматривать в совершении действий, направленных на приобретение лицом в процессе инициации иными статусными лицами криминальной среды высшего



положения в преступном мире и получение в связи с этим статуса, подразумевающего осуществление деятельности по поддержанию норм криминального образа жизни и обеспечению устойчивости преступной среды, а также удержание указанного положения посредством пребывания лица в соответствующем статусе и осуществления обусловленных им полномочий [2, с. 52].

Кроме того, в вышеуказанном нами постановлении Пленума Верховный Суд РФ обращает внимание на то, что судам необходимо устанавливать, в чем конкретно выразились действия, свидетельствующие об авторитете и лидерстве лица в преступном сообществе (преступной организации).

Таким образом, мы считаем, что в данном случае не происходит привлечение к уголовной ответственности за обладание определенным статусом, занятие лицом высшего положения в преступной иерархии выражается именно в совершении определенных действий, в выполнении определенных функций в уголовно-преступной среде.

В процессе анализа судебной практики нами были выделены некоторые из функций, которые могут выполнять лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии. К ним относятся, например:

- организация, распределение и контроль фонда взаимопомощи в среде преступного сообщества – преступной кассы, так называемого «общака»;
- решение конфликтных, спорных ситуаций между лицами из гражданского населения и уголовно-преступной среды, также между различными субъектами преступной иерархии;
- осуществление покровительства лицам, намеревающимся совершить преступление либо совершившим преступление с целью предотвращения конфликта интересов между субъектами преступной иерархии и другими лицами из преступной среды, не входящими в преступную иерархию;
- применение к лицам, нарушившим сложившиеся правила и традиции в криминальной среде, мер дисциплинарной ответственности, принятых в



указанной среде, в том числе, связанных с понижением занимаемого данным лицом статуса в преступной иерархии;

- организация и личное принятие участия в собраниях лиц, осуществляющих преступную деятельность с целью разделения сфер влияния и разрешения конфликтов;

- соблюдение и пропаганда «воровских» и преступных традиций;

- назначение других лиц на нижестоящие уровни преступной иерархии с целью обеспечения эффективности управления криминальной средой подконтрольной территории и многие другие.

По нашему мнению, следует изменить диспозицию в статье 210.1 УК РФ, указав на то, что занятие высшего положения в преступной иерархии выражается в выполнении определенных функций, раскрыть которые можно в постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Также правоприменитель может столкнуться с проблемой, какие «криминальные должности» можно относить к высшему положению в преступном мире: «вор в законе», «авторитет», «положенец», «смотрящий» или др. Мы считаем, что в правовых нормах не следует использовать воровские понятия. В этом случае нельзя не согласиться с Ю.В. Голиком, который отмечает, что переходить на воровские понятия по ряду причин невозможно и «оскорбительно для всего общества и народа нашей страны» [4, с. 187]. На наш взгляд, решить данную проблему возможно указанием в законе или акте толкования на конкретные функции, которые может выполнять лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии. Соответственно, правоприменитель, исходя хотя бы из примерного перечня закрепленных функций, будет решать, лица на каких «криминальных должностях» будут подлежать уголовной ответственности.

Кроме того, не совсем ясно, что стоит понимать под преступной иерархией. Так, А.Е. Шалагин под преступной иерархией понимает систему подчиненности и взаимоотношений между лицами, входящими в



криминальную среду, придерживающимися соответствующих правил и традиций (воровской субкультуры) [5, с. 36].

Некоторые исследователи преступную иерархию сравнивают с тюремной иерархией. Однако по содержанию преступная иерархия шире тюремной, поскольку регулирует поведение членов преступного сообщества и вне мест лишения свободы. Преступную иерархию целесообразно рассматривать вне тюремного контингента, как определенную часть всего криминализированного социума [6, с. 28-31].

Таким образом, нельзя не отметить, что в статье 210.1 УК РФ имеется ряд существенных пробелов, в том числе в определении субъекта данного состава преступления, поскольку он определен через оценочные категории. Как мы уже отмечали ранее, необходимо изменить диспозицию данной статьи, указав на то, что занятие высшего положения в преступной иерархии выражается в выполнении определенных функций в уголовно-правовой среде. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ в качестве примера функций, которые могут выполнять лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, можно закрепить некоторые из функций, выделенных нами по итогу анализа судебной практики, при этом оставив этот перечень открытым. Также остальные пробелы можно разрешить путем закрепления четких разъяснений в постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Список литературы:

1. Пантюхина И. В., Ларина Л. Ю. Проблемы регламентации и применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) // *Lex russica*. – 2020. – Т. 73. – № 10. – С. 159-170.

2. Агапов П. В., Сальников Н. В., Кондратюк С. В. Актуальные вопросы реализации уголовной ответственности за занятие высшего положения в



преступной иерархии // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 3 (30). С. 49-55.

3. Гладких, В. И. Одолеет ли новый закон воров в законе? // Российский следователь. – 2019. – № 5. – С. 52-56.

4. Голик, Ю. В. "Вор в законе", Или закон "по понятиям" (Уголовный кодекс не должен переходить на язык уголовников) // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 4. – С. 187-188.

5. Шалагин, А. Е. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 4(26). – С. 36-39.

6. Куракин А. В., Сухаренко А. Н. Законодательное обеспечение борьбы с организованной преступностью, в том числе транснациональной // Российская юстиция. 2019. № 5. С. 28–31.



Сазонова Алина Валерьевна
Российский государственный университет правосудия
Восточно-Сибирский филиал
Россия, Иркутск
alinasazonova2001@gmail.com
Sazonova Alina
Russian State University of Justice
East Siberian Branch
Russia, Irkutsk

ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ РАЗБОЯ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ

Аннотация: актуальность изучения данной темы обусловлена тем, что в настоящее время значительная часть корыстно-насильственных преступлений совершается с применением или угрозой применения оружия, а также раскрываемость такого рода преступлений остается низкой. В связи с этим, ориентируясь на состояние правоприменительной практики позиция законодателя постоянно изменяется, что приводит к деконструкции разбоя, особенностей его квалификации в действующем законодательстве.

Ключевые слова: разбой, нападение, вред, орудия, угроза, наказание, ответственность.

ISSUES OF DIFFERENTIATION OF ROBBERY FROM RELATED TRAINS

Annotation: in the article presented, robbery is considered as one of the common crimes with a two-object composition, where the main object is property rights, and an additional one is human health. The relevance of studying this topic is due to the fact that currently a significant part of mercenary and violent crimes are committed with the use or threat of use of weapons, and the detection rate of such crimes remains low. In this regard, focusing on the state of law enforcement practice, the



position of the legislator is constantly changing, which leads to the deconstruction of robbery and the peculiarities of its qualification in the current legislation.

Key words: robbery, assault, harm, tools, threat, punishment, responsibility.

За последние несколько лет, по информации с официального сайта МВД России, не удается достичь высокого уровня раскрываемости подобного рода преступлений. Эта проблема имеет место быть из-за того, что разбойные преступления имеют ряд отличительных особенностей, которые включают в себя различные способы совершения, а также действия, которые направлены на подготовку к нападению, непосредственное его осуществление, захват ценностей и сокрытие следов преступления, что требует пристального внимания со стороны правоохранительных органов [6].

Для того, чтобы провести отличия между разбоем и смежными составами преступлений необходимо рассмотреть существенные признаки каждого из них. При рассмотрении состава преступления разбоя в правоприменительной практике возникают вопросы, связанные с их разграничением. Так, разбой представляет собой нападение, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, в целях хищения чужого имущества, а смежные составы, которые могут быть отнесены к близкими по содержанию составу разбоя, рассмотрим грабеж и вымогательство [3].

Если отграничивать разбой от грабежа, то грабеж в свою очередь можно определить, как открытое хищение чужого имущества, совершенное без применения насилия или с применением насилия, не представляющего угрозы для жизни и здоровья. Как мы видим, в отличие от грабежа, в котором насилие или угроза насилия применяется для изъятия имущества у потерпевшего, разбой включает в себя и нападение на личность, и посягательство на ее имущество.

При рассмотрении состава преступлений разбоя и грабежа, автор считает, что основное отличие между ними заключается в объеме насилия и степени



интенсивности, иначе говоря, разбой всегда связан с насилием, которое опасно для жизни и здоровья потерпевшего, а вот грабеж в свою очередь можно совершить и без насилия, или же с насилием, которое не представляется опасным для жизни и здоровья человека. К примеру, в случае, если виновное лицо решило воспользоваться моментом и завладеть чужим имуществом, при этом применило физическое насилие, то его действия следует квалифицировать, как разбой, а не грабеж, только в том случае, если в момент применения насилия, оно представляло опасность для жизни и здоровья человека.

Проанализировав судебную практику, автор пришел к выводу о различиях между разбоем и грабежом. Так, например, в ситуации, когда преступник угрожал потерпевшему и применял насильственные действия, которые привели к серьезным последствиям, включая телесные повреждения или смерть. В данном случае стоит обратить внимание, что разбой будет окончен тогда, когда нападение было осуществлено на потерпевшего, при этом независимо оттого, была ли достигнута цель завладения чужим имуществом [4].

Также на практике возникают вопросы, связанные с определением отличительных особенностей между признаками вымогательства и разбоя, поскольку они имеют схожие характеристики. Важно отметить, что разбой характеризуется применением насилия или угрозой применения насилия с целью завладения чужим имуществом, а вымогательство, в свою очередь, представляет собой принуждение к передаче имущества путем применения насилия или угрозы. Таким образом, основное различие между ними заключается в способе совершения преступления, а именно в том, что разбой — это совершаемое преступление с применением насилия, а вымогательство, преступление, совершаемое с требованием о передаче чужого имущества под угрозой применения насилия.

Рассмотрим, некоторые особенности квалификации разбоя [2].



Для определения степени опасности преступления по статье 162 Уголовного Кодекса Российской Федерации необходимо учитывать наличие насилия или угрозы его применения. При этом, дополнительно причиненный вред здоровью квалификации не подлежит. Таким образом, если в результате совершения разбойного нападения потерпевший, получил легкий вред, деяние квалифицируется только по ст. 162 УК РФ, без дополнительной квалификации по ст. 115 УК РФ.

Следующую особенность можно выделить исходя из ч.1 ст. 162 УК РФ, так в диспозиции указанной статьи рассматриваются разбойные нападения, которые не нанесли вреда, но реально опасны для жизни и здоровья потерпевшего во время его совершения.

Автор предлагает подробнее рассмотреть указанную норму, в которой насилие определено в качестве опасного для жизни и здоровья, поскольку, причинение тяжкого вреда – это квалифицирующий признак в данной статье. Следовательно, отсюда вывод, что в части первой этой же статьи имеется в виду насилие, которое причинило либо могло причинить легкий или средней тяжести вред здоровью [1].

Однако, основным моментом в ходе квалификации деяния необходимо выделить положение, согласно которому, если в ходе кражи, действия преступника перестанут быть тайными для окружающих, но, несмотря на это, он продолжит хищение и при этом станет применять опасное для здоровья насилие, или угрожать, в этом случае такие действия уже будут квалифицироваться по ст.162 УК РФ.

Таким образом, проведя анализ некоторых особенностей при квалификации разбоя, автор пришел к выводу, что можно избежать квалификационных ошибок анализируемого состава в будущем, при условии улучшения качества работы следственных органов, а также вынесения законных и справедливых приговоров судом за преступления, предусмотренные указанной статьей 162 УК РФ.



Анализ статистических данных о состоянии преступности с января по май 2023 года, показал, что оперативная обстановка в Российской Федерации остается стабильной. Количество совершенных преступлений против собственности, в том числе разбоев, по сравнению с 2022 годом, уменьшилось на 11,7%, что свидетельствует о снижении совершаемых преступлений корыстно-насильственной направленности [8].

Также проанализировав судебную практику по делам о разбое, автор пришел к выводу, что суды принимают решения в отношении обвиняемых основываясь на различных факторах, включая наличие улик и доказательств, личность обвиняемого, показания свидетелей, потерпевших, записи видеонаблюдения, общественную опасность совершенного преступления и другие факторы, влияющие на квалификацию преступления, как например, психическое расстройство, алкогольное или наркотическое опьянение.

Рассмотрим пример из судебной практики, так, в марте 2020 года неизвестные, будучи осведомленными о длительном отъезде семейной пары местных предпринимателей, спланировали похищение чужого имущества. В целях осуществления своего намерения, неизвестные проникли в дом, совершили разбойное нападение на женщину и её несовершеннолетнего внука, нанесли им телесные повреждения и обездвижили их, связав руки. Таким образом, после преодоления сопротивления, преступники похитили денежные средства и ювелирные изделия в особо крупном размере. В отношении них Тайшетский городской суд вынес приговор по п. «б» ч. 4 ст. 162 УК РФ, как разбой, совершенный в особо крупном размере и п. «б» ч. 3 ст. 161 УК РФ, как грабеж, совершенный в особо крупном размере [7].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что в свете особой опасности разбойных нападений, на сегодняшний день становится актуальным совершенствование деятельности правоохранительных органов, повышение профессионального уровня сотрудников следственных и оперативно-розыскных аппаратов, занимающихся раскрытием и



расследованием таких преступлений. Такие преступления становятся особенно опасными, когда при их совершении участвуют лица, предварительно объединившиеся в преступную группу и в каждом случае, требуют быстрой и эффективной реакции со стороны правоохранительных органов. Тем не менее, по мнению экспертов, борьба с этими преступлениями имеет свою специфику и некоторые аспекты этой проблемы еще недостаточно изучены в существующей криминалистической литературе.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996. – №25. – Ст. 2954.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 года №29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» / [Электронный ресурс] //: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/ (дата обращения: 06.10.2023).

3. Борзенков Г.Н. Курс уголовного права: Общая часть: Т. 1: Учение о преступлении: Учебник для вузов (под ред. Кузнецова / Комиссаров Комиссарова, Крылова, др. доц.). — Москва: СИНТЕГ, 2022. 143 с.

4. Жабский И. А. Вопросы отграничения разбоя от смежных составов преступлений //современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации. – 2020. – С. 152-158.

5. Павлова Т. А. Проблемные вопросы судебной практики при отграничении разбоя от смежных составов преступлений //научное обозрение: актуальные вопросы теории и практики. – 2023. – С. 168-170.

6. Жуков С. В. Вопросы квалификации разбойного нападения и его разграничение со смежными составами //Отвественные за выпуск. – 2016. – С. 188.



7. Новости Тайшетской межрайонной прокуратуры / [Электронный ресурс] // Прокуратура Иркутской области: [сайт]. — URL: https://erp.genproc.gov.ru/web/proc_38/mass-media/news?item=88061056 (дата обращения: 06.10.2023).

8. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - июнь 2023 года / [Электронный ресурс] // МВД РФ: [сайт]. — URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/40116049/> (дата обращения: 06.10.2023).



Титов Павел Михайлович

Уральский юридический институт МВД России

Кафедра оперативно-разыскной деятельности

Россия, Екатеринбург

titov1995@ya.ru

Titov Pavel

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Department of Operative and Investigative Activity

Russia, Ekaterinburg

ПРАВА ЛИЧНОСТИ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: в статье анализируются права личности в оперативно-розыскной деятельности и их защита. При изучении специальной литературы выяснилось мнение на этот счет основоположников теории оперативно-розыскной деятельности. В результате можно констатировать, что практически ни по одному вопросу о государственной защите прав личности в оперативно-розыскной деятельности не существует единого, признанного всеми авторами мнения. Делается вывод о некоторых вопросах теории государственной защиты прав личности в оперативно-розыскной деятельности, основанных на анализе действующего российского и международного законодательства, оперативно-розыскной практики и научной литературы.

Ключевые слова: государственная защита, оперативно-розыскная деятельность, контроль, безопасность, права личности.

THE USE OF THE RESULTS OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES AS A BASIS FOR INVESTIGATIVE ACTIONS

Annotation: the article analyses the rights of an individual in operational-search activity and their protection. The study of special literature revealed the opinion on



this matter of the founders of the theory of operational-search activity. As a result, it can be stated that practically on any issue of state protection of individual rights in operational-search activity there is no single opinion recognised by all authors. The conclusion is made about some issues of the theory of state protection of individual rights in operational-search activity, based on the analysis of the current Russian and international legislation, operational-search practice and scientific literature.

Key words: state protection, operational and investigative activities, control, security, individual rights.

Как следует из статей 2, 15, 18 Конституции Российской Федерации и детализирующих эти нормы статей 1-5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») [1].

Оперативно-розыскная деятельность осуществляется в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. Данная деятельность обеспечивает решение задач, предусмотренных статьей 2 ФЗ «Об ОРД». При выполнении задач предполагается соблюдения ряда принципов, в том числе принципов конспирации, сочетание гласных и негласных методов и средств. Это является спецификой оперативно-розыскного права.

Оперативно-розыскная деятельность воплощается в оперативно-розыскных мероприятиях. Данные понятия не совпадают, поскольку оперативно-розыскная деятельность, помимо оперативно-розыскных мероприятий, имеет и иные формы реализации и внешнего проявления. Однако для целей уголовного судопроизводства именно оперативно-розыскные мероприятия представляют собой наиболее важный с содержательной точки зрения сегмент оперативно-розыскной деятельности, поскольку в доказывании по уголовным делам могут использоваться именно результаты оперативно-розыскного мероприятия.



В ФЗ «Об ОРД» понятие оперативно-розыскного мероприятия не закреплено. Вместе с тем его формулирование представляет большую важность, поскольку, выяснение сущности оперативно-розыскных мероприятий – это вопрос, от решения которого во многом зависит рассмотрение их различных сторон.

Следует отметить, что в ФЗ «Об ОРД» оперативно-розыскные мероприятия только названы, однако содержание их не раскрыто даже в самом обобщенном виде. Детальная регламентация порядка проведения оперативно-розыскных мероприятий осуществляется в ведомственных нормативно правовых актах оперативно-розыскных органов, имеющих закрытый характер.

Как известно, оперативно-розыскные отношения достаточно специфичны и характеризуются сложным субъектным составом. В связи с этим всех участников таких отношений считаем необходимым подразделить на определенные группы.

В первую группу предположительно можно включить:

А) граждан, которые стали жертвами преступной деятельности и обратились за защитой в оперативно-розыскной орган;

Б) граждан, представляющих оперативный интерес в связи с тем, что имеется информация об их причастности к преступной деятельности;

В) лица, обладающие определенной оперативно-значимой информацией, получить которую возможно лишь посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий;

Г) безвестно пропавшие граждане, в отношении которых ведутся оперативно-розыскные мероприятия.

Во вторую группу следовало бы включить оперативно-розыскные органы и проходящих в них службу соответствующих должностных лиц. Например, в органах внутренних дел, это Приказ МВД России от 31.03.2023 г. № 199 [2].



В третью группу, на наш взгляд, входят должностные лица и граждане, которые взаимодействуют с сотрудниками оперативных подразделений в осуществлении оперативно-розыскной деятельности [3; 4].

В четвертую группу можно включить контролирующие и надзорные органы за оперативно-розыскной деятельностью (суд, прокуратура и др.), а также их должностных лиц, уполномоченных на такую деятельность [5; 6].

Обязанности по осуществлению и обеспечению мер безопасности, а также по социально-правовой защите и обеспечения сохранности собранных персональных данных перечисленных участников оперативно-розыскной деятельности, возлагаются соответственно на специальные подразделения правоохранительного органа, исходя из дел, находящихся в их производстве или отнесенных к их ведению, а также на субъекты, контролирующие и надзирающие за оперативно-розыскной деятельностью [7, с. 198].

Оперативно-розыскное законодательство, воплощая в жизнь императивные требования норм конституционного и международного права, осуществляет функции обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина.

Обеспечение неотъемлемых прав и свобод есть их гарантирование, т.е. создание условий для беспрепятственной реализации этих прав и свобод со стороны государства. В оперативно-розыскной сфере это возможно путем неукоснительного соблюдения положений законодательства об оперативно-розыскной деятельности, а также ведомственных нормативных актов, регламентирующих основания и порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан.

Призванные регламентировать эффективную процедуру реализации прав и свобод человека оперативно-розыскные нормы могут и должны, на наш взгляд, предусматривать более широкий, дифференцированный комплекс мер защиты, нежели это определено в нормах конституционного и международного права.



Представляется, что защита прав личности в оперативно-розыскной деятельности – это установленный законодательством в области оперативно-розыскной деятельности и иными нормативно-правовыми актами порядок правоотношений субъектов оперативно-розыскной деятельности, обеспечивающая безопасность, восстановление социальной справедливости и нарушенных прав и свобод человека и гражданина.

Недостаточно изученным в теории оперативно-розыскной деятельности является вопрос о месте правозащитных норм оперативно-розыскной деятельности в системе формирующегося и вместе с тем реально функционирующего оперативно-розыскного права и его подсистеме (подотрасли) – оперативно-розыском процессе.

В теории оперативно-розыскной деятельности и оперативно-розыском законодательстве до настоящего времени не сформировались соответствующие подсистемы (подотрасли), содержащие нормы, регламентирующие вопросы обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина. Многочисленные правовые средства, предназначенные для защиты прав и свобод, находятся в различных нормативных актах, не взаимосвязанных между собой. Порой они излишне обособлены и противоречивы.

Представляется, что данная статья может послужить отправной точкой для более подробного исследования обозначенных проблемных аспектов.

Список литературы:

1. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 года № 144–ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.02.2024).
2. Приказ МВД России от 31 марта 2023 г. № 199 «Об утверждении Перечня оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность»



// СПС «КонсультантПлюс» <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.02.2024).

3. Титов, П. М. Взаимодействие органов внутренних дел и Федеральной налоговой службы России при расследовании налоговых преступлений / П. М. Титов // Актуальные проблемы использования специальных знаний при выявлении и доказывании экономических преступлений : Сборник научных статей по итогам межвузовской научно-практической конференции, Нижний Новгород, 25 октября 2022 года. – Нижний Новгород: ООО "Стимул-СТ", 2023. – С. 347-349.

4. Басистов, С. Д. Некоторые проблемы взаимодействия подразделений органов внутренних дел по рассмотрению сообщений о преступлениях / С. Д. Басистов // Научный поиск курсантов : Сборник материалов Международной научной конференции, Могилев, 17 февраля 2023 года / Редколлегия: В.В. Борисенко (отв. ред.) [и др.]. – Могилев: Учреждение образования "Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь", 2023. – С. 32.

5. Титов, П. М. прокурорский надзор за оперативно-разыскной деятельностью / П. М. Титов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2022. – № 2(58). – С. 151-156.

6. Козусев А. Ф. Полномочия прокурора по надзору за исполнением законов в оперативно-разыскной деятельности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 10. С. 3-9.

7. Стельмах, В. Ю. Результаты оперативно-розыскных мероприятий в уголовном судопроизводстве / В. Ю. Стельмах, П. М. Титов. – Москва : Издательство "Юрлитинформ", 2020. – 344 с.



Титов Павел Михайлович
Уральский юридический институт МВД России
Кафедра оперативно-разыскной деятельности
Россия, Екатеринбург
titov1995@ya.ru

Соромотина Владислава Алексеевна
Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева
Институт юстиции
Россия, Екатеринбург
Soromotina.kat@gmail.com

Titov Pavel
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Department of Operative and Investigative Activity
Russia, Ekaterinburg
Soromotina Vladislava
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev
Institute of Justice
Russia, Ekaterinburg

ЦЕЛИ И ЗНАЧЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ХОДЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: уголовно-процессуальный закон предусматривает возможность применения в досудебном производстве специальных знаний для получения тех или иных сведений о событии преступления, его участниках или ответов на иные вопросы. Цель использования специальных знаний в уголовном процессе является получение информации о событии преступления и лицах, принявших участие в его совершении, путем обработки и анализа обнаруженных следов



преступления. При этом в большинстве случаев такая информация не может быть получена иным способом, кроме как путем применения специальных знаний; в иных случаях достоверность полученных сведений может быть подтверждена исключительно путем использования специальных знаний.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, уголовный процесс, уголовное судопроизводство, специальные знания, судебная экспертиза.

THE PURPOSE AND SIGNIFICANCE OF THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN THE COURSE OF FORENSIC EXAMINATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation: the law of criminal procedure provides for the possibility of using special knowledge in pre-trial proceedings to obtain certain information about the event of the offence, its participants or answers to other questions. The purpose of the use of special knowledge in criminal proceedings is to obtain information about the event of the crime and the persons who took part in its commission by processing and analysing the traces of the crime found. In most cases, such information cannot be obtained in any other way than through the use of special knowledge; in other cases, the reliability of the information obtained can be confirmed only through the use of special knowledge.

Key words: criminal procedure law, criminal procedure, criminal proceedings, special knowledge, forensic examination.

Уголовный процесс в Российской Федерации представлен рядом сменяющих друг друга стадий, которые Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [1] (далее – УПК РФ) объединяет в более крупные единицы – досудебное производство и судебное производство по уголовному делу. Досудебное производство включает в себя две стадии: возбуждение уголовного дела и предварительное расследование.



На стадиях досудебного производства субъект расследования разрешает важнейшие задачи. В большинстве случаев решение данных задач невозможно без использования специальных знаний.

Так, например, для установления причины смерти лица в обязательном порядке назначается судебная экспертиза (пункт 1 статьи 196 УПК РФ), что свидетельствует о том, что никаким иным способом, кроме проведения экспертизы в установленном порядке, сведения о причине смерти лица не может быть установлена. При этом нередко именно выявление причины смерти лица позволяет субъекту расследования сделать вывод о наличии или отсутствии события преступления как такового. Так, вывод об отсутствии основания для возбуждения уголовного дела будет сделан в том случае, если в результате проведенной экспертизы установлено, что причина смерти лица была естественной (например, ввиду продолжительной болезни); напротив, если будет установлено, что причина смерти криминальная, то будет сделан вывод о наличии достаточных оснований для возбуждения уголовного дела (например, в том случае, если смерть наступила в результате удушения, отравления химикатами и т.д.).

Уголовно-процессуальный закон предусматривает возможность применения в досудебном производстве специальных знаний для получения тех или иных сведений о событии преступления, его участниках или ответов на иные вопросы. При этом, забегая вперед, отметим, что УПК РФ закрепляет как основания для обязательного использования специальных знаний (как, например, в ранее указанной статье 196), так и основания, когда субъект расследования вправе использовать такие специальные познания, если признает это необходимым для установления истины по уголовному делу (например, статья 195 УПК РФ, предоставляющая следователю возможность своим постановлением назначить судебную экспертизу или в предусмотренных законом случаях возбудить перед судом соответствующее ходатайство).



В действительности специальные познания тем или иным образом используются в абсолютном большинстве уголовных дел, поскольку не все вопросы могут быть установлены следователем самостоятельно. Суть специальных познаний заключается в том, что ими обладает специалист в конкретной области, обладающий достаточной компетенцией и опытом для постановки квалифицированных выводов по тому или иному вопросу.

П.С. Пастухов приводит следующее определение понятия специальных познаний: «под специальными знаниями понимают знания, навыки или умения в области науки, техники, искусства или ремесел, приобретенные при получении специального образования или в процессе практической деятельности по определенной специальности» [2, с. 299].

Как видно, в данном определении также указывается на то, что наличие специальных знаний связано, во-первых, с получением лицом специального образования в соответствующей сфере, а во-вторых, с приобретением таким лицом практических навыков и необходимого опыта.

Следует отметить, что по поводу определения понятия специальных знаний в уголовно-процессуальной науке ведутся некоторые дискуссии, т.е. между учеными-процессуалистами отсутствует единое мнение по поводу содержания исследуемого понятия.

Прежде всего, следует обратить внимание на то, что действующий уголовно-процессуальный закон не закрепляет нормативного определения понятия специальных знаний, однако использует его в своих положениях. В частности, анализируемое понятие встречается в статьях 57, 58 УПК РФ, определяющих процессуальный статус эксперта и специалиста соответственно. Иные нормативные правовые акты, принятые и действующие в Российской Федерации, также не закрепили определения исследуемого понятия в исчерпывающем виде. Так, например, в Федеральном законе от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [3], статье 2, указывается, что задачей государственной судебно-



экспертной деятельности является оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла.

Вместе с тем, как представляется, ограничение сферы применения специальных познаний только лишь областями науки, техники, искусства или ремесла не в полной мере обоснованно, поскольку, во-первых, данными сферами не ограничен круг знаний, отсутствующих у судьи или следователя, во-вторых, уголовные дела в отдельных случаях требуют получения ответов на самые различные вопросы, которые, в свою очередь, не ограничиваются вышеуказанными областями.

Данная позиция неоднократно высказывалась учеными. В частности, на необоснованное сужение сферы применения специальных познаний указывает А.Ю. Гарашко [4, с. 16], справедливо отмечая, что для разрешения конкретного возникшего в производстве по делу вопроса судье или следователю могут быть необходимы специальные знания в области спорта, коллекционирования или обычаев. С данной точкой зрения соглашается и А.А. Светличный [5, с. 279-280].

Действительно, приведенные в качестве примеров А.Ю. Гарашко сферы специальных знаний не могут быть отнесены к тем сферам, на которые указывается в законе, вследствие чего приводимые в действующем законодательстве толкования специальных знаний (в части их областей) не могут быть признаны исчерпывающими, что также порождает дискуссии среди представителей научного сообщества.

А.А. Эйсманом высказана позиция о том, что под специальными познаниями следует понимать такие «познания, которыми не располагает адресат доказывания»; ученые также отмечают, что это «знания не общеизвестные, не общедоступные, не имеющие массового распространения;



это знания, которыми располагает ограниченный круг специалистов» [6, с. 90-91]. С данной позицией соглашается Ю.К. Орлов, отмечая вместе с тем, что специальные знания субъект получает в процессе специального образования [7, с. 6].

Отдельные ученые, в целом соглашаясь с вышеприведенными позициями, акцентируют внимание на том, что из области специальных знаний исключаются правовые знания, таким образом, высказывается В.И. Шиканов [8, с. 23], или иначе – области процессуального и материального права, согласно утверждению Е.И. Зуева [9, с. 19].

Таким образом, вышеприведенные определения основаны на одном подходе, в рамках которого ученые предпринимают попытки определить тем или иным образом (в том числе путем исключения отдельных сфер знаний из понятия специальных знаний) конкретные сферы, в которых требуется применение специальных знаний для расследования уголовных дел и рассмотрения дел судами.

Проанализировав существующие в науке уголовно-процессуального права подходы к определению понятия специальных знаний, следует сделать вывод о том, что на сегодняшний день единство во мнениях о содержании данного понятия действительно отсутствует. Вместе с тем следует заключить, что с точки зрения правоприменения понятие специальных знаний следует определять непосредственно путем перечисления возможных областей знаний, а также путем указания на наличие у сведущего лица специальной профессиональной подготовки в соответствующей области.

Стремясь конкретизировать понятие специальных знаний неприменительно к конкретной их области, П.С. Пастухов выделяет следующие основные признаки специальных знаний:

- а) профессиональные знания, удостоверенные установленными дипломом, лицензией, сертификатом и т.п.;
- б) действительные умения, навыки, профессионализм;



в) неправовые знания (в отличие от юридических знаний следователя) [2, с. 299].

Выделенные признаки в действительности отражают, с одной стороны, характер этих знаний и их источники, с другой стороны, указывают на возможность использования специальных знаний в соответствующих сферах. В совокупности данные признаки характеризуют и уровень подготовки лиц, специальные знания которых используются в досудебном производстве по уголовному делу. В этой связи предложенный автором подход к выделению признаков специальных знаний представляется верным.

В завершение анализа понятия специальных знаний в досудебном производстве по уголовному делу, следует отметить, что на сегодняшний день случаи использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве учащаются, что в большей степени связано с ростом «профессионализма» преступников. Поскольку преступники при совершении преступлений применяют полученные ими или иными лицами профессиональные знания и навыки, то и использование специальных знаний при расследовании преступлений становится необходимым.

На данный аспект, во многом определяющий значимость специальных знаний в досудебном производстве, обращает внимание П.С. Пастухов. Ученый рассматривает частный случай необходимости применения специальных знаний при расследовании преступлений, совершенных с использованием компьютерных технологий.

Действительно, расследование преступлений в указанной области требует специальных познаний, которыми следователь не должен обладать, в том числе в силу предъявляемых к нему квалификационных и профессиональных требований. Вследствие того, что в настоящее время преступность с использованием компьютерных технологий широко распространена в обществе, значимость соответствующих специальных знаний существенно возрастает при расследовании преступлений.



С учетом вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что целью использования специальных знаний в уголовном процессе является получение информации о событии преступления и лицах, принявших участие в его совершении, путем обработки и анализа обнаруженных следов преступления. При этом в большинстве случаев такая информация не может быть получена иным способом, кроме как путем применения специальных знаний; в иных случаях достоверность полученных сведений может быть подтверждена исключительно путем использования специальных знаний. В указанном состоит уголовно-процессуальный смысл использования специальных знаний на досудебных стадиях производства по уголовному делу.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.02.2024).
2. Пастухов П.С. Роль и значение специальных знаний в информационно-технологическом обеспечении уголовно-процессуального доказывания // Вестник Пермского университета. 2014. № 1 (23). С. 298-303.
3. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.02.2024).
4. Гарашко, А. Ю. Некоторые аспекты отнесения знаний к специальным в уголовном процессе / А. Ю. Гарашко // Мировой судья. – 2011. – № 4. – С. 16-19.
5. Светличный, А. А. К вопросу о дискуссионности понятия "специальные знания" / А. А. Светличный // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2012. – № 1-2. – С. 279-286.



6. Эйсман А.А. Заключение эксперта (структура и научное обоснование). М., 1967. – 152 с.
7. Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам). М., 1995. – 60 с.
8. Шиканов В.И. Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1978. – 190 с.
9. Зуев Е.И. Непроцессуальная помощь сотрудника криминалистического подразделения следователю. М., 1975. – 39 с.



УДК 343.9



Фам За Хюи

Волгоградская академия МВД Российской Федерации

Факультет подготовки иностранных специалистов

Россия, Волгоград

huyphamhnbk@gmail.com

Pham Gia Huy

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Faculty of training foreign specialists

Russia, Volgograd

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ВЬЕТНАМА

Аннотация: судебно-медицинская экспертиза и судебная психиатрия являются чрезвычайно важными источниками доказательств для оценки и определения наличия или отсутствия преступных деяний, преступлений, характера и размера причиненного вреда, отягчающих и смягчающих обстоятельств для гражданской и уголовной ответственности, а также оснований для применения других необходимых мер.

Ключевые слова: судебно-медицинская экспертиза, судебная психиатрия, Вьетнам, преступник, уголовная ответственность, закон.

SOME DIFFICULTIES WITH FORENSIC EXAMINATION IN VIETNAM'S CRIMINAL PROCEDURES

Annotation: forensic medical examination and forensic psychiatry are extremely important sources of evidence for assessing and determining the presence or absence of criminal acts, crimes, the nature and extent of harm caused, aggravating and mitigating circumstances for civil and criminal liability, and grounds for the application of additional necessary measures.



Key words: forensic medical examination, forensic psychiatry, Vietnam, criminal, criminal liability, law.

Статья 207 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) 2015 года [1] о ходатайстве о проведении экспертизы является совершенно новой статьей по сравнению с УПК 2003 года [2]. В пункт 1 статьи 207 УПК 2015 г. гласит:

1. Заинтересованные стороны или их представители вправе обратиться в компетентный орган для истребования экспертизы по вопросам, связанным с их законными правами и интересами, за исключением случаев, когда экспертиза связана с определением уголовной ответственности обвиняемого. Орган, проводящий процедуру, рассматривает и принимает решение о проведении экспертизы в течение семи дней с момента получения письменного запроса. Если запрос на экспертизу будет отклонен, лицо, запрашивающее экспертизу, будет уведомлено в письменной форме с четким объяснением причины отказа. По истечении этого срока или с даты получения уведомления об отказе в проведении экспертизы органом, уполномоченным на проведение процедуры, лицо, запрашивающее проведение экспертизы, вправе самостоятельно запросить проведение экспертизы.

Важным новым пунктом настоящего Кодекса является предоставление привлекаемым лицам или их представителям права самостоятельно требовать проведения экспертизы от физических лиц или организаций после обращения в компетентный орган с просьбой о проведении процедуры запроса экспертизы без ее принятия. Это право предназначено для обеспечения того, чтобы вовлеченные стороны или их представители имели условия для сбора доказательств, чтобы защитить свои законные права и интересы в соответствии с положениями Закона о судебной экспертизе.

В настоящем Кодексе есть право требовать проведения экспертизы привлеченных лиц или их представителей, но он не определяет содержание письменного запроса на проведение экспертизы или процедуру запроса



экспертизы. В результате этот вопрос должен соответствовать положениям Закона о судебной экспертизе 2012 года [3].

В пункт 2 статьи 207 УПК 2015 г. гласит:

«Права и обязанности лица, ходатайствующего о проведении экспертизы, предусмотрены Законом о судебной оценке».

Статья 2 Закона о судебной экспертизе 2012 года устанавливает, что «лицом, ходатайствующим о проведении экспертизы, является лицо, имеющее право самостоятельно ходатайствовать о проведении экспертизы после обращения к органу, проводящему процедуру, или к лицу, проводящему процедуру, с просьбой о проведении экспертизы без ее принятия». Гражданские истцы, гражданские ответчики, лица, имеющие связанные с ними интересы и обязанности по уголовным делам, или их законные представители, за исключением случаев, когда ходатайство о проведении экспертизы относится к установлению уголовной ответственности обвиняемых или подсудимых, относятся к лицам, имеющим право требовать проведения экспертизы самостоятельно.

Хотя УПК 2015 не конкретизирует права и обязанности заявителя оценки, он ссылается на Закон о судебной оценке. Лицо, запрашивающее экспертизу, имеет следующие права и обязанности, согласно статье 22 Закона о судебной экспертизе 2012 года: 1. Лицо, ходатайствующее о проведении экспертизы, имеет право направить письменное заявление в орган, проводящий процедуру, или лицо, проводящее процедуру. Если орган, проводящий процедуру, или лицо, проводящее процедуру, не принимает запрос, он должен письменно уведомить лицо, запрашивающее проведение экспертизы, в течение семи дней. По истечении вышеуказанного срока или с даты получения уведомления об отказе от запроса на проведение экспертизы запрашивающий экспертизу вправе самостоятельно подать заявку на проведение экспертизы. 2. Лицо, ходатайствующее о проведении экспертизы, имеет следующие полномочия: а) ходатайствовать перед лицом или организацией, проводящими судебную



экспертизу, о возвращении заключения экспертизы в согласованный срок и в соответствии с запрошенным содержанием; б) ходатайствовать перед судом о вызове лица, проводящего судебную экспертизу, для участия в судебном заседании для разъяснения и представления заключения экспертизы; в) ходатайствовать перед лицом или организацией, проводящими судебную экспертизу. 3. Запрашивающий судебную экспертизу обязан: а) предоставлять информацию и документы, касающиеся предмета оценки, по требованию лица, проводящего оценку, и брать на себя ответственность за достоверность предоставленных им информации и документов; б) оперативно и полностью оплачивать расходы на оценку лицу или организации, проводящей оценку, после получения заключения об оценке. До вынесения судом решения о передаче дела в суд первой инстанции лицо, ходатайствующее о проведении экспертизы, имеет только право на ходатайство о проведении экспертизы.

Мы проанализировали изменения в положении УПК 2015 года, касающиеся требований к экспертизе, и обнаружили, что оно имеет следующие ограничения: В настоящем Кодексе отсутствуют положения об ответственности за рассмотрение и принятие решения о проведении экспертизы органами, назначенными для проведения различных следственных действий. Хотя предусмотрено, что вовлеченные стороны или их представители могут попросить орган, проводящий процедуру, провести экспертизу, этот Кодекс устанавливает только ответственность за рассмотрение и принятие решений о привлечении экспертизы, поскольку в нем нет положений об ответственности агентства, которому поручено провести ряд следственных действий (пункт 1, статья) [4, с.31].

Кроме того, существует несоответствие положений Закона о судебной экспертизе 2012 года (пункт 1 статьи 22) с положениями настоящего Кодекса (пункт 1 статьи 207). В случаях, когда экспертиза связана с установлением уголовной ответственности обвиняемого, статья 207 настоящего Кодекса ограничивает право лица требовать проведения экспертизы участвующих



сторон или их представителей. Тем не менее, статья 22 Закона «О судебной экспертизе» ограничивает это право участвующих сторон или их представителей только в случаях, когда экспертиза касается определения уголовной ответственности подсудимых или обвиняемых; это не касается арестованных или лиц, содержащихся под стражей.

Впоследствии эта деятельность в основном способствовала росту своей роли. Однако практика рассмотрения уголовных дел, судебно-криминалистическая (судебно-психиатрическая) деятельность, способ применения и эффективность вымогательства и использования результатов этой дополнительной деятельности в уголовном судопроизводстве также выявили ограничения и недостатки со стороны многих заинтересованных сторон, которые более или менее влияют на качество судебной работы.

Во-первых, необходимо знать, это основание запроса на экспертизу, полномочия и срок его рассмотрения.

В соответствии со статьей 155 УПК 2015 г., орган, осуществляющий процедуру, может принять решение о проведении экспертизы при наличии вопросов, указанных в пункте 3 настоящей статьи, таких как причина смерти, характер травмы, степень повреждения здоровья или трудоспособности; психическое состояние обвиняемого, подсудимого, свидетелей, потерпевших; и возраст обвиняемого, подсудимого, свидетелей, потерпевших.

В соответствии с вышеупомянутой статьей суд может принять решение о проведении экспертизы психического состояния подсудимых и обвиняемых только в случае, если психические проявления и подозрения, которые возникают на стадии подготовки к судебному разбирательству, могут повлиять на их способность нести уголовную ответственность.

Во всех остальных случаях Суд должен вернуть досье для дополнительного расследования.

Тем не менее, на самом деле во всех показаниях обвиняемого в ходе следствия были заметны симптомы психического состояния необычного



декларанта с параноидальным содержанием. В соответствии с пунктом 3 статьи 155 УПК Следственный орган или Прокуратура должны были провести запрос об оценке в период расследования, когда возникло подозрение о психическом состоянии обвиняемого, влияющем на его дееспособность к уголовной ответственности [5, с.22]. Однако вместо этого Следственный орган получил только запись операции обвиняемого в населенном пункте, предоставленную Главой села, а также запись показаний обвиняемого.

В соответствии с Законом о судебной оценке Министерство юстиции составляет и публикует список судебных ассессоров и судебных ассессоров в соответствии с делом; однако министр, руководитель ведомства на уровне министерства и председатель Народного суда имеют полномочия назначать частных ассессоров, что привело к этой ошибке. После назначения список оценщиков не подлежит своевременному опубликованию и направлению в органы, ведущие производство.

С другой стороны, Минюст имеет право опубликовать список судебных ассессоров и судебных ассессоров по делу на своем веб-сайте, поскольку закон не определяет, как это должно быть сделано. Иногда публикация публикуется в виде текста, а не правительственного вестника, поэтому лицо не является оценщиком, а юридический оценщик все еще находится в процессе оценки и делает заключение об оценке [6].

Во-вторых, о запрашиваемой организации экспертизы.

Инженерно-криминальный отдел провинциального департамента полиции отвечает только за проведение судебно-медицинской экспертизы (определение причины смерти) в соответствии с положениями Закона о судебной экспертизе (вступил в силу с 1 января 2013 года) и Постановления правительства № 85/2013/ND-CP от 29 июля 2013 года, которые подробно описывают и применяют правила Закона о судебной экспертизе.



Однако, в частности, все еще существуют случаи, когда орган, проводящий процедуру, просит эту организацию оценить характер травмы не в соответствии с законом.

В-третьих, по форме заключения эксперта

Экспертиза не может быть использована в качестве доказательства в уголовном процессе, если она не соответствует организационным требованиям.

В Законе о судебной экспертизе (ранее Постановлении о судебной экспертизе) существует только два вида оценки: «индивидуальная оценка» и «коллективная оценка» в случае первоначальной, дополнительной и повторной экспертизы (статьи 28 и 29 Закона о судебной экспертизе; статьи 31, 32 и 33 Постановления о судебной экспертизе).

Для проведения «второй повторной экспертизы» в случае противоречия между первым экспертным заключением и заключением повторной экспертизы по одному и тому же вопросу министром или руководителем ведомства министерского уровня (статья 30 Закона о судебной экспертизе; пункт 2 статьи 33 Постановления о судебной экспертизе).

Тем не менее, письменное заключение первой судебно-психиатрической экспертизы, которое все еще существует, несмотря на то, что оно проводится «Судебно-экспертным советом» областного центра судебной психиатрии, не соответствует правилам и не является формальным. Следовательно, оно не считается законным источником доказательств и не может использоваться в уголовном судопроизводстве [7, с.13].

Спор о правовой ценности этого источника доказательств состоит в том, что в некоторых случаях организация оценки использует депешу вместо заключения об оценке, чтобы ответить исполнительному агентству о содержании запроса. Это несмотря на то, что закон определяет форму и содержание заключения об оценке.



В-четвертых, что касается содержания заключений экспертизы, органы, проводящие процедуру, должны уважать профессиональные заключения экспертных организаций, которые были запрошены.

Однако закон позволяет запрашивающему органу запросить у эксперта объяснение или запросить дополнительную экспертизу или повторную экспертизу, если это необходимо, если в экспертных заключениях есть неясные, необоснованные или противоречивые вопросы.

Таким образом, при рассмотрении и оценке результатов судебно-медицинской экспертизы, также известной как судебно-психиатрическая экспертиза, учреждения и лица, осуществляющие производство, должны быть чрезвычайно осторожными, объективными, всесторонними и логически обоснованными. Как и в некоторых из следующих случаев, достоверность результатов экспертизы по некоторым недавним уголовным делам не гарантирована:

По словам свидетеля в умышленном убийстве пострадавший был порезан человеком с мечом и несколькими другими людьми с кирпичами на голове.

Судебно-медицинская экспертиза заключила только в том, что травма, полученная потерпевшим, была вызвана острыми предметами. Таким образом, общая невидимость исключила возможность того, что некоторые лица использовали кирпичи для избияния потерпевшего, чтобы причинить ему травму.

Тем не менее, как указано в заключении оценки выше, «рана, а также хирургическая рана не могут быть проверены» при осмотре повреждений, поскольку пострадавший закрыт.

Таким образом, вывод о том, что жертвы получили травмы, причиненные только ударами острыми предметами, является необоснованным и неполным, что мешает полноценной оценке дела.

- Один подсудимый подозревается в психических расстройствах и запрашивается на экспертизу в два разных момента. Это относится к двум



умышленным преступлениям, причиняющим травмы одинакового характера и степени.

В двух заключениях экспертизы, проведенных одной и той же экспертной организацией, было обнаружено, что ответчик страдал психическим заболеванием типа «Серьезное расстройство личности» с одинаковым кодом по международной классификации заболеваний. Клинические проявления, наблюдаемые во время обоих обследований, были идентичными [8, с.23].

Тем не менее, первый результат оценки показал, что «когда пациент совершает преступление, он не теряет сознание», но следующий результат оценки показал, что «при совершении преступления пациент ограничивает свои когнитивные способности и способность контролировать свое поведение».

В-пятых, относительно стандартов судебной экспертизы.

Совместный циркуляр No 12 – TTLB от 26 июля 1995 года Министерства здравоохранения, труда и инвалидов и социальных дел регулирует новые нормы травматизма и заболеваемости. Это единственный правовой документ, применяемый организациями судебной экспертизы для определения характера травмы, степени повреждения здоровья или трудоспособности (травматизм, потеря трудоспособности) в уголовном судопроизводстве.

Этот Циркуляр выявил много недостатков, которые не были оперативно исправлены или дополнены по сравнению с практическими требованиями.

Как пример: Таблица правил о стандартах травматизма, опубликованная вместе с циркуляром, используемым для первоначальной оценки и повторной экспертизы, относится к следующим лицам: инвалиды войны; бенефициары политики, такие как инвалиды войны; люди с заслуженными заслугами перед революцией; работники, пострадавшие в результате несчастных случаев на производстве; и другие работники в целом в обществе, получившие ранения или травмы в результате несчастных случаев. По сравнению с этим правилом большинство дел направляются на судебно-медицинскую экспертизу, чтобы



определить, что текущий уровень травматизма в уголовном судопроизводстве не подлежит изменению вышеуказанного циркуляра.

В связи с вышеупомянутыми вопросами, вытекающими из практических требований, судебно-процессуальные органы и экспертные организации должны в ближайшее время разработать положения, которые помогут им координировать свои действия в отношении применения единого законодательства при определении оснований, компетенции и времени истребования судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве.

Согласовать основание оценки, определить результаты экспертизы, стандартизировать основы экспертных заключений, свести к минимуму противоречия между экспертными организациями и экспертами по тем же вопросам, подлежащим экспертизе.

В то же время регулярно проводятся семинары, семинары и резюме по судебной экспертизе в уголовном процессе для оперативной оценки, извлечения опыта и повышения эффективности при преодолении недостатков и ограничений, связанных с этим.

В настоящее время законодательные документы по судебной экспертизе регулярно корректируются, вносятся изменения, добавляются и создаются новые, чтобы соответствовать требованиям практики и требованиям судебной реформы.

Судебная экспертиза имеет решающее значение при рассмотрении уголовных дел. Многие уголовные дела об осмотре и оценке помогают устранить узлы при оценке преступных действий, характера, масштабов и последствий правонарушений. Запрос на оценку должен соответствовать довольно строгому процессу. В определенных ситуациях тестирование оценки также может быть дополнено, переоценено или вызвано для уточнения результатов оценки оценщика.

Список литературы:



1. Bộ luật Tố tụng hình sự nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam, số: 101/2015/QH13 ngày 27.11.2015 /Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам №101/2015/QH13 27 ноября 2015 г. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Trach-nhiem-hinh-su/Bo-luat-to-tung-hinh-su-2015-296884.aspx> (Дата обращения: 30.01.2024)

2. Bộ luật Tố tụng hình sự nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam, số: 19/2003/QH11, ngày 26.11.2003/Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам №19/2003/QH11, 26 ноября 2003 года. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Trach-nhiem-hinh-su/Bo-luat-To-tung-Hinh-su-2003-19-2003-QH11-51701.aspx> (Дата обращения: 30.01.2024)

3. Luật số 13/2012/QH13: Luật giám định tư pháp ngày 20 tháng 6 năm 2012 của Quốc hội/ Закон № 13/2012/QH13: Закон Национальной ассамблеи «О судебной экспертизе» от 20 июня 2012 г., URL: <https://vanban.chinhphu.vn/default.aspx?pageid=27160&docid=163068> (Дата обращения: 01.02.2024)

4. Hà Việt Hoàn, Quy định về kết luận giám định tư pháp và thực tiễn khởi tố, điều tra, truy tố và xét xử vụ án hình sự, Tạp chí Tòa án nhân dân, số 05/2022, tr.31./ Ха Вьет Хоан, Положение о заключениях судебной экспертизы и практике преследования, расследования, преследования и вынесения решений по уголовным делам, Журнал «Народный суд», № 05/2022, с.31.

5. Nguyễn Cao Cường, Quy định mới của BLTTHS năm 2015 về yêu cầu giám định, Tạp chí Kiểm sát, số 05/2018, tr.22./ Нгуен Као Куонг, Новые положения Уголовно-процессуального кодекса 2015 года о требованиях к оценке, Журнал «Прокуратура», № 05/2018, с. 22.

6. Những quy định của pháp luật về giám định tư pháp. [электронный ресурс] URL: <https://stp.thuathienhue.gov.vn/?gd=26&cn=696&tc=6408> (Дата обращения: 30.01.2024).

7. Phạm Văn Tuấn, Quy định về giám định tư pháp và kiến nghị hoàn thiện, Tạp chí Kiểm sát, số 09/2019, tr.13./ Фам Ван Туан, Положение о судебной



экспертизе и рекомендации по совершенствованию, Журнал «Прокуратура», № 09/2019, с.13.

8. Nguyễn Thị Yến Hoa, Bàn về công tác giám định tư pháp, Tạp chí Luật sư Việt Nam, số 06/2023, tr.23./ Нгуен Тхи Йен Хоа, Обсуждение судебной оценочной работы, Журнал «Юристы Вьетнама», № 06/2023, с.23.



УДК 343.1



Фам Ньы Хан

Академия народной безопасности Вьетнама

Кафедра профессиональных основ

Вьетнам, Ханой

nik.fam.89@mail.ru

Pham Nhu Han

People's Security Academy

Department of Professional Fundamentals

Vietnam, Hanoi

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РАССЛЕДОВАНИЙ ДЛЯ РАЗРЕШЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С КОРРУПЦИЕЙ ВО ВЬЕТНАМЕ

Аннотация: основная тема статьи заключается в анализе и оценке практики применения положений Уголовно-процессуального кодекса, касающихся специальных мер процессуального расследования, применяемых к преступлениям, связанным с коррупцией. Цель статьи состоит в том, чтобы в будущем улучшить уголовно-процессуальное законодательство Вьетнама и повысить его эффективность.

Ключевые слова: расследование, коррупционное преступление, преступник, специальная мера процессуального расследования, дело, обвинение.

USING SPECIAL PROCEDURAL INVESTIGATIONS TO RESOLVE CORRUPTION-RELATED CRIMINAL CASES IN VIETNAM

Annotation: an analysis and evaluation of the practice of implementing the provisions of the Criminal Procedure Code on special procedural investigation measures applied to corruption crimes is the primary focus of this article. The article's



objective is to improve the criminal procedure law and the effectiveness of these measures in Vietnam in the future.

Key words: investigation, corruption crime, criminal, special procedural investigation measure, case, prosecution.

1. Provisions of the 2015 Criminal Procedure Code (amended and supplemented in 2021) on special procedural investigation measures

Procedure investigative measures are new laws in the 2015 Criminal Procedure Code (further - CPrC). When used in practice, this is a measure that has the common features of criminal case investigation but also has its unique qualities expressed in the "secret" nature. Special procedural investigative procedures include: covert audio and video recording; secret telephone conversations; and secret electronic data collecting, according to Article 223 of the 2015 CPrC. These safeguards enable the capture of high-resolution photos, high-quality audio, and other information and documents while maintaining anonymity with the intended audience and unrelated individuals. Information and documents gathered via the use of special procedural investigative techniques may be used to resolve the case. Special procedural investigative methods are used exclusively when investigating “crimes of infringement on national security, drug crimes, crimes of corruption, terrorism, money laundering, and other organized crimes in the category of particularly serious crimes” [1]. These are closely organized crimes, methods and tricks for committing crimes and concealing sophisticated and cunning crimes, subjects who are frequently stubborn, opposed to the end, lack of cooperation with procedural agencies, resulting in normal procedural investigation measures that are ineffective or inefficient.

However, since specific procedural investigative procedures connected to people' right to privacy cannot be used arbitrarily, Article 225 of the 2015 CPrC imposes rather strong limits on the power to use. As a result, the topics include: Heads of provincial-level investigating bodies, heads of military investigation bodies of military zone or higher have the authority to issue decisions to apply special



procedural investigation measures on their own or at the request of the Chairperson of the provincial-level People's Procuracy, the Chairperson of the military zone-level military procuracy. The decision to use the special procedural investigation measure must clearly state the necessary information about the object to be used, the name of the measure to be used, the time limit and location of application, the agency implementing the special procedural investigation measure, and the contents specified in Clause 2, Article 132 of the 2015 CPRC, heads of investigating bodies, heads of competent procuracies, and those who carry out decisions to employ special procedural inquiry methods must remain anonymous. [2, c.21].

The time restriction for using the special process for investigation should not exceed two months from the date of approval by the Procuracy Chairperson. Special procedural investigation measures only apply during the investigation stage and after the commencement of a case, thus if a difficult case needs time to continue gathering documents and evidences, the investigation time restriction may be extended but not exceeded [3, c.17]. If the head of the investigating body that issued the application decision believes it is necessary to extend the time limit for the application of special procedural investigation measures, he or she must send a written request to the chairperson of the procuracy that approved the consideration and decision on the extension at least 10 days before the expiry of the time limit.

Information and documents gathered from special procedural investigation measures relating to individuals' privacy, so the procedure-conducting agency and the enforcement agency must analyze, evaluate, and select valuable information and documents to prove the crime, the offender, track down accomplices, prevent the offender from fleeing, trace the offender's property... and use it as evidence for the initiation, investigation, prosecution, and trial of the crime. Information and documents unrelated to the case must be destroyed as soon as possible; the use of information, documents, and evidence gathered for other reasons is absolutely banned [4].



When it is no longer necessary to apply for special procedural investigation measures, there is a violation in their implementation, or there is a written request from the Head of a competent investigating authority, the chairperson of the same-level procuracy shall cancel the special procedural investigation measures [5, c.20]. When a district-level investigation agency or regional military investigation agency accepts the application of special procedural investigation measures and wishes to cancel them, it must send a written request to the head of the provincial-level investigation agency or military zone-level military investigation agency, who must then request the chief procurator of the same-level investigation agency.

2. Practices and restrictions in the use of special procedural investigative methods in corruption cases

The condition of corruption crime has remained difficult over time, with a rising scope in numerous professions, branches, and levels. According to the Criminal Investigation Police Department's evaluation report on corruption, economy, and smuggling, the most corrupt locations are: Capital construction investment, public asset management, finance, banking, home and land use management, land clearing, and environmental resources are some of the services offered. Corruption offenses have happened in the domains of education, health, and public policy in recent years. The investigation findings of investigative agencies at all levels of the People's Public Security Forces represent the condition of corruption offenses. The investigating bodies at all levels of the People's Public Security Forces have worked closely with the People's Procuracy and civil judgment enforcement agencies to take steps to close down and freeze accounts, as well as ask that transactions involving assets (especially real estate) connected to corruption cases be put on hold. This is all done to make sure that corrupt assets are returned.

As a consequence, in recent years, the recovery of corrupt assets has yielded notable successes, such as: The Office of the Investigation Police Agency seized about VND 5,500 billion, USD 700,000, and several other assets; implemented actions to distrain assets including 50.5 tons of steel, 6 land plots, and 04 projects in



Da Nang; and froze a VND 250 billion account. They has taken procedures to confiscate, seize, distraint, and freeze accounts worth VND 14,821.4 billion, USD 3.2 million, other assets worth VND 32,521.9 billion, and numerous more assets whose value is unknown. The Investigation Security Agency retrieved VND 725 billion and identified 44 properties [6]. Many instances, in particular, creating especially catastrophic repercussions due to the quantity of theft and massive damage, have shown the Party's and the State's dedication in the battle against corruption.

Furthermore, the investigation of corruption charges is subject to certain limits, which include: The pace of investigating very significant corruption cases that are of public interest remains sluggish; Most severe and particularly severe situations are identified by verifying the source of public complaints and conducting inspections and examinations. The procedural records exhibit a low level of quality, resulting in numerous cases requiring additional investigation files and multiple reinvestigations that can span over several years. Notably, there are instances where cases have remained unresolved for over a decade [7]. Moreover, many accused individuals and defendants experience suspension from investigation or are compelled to alter their charges during the prosecution process. The scope of asset recovery in corruption cases remains restricted and has not yet reached the level necessary to generate significant public outcry. The aforementioned limitations have multiple causes, but a significant factor contributing to these limitations is the insufficiency of legal provisions, resulting in a diminished effectiveness in combating corruption and recovering assets related to corrupt activities. Specifically:

Firstly, according to the 2015 CPrC, and in theory, procedural investigation measures should be implemented when the decision to initiate a criminal case is made and should continue until the investigation period is over. Nevertheless, using this technique from the outset of the case has challenges in meeting the investigative criteria for this particular offense. The low efficacy of implementing this technique after the commencement of the criminal case is primarily attributed to the attributes of the corrupt offender. It becomes challenging to gather evidence to substantiate the



corruption offense as well as to detect and recover corrupt assets. Consequently, employing specific investigative procedures prior to the commencement of a criminal case to gather information through interactions and solicitations and subsequently combining this information with other evidentiary documents can serve as compelling evidence to establish the commission of a crime. Employing this approach can significantly enhance efforts to combat corruption and ascertain the origin of assets that must be reclaimed.

Secondly, to guarantee that information and documents obtained through special procedural investigation methods are utilized solely for their intended purposes as specified in the decision to employ them, the CrPC 2015 mandates the following: Information and documents acquired through special procedural investigation measures may exclusively be employed for the commencement, inquiry, prosecution, and adjudication of criminal cases; any information and documents unrelated to the case must be promptly eradicated. Utilizing information, papers, and evidence gathered for alternative objectives is explicitly prohibited [8]. Nevertheless, the authors argue that the law stipulating the timely destruction of information and documents unrelated to the case, as outlined in Clause 1, Article 227 of the 2015 CrPC, is too inflexible. Some cases may indeed include information and documents gathered via special procedural investigative procedures that are not directly relevant to the current inquiry, but are still connected and have tangible significance for other criminal cases. Consequently, if compelled to obliterate, it will impede the detection and substantiation of crimes, resulting in the loss of evidence and documents.

Thirdly, the competence to decide on exceptional procedural investigative measures is mandated for the heads of provincial-level investigating bodies under the requirements of Article 225 of the 2015 CrPC. If the matter is being investigated by a district-level investigating body, the heads of district-level investigating bodies who want to use special procedural investigative measures must first request that the heads of provincial-level investigating bodies evaluate and determine whether to use them. In effect, this clause will make the urgency of the evidence-gathering procedure for



the corruption case more difficult. Because the request took many days to be approved, the subject was able to scatter papers or discreetly transfer assets to others in order to protect the quantity of assets obtained by the crime.

Fourthly, Article 223 of the 2015 CPrC only documented three procedural investigative procedures, namely secret audio and video recordings, secret phone conversations, and secret electronic data collecting. At the same time, the crime of corruption is one of the circumstances where special procedural investigative procedures may be used, pursuant to Clause 1, Article 224 of the 2015 CPrC. This clause stems from the definition of corruption as a crime. This is one of the most difficult crimes to investigate since it is essentially a hidden crime involving just two pleased persons. When there is no contradiction, there is no need to expose the truth. Furthermore, the person who conducts corruption offenses often employs criminal techniques, such as methods to conceal and remove evidence of exceedingly advanced illegal acts [8]. They also have the ability to silence individuals implicated by intimidation, even violence, in order to influence any inquiry.

3. Suggestions for enhancement

To effectively address challenges and hurdles in investigating corruption offenses, it is crucial to execute many solutions in a synchronized manner. The following solutions should be prioritized:

First and foremost, the investigation of corruption cases should be under the direct, absolute, and comprehensive supervision and control of Party committees at all levels. Conducting investigations into corruption cases is a very challenging and laborious endeavor, particularly during the pre-prosecution phase. The gathering of documents, compilation of evidence, and initial verification process have significant importance. Indeed, pursuing a very grave corruption case is quite challenging. To ensure a successful investigation into corruption charges, it is crucial for the investigating agency to gather enough evidence and seek assistance from relevant committees and local authorities.



Throughout the inquiry, investigators must actively collaborate with procurators and assessors to efficiently gather documents, compile compelling evidence, and enhance the overall quality of the case files. The investigation demonstrates that by diligently consolidating records and evidentiary documents, thoroughly examining the case, avoiding the need for further investigation and suspension of the accused and defendants, and fully implementing legal measures to seize and trace corrupt money and assets, the recovery of corrupt assets will be significantly more efficient. In order to uphold the principles of judicial reform, it is essential for investigators to provide conducive circumstances that enable attorneys to fully exercise their right to defense. They should refrain from creating obstacles or impeding the work of competent lawyers, and instead, guarantee the right to defense for both the accused and defendants involved in criminal proceedings. In the future, the investigator must further provide arguments in court to support the findings of their inquiry.

Second, it is advisable to revise and include the following clauses in the 2015 CPrC in order to streamline the investigation of corruption offenses:

- Modifying and enhancing the commencement time for the implementation of procedural investigation measures, particularly upon receipt of crime reports or recommendations for the initiation of criminal proceedings, when authorities have identified indications of crimes as stipulated in Article 223 of the CPrC in 2015.

- The 2015 CPrC grants the power to implement exceptional procedural investigative measures to the heads of district-level investigating bodies without requiring consultation, as stated in Clause 1, Article 225. Nevertheless, it is imperative to notify the director of the provincial investigative agency.

- Introducing exemptions to the regulations stated in Clause 1, Article 227 of the CPrC of 2015 (revised and updated in 2021). More precisely, any information and documents obtained by special investigative methods that are not relevant to the current case must be swiftly eliminated, unless they pertain to previous cases [9, с.39].



Third, the Ministry of Public Security should thoroughly evaluate and revise, supplement, or create a new document that establishes a coordination mechanism between the investigating agency and the specialized reconnaissance force for the implementation of special procedural investigation measures. This is to ensure strict adherence to the pertinent regulations outlined in the CPrC of 2015.

Fourth, provide professional training and expertise in the field of corruption investigation, including the use of specialized procedural investigative techniques for investigators. In order to effectively discover, preserve, and present evidence during legal procedures, it is essential for investigators to possess specialized and widely applicable legal and accounting skills and expertise due to the wide range of corruption offenses that exist. Providing training to investigators on the techniques required to handle corruption, particularly in cases of large-scale corruption crimes and corruption involving former high-ranking officials, as well as investigations and legal proceedings related to tracing, blocking, seizing, and confiscating assets in corruption cases, poses a unique challenge for law enforcement agencies in developing nations.

Список литературы:

1. Bộ luật Tố tụng hình sự nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam, số: 101/2015/QH13 ngày 27.11.2015 /Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам №101/2015/QH13 27 ноября 2015 г. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Trach-nhiem-hinh-su/Bo-luat-to-tung-hinh-su-2015-296884.aspx> (Дата обращения: 30.01.2024)

2. Hoàng Thị Hiền, Biện pháp điều tra tố tụng đặc biệt theo quy định của Bộ luật Tố tụng hình sự năm 2015, Tạp chí Dân chủ và Pháp luật Kỳ 1 (Số 382), 2023, tr.21./ Хоанг Тхи Хиен, Специальные процессуальные меры расследования в соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса 2015 года, Журнал «Демократия и право», Том 1 (№ 382), 2023, с.21.



3. Phạm Minh Tuyên, Một số ý kiến về biện pháp điều tra tố tụng đặc biệt quy định trong bộ luật tố tụng hình sự năm 2015, Tạp chí Khoa học kiểm sát, số 6, 2019, tr.17./ Фам Минь Туен, Некоторые мнения о специальных следственных и процессуальных мерах, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом 2015 года, Журнал прокуратуры, № 6, 2019, с.17.

4. Nguyễn Văn Tùng, Hoàn thiện quy định về biện pháp điều tra tố tụng đặc biệt, [электронный ресурс], URL: <https://kiemsat.vn/hoan-thien-quy-dinh-ve-bien-phap-dieu-tra-to-tung-dac-biet-63959.html> (Дата обращения: 30.01.2024)

5. Phạm Thanh Tú, Chế định các biện pháp điều tra đặc biệt trong Bộ Luật tố tụng hình sự 2015: một số vấn đề lý luận và thực tiễn, Tạp chí Công Thương, số 23, 2021, tr.20./ Фам Тхань Ту, Регулирование специальных следственных мероприятий в УПК 2015 года: некоторые теоретические и практические вопросы, Журнал «Промышленность и торговля», № 23, 2021, с.20.

7. Lê Tiến Sinh, Nguyễn Văn Hiếu, Biện pháp điều tra tài chính trong đấu tranh phòng, chống tham nhũng và khuyến nghị cho Việt Nam. [электронный ресурс], URL: <https://kiemsat.vn/bien-phap-dieu-tra-tai-chinh-trong-dau-tranh-phong-chong-tham-nhung-va-khuyen-nghi-cho-viet-nam-64801.html> (Дата обращения: 30.01.2024)

6. Báo cáo công tác phòng, chống tham nhũng của Bộ Kế hoạch và Đầu tư năm 2019. URL: <https://www.mpi.gov.vn/portal/Pages/2020/Bao-cao-cong-tac-phong-chong-tham-nhung-cua-Bo-Ke--859641.aspx> (Дата обращения: 30.01.2024)

8. Đỗ Văn Dương, Cho phép nghe lén điện thoại để “tóm” tội phạm tham nhũng?, <https://dantri.com.vn/xa-hoi/cho-phep-nghe-len-dien-thoai-de-tom-toi-pham-tham-nhung-20151106072428082.htm>. (Дата обращения: 30.01.2024)

9. Vương Hồng Phúc, Cơ sở pháp lý điều tra vụ án tham nhũng của Cơ quan An ninh điều tra Công an nhân dân, Tạp chí Dân chủ và Pháp luật Số 374, 2023, tr.39./ Вьонг Хонг Фук, Правовая основа расследования случаев коррупции Народного агентства общественной безопасности по расследованию, Журнал демократии и права № 374, 2023 г., с.39.



Яковчук Татьяна Валентиновна

Российский государственный университет правосудия

Крымский филиал

Кафедра общеобразовательных дисциплин

Россия, Симферополь

yakovchuk_tanya@mail.ru

Бесельман Илона Владимировна

Российский государственный университет правосудия

Крымский филиал

Факультет подготовки специалистов для судебной системы

(юридический факультет)

Россия, Симферополь

ilonabeselman@mail.ru

Yakovchuk Tatiana

The Crimean branch

The Russian State University of Justice

Department of General Education Disciplines

Russia, Simferopol

Beselman Ilona

The Crimean branch

The Russian State University of Justice

Faculty of Training Specialists for the Judicial system

(Faculty of Law)

Russia, Simferopol

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ДОПИНГА В СПОРТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА
СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: КОМПЛЕКСНЫЙ АСПЕКТ**



Аннотация: статья раскрывает теоретико-правовые основы и практические закономерности регулирования антидопинговой деятельности в отечественном трудовом, административном и уголовном законе. Научная работа посвящена комплексному исследованию противодействия использованию допинга в спорте. Данный подход позволяет определить круг деяний, представляющих собой общественную опасность, и требующих надлежащей квалификации и правовой оценки отраслями национального права в соответствии характерными особенностями их предмета и метода регулирования.

Ключевые слова: трудовой договор, административно-деликтная сфера, уголовный закон, антидопинговое законодательство, субстанция и метод, физическая культура и спорт.

THE LEGAL BASIS FOR COUNTERING THE USE OF DOPING IN SPORTS IN THE RUSSIAN FEDERATION AT THE PRESENT STAGE: THE COMPLEX ASPECT

Annotation: the article reveals the theoretical and legal foundations and practical patterns of regulation of anti-doping activities in the domestic labor, administrative and criminal law. The scientific work is devoted to a comprehensive study of countering the use of doping in sports. This approach makes it possible to determine the range of acts that pose a public danger and require proper qualification and legal assessment by branches of national law in accordance with the characteristic features of their subject and method of regulation.

Key words: employment contract, administrative and tort sphere, criminal law, anti-doping legislation, substance and method, physical education and sports.

Спорт выступает элементом здорового образа жизни, институтом, удовлетворяющий ряд важнейших человеческих потребностей, в том числе и в физической, и психологической защите человека [14, с. 1099]. Однако исследование сущности и значения допинга, как запрещенного вещества и



метода в профессиональной спортивной деятельности, аспектов противодействия использованию допинга [10], коррупционной составляющей в изучаемой сфере [8] и т.д. играют преимущественную роль для нормального функционирования правовой системы Российской Федерации (далее – РФ или Россия) и, конечно же, обладают высокой актуальностью.

На сегодняшний день Россия, в лице властного субъекта, все больше уделяет внимание физической культуре и спорту, а именно антидопинговой политике. Наибольшее значение отводится преодолению кризиса системы контроля по борьбе с допингом, однако государственные меры, имеющие целью оказать определенное воздействие на профессиональный спорт в рамках его развития для превенции и профилактики распространения запрещенных веществ и методов, так же занимают особое место и требуют незамедлительного регулирования.

Соответственно, вопрос о сущности допинга имеет большое теоретическое и практическое значение, а, следовательно, теоретико-правовые и практические основы противодействия его использованию в спорте. Следует отметить, что допинг относится к базовым категориям не только социально-политических проблем, но правовых. Для современной России проблема допинга является одной из наиболее актуальных направлений превенции правонарушений, в частности, административных [9, с. 68].

Подчеркнем, что проблема допинга изучается давно, с каждым годом назревает и требует своего решения. Несмотря на то, что из года в год исследуемая тема проявляется в различных аспектах, например, в организационных и социально-педагогических особенностях борьбы (Гончарова Е.К.) [11], в «антидопинговом образовании» (Солдатенков Ф.Н.) [12], в педагогической профилактике нарушений антидопинговых правил (Бадрак К.А.) [6], в субъектах, способных оказать воздействие на применение допинга и непосредственно принимающих допинг, в специфике реализации, в причинах проявления и т.д., актуальность остается на высоком уровне.



Довольно мало правоведов затрагивают изучение определения понятия «допинг» с точки зрения юридической квалификаций действий за его применение, а именно от понимания данного явления зависит правильная и объективная правовая оценка действий того или иного субъекта правоотношений.

Касаемо нормативно-правовых основ противодействия использованию допинга в спорте отметим, что в статье 26 Федеральный закон от 4 декабря 2007г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (далее – «Закон о спорте») регламентируются все виды нарушений антидопингового правила и устанавливаются обязанности Общероссийской антидопинговой организации (РУСАДА), а также предусматриваются меры по предотвращению вмешательства в результаты официальных спортивных соревнований [4].

Перечень допинговых средств и методов утверждается федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным Правительством Российской Федерации (в настоящее время – Министерство спорта РФ).

Так, Общероссийские антидопинговые правила, утвержденные Министерством спорта РФ от 24 июня 2021 г., № 464, направлены на защиту здоровья спортсменов и предоставление им возможности стремиться к достижению высокого мастерства без использования запрещенных субстанций и (или) методов, а также на поддержание целостности спорта в части уважения к правилам, соперникам, честной борьбе, равным условиям и ценностям чистого спорта для всего мира [5].

Правовые основы противодействия использованию допинга в спорте в Российской Федерации на современном этапе регламентируются нормами трудового, административного и уголовного права. Также можно говорить о формировании комплексной отрасли – международного спортивного права.

Статьей 348.2 Трудового кодекса Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (далее – ТК РФ) предусматривается [2], что кроме условий,



установленных статьей 57 ТК РФ, обязательными условиями трудовых договоров, заключаемых со спортсменами, являются:

1. обязанность спортсмена соблюдать общероссийские антидопинговые правила и антидопинговые правила, утвержденные международными антидопинговыми организациями, проходить допинг-контроль;

2. обязанность спортсмена предоставлять информацию о своем местонахождении в соответствии с общероссийскими антидопинговыми правилами для проведения допинг-контроля.

Тогда, за нарушение данных обязанностей, возложенных на спортсмена или тренера трудовым договором, применяется дисциплинарная ответственность. На спортсменов и тренеров распространяется общий порядок применения к работникам дисциплинарных взысканий, предусмотренный статьей 193 ТК РФ.

Кроме того, нарушение спортсменом антидопинговых правил (статья 348.11 ТК РФ) и нарушение тренером антидопинговых правил (статья 348.11-1) являются основаниями прекращения трудового договора как со спортсменом, так и с тренером [7, с. 268].

Так же на сегодняшний день существуют составы об административных правонарушениях, содержащиеся в статье 6.18 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее – КоАП РФ) [1].

Проанализируем применение статьи 6.18 КоАП с точки зрения статистики [15]. Например, за 2021 год судами общей юрисдикции по обозначенной статье за отчетный период определено 66 дел, проанализировано 66 дел, 29 лиц привлечены к административной ответственности. Вынесено 29 административных штрафов и 0 дисквалификаций.

За 2022 год судами общей юрисдикции по обозначенной статье за отчетный период определено 98 дел, проанализировано 97 дел, 50 лиц



привлечены к административной ответственности. Вынесено 50 административных штрафов и 0 дисквалификаций.

За 1 полугодие 2023 года судами общей юрисдикции по обозначенной статье за отчетный период определено 48 дел, проанализировано 43 дела, 18 лиц привлечены к административной ответственности. Вынесено 18 административных штрафов и 0 дисквалификаций.

Статистические данные иллюстрируют административно-деликтную ситуацию, связанную с правонарушениями в области физической культуры и спорта, особенно в вопросах допинга. Очевидно, что основная проблема заключается в отсутствии эффективной санкции для таких нарушений.

В этой связи, неоднократно, рекомендовали дополнить административное наказание дисквалификацией для лиц, не соблюдающих требования законодательства о физической культуре и спорте в области борьбы с допингом. Это предотвратит возможные нарушения в спорте и укрепит борьбу с допингом [10, с. 529].

В области уголовно-правового регулирования законодатель предусматривает ответственность за склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте (статья 230.1 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее – УК РФ)) и за использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте (статья 230.2 УК РФ) [3].

Статистические данные демонстрируют следующую ситуацию [16]. С учетом статьей 228-234.1 УК РФ:

- за 2021 год всего осуждено 75 647 лиц, например, лишению свободы подвергнуто 28 272 лица, штрафу (основное наказание) – 13 025 лиц;

- за 2022 год всего осуждено 74 567 лиц, например, лишению свободы подвергнуто 29 723 лица, штрафу (основное наказание) – 12 304 лица;



- за 1 полугодие 2023 года всего осуждено 35 119 лиц, например, лишению свободы подвергнуто 14 443 лица, штрафу (основное наказание) – 6 150 лиц.

В результате проведенного теоретического и практического исследования можно сделать вывод о заметном снижении уровня преступности в изучаемой сфере. Анализ предоставленной статистики позволяет утверждать, что количество совершаемых преступлений уменьшилось в сравнении с предыдущими периодами. Это является показателем эффективности принятых правоохранительными органами мер по предотвращению преступности.

Однако, несмотря на положительные результаты, необходимо учитывать латентный характер деяний при раскрытии преступлений. Это означает, что не все правонарушения и преступления могут быть обнаружены и учтены в официальной статистике. Часто преступники совершают неявные противоправные действия, которые не всегда выявляются и преследуются правоохранительными органами [8, с. 584].

Следовательно, нужно подходить к интерпретации статистических данных о преступности с осторожностью, учитывая возможное наличие скрытой преступной активности. Необходимо продолжать работу по улучшению методов выявления преступлений и совершенствованию правоохранительной деятельности с целью обеспечения безопасности общества и предотвращения преступных проявлений в полной мере.

Помимо вышеперечисленных актов в области антидопингового законодательства издаются и другие подзаконные акты, связанные с проведением допингового контроля в РФ.

В завершение считаем необходимым сделать следующие выводы:

1. допинг в спорте определяется как нарушение антидопингового правила, в том числе использование или попытка использования субстанции и (или) метода, включенных в перечни субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте;



2. в настоящее время современный спорт, особенно спорт высших достижений, невозможен без надлежащего организационно-правового обеспечения соответствующей сферы деятельности;

3. формирование процесса противодействия допингу в спорте России происходит не так быстро, как требуется обществом и государством. Это вызвано следующими объективными, так и субъективными причинами:

- низкий уровень правовой культуры и правосознания населения, правовой нигилизм;
- отсутствие до самого последнего времени пристального внимания правоведов и отечественного законодателя к проблемам спорта [13, с. 519];
- острый недостаток квалифицированных специалистов в сфере правового обеспечения спорта.

Вопрос о юридической ответственности в российском праве был и остается актуальным. Одним из видов самостоятельной юридической ответственности является спортивная ответственность, применяемая по отношению к спортсменам за нарушения допингового режима. Ее характерными признаками выступает правовой статус специального субъекта спортивной ответственности: привлечению к спортивной ответственности подлежит лицо, признающее спортивную норму, также меры принуждения к правонарушителю могут быть установлены и применены негосударственной организацией (общероссийской спортивной федерацией) по прямому уполномочию государства, отраженному в Федеральном законе.

Таким образом, считаем, что тема антидопинговой политики будет обсуждаться и исследоваться до тех пор, пока законодатель не пойдет по пути принятия либо закона, распространяющий свое действие на противодействие допингу в спорте, либо внесения соответствующих изменений для надлежащей правовой регламентации данного явления. Однако для противодействия и профилактики допинга в спорте необходим продуманный механизм реализации



законодательных положений и налаженная система правоохранительных органов в данной сфере.

Список литературы:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002г. № 1 (часть I) ст. 1.

2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. №1 (часть I) ст. 3.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ.// Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст.2954.

4. Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». // Собрание законодательства Российской Федерации от 10 декабря 2007 г. № 50 ст. 6242.

5. Приказ Министерства спорта РФ от 24 июня 2021 г. № 464 «Об утверждении Общероссийских антидопинговых правил». [Электронный ресурс]// СПС «КонсультантПлюс» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389373/

6. Бадрак, К. А. Первичная педагогическая профилактика нарушений антидопинговых правил среди спортсменов : специальность 13.00.04 "Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры" : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Бадрак Константин Алексеевич. – Санкт-Петербург, 2012. – 180 с.

7. Бесельман, И. В. Анализ правового регулирования заключения трудового договора с профессиональными спортсменами и тренерами / И. В. Бесельман // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 24. – С. 261-272.



8. Бесельман, И. В. Коррупционная составляющая в сфере профессионального спорта России / И. В. Бесельман // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве : Сборник статей по результатам II Международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Симферополь, 12 декабря 2022 года / Сост. И.В. Хмиль, под редакцией С.А. Трофимова, Е.В. Евсиковой. Том 1. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2023. – С. 576-588.

9. Бесельман, И. В. Проблемы усовершенствования нормативно-правового регулирования административного режима применения спортсменами допинга в Российской Федерации / И. В. Бесельман // Проблемы совершенствования законодательства и правоприменительной практики : Сборник статей по результатам международной научно-практической конференции, Симферополь, 27–28 мая 2022 года. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2022. – С. 65-75.

10. Бесельман, И. В. Уголовно-правовые и административно-правовые особенности антидопингового противодействия в российском спорте: проблемы квалификации / И. В. Бесельман // Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы : Материалы V Всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 19 мая 2023 года / Под общей редакцией С.А. Буткевича. – Краснодар: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации", 2023. – С. 528-532.

11. Гончарова, Е. К. Социально-педагогические и организационные основы борьбы с допингом в спорте : специальность 13.00.04 "Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры" : диссертация на соискание ученой степени



кандидата педагогических наук / Гончарова Елена Константиновна. – Малаховка, 1994. – 164 с.

12. Солдатенков, Ф. Н. Антидопинговое образование в спортивном вузе / Ф. Н. Солдатенков, М. А. Захаров // На пути к XXII Олимпийским и XI Паралимпийским зимним играм : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Краснодар, 29–30 октября 2008 года / Под редакцией Г.Д. Алексанянца. – Краснодар: Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, 2008. – С. 124-127.

13. Яковчук, Т. В. Допинг: проблема России или всего спортивного мира? / Т. В. Яковчук, Д. О. Голубина // Сборник избранных статей по материалам научных конференций ГНИИ "Нацразвитие" : МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ ГНИИ «НАЦРАЗВИТИЕ», Санкт-Петербург, 29–31 мая 2019 года. Том Ч.1. – Санкт-Петербург: ГНИИ «Нацразвитие», 2019. – С. 515-521.

14. Яковчук, Т. В. Физкультурно-спортивная деятельность как способ мотивации и целенаправленности к самостоятельным занятиям студентов-юристов / Т. В. Яковчук // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях : сборник статей по результатам II Международной научно-практической конференции : в 2 т., Симферополь, 31 марта 2023 года. Том 2. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2023. – С. 1098-1104.

15. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей. № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях». [Электронный ресурс] // URL: <http://cdep.ru/?id=79>.

16. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России. №10.1 «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания». [Электронный ресурс] // URL: <http://cdep.ru/?id=79>.



ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК №29

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

УДК 341.1/8

Рассказов Александр Александрович
Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов
alexandr.ras.505@yandex.ru

Крючков Кирилл Максимович
Волгоградский государственный университет
Институт истории и международных отношений
Россия, Волгоград
mob-202_823494@volsu.ru

Rasskazov Alexander
Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov
Kryuchkov Kirill
Volgograd State University
Institute of History and International Relations
Russia, Volgograd

ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОХРАНЫ АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Аннотация: в настоящей статье рассмотрена история развития системы охраны атмосферного воздуха на международном уровне. Проведен анализ существующей системы международного права, регулирующей охрану атмосферного воздуха на межгосударственном уровне. На основе специфики сложившихся международных отношений и практики взаимодействия



государств-членов ЕАЭС выдвинуто предложения по созданию единого подхода к решению вопроса охраны атмосферного воздуха на уровне Союза. В частности, автор указывает на необходимость реализации предложения по созданию экологического клуба ЕАЭС, поскольку такое решение будет уникальным с точки зрения международных отношений для России и наиболее эффективным.

Ключевые слова: международные отношения, международное право, охрана атмосферного воздуха, экономический союз, Евразийский экономический союз.

THE PROSPECT OF DEVELOPING AN ATMOSPHERIC AIR PROTECTION SYSTEM IN THE TERRITORY OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Annotation: this article examines the history of the development of the atmospheric air protection system at the international level. The analysis of the existing system of international law regulating the protection of atmospheric air at the interstate level is carried out. Based on the specifics of the established international relations and the practice of interaction between the EAEU member states, proposals were put forward to create a unified approach to solving the issue of atmospheric air protection at the union level. In particular, the author points out the need to implement the proposal to create an environmental club of the EEA, since such a solution would be unique from the point of view of international relations for Russia and the most effective.

Key words: international relations, international law, atmospheric air protection, economic Union, Eurasian Economic Union.

В XX веке мировое сообщество столкнулось с новой проблемой, а именно необходимостью обеспечения экологической безопасности. Защита и восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное лесопользование, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение



процесса утраты биоразнообразия стали одной из целей устойчивого развития Организации Объединенных Наций (далее – ООН) и, как следствие, задач мирового сообщества [1]. При этом одним из ключевых компонентов экосистемы планеты был признан атмосферный воздух, оказывающий влияние трансграничного характера [2]. В этом свете представляется необходимым рассмотреть именно данный компонент экосистемы, поскольку его охрана должна носить межгосударственный характер. Это обусловлено свойствами атмосферного воздуха, который не может считаться достоянием или ресурсом какого-либо государства. Также определить собственника воздушных масс фактически невозможно, а они в свою очередь могут оказывать влияние на обширные территории. Вещества, содержащиеся в атмосфере, преодолевают границы десятков государств, загрязняя их до того, как утратят свои негативные свойства [3].

Процесс международно-правовой охраны атмосферы и озонового слоя имеет непродолжительную, но богатую историю. Начало ему было положено во второй половине XX века с рассмотрением Международным Судом ООН споров, вызванных ядерными испытаниями, повлекшими распространение радиоактивных облаков на территории государств, в которых не велись испытания атомного оружия. Впоследствии в 1979 г. появился один из наиболее значимых многосторонних договоров в этой сфере «Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния». Данный акт был направлен на обеспечение защиты территорий государств-участников от образования кислотных дождей, наносящих существенный ущерб. Следует также отметить, что заключаемые в дальнейшем протоколы к указанной Конвенции расширили перечень веществ, за которыми был установлен международный контроль [4]. На сегодняшний день Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния содержит ряд веществ, за которыми мировым сообществом установлен контроль среди них: сера и её соединения, летучие органические соединения, продукты



производства тяжелых металлов, стойкие органические загрязнения и т.д. [5]. Такое решение на международном уровне обусловлено в первую очередь опасностью и непредсказуемостью последствия загрязнений атмосферного воздуха вышеуказанными веществами. Например, сера и её соединения способны как рассеяться в атмосфере, так и спровоцировать кислотный дождь.

Более качественное развитие процесс охраны окружающей среды и, в частности, атмосферного воздуха получил на уровне таких международных организаций как экономические союзы. Это обусловлено тем, что данные организации регулируют в большей степени торговую и производственную деятельность стран-участниц, оказывающую в наибольшей степени негативное влияние на окружающую среду [6]. При этом, по мнению некоторых исследователей, именно экономическая деятельность человека носит антропогенный характер и оказывает значительное негативное влияние на окружающую среду [7], что указывает на экономические союзы как наиболее перспективные регуляторы в природоохранной сфере.

Отметим также, что установление международного контроля позволяет достичь качественного экологического контроля, который способен обеспечить полноценную и независимую охрану окружающей среды. По мнению Р.М. Валеева, «международный контроль выступает в качестве самостоятельного института международного права, который наряду с международными гарантиями и другими мерами направлен на обеспечение выполнения государствами международных обязательств» [8]. По мнению некоторых исследователей, установление международного контроля позволяет также снизить уровень напряженности между государствами, поскольку в таком случае государства могут точно и во взаимном порядке осуществлять проверку тех или иных событий и действий [9].

Одним из наиболее перспективных экономических объединений, членом которого является Россия, представляется Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС). Также членами ЕАЭС являются государства, в большинстве



своём непосредственно граничащие с Российской Федерацией, что облегчает сотрудничество в сфере охраны фактически сопряженного атмосферного пространства. На сегодняшний день вопрос охраны окружающей среды и, как следствие, атмосферного воздуха на уровне Союза регулируется незначительно. Например, ст. 29 Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор) позволяет государствам-членам во взаимной торговле товарами применять ограничения в случае, если такие ограничения необходимы для охраны окружающей среды. Также ст. 52 Договора указывает, что в целях защиты окружающей среды в рамках ЕАЭС принимаются технические регламенты Союза [10]. Однако данные регламенты в большей степени направлены на запрет транспортировки различных веществ и объектов через границы государств. При этом, по мнению некоторых исследователей, на сегодняшний день между государствами-членами ЕАЭС создаются условия для значительной правовой интеграции в области охраны окружающей среды и рационального природопользования. Данный процесс может получить своё качественно новое развитие с появлением на наднациональном уровне принципов охраны окружающей среды. В дальнейшем это также может стать базой для разработки межгосударственных соглашений, направленных на охрану окружающей среды и атмосферного воздуха, как её элемента [11].

Отметим, что статья 58 Конституции РФ [12], статья 46 Конституции Республики Беларусь [13], статья 31 Конституции Республики Казахстан [14], статья 12 Конституции Республики Армения [15], статья 49 Конституции Кыргызской Республики [16], устанавливают обязанность каждого и государства относиться бережно к окружающей среде. В каждом из перечисленных основных законов государств-членов ЕАЭС устанавливается обязанность предоставлять гражданам достоверную информацию о состоянии окружающей среды. В результате представляется возможным сделать вывод, что на национальном уровне государств-членов ЕАЭС уже должны быть закреплены нормы, направленные на охрану окружающей среды и мониторинга



за её состоянием, поскольку этого требует основной закон, являющийся базой для всего законодательства страны. Следовательно, уже сейчас существует возможность развития данных институтов на наднациональном уровне, поскольку это не противоречит основному закону всех государств-членов.

В 2022 году государствами-членами было сделано заявление о необходимости развития «зеленой» экономики, элементом которой является в том числе и охрана атмосферного воздуха. Данный процесс подразумевает ведение производства на территории государств-членов в соответствии с принципами охраны окружающей среды и минимализации вреда, причиняемого экосистеме в результате осуществления экономической деятельности [17]. Также на заседании Высшего Евразийского экономического совета Президент России, Владимир Путин, предложил создание Климатического и экологического клуба, «в задачи которого входила бы реализация совместных научных исследований и разработок, внедрение «зелёных» технологий, достижение международного признания евразийских климатических инициатив, улучшение состояния водных экосистем, сохранение биологического разнообразия, геологоразведка и освоение недр, осуществление проектов по переработке мусора и многое другое» [18]. Однако на данный момент отсутствует какое-либо нормативное закрепление процесса создания «зеленой» экономики на уровне ЕАЭС, а также функций и задач экологического клуба, который, возможно, будет создан в будущем.

В этом свете точно обозначить какие-либо направления и формы деятельности государств-членов ЕАЭС в направлении охраны окружающей среды и атмосферного воздуха как её компонента не представляется возможным. Также следует понимать, что ЕАЭС является в первую очередь экономическим союзом, деятельность которого направлена на поиск новых экономических и политических партнерских решений на различных направлениях. При этом первостепенной задачей является развитие экономического потенциала государств-членов, что подразумевает создание



новых производственных связей и повышение потенциала национальных экономик. Однако отмечается, что одним из перспективных направлений является и более широкий подход, который «может быть связан с глобализацией повестки в области Целей устойчивого развития» [19], одной из которых является приведенная выше Цель 15, направленная на охрану окружающей среды.

Представляется, что выработанные мировым сообществом в Конвенции о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния средства международно-правовой охраны, а именно обмен информацией, консультации, ведение научно-исследовательской деятельности, мониторинг, разработка стратегии и политики борьбы с загрязнением атмосферного воздуха, применимы и в рамках ЕАЭС с учетом особенностей Союза и интересов государств-членов. При этом обозначенные выше меры охраны окружающей среды на межнациональном уровне уже длительное время реализовывались на территории существовавшего до 1991 г. Союза Советских Социалистических Республик, в который входили государства-члены ЕАЭС [20]. Следовательно, их внедрение не потребует каких-либо существенных изменений, а наоборот открывает пространство для расширения деятельности в сфере охраны экологии. Также интересным представляется то, что Президент России в своём выступлении, о котором говорилось выше, обозначил ещё несколько мер и направлений сотрудничества в сфере охраны окружающей среды, а именно внедрение «зелёных» технологий, достижение международного признания евразийских климатических инициатив, геологоразведка и освоение недр. Данный факт позволяет предположить, что Экологический клуб, который, возможно, будет создан в будущем, расширит рамки сотрудничества в сфере охраны окружающей среды, что, безусловно, является положительной тенденцией.

Таким образом, можно сделать вывод, что на сегодняшний день в ЕАЭС появились предпосылки на политическом и правовом уровне для создания



системы экологического контроля за экономической деятельностью на территории государств-членов. При этом указанное направление деятельности является перспективным, но не основным для работы Союза, что не позволяет сказать о скорейшем возникновении качественно новой системы международно-правового контроля в области охраны окружающей среды и, в частности, атмосферного воздуха на указанной территории. Представляется, что создание экологического клуба ЕАЭС способно в дальнейшем обеспечить эффективную охрану окружающей среды и в частности атмосферного воздуха.

Список литературы:

1. 17 целей Организации Объединенных Наций для преобразования нашего мира. Цель 15: Защита и восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное лесопользование, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биоразнообразия» [Электронный ресурс] // Сайт Организации Объединенных Наций un.org [сайт]. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/biodiversity/> (дата обращения: 07.06.2023).

2. Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния [Электронный ресурс] // Сайт Организации Объединенных Наций un.org [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/transboundary.shtml (дата обращения: 08.06.2023).

3. Дубовицкая О.Б., Дубовицкая Л.С. Проблемы охраны атмосферного воздуха // Наука и техника Казахстана. 2005. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ohrany-atmosfernogo-vozduha> (дата обращения: 08.06.2023).

4. Соколова Н.А. Международно-правовая охрана атмосферы и озонового слоя: продолжение истории // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина.



2021. №10 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovaya-ohrana-atmosfery-i-ozonovogo-sloya-prodolzhenie-istorii> (дата обращения: 08.06.2023).

5. UNECE Обновленный справочник для Конвенции 1979 года «О Трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния и ее протоколов» // UNECE Европейская экономическая комиссия ООН [сайт]. URL: <https://disk.yandex.ru/d/Yb-7fQsrIONROQ> (дата обращения: 09.06.2023).

6. Ахмедов Р.М., Иванова Ю.А., Шохов К.Е. К вопросу о международно-правовых стандартах в области охраны атмосферы, включая озоновый слой // Вестник Московского университета МВД России. 2019. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-mezhdunarodno-pravovyh-standartah-v-oblasti-ohrany-atmosfery-vklyuchaya-ozonovyi-sloi> (дата обращения: 08.06.2023).

7. Белова Яна Сергеевна Влияние экономической деятельности человека на окружающую среду // Academy. 2016. №7 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-ekonomicheskoy-deyatelnosti-cheloveka-na-okruzhayushchuyu-sredu> (дата обращения: 08.06.2023).

8. Международный контроль. : монография / Валеев Р.М. – Казань : Издательство Казанского университета 1998. – 155 с. – ББК 67.91 – Текст : электронный // Научная библиотека им. Н.И.Лобачевского [сайт]. с. 14 – URL: [https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1683005971&tld=ru&lang=ru&name=kontr.pdf&text=Валеев%20Р.%20М.%20Контроль%20в%20современном%20международном%20праве%3A%](https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1683005971&tld=ru&lang=ru&name=kontr.pdf&text=Валеев%20Р.%20М.%20Контроль%20в%20современном%20международном%20праве%3A%20) (дата обращения: 08.05.2023).

9. Нистратов С.Г. Фастов А.Г., Международный контроль как гарантия соблюдения законности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. №3 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-kontrol-kak-garantiya-soblyudeniya-zakonnosti> (дата обращения: 02.05.2023).

10. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) // Официальный интернет-портал правовой информации



<http://pravo.gov.ru>, 16.01.2015; Официальный сайт Евразийской экономической комиссии <http://www.eurasiancommission.org/> (ред. от 24.03.2022).

11. Захарин А.Н., Колесникова К.В. Интеграция правового регулирования рационального природопользования и охраны окружающей среды в законодательстве ЕАЭС: состояние и перспективы // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-pravovogo-regulirovaniya-ratsionalnogo-prirodopolzovaniya-i-ohrany-okruzhayuschey-sredy-v-zakonodatelstve-eaes> (дата обращения: 09.06.2023).

12. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание Законодательства РФ. 01.07.2020. № 31. ст. 4398. Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru/> (ред. от 01.07.2020).

13. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [сайт]. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 09.06.2023).

14. Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан [сайт]. URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 09.06.2023).

15. Конституция Республики Армения [Электронный ресурс] // Национальное Собрание Республики Армения [сайт]. URL: <http://parliament.am/parliament.php?id=constitution&lang=rus> (дата обращения: 09.06.2023).

16. Конституция Кыргызской Республики [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Кыргызской Республики [сайт]. URL:



<http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112213?cl=ru-ru> (дата обращения: 09.06.2023).

17. Государства-члены ЕАЭС обозначили разработку концепции создания и внедрения «зеленой» экономики в качестве одного из стратегических направлений развития организации на период до 2025 г. [Электронный ресурс] // РИА Новости [сайт]. URL: <https://ria.ru/20220614/eec-green-1792361578.html> (дата обращения: 09.06.2023).

18. Заседание Высшего Евразийского экономического совета [Электронный ресурс] // Президент России [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/71204> (дата обращения: 09.06.2023).

19. Мешкова Т.А., Изотов В.С., Демидкина О.В., Кофнер Ю.К. ЕАЭС в меняющемся геополитическом контексте: приоритеты международного сотрудничества // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eaes-v-menyayuschemsya-geopoliticheskom-kontekste-prioritety-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva> (дата обращения: 09.06.2023).

20. Указ Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик от 29.04.1980 № 1992-Х [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901861659> (дата обращения: 09.06.2023).



АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

УДК 342.95

Кузнецов Игорь Николаевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Факультет права

Россия, Москва

IN.Kuznetsov@yandex.ru

Kuznetsov Igor

HSE University

Faculty of Law

Russia, Moscow

**ПУБЛИЧНОЕ АДМИНИСТРИРОВАНИЕ ТОПЛИВНО-
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация: в статье представлены результаты исследования законодательства Российской Федерации в сфере публичного администрирования топливно-энергетического комплекса. В частности, проанализированы основные нормативные правовые акты, связанные с данной тематикой, выделены основные направления публичного администрирования.

Ключевые слова: топливно-энергетический комплекс, ТЭК, публичное администрирование, санкции, техническое регулирование.

**PUBLIC ADMINISTRATION OF THE FUEL AND ENERGY COMPLEX IN
THE RUSSIAN FEDERATION**

Annotation: the article presents the results of a study of the legislation of the Russian Federation in the field of public administration of the fuel and energy complex. In particular, the main regulatory legal acts related to this topic are analyzed, the main directions of public administration are highlighted



Key words: fuel and energy complex, FEC, public administration, sanctions, technical regulation.

Топливо-энергетический комплекс (далее в том числе – ТЭК) традиционно является очень важной и чувствительной сферой для нашей страны. Он является важнейшим элементом экономического суверенитета нашей страны и весомым источником средств для федерального бюджета. Реализацию государственной политики в сфере топливной промышленности осуществляет Министерство энергетики Российской Федерации и подведомственные ему организации, в том числе и Российское энергетическое агентство.

Учитывая ту важную роль, которую играет топливо-энергетический комплекс для Российской Федерации, учитывая сложность и уязвимость его механизмов, государственное регулирование обоснованно сохраняет в рассматриваемой сфере решающую роль. При этом оно должно учитывать особенности нефтяной, газовой, электроэнергетической, угольной, атомной и других составляющих ТЭК России.

В Российской Федерации сегодня действует более сотни нормативных правовых актов различного уровня, регулирующих деятельность топливо-энергетического комплекса. Среди них, к примеру, федеральные законы «О естественных монополиях», «Об энергоснабжении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», «Об электроэнергетике», «О газоснабжении в Российской Федерации», «Об экспорте газа», «О теплоснабжении», «Об использовании атомной энергии» и другие. Примечательно, что ранее регулирование данной сферы осуществлялось главным образом на уровне подзаконных актов профильных органов исполнительной власти. Однако, в последние 10–15 лет законодатель перенес



основную часть правового регулирования на уровень законов, принимая комплексные федеральные законы.

Анализ правоприменительной практики показывает, что весь массив принятых для регулирования ТЭК нормативных правовых актов действует не так эффективно, как возможно, планировалось. Так, к примеру устойчивый характер приобрела тенденция хищения энергоресурсов путем «врезок» в нефтепроводы и газопроводы [1, с. 41]. В связи с указанным актуальным представляется вопрос об усилении ответственности за хищение энергоносителей, умышленное повреждение электрических сетей и иных объектов ТЭК, и т.д.

Основными направлениями публичного администрирования в сфере ТЭК можно назвать ценовое регулирование, лицензирование отдельных видов деятельности и определение круга субъектов, которые подлежат обязательному обслуживанию энергией разных видов или установление минимального уровня их обеспечения [6].

Особенно важное значение для ТЭК имеет ценовое регулирование. Основной задачей такого регулирования является «сохранение ценовых пропорций в экономике, позволяющих развиваться другим отраслям и рыночной экономике в целом» [2].

На основе анализа действующего законодательства можно выделить два метода регулирования цен – определение фиксированной цены или установление предельной величины тарифа. При этом в литературе отмечается, что такой скудный выбор методов регулирования усложняют задачу регулятора и вынуждает его действовать менее гибко в различных экономических ситуациях [3, с. 95–96].

Другим способом государственного регулирования ТЭК, как уже было сказано выше, является определение потребителей, подлежащих обязательному обслуживанию или минимального уровня их обеспечения. В качестве примера его реализации можно привести Постановление Правительства РФ от 29 мая



2002 г. № 364 «Об обеспечении устойчивого газо- и энергоснабжения финансируемых за счет средств федерального бюджета организаций, обеспечивающих безопасность государства». Так, приложением №2 к данному документу установлено, что поставщик обязуется не ограничивать поставки газа организациям, финансируемым за счет средств федерального бюджета и обеспечивающим безопасность государства, в случае несвоевременного поступления платежей на его счета.

Как способ публичного администрирования ТЭК можно рассматривать и лицензирование. Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» не относит деятельность в сфере ТЭК как таковую к лицензируемым видам деятельности [8]. Однако, в числе таковых закон называет эксплуатацию взрывопожароопасных и химически опасных производственных объектов I, II и III классов опасности, что несомненно относится к деятельности ТЭК.

Следует также рассмотреть техническое регулирование как способ публичного администрирования рассматриваемой сферы. Система технического регулирования состоит из совокупности правил выполнения работ для подтверждения соответствия объектов, ее участников и правил функционирования системы сертификации требованиям технических регламентов, положениям стандартов, сводам правил или условиям договоров [7]. В отличие от лицензирования технические регламенты принимаются по большей части с целью защиты потребителей, охраны окружающей среды и обеспечения энергоэффективности и энергосбережения [4]. Принятие технических регламентов в иных целях не допускается, согласно п. 2 ст. 6 Федерального закона «О техническом регулировании».

Среди технических регламентов в ТЭК, действующих в Российской Федерации, можно привести в качестве примеров

- Технический регламент ТС «О требованиях к смазочным материалам, маслам и специальным жидкостям» (ТР ТС 030/2012);



- Технический регламент ЕАЭС «Требования к сжиженным углеводородным газам для использования их в качестве топлива» (ТР ЕАЭС 036/2016).

На сегодняшний день особенно актуально развитие государственного регулирования ТЭК в связи с беспрецедентным санкционным давлением, которое испытывает вся российская экономика и в том числе ТЭК. С февраля 2022 года Евросоюз ввел в действие экономические санкции в отношении России, затрагивающих энергетический сектор РФ. В частности, были применены следующие меры: 1) запрет на осуществление новых инвестиций в российский энергетический сектор; 2) эмбарго на импорт из России в ЕС угля; 3) запрет на сделки с российскими госкомпаниями из перечня, в который вошли, в частности, нефтяные компании; 4) запрет на поставку нефтегазодобывающего, энергетического оборудования и комплектующих для различных секторов ТЭК России. В связи с этим в Российской Федерации принимаются активные меры по противодействию санкциям и нормализации развития энергетического комплекса страны. В научной литературе выделяются три ключевых направления работы с целью противодействия санкциям: 1) повышение издержек от экономических санкций для тех государств, которые их ввели; 2) минимизация имеющегося негативного эффекта от экономических санкций для экономики и хозяйствующих субъектов РФ; 3) сокращение зависимости от санкционирующих государств в критически важных отраслях экономики, а также повышение устойчивости и сопротивляемости в условиях санкционных ограничений [5, с. 130].

Подводя итог, можно сделать вывод, что на сегодняшний день развитие публичного администрирования ТЭК должно быть направлено главным образом на преодоление санкционных рисков, особенно возросших начиная с весны 2022 года. Работа также должна вестись в направлении повышения финансовой устойчивости ТЭК и совершенствования механизмов контрольно-надзорной деятельности в данной сфере.



Список литературы

1. Щербаченя, В. С. Особенности административно-правового регулирования отношений в сфере топливно-энергетического комплекса / В. С. Щербаченя // Актуальные проблемы административного права и процесса. – 2018. – № 1. – С. 40–44.
2. Николаев И. Перспективы отмены государственного регулирования тарифов естественных монополий: Доклад аудиторско-консалтинговой компании «ФБК» // Промышленный еженедельник. 2005. 28 марта.
3. Метелева, Ю. А. Правовое регулирование ценообразования в сфере естественных монополий / Ю. А. Метелева // Журнал российского права. – 2006. – № 10(118). – С. 91–101.
4. Особенности правового регулирования охраны и использования природных ресурсов в топливно-энергетическом комплексе: учебное пособие для бакалавров / В.Б. Агафонов, Н.О. Ведышева, Г.В. Выпханова и др.; отв. ред. Н.Г. Жаворонкова, В.Б. Агафонов. М.: Проспект, 2018. 200 с.
5. Старженецкий В. В., Бутырина В. А., Курицына К. С. Российское антисанкционное регулирование: современное состояние и пути совершенствования // Закон. 2021. № 3. С. 119–142.
6. Федеральный закон от 17.08.1995 № 147-ФЗ «О естественных монополиях» // Собрание законодательства РФ, 1995, № 34, ст. 3426.
7. Федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании» // Собрание законодательства РФ, 2002, № 52 (ч. 1), ст. 5140.
8. Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства РФ, 2011, № 19, ст. 2716.



**ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 347.963

Матчонова Оксана Алишеровна

Саратовская государственная юридическая академия

Институт прокуратуры

Россия, Саратов

ox.2002oks@yandex.ru

Matchonova Oksana

Saratov State Law Academy

Institute of Public prosecutor's Office

Russia, Saratov

**ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ В СФЕРЕ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК**

Аннотация: в настоящей статье рассматриваются организационные и практические аспекты прокурорского надзора за исполнением законодательства о закупках товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Проведен анализ существующей нормативной основы деятельности органов прокуратуры в сфере закупок, а также приведены примеры выявленных нарушений в рассматриваемой области правоотношений.

Ключевые слова: контрактная система, закупки, надзорная деятельность, анализ, профессиональная переподготовка, заказчик, поставщик.

**PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER THE IMPLEMENTATION OF
LEGISLATION ON THE CONTRACT SYSTEM IN THE FIELD OF STATE
AND MUNICIPAL PROCUREMENT**



Annotation: this article discusses the organizational and practical aspects of prosecutorial supervision over the implementation of legislation on procurement of goods, works, and services to meet state and municipal needs. The analysis of the existing regulatory framework for the activities of the prosecutor's office in the field of procurement is carried out, as well as examples of identified violations in the field of legal relations under consideration.

Key words: contract system, procurement, supervision, analysis, professional retraining, customer, supplier.

В условиях сложившейся ситуации на рынке и необходимостью удовлетворения государственных и муниципальных нужд последнее время большое внимание уделено развитию контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг. Как и любая другая сфера общественных отношений, регулируемая нормами права, сфера закупок, являющаяся неотъемлемым элементом экономических отношений, требует системного контроля и надзора. В этой связи в системе деятельности органов прокуратуры имеет место надзор за исполнением законов в сфере закупок, важность которого обусловлена целым рядом факторов, от которых зависит состояние отечественной экономической системы как на внутригосударственном уровне, так и на международном рынке.

Прокурорский надзор за исполнением законодательства о контрактной системе в сфере закупок, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд является самостоятельным направлением прокурорского надзора за исполнением законов в сфере экономики, толчком к развитию которого стало вступление в силу Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ (с изм. и доп. от 25.12.2023 № 625-ФЗ) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее - Закон № 44-ФЗ) [1]. Значимость данного направления деятельности органов прокуратуры подтверждается не только широкой



распространенностью закупочных мероприятий на территории Российской Федерации, но и, как следствие, необходимостью борьбы с ростом нарушений в рассматриваемой сфере. По данным Федеральной антимонопольной службы (далее - ФАС) в I полугодии 2023 года ФАС России зафиксировала рост количества рассмотренных жалоб на 45 % по сравнению с аналогичным периодом 2022 года (23 655 в 2023 году и 16 307 в 2022 году) [2].

В ходе исследований результатов надзорной деятельности можно выделить следующие нарушения деятельности заказчиков: неправильный выбор способа определения поставщика; неустановление необходимых требований к участникам закупки; описание объекта закупки с нарушением действующего законодательства; установление избыточных требований к участникам закупки; нарушения при направлении информации о заключенном контракте и т.д. Анализ нарушений в сфере закупок позволяет объединить их в три группы в зависимости от этапа возникновения: на этапе планирования, определения поставщика, исполнения контрактов.

Реализация каждого из указанных этапов подлежит комплексной проверке со стороны надзорных и контролирующих органов. С целью совершенствования деятельности органов прокуратуры на данном направлении Генеральным прокурором был издан Приказ Генпрокуратуры России от 14.01.2021 N 6 (ред. от 05.05.2023) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере закупок» [3]. Указанный правовой акт определил многогранность предмета прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере закупок, что позволяет в очередной раз отметить всю значимость деятельности органов прокуратуры в поддержании законности в рассматриваемой сфере экономической деятельности.

Главной особенностью данного направления надзорной деятельности является, как отмечено в Методических рекомендациях Генеральной прокуратуры РФ от 14.01.2019 № 7-16-2019 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о закупках товаров, работ и услуг для



обеспечения государственных и муниципальных нужд» [4], многоуровневость законодательства о контрактной системе, которое последовательно и динамично совершенствуется. Это предопределяет комплексный, сквозной характер надзора, выраженный в том, что проверочные мероприятия могут проводиться в различных сферах деятельности: здравоохранение, образование, жилищно-коммунальное хозяйство и т.д.

По мнению Е.В. Куриловой, в основу методики прокурорского надзора за исполнением законов о контрактной системе должно быть положено правильное понимание назначения правового регулирования правовой регламентации и регулирования отношений в сфере закупок [5, с. 130].

Одним из предметов надзора является проверка исполнения законодательства заказчиками при заключении контрактов с единственным поставщиком.

Заключение контракта с единственным поставщиком возможно только в случаях, которые определены ч. 1 ст. 93 Закона № 44-ФЗ. Также установлен предельный годовой объем закупок у единственного поставщика.

В этой связи при проведении проверок в сфере закупок сотрудникам прокуратуры необходимо устанавливать возможные факты заключения контрактов без торгов с единственным поставщиком в обход конкурентных процедур, анализировать положения о закупках заказчиков, которые расположены на поднадзорной территории, и касающиеся установления перечня случаев закупки у единственного поставщика и определения годового объема соответствующих закупок, давать оценку законности выбранного способа закупки, устанавливать случаи искусственного «дробления». Кроме того, необходимо дать правовую оценку действиям заказчиков при заключении дополнительных соглашений к контрактам, влекущих изменение существенных условий, в частности, изменяющих объем выполняемых работ (услуг, товаров), порядок оплаты и цену контрактов, сроки их исполнения. И в результате при наличии оснований принимать полный комплекс мер прокурорского



реагирования, в том числе гражданско-правового, административного, а также уголовно-правового характера.

Договоры и дополнительные соглашения, заключенные с нарушением требований законодательства о контрактной системе в сфере закупок, подлежат признанию недействительными арбитражным судом. Так, по данным официального сайта Генеральной прокуратуры Российской Федерации в первом полугодии 2022 г. прокурорами было выявлено 126,4 тыс. нарушений законодательства о закупках. Для их устранения было внесено 10,2 тыс. представлений, опротестовано 11,8 тыс. незаконных правовых актов, в суды направлено 1,1 тыс. заявлений, объявлено 3,3 тыс. предостережений. По актам прокурорского реагирования к дисциплинарной ответственности привлечено свыше 24,2 тыс. должностных лиц, к административной – 9,6 тыс. лиц. По материалам прокурорских проверок возбуждено 529 уголовных дел [6].

В качестве примера меры уголовно-правового характера приведем пример из практики прокуратуры Заводского района г. Саратова. По результатам проверочных мероприятий было установлено, что в период с 2016 по 2021 года мужчины, занимающие должности генерального и исполнительного директоров АО «Саратовский полиграфкомбинат», действуя в составе организованной группы, получали взятки от представителей юридических лиц, поставлявших на комбинат необходимые для производства товары и материалы, а также приобретающих у общества отходы производства. Данная схема позволяла работать с поставщиками и покупателями в обход требований законодательства, не проводя закупки у широкого круга лиц. С учетом позиции государственного обвинителя указанные лица были признаны виновными по ч. 6 ст. 290 УК РФ (4 эпизода) и п. «а» ч.5 ст.290 УК РФ [7].

Также на практике частым явлением является привлечение заказчиков к административной ответственности за нарушение законодательства в сфере закупок. Так, по итогам проверки прокуратурой г. Саратова был вскрыт случай размещения муниципальным унитарным предприятием в ЕИС извещения с



электронными документами об осуществлении закупки на поставку трамваев с нарушением требований законодательства в части определения характеристик товара, размера обеспечения исполнения контракта, содержания независимой гарантии, условий применения ответственности подрядчика и заказчика. В связи с этим в отношении начальника отдела закупок предприятия возбуждено дело об административном правонарушении по ч. 1.4 ст. 7.30 КоАП РФ [8].

Возвращаясь к вопросу многоуровневости нормативной базы в сфере закупок и сложности экономических процессов, нельзя не отметить тот факт, что при проведении проверочных мероприятий зачастую со стороны сотрудников прокуратуры требуется умение разграничивать соответствующие экономические категории и понятия, способность свободно ориентироваться в рассматриваемой сфере, что позволит избежать ошибок в профессиональной деятельности. В связи с этим актуальным является вопрос практико-ориентированного обучения прокурорских работников, в чьи должностные обязанности входит надзор в сфере экономики.

Следует также согласиться с мнением М.А. Коротаевой, которая считает, что имеет место «нехватка методологической проработки действий прокуроров при проведении проверок и законодательного регламентирования этой процедуры. С другой стороны, не затрагивая поле правового регулирования с практической точки зрения, существует множество нюансов от специфики субъекта проверки, государственного участия и конфликта интересов до необходимости формирования у молодых специалистов компетенций, способствующих развитию специальных знаний в бухгалтерском учете, анализе и аудите» [9, с. 105].

В данном направлении в прокуратуре г. Санкт-Петербурга уже сложилась практика повышения квалификации прокурорских работников на базе экономических вузов, которая показала свою эффективность. Обучение специалистов надзорной деятельности проходит без отрыва от основного вида деятельности проходит не только в очном формате (во внеслужебное время), но



и в дистанционном. Это способствует прокурорам в оперативном режиме получить интересующую информацию для ее последующего эффективного использования [10, с. 300].

Таким образом, важность обозначенного направления прокурорского надзора в полном объеме исчерпывается необходимостью повышения правомерности осуществления закупочных мероприятий для государственных и муниципальных нужд, поддержания должного уровня законности и создания благоприятной среды для развития отечественного рынка.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (с изм. и доп. от 25.12.2023) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. 2013. № 14, ст. 1652; 2024. № 1 (часть I), ст. 6.
2. ФАС: за 6 месяцев 2023 года служба выявила 15 815 нарушений при проведении госзакупок [Электронный ресурс] // URL: <https://fas.gov.ru/news/32695> (дата обращения 11.02.2024).
3. Приказ Генпрокуратуры России от 14.01.2021 №6 (ред. от 05.05.2023) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере закупок» // Законность. 2021. № 3; Законность. 2023. № 6.
4. Письмо Генеральной прокуратуры РФ от 14.01.2019 № 7-16-2019 «Методические рекомендации об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о закупках товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [Электронный ресурс] // URL: Документы - Генеральная прокуратура Российской Федерации (genproc.gov.ru) (дата обращения 11.02.2024).
5. Курилова Е.В. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения



государственных и муниципальных нужд // Вести. Волгогр. гос. ун-тва. Сер. 5, Юриспруд. № 1(30). 2016. С. 129-136.

6. О работе прокуроров по надзору за исполнением законодательства в сфере закупок [Электронный ресурс] // URL: Поиск по новостям - Генеральная прокуратура Российской Федерации (genproc.gov.ru) (дата обращения 11.02.2024).

7. В Саратове двум бывшим руководителям полиграфкомбината вынесен приговор по делу о получении взяток [Электронный ресурс] // URL: Новости - Прокуратура Саратовской области (genproc.gov.ru) (дата обращения 11.02.2024).

8. Прокуратура города Саратова провела проверку соблюдения законодательства о контрактной системе при осуществлении закупок для муниципальных нужд [Электронный ресурс] // URL: Новости - Прокуратура Саратовской области (genproc.gov.ru) (дата обращения 11.02.2024).

9. Коротаева М.А. Роль прокуратуры в осуществлении надзора за исполнением норм федерального закона о контрактной системе РФ // Интерактивная наука. № 6 (28). 2018. С. 104-106.

10. Шабаров Д.В. Повышение квалификации прокуроров, осуществляющих надзор за соблюдением федерального законодательства о контрактной системе в сфере государственных и муниципальных закупок // Современный ученый. № 5. 2022. С. 297-301.



**АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС; ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС;
АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС**

УДК 347.736

Бернина Арина Андреевна

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Юридический институт им. М.М. Сперанского

Россия, Владимир

arinabernina@mail.ru

Bernina Arina

Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs

Law Institute named after M.M. Speransky

Russia, Vladimir

**К ВОПРОСУ ОБ ОТСУТСТВИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В
ПЕРЕЧНЕ ЛИЦ, КОТОРЫЕ МОГУТ БЫТЬ ПРИЗНАНЫ
НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫМИ (БАНКРОТАМИ)**

Аннотация: статья посвящена исследованию вопроса о закрепленной законодателем невозможности признания политической партии как юридического лица несостоятельной (банкротом). Автор приходит к выводу о том, что положения законодательства о банкротстве в части невозможности признания банкротом политической партии не соответствуют правовому регулированию деятельности политических партий, что, в свою очередь, нарушает интересы кредиторов политических партий, делается вывод о необходимости законодательного закрепления возможности признания политической партии несостоятельной (банкротом).

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, юридическое лицо, политическая партия, общественное объединение, кредиторы.



ON THE ISSUE OF THE ABSENCE OF POLITICAL PARTIES IN THE LIST OF PERSONS WHO MAY BE DECLARED INSOLVENT (BANKRUPT)

Annotation: the article is devoted to the study of the issue of the impossibility, established by the legislator, of declaring a political party as a legal entity insolvent (bankrupt). The author comes to the conclusion that the provisions of bankruptcy legislation regarding the impossibility of declaring a political party bankrupt do not correspond to the legal regulation of the activities of political parties, which, in turn, violates the interests of creditors of political parties; it is concluded that it is necessary to legislate the possibility of declaring a political party insolvent (bankrupt).

Key words: bankruptcy, insolvency, legal entity, political party, public association, creditors.

Правовой статус юридического лица, определяемый, в первую очередь, Гражданским кодексом РФ, включает возможность признания юридического лица несостоятельным (банкротом) в порядке, установленном Арбитражным процессуальным кодексом РФ. Банкротство как правовой институт также регулируется специальным законодательством в виде Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», статья вторая которого определяет несостоятельность как признанную арбитражным судом или наступившую в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов.

Действующее законодательство допускает возможность признания банкротом как юридического, так и физического лица. При этом гражданское законодательство содержит закрытый перечень юридических лиц, которые не могут быть признаны банкротами. В указанный перечень, помимо прочих, включены политические партии [2, с. 305].



В юридической литературе не сформировалась однозначная точка зрения относительно невозможности признания банкротом политической партии. Так, по мнению В.Ф. Попондопуло, политические партии играют особую роль в современном российском обществе [5, с. 48]. Кроме того, признаваемое статьей 13 Конституции РФ идеологическое и политическое многообразие, многопартийность реализуется и обеспечивается как раз благодаря созданию политических партий.

Вместе с тем, по мнению И.А. Третьякова, политические партии необоснованно исключены законодателем из перечня юридических лиц, могущих быть признанными банкротами. В обоснование своей позиции автор ссылается на возможность политической партии осуществлять деятельность, приносящую доход, а также на отсутствие факта нарушения политических прав и свобод граждан вследствие неисполнения политической партией своих хозяйственных обязанностей [8, с. 295]. В этой связи представляется необходимым исследовать особенности правового статуса политической партии с целью разрешения вопроса об обоснованности отсутствия указанного общественного объединения в перечне лиц, которые не могут быть признаны банкротами.

Политические партии при осуществлении своей деятельности руководствуются положениями Федерального закона от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях». Уставы политических партий и действующее законодательство РФ, в том числе статья 26 вышепоименованного закона, допускают возможность осуществления политической партией предпринимательской деятельности. В свою очередь, статья 31 того же закона определяет закрытый перечень осуществляемых политической партией видов предпринимательской деятельности. Обобщая приведенные в указанной статье виды предпринимательской деятельности, которые могут осуществлять политические партии, можно заключить, что такая деятельность направлена в первую очередь на достижение целей и задач политической партии, а также она



может носить пропагандистский характер. Отдельно, на наш взгляд, необходимо отметить право политической партии на продажу и сдачу в аренду имеющегося в ее собственности имущества.

Характеризуя особенности правового статуса политических партий, необходимо отметить установленную федеральным законом возможности их финансирования за счет поступлений от гражданско-правовых сделок и доходов от предпринимательской деятельности. Более того, политическая партия вправе заключать договоры займа и кредитные договоры с физическими и юридическими лицами.

Приведенные выше нормы свидетельствуют о возможном наличии у политической партии кредиторов и, как следствие, о вероятности возникновения задолженности перед ними; при этом не исключено, что размер такой задолженности и срок ее существования может соответствовать требованиям, необходимым для признания юридического лица несостоятельным (банкротом) [1, с. 55].

Возможность образования у политической партии или ее регионального отделения задолженности перед кредиторами подтверждается, в том числе, материалами судебной практики. Так, решением Арбитражного суда Волгоградской области от 03.12.2019 по делу № А12-30115/2019 удовлетворены иски общества с ограниченной ответственностью «Редакция газеты «Областные вести» к Волгоградскому региональному отделению Политической партии ЛДПР о взыскании задолженности по договору. При этом решением суда была определена субсидиарная ответственность политической партии и ее регионального отделения: при недостаточности денежных средств у регионального отделения суд решил взыскать сумму задолженности в субсидиарном порядке с самой политической партии [7].

Вместе с тем, необходимо отметить зависимость большинства современных политических партий от бюджетного финансирования. Сводные



финансовые отчеты некоторых политических партий за 2022 год свидетельствуют о том, что доля средств федерального бюджета в общем объеме поступивших политическим партиям денежных средств на осуществление уставной деятельности, у Коммунистической партии РФ составила 86,4%, у ЛДПР – 87,1%, у партии «Справедливая Россия – Патриоты – За правду» - 84,6%. Наименее зависимой от бюджетного финансирования является Всероссийская политическая партия «Единая Россия», 43% поступивших денежных средств которой составили средства федерального бюджета [6].

Исходя из приведенной статистики, можно предположить, что теоретически в случае разрешения законодателем признания политической партии банкротом удовлетворение требований ее кредиторов будет фактически осуществляться за счет средств федерального бюджета. Приведенное положение дел явилось бы невыгодным с точки зрения защиты государственных интересов. Указанное обстоятельство может послужить одним из доводов в пользу обоснованности отсутствия политических партий в перечне юридических лиц, которые могут быть признаны несостоятельными (банкротами) [3, с. 214].

Таким образом, на основании изложенного, можно сделать вывод о том, что формулировки правовых норм действующего специального законодательства о политических партиях и о несостоятельности (банкротстве) фактически приводят к нарушению общего гражданско-правового принципа равенства участников экономических отношений, предусмотренного, в частности, статьей 49 Гражданского кодекса РФ. Так, политические партии являются юридическими лицами, которые могут осуществлять предпринимательскую деятельность, пусть и с учетом установленных законом ограничений в части соответствия такой деятельности целям партии; могут финансироваться за счет привлечения частных средств физических и юридических лиц, в том числе путем заключения договоров займа и кредитных



договоров, по которым может образовываться задолженность, наличие которой в определенных размерах и сроках является основанием для признания юридического лица банкротом. Кроме того, положение о невозможности признания политической партии банкротом приводит к нарушению интересов ее кредиторов, требования которых могли бы быть удовлетворены путем реализации имущества политической партии в рамках процедуры банкротства [4, с. 71].

В этой связи в целях решения выявленных в ходе исследования проблем правового регулирования деятельности политических партий, а также института банкротства представляется необходимым внесение изменений в статью 65 Гражданского кодекса Российской Федерации путем исключения политической партии из перечня юридических лиц, которые не могут быть признаны несостоятельными (банкротами). При этом в целях соблюдения государственных интересов в части защиты средств федерального бюджета от нецелевого расходования политическими партиями на погашение задолженности перед кредиторами по договорам займа и кредитным договорам, а также предупреждения возможного злоупотребления политическими партиями правом на финансирование за счет средств федерального бюджета, предлагается дополнить статью 65 Гражданского кодекса РФ положением о том, что в случае признания политической партии как юридического лица несостоятельным (банкротом) удовлетворение требований кредиторов осуществляется в пределах имущества, не относящегося к средствам федерального бюджета. Указанная формулировка позволит обеспечить, во-первых, гарантию расходования средств федерального бюджета на основные цели политических партий; во-вторых, целевое, разумное и добросовестное расходование политическими партиями внебюджетных денежных средств.

Обобщая вышеизложенное, авторы приходят к выводу о необоснованном включении законодателем политической партии в перечень юридических лиц, которые не могут быть признаны несостоятельными (банкротами), поскольку



политическая партия вправе осуществлять предпринимательскую деятельность, в том числе с привлечением заемных денежных средств. Для устранения противоречия положений статьи 65 Гражданского кодекса РФ принципу равенства участников экономических отношений, а также общему правовому принципу справедливости необходимо внесение в них изменений, вследствие которых политическая партия может быть признана банкротом.

Список литературы:

1. Гонорский А.С. Развитие законодательства о несостоятельности (банкротстве) в России // Форум молодых ученых. – 2020. – № 7 (47). – С. 52-57.
2. Кочарян В.Ю. Определение круга юридических лиц, которые не могут быть признаны банкротами // Молодой ученый. – 2019. – № 25 (263). – С. 305-306.
3. Малиновская Е.Г. Проблемы банкротства и ликвидации юридических лиц // Актуальные проблемы юридической науки и практики. – 2021. – № 1. – С. 212-217.
4. Мирзаева А.А. Круг лиц, которые могут быть признаны несостоятельными, и принцип справедливости: некоторые вопросы соотношения // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 69-4. – С. 69-72.
5. Попондопуло В.Ф. Некоторые проблемы совершенствования законодательства о банкротстве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2016. – № 1. – С. 44-52.
6. Сводные финансовые отчеты политических партий за 2022 год // Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cikrf.ru/politparty/finance/svodn_otchet_22.php (дата обращения: 19.02.2024).



7. Решение Арбитражного суда Волгоградской области от 03 декабря 2019 года по делу № А12-30115/2019 [Электронный ресурс]. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/cff12963-dc40-42e1-88c5-ec1b6d483025/958c68d0-2428-47dc-a6d5-549c46da3309/A12-30115-2019_20191203_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 19.02.2024).

8. Третьяков И.А. Правовое положение должника в деле о банкротстве юридических лиц // Молодежь и XXI век. – 2018. – № 1. – С. 293-297.



УДК 347.9

Иванов Егор Андреевич

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

Международно-правовой институт

Россия, Москва

egori17@yandex.ru

Ivanov Egor

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

International law institute

Russia, Moscow

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ПРИЗНАНИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО В СИЛУ ПРИБРЕТАТЕЛЬНОЙ ДАВНОСТИ В ИСКОВОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: работа посвящена особенностям доказывания по делам о признании права собственности на недвижимое имущество в силу приобретательной давности. Автором определен предмет доказывания по данным спорам, исследована доктрина и судебная практика. В статье уделяется внимание возможным средствам доказывания с конкретными примерами из судебной практики.

Ключевые слова: признание права собственности, приобретательная давность, судебная практика, доказывание, исковое производство.

FEATURES OF EVIDENCE IN CASES OF RECOGNITION OF OWNERSHIP OF REAL ESTATE DUE TO THE ACQUISITIVE PRESCRIPTION IN THE CLAIM PROCEEDINGS

Annotation: the work is devoted to the features of evidence in cases of recognition of ownership of real estate due to the acquisitive. The author defines the subject of



evidence for these disputes, examines the doctrine and case law. The article focuses on possible means of proof with specific examples from case law.

Key words: recognition of ownership, acquisitive prescription, case law, evidence, claim proceedings.

Приобретательная давность является одним из оснований для приобретения права собственности. В соответствии со ст. 234 Гражданского кодекса РФ гражданин или юридическое лицо, не являющееся собственником имущества, но добросовестно, открыто и непрерывно владеющее им как своим собственным недвижимым имуществом в течение пятнадцати лет приобретает право собственности на данное имущество [1].

В предмет доказывания по делам о признании права собственности на недвижимое имущество в силу приобретательной давности входят следующие обстоятельства: факты добросовестного, открытого и непрерывного владения спорным имуществом как своим собственным в течение пятнадцатилетнего срока. Кроме того, судебная практика выработало еще одно условие: несение давностным владельцем бремени содержания и эксплуатации недвижимого имущества.

Следует отметить, что признание права собственности возможно как в порядке искового производства, так и в порядке особого производства. Так, в особом производстве данные требования рассматриваются в том случае, если прежний собственник неизвестен и не должен был быть известен давностному владельцу. В других случаях наличествует спор о праве, что предполагает рассмотрение дела в порядке искового производства [11].

Одним из условий и обстоятельством, которое подлежит доказыванию при рассмотрении дела о признании права собственности является добросовестность давностного владельца. В соответствии с разъяснениями, содержащимся в Постановлении пленума ВС РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010, давностный владелец считается добросовестным в том случае,



если лицо, вступая во владение вещью, не знало и не должно было знать об отсутствии основания возникновения у него права собственности [3]. Следует отметить Постановление КС РФ от 26.11.2020 № 48-П, которым был выявлен конституционно-правовой смысл п. 1 ст. 234 ГК РФ. Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что добросовестное заблуждение давностного владельца о наличии у него права собственности не может быть обязательным условием для приобретением собственности в силу приобретательной давности [2]. Кроме того, КС РФ отметил, что добросовестность определяется с учетом длительного открытого владения при отсутствии возражений и правопритязаний со стороны других лиц. Скловский отмечает, что указанное Постановление КС РФ исключает приобретение по давности имущества, похищенного или захваченного самоуправно, но, если имущество получено от собственника хотя бы и с нарушениями, но по его воле, то препятствий для его приобретения при условии длительного открытого владения нет [14]. Утверждается также, что добросовестность является оценочным понятием и для его установления судам необходимо изучать фактические обстоятельства каждого дела [13, с. 112-114].

Таким образом, добросовестность давностного владельца может быть подтверждена с помощью доказательств, которые обосновывают открытое владение объектом недвижимости как своим собственным, несение расходов на содержание имущества, отсутствие нарушений прав третьих лиц.

Истец должен доказать, что он владеет спорным имуществом как своим собственным. В доктрине некоторые исследователи подчеркивают, что суды не акцентируют внимание на данное обстоятельство [12]. Для доказывания этого факта необходимо указать, что владения спорным недвижимым имуществом осуществляется не на основании договоров, опосредующих передачу объекта во владение и пользование.

При рассмотрении данной категории дел заинтересованное в приобретении права собственности лицо также должно доказать непрерывность владения спорным имуществом. Обращаем внимание, что передача спорного



имущества по договору аренды не прерывает течение срока. Суды принимают в качестве доказательств непрерывности владения платежные поручения, подтверждающие уплату налога на имущество организации за определенный период [8], а также платежные документы, подтверждающие внесение арендной платы за земельный участок, на котором расположен объект недвижимости [6].

В рамках рассмотрения дел о признании права собственности в силу приобретательной давности истцу необходимо доказать соблюдение срока для приобретения имущества. Им, соответственно, следует обосновать дату, с которой началось течение срока приобретательной давности. В качестве доказательств могут приниматься документы, свидетельствующие о постановке объекта на балансовый учет [10], акт приемки-передачи спорного имущества [7].

Суды, как было указано выше, особенно обращают внимание на несение истцом бремени содержания и эксплуатации спорного недвижимого имущества. Для подтверждения данного факта давностные владельцы должны предоставить следующие документы: инвентарные карточки учета [4], различные договоры с ресурсоснабжающими организациями (договоры энергоснабжения, водоотведения и пр.) и договоры подряда на осуществление ремонтных работ в спорном объекте недвижимости [6].

В одном из рассматриваемых арбитражными судами дел ответчик в лице государственного органа, осуществляющего контрольные функции в отношении объектов недвижимости, ссылаясь на наличие нарушений градостроительных требований при возведении объекта недвижимости [9]. Для опровержения истец представил досудебное заключение. Следовательно, в качестве доказательств при рассмотрении дел о признании права собственности могут использоваться заключения досудебной экспертизы.

Таким образом, для признания права собственности в силу приобретательной давности заинтересованное лицо должно предоставить



большое количество доказательств, как правило, основным средством доказывания являются письменные доказательства, а именно различные юридически значимые документы.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (Ред. от 25.02.2022) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.11.2020 № 48-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Волкова» // СПС «КонсультантПлюс»
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Определение Верховного Суда РФ от 19.01.2024 № 310-ЭС23-26790 по делу № А64-8756/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Верховного Суда РФ от 16.03.2022 № 303-ЭС22-876 по делу № А51-12909/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.06.2023 № Ф05-8924/2023 по делу № А40-84043/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.12.2022 № Ф05-25292/2021 по делу № А40-133860/2020
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.10.2023 № Ф05-24664/2023 по делу № А40-263449/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 03.08.2023 № 09АП-42247/2023 по делу № А40-263449/2022 // СПС «КонсультантПлюс».



10. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 16.06.2022 № 07АП-3963/2022 по делу № А45-7069/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Уральский гос. юрид. ун-т ; под ред. д.ю.н., проф. В. В. Яркова. — 4-е изд., испр. и перераб. — Москва : Статут, 2020. — 1071 с.

12. Ковтонюк Сергей Иванович Доказательства и доказывание по делам, связанным с приобретением права собственности в силу давностного владения // Отечественная юриспруденция. 2018. №3 (28).

13. Подмаркова А.С. Условия приобретательной давности и необходимость их реформирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2.

14. Скловский К.И. Комментарий Постановления КС РФ по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Волкова от 26 ноября 2020 года // СПС КонсультантПлюс. 2020.



Машинская Нина Александровна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт права и предпринимательства

Россия, Екатеринбург

m.ninaninanina@mail.ru

Mashinskaya Nina

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Institute of Law and Entrepreneurship

Russia, Ekaterinburg

**РАСШИРЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА В АРБИТРАЖНОМ
ПРОЦЕССЕ: ВОЗМОЖНОСТЬ ПОДАЧИ ЗАЯВЛЕНИЯ О ПРИЗНАНИИ
ДОЛЖНИКА НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫМ (БАНКРОТОМ)**

Аннотация: в действующем российском законодательстве у прокурора отсутствует право подачи заявления о признании должника банкротом. Данное полномочие должно быть, исходя из необходимости защиты государственных и иных публичных интересов, предотвращения преднамеренного и фиктивного банкротства. Приводится сравнительный анализ законодательства стран СНГ.

Ключевые слова: прокурор, арбитражный процесс, полномочия, банкротство, доктрина.

**EXPANDING THE POWERS OF THE PROSECUTOR IN THE
ARBITRATION PROCESS: THE POSSIBILITY OF FILING AN
APPLICATION FOR RECOGNITION OF THE DEBTOR AS INSOLVENT
(BANKRUPT)**

Annotation: in the current Russian legislation, the prosecutor does not have the right to file an application for declaring the debtor bankrupt. This authority should be based on the need to protect state and other public interests and prevent deliberate



and fictitious bankruptcy. A comparative analysis of the legislation of the CIS countries is provided.

Key words: prosecutor, arbitration process, powers, bankruptcy, doctrine.

Участие прокурора в арбитражном процессе предусмотрено в пункте 3 статьи 1 федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Полномочия прокурора в рамках арбитражного процесса содержатся в статье 52 АПК РФ Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее - АПК РФ). Перечень полномочий прокурора в арбитражном процессе имеет закрытый характер, судя по абзацу 4 пункта 1 постановления Пленума ВАС РФ от 23.03.2012 N 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе»: «в случаях если прокурор обращается в арбитражный суд с исковым заявлением (заявлением) по делам, не предусмотренным федеральным законом, суд прекращает производство по делу применительно к пункту 1 части 1 статьи 150 АПК РФ». Таким образом, полномочия прокурора ограничены перечнем полномочий, указанных в статье 52 АПК РФ.

Судя по перечню полномочий, которые перечислены в статье 52 АПК РФ, можно прийти к промежуточному выводу о недостаточности полномочий прокурора в деле о несостоятельности (банкротстве), несмотря на практическую необходимость. Это выражается, в частности, в том, что прокурор не может обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании должника несостоятельным (банкротом). Дела о банкротстве лишь растут с каждым годом, в связи с чем участие прокурора в деле о банкротстве является актуальным. Исходя из последних изменений в статью 52 АПК РФ, в частности, в связи с тем, что прокурор теперь вправе вступить в дело, рассматриваемое арбитражным судом, с процессуальными правами и обязанностями лица, участвующего в деле в случаях, если в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) затрагиваются жилищные права граждан, в том числе, несовершеннолетних, можно сделать вывод, что на уровне законодательства



появляется положительная тенденция к расширению полномочий прокурора в деле о банкротстве. Также в доктрине поддерживается точка зрения о необходимости участия прокурора в рассмотрении арбитражными судами дел о несостоятельности (банкротстве) юридических лиц ([4, с. 108], [5, с. 35], [6, с. 68], [7, с. 45], [8, с. 51]).

Считаю, что следующим необходимым шагом необходимо предусмотреть правомочие прокурора обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании должника несостоятельным (банкротом). Ограниченный подход к участию прокурора в арбитражном процессе ущемляет возможность защиты публичных интересов в экономической сфере, а также делает затруднительным установление законности и предупреждение правонарушений [9]. Данное упущение законодателя будет являться предметом рассмотрения настоящей работы.

Необходимость предусмотреть среди полномочий прокурора право обратиться с заявлением о признании должника банкротом обусловлена следующими причинами:

Во-первых, в целях совершенствования процессуальных механизмов обеспечения государственных или иных публичных интересов в деле о банкротстве, предотвращения случаев преднамеренного или фиктивного банкротства.

Обеспечения государственных или иных публичных интересов в деле о банкротстве означает возможность прокурору иметь как полномочия, которые дают право подать заявление о признании должника банкротом в интересах Российской Федерации, государственных и муниципальных унитарных предприятий, юридических лиц, в уставном капитале (фонде) которых есть доля участия Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, так и предусмотреть право принимать участие в рассмотрении данных дел. Выбор именно данных субъектов, по мнению автора,



позволяет наиболее полно обеспечить государственные и иные публичные интересы в деле о банкротстве.

Также важно предотвращать случаи преднамеренного и фиктивного банкротства. При получении соответствующих сведений прокурором о наличии признаков преднамеренного или фиктивного банкротства подача им заявления о признании должника банкротом способно предотвратить дальнейшее увеличение кредиторской задолженности и/или вывода активов должника. В данной ситуации именно вовремя поданное заявление о банкротстве должника позволяет оперативно ввести процедуры банкротства и проконтролировать действия должника.

Во-вторых, полномочие прокурора подачи заявления о банкротстве должника является распространенным явлением среди стран СНГ.

Республика Беларусь. Согласно статье 30 Закона «Об урегулировании неплатежеспособности», прокурор вправе подать в суд заявление прокурора о банкротстве в следующих случаях:

- 1.1. если им выявлены признаки преднамеренного банкротства, сокрытия банкротства или препятствования проведению расчета с кредиторами;
- 1.2. в интересах кредиторов – Республики Беларусь, административно-территориальных единиц Республики Беларусь по денежным обязательствам;
- 1.3. в иных случаях, установленных законодательными актами.

Республика Казахстан. Согласно статье 47 Закона «О реабилитации и банкротстве», прокурор обращается в суд с заявлением о признании должника банкротом:

- 1) когда им обнаружены признаки преднамеренного банкротства;
- 2) в интересах кредитора - Республики Казахстан, государственных органов.

Республика Узбекистан. Согласно статье 44 Закона «О банкротстве», прокурор вправе обратиться в хозяйственный суд с заявлением о признании



должника банкротом: когда им обнаружены признаки сокрытия банкротства; в интересах кредитора.

Республика Армения. Согласно статьи 6 Закона «О несостоятельности (банкротстве), в Суд с исковым заявлением о признании должника банкротом по денежным обязательствам в отношении бюджета Республики Армения и муниципального бюджета (в том числе по налогам, пошлинам, иным обязательным платежам) обязаны обратиться следующие соответствующие компетентные государственные органы или органы местного самоуправления: (...) При неподаче искового заявления о банкротстве в срок, установленный государственными органами, (...), его подают органы прокуратуры в порядке, установленном Законом «О прокуратуре» и иными законами Республики Армения».

Республика Таджикистан. Согласно статье 26 Закона «О несостоятельности (банкротстве)», правом на обращение в суд с заявлением о признании должника банкротом в связи с неисполнением денежных обязательств обладают должник, кредитор, прокурор, а в предусмотренных настоящим Законом случаях, и иные лица.

Из некоторых приведенных примеров можно сделать вывод, что по-разному реализуется полномочие прокурора обратиться в суд с заявлением о признании должника банкротом, при этом отметим, что данное полномочие у указанных стран предусмотрено, в отличие от РФ.

Также в статье 5 Модельного закона «О несостоятельности (банкротстве)», принятом на десятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ, предусмотрено, что в случаях, установленных законом, правом на обращение в суд с заявлением о банкротстве должника обладает прокурор. Таким образом, исходя из опыта стран СНГ, а также опыта сотрудничества между ними, можем признать рассматриваемое полномочие прокурора общепринятой практикой, которая могла быть реализована в правовой системе РФ.



В-третьих, рассматриваемое полномочие прокурора было предусмотрено ранее в федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» от 08.01.1998 №6, где в статье 40 устанавливалось, что прокурор вправе обратиться в суд с заявлением о признании должника банкротом, когда им обнаружены признаки преднамеренного банкротства; когда у должника есть задолженность по обязательным платежам; в интересах кредитора по денежным обязательствам – РФ, субъекта РФ, муниципального образования, а также в иных случаях, предусмотренных Законом о банкротстве и другими федеральными законами. Отсутствие данного полномочия у прокурора в актуальном федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127 является законодательным пробелом. В связи с актуальностью проблемы криминальных банкротств, отрицательные последствия произошедших изменений, очевидны не только для прокурорских работников, но и для любого юриста [18].

Законодательный пробел пытались восполнить законопроектом [19], где предлагали дополнить перечень лиц, участвующих в деле о банкротстве, соответственно, участием прокурора в случаях, предусмотренных АПК РФ. Данный законопроект не приняли, так как лишь указать в федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127 на возможность прокурора являться одним из лиц, которые имеют право участвовать в деле о банкротстве, недостаточно, чтобы понять влияние прокурора на предотвращение преднамеренного и фиктивного банкротства. Также в официальном отзыве Правительства РФ на данный законопроект от 30.08.2011 № 4344п-П13 отметили угрозу возможности прокурора активно вмешиваться в производство по делу о банкротстве и влиять на ход процедур, применяемых в деле о банкротстве, несмотря на отсутствие конкретных требований к должнику, что может нарушить баланс прав и законных интересов кредиторов, так как полномочия прокурора конкретно не определены.

По мнению автора данной работы, следовало, помимо вышесказанного, указать в данном законопроекте на полномочие прокурора подать заявление о



банкротстве должника, а не только указать его среди лиц, участвующих в деле о банкротстве, что позволило бы выделить конкретное правомочие, реализуемое прокурором в деле о банкротстве, точнее, предел его полномочий, тем самым устранив сомнения в нарушении баланса прав и законных интересов.

Итак, подача заявления прокурором о признании должника банкротом есть необходимое полномочие, которое должно быть у прокурора в целях обеспечения государственных и иных публичных интересов, предотвращения преднамеренного и фиктивного банкротства. Расширение полномочий прокурора в арбитражном процессе, в частности, в деле о банкротстве, является наметившейся тенденцией в нашем законодательстве, на что указывают последние изменения в статью 52 АПК РФ, а также доктрина. В законах стран СНГ, посвященных банкротству, обсуждаемое полномочие прокурора предусмотрено, однако реализовано по-разному. Тем не менее, подача заявления прокурором о признании должника банкротом является общепринятой практикой стран СНГ, которая в рамках российской правовой системы могла бы быть внедрена. До принятия нового федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127 данное полномочие прокурора было предусмотрено. Следует внести соответствующие изменения в АПК РФ и в федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127.

Список литературы:

1. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 N 2202-1.
2. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 N 95-ФЗ.
3. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.03.2012 N 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе».



4. Антошин А. Н. Участие прокурора в арбитражном процессе в условиях модернизации и российской экономики [Текст] / А. Н. Антошин // Современное право. - 2011. - № 5. - С. 107-109.

5. Власов А. А. Роль прокурора в защите государственных интересов в арбитражном суде/ А. А. Власов // Арбитражный и гражданский процесс. - 2001. - № 3. - С. 34-35.

6. Кремнева Е. В. Полномочия прокурора в арбитражном процессе в свете судебной реформы/ Е. В. Кремнева // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. - 2014. - № 4(42). - С. 66-70.

7. Моисеева И.Г. Проблемы реализации полномочий прокурора в арбитражном судопроизводстве: сборник материалов научно-практической конференции в Приволжском федеральном округе/ Прокуратура Нижегород. обл.; Прокуратура Нижегород. обл. - Н. Новгород: Прокуратура Нижегород. обл., 2006. – С.44-55.

8. Сулименко Н. В. Проблемы защиты прокурором прав хозяйствующих субъектов в арбитражном процессе / Н. В. Сулименко, Е. В. Самойленко // Арбитражная практика. - 2006. - № 12. - С. 51-56.

9. Васильева, Н. А. Актуальные вопросы реализации прокурором полномочий по делам о банкротстве юридических лиц / Н. А. Васильева // Актуальные вопросы в науке и практике: Сборник статей по материалам XI международной научно-практической конференции. В 2 частях, Самара, 15 октября 2018 года. Том Часть 2(2). – Самара: Общество с ограниченной ответственностью Дендра, 2018. – С. 41-46. – EDN YRDHGX.

10. Закон «Об урегулировании неплатежеспособности» от 13 декабря 2022 г. № 227-З.

11. Закон Республики Казахстан «О реабилитации и банкротстве» от 7 марта 2014 года № 176-V.

12. Закон Республики Узбекистан «О банкротстве» от 05.05.1994 г. № 1054-XII.



13. Закон Республики Армения «О банкротстве» от 22 января 2007 года №ЗР-51.

14. Закон Республики Таджикистан «О несостоятельности (банкротстве)» от 8 декабря 2003 года №46.

15. Модельный закон «О несостоятельности (банкротстве)», принятом на десятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ от 6 декабря 1997 года №10-15.

16. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 08.01.1998 №6.

17. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127.

18. Голофаст, А. В. участие прокурора в деле о банкротстве / А. В. Голофаст // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2015. – № 8-6. – С. 33-36. – EDN VBRQСJ.

19. Проект Федерального закона N 559167 – 5 «О внесении изменений в статью 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 34 и 38 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 07.06.2011).

20. Официальный отзыв Правительства РФ от 30.08.2011 № 4344п-П13 на проект Федерального закона N 559167 – 5 «О внесении изменений в статью 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 34 и 38 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 07.06.2011).



УДК 347.918.1

Сидорова Полина Васильевна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

polina13lis@mail.ru

Sidorova Polina

Institute of Prosecutor's Office

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Russia, Ekaterinburg

АРБИТРАЖНЫЕ ЗАСЕДАТЕЛИ: ПРАЗДНИК ЗРЕЛОСТИ ОБЩЕСТВА ИЛИ ЧУЖЕРОДНЫЙ ЭЛЕМЕНТ В РОССИЙСКОМ АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: В статье приведено изучение истоков появления института арбитражных заседателей в России, институт арбитражных заседателей в российском арбитражном процессе сравнивается с деятельностью института профессиональных судей при рассмотрении экономических споров в Германии и Франции, и на основе этого выявлены преимущества и недостатки применения института арбитражных заседателей в России, а также дана оценка его эффективности.

Ключевые слова: арбитражные заседатели, арбитражный процесс, Handelsrichter, торгово-промышленная палата, Арбитражные суды субъектов Российской Федерации, отправление правосудия, романо-германская правовая система.

ARBITRATION ASSESSORS: A CELEBRATION OF SOCIAL MATURITY OR AN ALIEN ELEMENT IN THE RUSSIAN ARBITRATION PROCESS



Annotation: The article presents the study of the origins of the institute of arbitration assessors in Russia the institute of arbitration assessors in the Russian arbitration process is compared with the activities of the institute of professional judges in the consideration of economic disputes in Germany and France, and on this basis the advantages and disadvantages of the application of the institute of arbitration assessors in Russia are identified and the assessment of its effectiveness is given.

Key words: arbitration assessors, arbitration process, Handelsrichter, Chamber of Commerce and Industry, Arbitration Courts of the subjects of the Russian Federation, administration of justice.

В соответствии с Федеральным законом от 30 мая 2001 года «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» арбитражными заседателями арбитражных судов Российской Федерации являются граждане Российской Федерации, наделенные в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, полномочиями по осуществлению правосудия при рассмотрении арбитражными судами субъектов Российской Федерации в первой инстанции, отнесенной к их компетенции дел, возникающих из гражданских правоотношений [2].

Данный институт появился относительно недавно в российском судебном процессе. В соответствии с Федеральным законом от 5 мая 1995 г «О введении в действие арбитражного процессуального кодекса РФ» Высший Арбитражный Суд проводил эксперимент применения деятельности арбитражных заседателей на практике [3]. Эксперимент проводился в течение трех лет. Институт арбитражных заседателей вводился исходя из практики европейских стран, что отметил первый Президент Российской Федерации Борис Николаевич Ельцин в своем распоряжении «О совершенствовании организации и деятельности арбитражных судов Российской Федерации» [4].



Благодаря успешному опыту применения института арбитражных заседателей в арбитражном судебном процессе в 2001 году был принят Федеральный закон «Об арбитражных заседателях арбитражных судов Российской Федерации», после чего он был внедрен в арбитражных судах субъектов РФ.

С одной стороны, применение на практике деятельности арбитражных заседателей отвечает осуществлению принципа доступности граждан на участие в осуществлении правосудия, закрепленного в ст. 32 Конституции РФ[1]. Однако остается актуальным вопрос о том, насколько эффективно арбитражные заседатели выполняют свои функции в условиях российской правовой действительности и способствуют ли их специальные знания наиболее полному рассмотрению обстоятельств дела в арбитражном судебном процессе или институт арбитражных заседателей является чужеродным в российском арбитражном процессе и не отвечает условиям российской правовой действительности?

Чтобы ответить на данный вопрос, попробую провести исследование.

Объектом исследования являются общественные отношения в области рассмотрения дел с участием арбитражных заседателей в российском арбитражном процессе и в рассмотрении экономических споров судами стран, относящихся к романо-германской правовой системе;

Предметом исследования являются нормативно-правовые акты российского законодательства, регулирующие порядок составления списков арбитражных заседателей и реализации их деятельности в судах, а также соответствующие нормы и практика реализации деятельности профессиональных судей при рассмотрении экономических споров в европейских странах;

Целью исследования является изучение истоков появления института арбитражных заседателей в России, проведение сравнения с деятельностью соответствующего института в Германии и Франции, и на основе этого



выявление преимуществ и недостатков института арбитражных заседателей в России, а также оценка его эффективности.

§ 1. Истоки зарождения института арбитражных заседателей

Чтобы понять специфику применения института арбитражных заседателей в современном судебном процессе, обратимся к его истокам. Предположительно, институт арбитражных заседателей был впервые внедрен в Англии в качестве разновидности института присяжных после завоевания страны норманами в 1066 году. В качестве элемента судебного процесса он утвердился в начале XII века. Практика использования этого института также была заимствована Францией в 829 году н. э. в период правления Людовика I Благочестивого [5, с.116-124]. Появление такого института было обусловлено необходимостью совершенствования устаревших форм средневекового судопроизводства: судебные поединки, ордалии, несение присяги не способствовали выявлению достоверных данных в ходе судебного процесса.

Использование деятельности арбитражных заседателей как профессиональных лиц активно применялось в Германии в судах смешанного типа, состоящих как из профессиональных, так и из непрофессиональных судей. Такое нововведение значительно упрощает рассмотрение экономических споров, требующих особые знания, а также помогает осуществлять своеобразный контроль гражданского общества над беспристрастностью судей в отправлении правосудия.

В России институты гражданского общества начали зарождаться гораздо позже. Только после реформы Александра II в 1864 году в России впервые появился такой элемент гражданского общества, как суд присяжных. Институт арбитражных заседателей также является способом участия гражданского общества в отправлении правосудия. В России она появилась позднее в сравнении с другими европейскими странами.

§ 2. Рассмотрение дел с участием арбитражных заседателей в России



Цель создания института арбитражных заседателей в России отражена в Распоряжении Президента РФ от 21 декабря 1993 года «О совершенствовании организации и деятельности арбитражных судов Российской Федерации», где была высказана мысль о необходимости реформирования судебного процесса учетом зарубежной и отечественной практики, а именно о необходимости «привлечения к рассмотрению отдельных категорий дел в суде первой инстанции представителей предпринимательских кругов» для возможности рассмотрения дел с участием иностранных предпринимателей и обеспечения «единства правоприменительной практики»[4].

Нет сомнений в том, что рассмотрение дел с участием арбитражных заседателей свидетельствует о высоком уровне развития гражданского общества, ведь его наличие указывает на то, что государство доверяет отправлению правосудия лицам, не являющимся назначенными судьями в установленном законом порядке. Это способствует своего рода контролю со стороны общества над деятельностью судов и тем самым содействует наиболее всестороннему рассмотрению дел судами.

Однако, опираясь на опыт деятельности арбитражных судов последних лет, можно понять, что в России правила формирования и утверждения списков арбитражных заседателей несовершенны. Об этом свидетельствует множество аспектов. Одним из них является механизм отбора на роль арбитражного заседателя и те основания, исходя из которых кандидатуры могут быть включены в список.

Согласно ст. 3 Федерального закона «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов РФ» списки арбитражных заседателей формируют арбитражные суды субъектов РФ на основе предложений торгово-промышленных палат, ассоциаций, объединений предпринимателей и иных профессиональных объединений. Если до 2014 года списки из арбитражных судов субъектов направлялись в Высший Арбитражный Суд РФ, то в настоящее время списки арбитражных заседателей направляются арбитражными судами



субъектов РФ в Верховный Суд Российской Федерации и утверждаются Пленумом Верховного Суда Российской Федерации[2]. Процедура обжалования отказа от включения кандидатур с список арбитражных заседателей не предусмотрена.

Стоит также отметить, что законодательно не закреплены правила выборки кандидатов в зависимости от сферы их профессиональных знаний при составлении списков арбитражных заседателей и не предусмотрена необходимость предоставления характеристики выдвигаемого кандидата с места работы, а также ручательства за него организации, которая ходатайствует о включении его кандидатуры в список перед судом. Из-за этого возникают сомнения в возможности качественного рассмотрения дела при участии вышеуказанных лиц. При этом суд не вправе отказать кандидату в исполнении своего гражданского долга, несмотря на отсутствие знаний, соответствующих специфике правового спора.

Возникает вопрос о том, что служит поводом для выдвижения организацией высококвалифицированного сотрудника, осуществляющего профессиональную деятельность в интересах работодателя, для участия в рассмотрении дела в качестве арбитражного заседателя? Нет сомнений в том, что лицо, имеющее как минимум пятилетний стаж в области предпринимательской, финансовой или юридической деятельности составляет ценность для работодателя. Кроме того, кандидатуры направляются в суд для рассмотрения дел в качестве арбитражных заседателей с сохранением своего должностного оклада. Зачем в таком случае работодателю действовать в ущерб собственной выгоде? Ведь работнику, невыполняющему свои обязанности, все равно приходится выплачивать заработную плату не ниже ее среднего уровня.

Нельзя упустить тот факт, что мотивы участия в отправлении правосудия в качестве арбитражных заседателей могут заключаться в извлечении финансовой выгоды, учитывая, что средний заработок от основной профессиональной деятельности арбитражных заседателей сохраняется, а также



пропорционально количеству отработанных дней выплачивается компенсационное вознаграждение в размере четверти должностного оклада судьи данного арбитражного суда, но не менее пятикратного минимального размера оплаты труда, установленного законодательством РФ. Ко всему прочему, арбитражному заседателю возмещаются командировочные расходы в порядке и размере, которые установлены для судей при командировании в пределах Российской Федерации[2].

Стоит посмотреть на ситуацию со стороны особенностей арбитражного судебного процесса. Необходимо отметить, что чаще всего неявка арбитражных заседателей ведет к отложению судебного заседания, что может являться причиной использования сторонами права на рассмотрение дела с участием арбитражных заседателей для искусственного затягивания процесса. При таком раскладе участие арбитражных заседателей лишь тормозит ход судебного разбирательства и ведет к его крайней неэффективности.

Учитывая вышесказанное, не вызывает сомнений то, что институт арбитражных заседателей в Российской Федерации нуждается в существенной доработке.

§ 3. Участие граждан при отправлении правосудия при рассмотрении экономических споров в зарубежных странах

В первую очередь следует рассмотреть механизм функционирования институтов гражданского общества, отправляющих правосудие, во Франции и Германии, так как эти страны принадлежат к романо-германской правовой семье, наиболее приближенной к отечественной.

В Германии существует законодательно закрепленная возможность рассмотрения гражданских дел в коллегиальном составе: с участием профессионального судьи и двух непрофессиональных наряду с ним. По своим функциям деятельность этих непрофессиональных судей во многом напоминает институт арбитражных заседателей в Российском судебном процессе. Эти арбитражные именуется как *Handelsrichter* и используются в



Германии для рассмотрения торговых споров. Чаще всего Handelsrichter привлекаются с целью наиболее эффективного разрешения сложных споров, требующих специальных знаний и навыков, а также для повышения доверия к деятельности судов со стороны гражданского общества [6, с. 112-115].

Кандидатуры непрофессиональных судей назначаются Торгово-промышленной палатой и министерством юстиции соответствующей земли. При чем министерство юстиции не вправе отказать в назначении кандидатур. Несмотря на то, что законодательством Германии не предусмотрены обязательные требования к уровню образования непрофессиональных судей, обязательным условием для возможности их привлечения к делу является наличие специальных знаний и опыта работы в определенной сфере. К тому же при рассмотрении торгового дела непрофессиональные судьи имеют те же права, что и председательствующий судья.

Порядок рассмотрения дела с участием арбитражных заседателей в Германии и Франции отличается от рассмотрения дел с участием арбитражных в российском судебном процессе.

Если российская практика и порядок рассмотрения дел арбитражными заседателями во многом схож с практикой Германии в рассмотрении экономических споров непрофессиональным судьями, то законодательством Франции предусмотрена немного иная специфика отправления правосудия в экономических спорах [7, с. 55-56].

Стоит отметить, что экономические дела в французских судах рассматриваются не коллегиально в составе арбитражного судьи и двух непрофессиональных судей, а исключительно арбитражными заседателями. При этом кандидатам на должность арбитражных заседателей могут быть избраны исключительно лица, достигшие 30-летнего возраста; состоящие в избирательном списке, составленном в округе коммерческого суда, где участвует в выборах кандидат, или в округах смежных коммерческих судов; в отношении которых не возбуждена процедура восстановления



платежеспособности или ликвидации имущества в судебном порядке; коммерсанты, состоящие в реестре коммерсантов и товариществ в округе торгово-промышленной палаты или руководители предприятия, состоящие в реестре ремесленных предприятий, и в реестре коммерсантов и товариществ данного округа, а также лица, занимающие руководящие должности, а именно должности председателя административного совета, председателя или члена директората.

Такие серьезные требования способствуют формированию торговых трибуналов из специалистов с хорошей деловой репутацией, за плечами которых действительно богатый опыт в предпринимательской и иной экономической деятельности.

Плюс ко всему прочему выборы арбитражных заседателей являются двухступенчатыми: на первом этапе избираются члены избирательной коллегии по выборам судей коммерческих судов. Члены избирательной коллегии подразделяются на категории, соответствующие коммерческой сфере, предпринимательской сфере или сфере услуг. На втором этапе избираются судьи коммерческого суда. Причем к избирателям судей также предъявляются серьезные требования. Так, избирателями могут являться коммерсанты, состоящие в реестре, руководители предприятия, состоящие в реестре ремесленников предприятий и другие высокопоставленные лица в данной сфере.

2. Что касается требований, предъявляемых к избирателям, подлежат оценке не только их профессиональные качества, но и их моральный облик. Например, избирателями не могут стать граждане, которые понесли уголовное наказание за преступления против чести, порядочности и добрых нравов.

Таким образом, не только сами кандидаты на должность непрофессиональных судей должны быть профессионалами своего дела, но и их выборщики, согласно французскому законодательству, должны являться опытными коммерсантами.



Когда избирательная коллегия сформирована, проходят выборы самих судей, которые проводятся отдельно в каждом судебном округе, причем выборы в торговом и коммерческом суде имеют свои особенности.

В торговых судах действует коллегия избирателей в состав которой входят члены торговых судов, а также бывшие члены торговых судов, которые продолжают оставаться в списках избирателей [6, с. 112-115].

§4. Статистика рассмотренных дел с участием арбитражных заседателей в России

О редкости рассмотрения экономических споров с участием арбитражных заседателей свидетельствуют данные официальной статистики рассмотрения дел с участием арбитражных заседателей, опубликованной на сайте Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. Если в 2014 году в Арбитражных судах субъектов с участием арбитражных заседателей было рассмотрено 14 дел, то в 2015 их количество снизилось до 4 дел, в 2016 и 2017 с участием арбитражных заседателей в соответствующих судах рассмотрено всего 2 дела. Начиная с 2018 года экономические споры в Арбитражных судах субъектов РФ с участием арбитражных заседателей не рассматривались [8].

На диаграмме наглядно показано, что в период с 2014 по 2023 год количество дел, рассмотренных с участием арбитражных заседателей постоянно снижалось (см. Диаграмму 1). Это было вызвано рядом различных причин.

Во-первых, это могло быть вызвано недостаточным количеством кандидатур, выдвинутых для рассмотрения дел в качестве арбитражных заседателей в связи с отсутствием законодательно закрепленной обязанности торгово-промышленных палат, ассоциаций и объединений предпринимателей выдвигать своих специалистов для рассмотрения дела в арбитражном процессе. В следствие этого возникают трудности в формировании списков арбитражных заседателей и эффективной реализации функций данного института на практике.



Во-вторых, отсутствуют основания разграничения специальных знаний лиц, привлекаемых к участию в арбитражном процессе в качестве арбитражных заседателей, которые зачастую не отвечают сложности рассматриваемого дела и его специфике, требующей применения специальных знаний и навыков, которыми не обладают судьи. Согласно ст. 2 ФЗ «Об арбитражных заседателях судов субъектов РФ», к рассмотрению дела в качестве арбитражного заседателя могут как специалисты в области экономической, финансовой, предпринимательской деятельности, так и лица, имеющие стаж работы в юридической деятельности. Предполагается, что привлечение арбитражных заседателей в арбитражный процесс производится с целью использования знаний, находящихся за пределами юридических наук, которыми не обладает судья, однако установленная законодательством возможность привлечения юристов наравне с специалистами в области экономической, финансовой и предпринимательской деятельности не способствует отбору узких специалистов, которые обладают знаниями в сферах, не связанных с юриспруденцией.

Также, по мнению Н.А. Шкаловой, институт арбитражных заседателей может вызывать недоверие сторон, участвующих в гражданском процессе, поэтому за последние пять лет дела с участием арбитражных заседателей не рассматривались.

Заключение

В настоящей работе было проведено сравнение деятельности арбитражных заседателей в России с деятельностью соответствующего института в Германии и Франции, и на основе этого выявлены преимущества и недостатки института арбитражных заседателей в России, а также была дана оценка эффективности данного института.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1) Институт арбитражных заседателей не использовался при рассмотрении дел в арбитражном процессе последние пять лет, что может



свидетельствовать о недостаточной регламентации правил отбора кандидатов на должность арбитражных заседателей и учета соответствия их профессиональных качеств специфике правового спора.

2) Порядок назначения арбитражных заседателей в российском арбитражном процессе схож с порядком назначения и функциями арбитражных заседателей в Германии.

3) Порядок составления списков арбитражных заседателей во Франции имеет более сложную структуру и более высокие требования к качествам кандидатов, что по мнению автора данного доклада, способствует большей эффективности при участии арбитражных заседателей в рассмотрении споров, в сравнении с участием арбитражных заседателей в российском арбитражном процессе

4) Опыт привлечения арбитражных заседателей к участию в рассмотрении дел в российском арбитражном процессе показал, что институт арбитражных заседателей, заимствованный у европейских стран, выполняет свои функции неэффективно, по сравнению с теми государствами, где зародился институт арбитражных заседателей (в Германии и Франции).

Автор данной работы считает, что нашим законодателям стоит ориентироваться на опыт Франции, а именно законодательно закрепить разделение критериев для отбора кандидатов в зависимости от характера и сложности экономического спора.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.); (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ; от 30.12.2008 № 7-ФКЗ; от 05.02.2014 № 2-ФКЗ; от 21.07.2014 № 11-ФКЗ; от 14.03.2020 № 1-ФКЗ; от 16.10.2022 // Российская газета. 1993. 25 декабря; Собрание законодательства РФ. № 11. 2022.

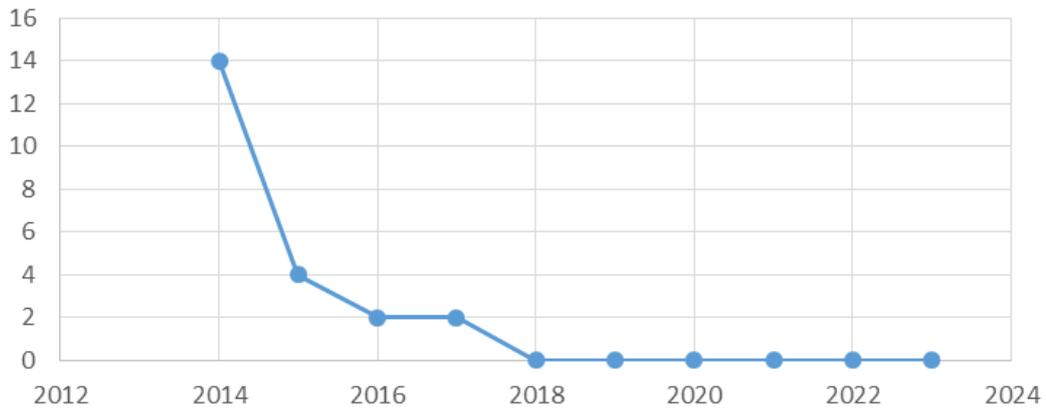


2. Федеральный закон от 30.05.2001 N 70-ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов Российской Федерации» (ред. от 28.11.2018) // Собрание законодательства РФ. № 23. 2001.
3. Федеральный закон от 05.05.1995 N 71-ФЗ "О введении в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» (ред. от 24.07.2002) // Собрание законодательства РФ. № 19. 1995.
4. Распоряжение Президента Российской Федерации от 21 декабря 1993 года N 775-рп «О совершенствовании организации и деятельности арбитражных судов Российской Федерации» (ред. От 21.12.1993) // Собрание актов Президента и Правительства РФ. № 52. 1993.
5. Добровольский В.И. – Актуальные вопросы арбитражного законодательства. - Москва, 2010 – 205 с.
6. Шкалова Н.А. – Зарубежный опыт участия непрофессиональных судей в решении экономических дел, 2016, № 5 – 115 с.
7. Шкалова Н.А. Участие арбитражных заседателей в арбитражном процессе: дисс...канд. юрид. Наук. М., 2017 – 120 с.
8. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id>.



Приложения

Диаграмма 1. Количество дел рассмотренных с участием арбитражных заседателей в Арбитражных судах субъектов РФ (2014 – 2023 гг.)





УДК 347.91

Филатова Евгения Алексеевна

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

Институт частного права

Россия, Москва

filatovaa.ea@gmail.com

Filatova Evgeniya

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Institute of Private Law

Russia, Moscow

МЕХАНИЗМ РАЗРЕШЕНИЯ РАЗНОГЛАСИЙ В ДЕЛЕ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) И ПРОБЛЕМЫ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация: в настоящей статье исследуются отдельные процессуальные проблемы, связанные с механизмом разрешения разногласий в деле о несостоятельности (банкротстве). Автор обосновывает недопустимость процессуальных злоупотреблений при реализации данного механизма, в том числе неправомерность подмены требованием о разрешении разногласий иного материально-правового требования, и предлагает пути решения обозначенных проблем.

Ключевые слова: разрешение разногласий, обособленный спор, банкротство, право на обращение в суд, специальные виды разногласий, задачи судопроизводства.

MECHANISM OF DISAGREEMENT RESOLUTION IN AN INSOLVENCY (BANKRUPTCY) CASE AND PROBLEMS OF ITS REALISATION



Annotation: the article examines certain procedural problems related to the mechanism of disagreement resolution in insolvency (bankruptcy) case. The author substantiates the inadmissibility of procedural abuses in the implementation of this mechanism, including the illegality of substitution another substantive legal requirement by the requirement to resolve disagreements, and suggests ways to solve these problems.

Key words: disagreement resolution, isolated dispute, bankruptcy, the right to apply to the court, special types of disagreements, tasks of proceedings.

Судопроизводство по делам о несостоятельности (банкротстве) – одно из наиболее ярких проявлений тенденции дифференциации цивилистического процесса. Специальное правовое регулирование данной категории споров обусловлено, прежде всего, необходимостью квалифицированной защиты прав широкого круга лиц, интересы которых затрагиваются несостоятельностью конкретного субъекта гражданского оборота [1, с. 17]. По этой причине дело о банкротстве можно охарактеризовать как «консолидированное производство, включающее разнообразные «мини-процессы» [2, с. 224], в рамках которых арбитражным судом разрешаются особые требования, неразрывно связанные со спецификой материальных правоотношений в сфере несостоятельности.

В доктрине справедливо отмечается, что отличительной чертой конкурсного процесса является повышенная процессуальная активность суда [3, с. 125], поскольку судебный контроль может осуществляться даже в отношении вопросов, изначально не подведомственных арбитражному суду. Указанное обстоятельство имеет место, когда между заинтересованными лицами возникают противоречия, не позволяющие им урегулировать конфликт самостоятельно. Для таких случаев Федеральный закон «О (несостоятельности) банкротстве» [4] (далее – Закон о банкротстве) предусматривает уникальный процессуальный механизм – разрешение разногласий, который реализуется в качестве самостоятельной процессуальной процедуры [5, с. 67].



По общему правилу заявления, ходатайства о разногласиях между арбитражным управляющим и кредиторами, а в случаях, указанных в Законе о банкротстве, между первым и должником, рассматриваются арбитражным судом в судебном заседании не позднее чем через один месяц с даты получения соответствующих заявлений, ходатайств арбитражным судом (п. 1 ст. 60 Закона о банкротстве).

В дополнение к общему правилу Закон о банкротстве отдельно выделяет специальные виды разногласий (например, п. 10 ст. 16, п. 11 ст. 16, п. 2 ст. 60, п. 4 ст. 138, п. 11 ст. 148 Закона о банкротстве).

Несмотря на перечисление в законе конкретных вопросов, для разрешения которых может быть заявлено ходатайство о разногласиях, судебная практика складывается в пользу расширительного толкования нормы п. 1 ст. 60 Закона о банкротстве. В этой связи не исключено ее применение и к непоименованным видам разногласий, в том числе в отношении иных лиц, участвующих в деле и в арбитражном процессе по банкротному делу [6]. Ими могут быть, например, привлеченные арбитражным управляющим специалисты [7], учредители (участники) должника [8], участники торгов по продаже имущества должника [9], контролирующие должника лица [10], супруг должника-гражданина [11].

С одной стороны, такой подход является вполне оправданным, так как зачастую в ходе проведения банкротных процедур возникают нестандартные ситуации, прямо не урегулированные законом. В этом случае обращение в арбитражный суд для устранения возникших противоречий является единственным способом урегулировать конфликт, который разрешается в пользу того участника обособленного спора, чья позиция в наибольшей степени соответствует целям института несостоятельности, а значит, именно он получит от арбитражного суда санкцию (разрешение) на совершение тех или иных действий.



С другой стороны, предоставление столь широкому кругу субъектов права инициировать обособленный спор о разрешении разногласий, предметом которого может стать, как показывает складывающаяся судебная практика, любой материально-правовой вопрос, приводит к использованию данного механизма не по назначению, в том числе в целях затягивания производства по делу о банкротстве.

Еще больше указанная проблема усугубляется тем, что законодатель не сформулировал общей нормы, устанавливающей срок права на обращение в арбитражный суд с заявлением о разрешении разногласий [12]. В п. 48 постановления Пленума ВАС РФ от 15.12.2004 № 29 установлены лишь временные пределы рассмотрения арбитражным судом таких требований – до внесения в ЕГРЮЛ записи о ликвидации должника. Конкретный срок подачи заявления предусмотрен только для разногласий, связанных с реализацией заложенного имущества – 10 дней с даты включения сведений о порядке, условиях и сроках продажи предмета залога в ЕФРСБ (абз. 3 п. 4 ст. 138 Закона о банкротстве).

В силу вышеизложенного весьма распространенной является практика, когда под видом ходатайства о разрешении разногласий предъявляется требование, которое подлежит рассмотрению в ином процессуальном порядке, но по каким-либо причинам его соблюдение невыгодно заявителю. Например, лицо, узнавшее о наличии оснований для субординации требований кредитора, включенного в реестр вступившим в законную силу судебным актом, обращается с заявлением о разрешении разногласий относительно понижения очередности удовлетворения требования такого кредитора. Очевидно, что его целью, по сути, является пересмотр судебного акта о включении в реестр требований кредиторов по вновь открывшимся обстоятельствам, осуществляемый по правилам гл. 37 АПК РФ [13]. Однако, учитывая сокращенные сроки подачи заявления о пересмотре, а также необходимость обоснования, почему вновь открывшиеся обстоятельства не были и не могли



быть известны заявителю, гораздо проще «подвести» фактические обстоятельства под механизм разногласий, поскольку законом не регламентированы ни четкие сроки подачи заявления, ни исчерпывающий перечень разрешаемых вопросов.

Для устранения обозначенных проблем, с учетом значимости рассматриваемого механизма как самостоятельного способа защиты участников производства по делу о банкротстве, целесообразно закрепление в Законе о банкротстве правил, регламентирующих порядок и сроки подачи заявления о разрешении разногласий. В частности, во избежание дополнительной процессуальной нагрузки на арбитражные суды необходимо дополнить п. 4 ст. 60 Закона о банкротстве, закрепив полномочие арбитражного суда на оставление без рассмотрения заявления о разногласиях, если в процессе рассмотрения спора выяснится, что по существу оно содержит требование, которое подлежит рассмотрению в ином процессуальном порядке (в судебной практике имеются соответствующие примеры) [14].

При этом арбитражный суд должен разъяснить заявителю, каким образом и в какие сроки ему следует реализовать свое право на судебную защиту. Так, требование, в котором выражено несогласие с принятым судебным актом (как в приведенном выше примере), разрешается в порядке апелляционного и кассационного обжалования, а также пересмотра судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам [15]. Если же заявление о разрешении разногласий содержит доводы, связанные с незавершенным обособленным спором, такое заявление фактически представляет собой возражения, которые должны быть рассмотрены в рамках уже возбужденного спора. В противном случае судебный акт, принятый по спору о разрешении разногласий, предрешал бы рассмотрение конкурирующего обособленного спора, что недопустимо [16].

Кроме того, следует конкретизировать общую норму п. 1 ст. 60 Закона о банкротстве путем указания на срок подачи заявления, исчисляемый с момента возникновения обстоятельств, указывающих на наличие разногласий



(например, с момента получения отказа арбитражного управляющего в совершении того или иного действия), а также предусмотреть возможность его восстановления.

Таким образом, разрешение разногласий, будучи особым средством защиты прав лиц, участвующих в деле и в арбитражном процессе по делу о банкротстве, должно быть направлено исключительно на устранение правовой неопределенности в отношениях между участниками соответствующего производства. Иной подход, позволяющий использовать данный механизм в целях различного рода злоупотреблений, противоречит задачам конкурсного процесса и судопроизводства в целом, не защищает и не восстанавливает нарушенные (оспариваемые) права заявителя, а лишь затягивает рассмотрение дела о банкротстве и препятствует своевременной реализации мероприятий, необходимых для эффективного осуществления банкротных процедур.

Список литературы:

1. Подольский Ю.Д. Обособленные споры в банкротстве: монография / Уральск. гос. юрид. ун-т, каф. гражд. процесса. М: Статут, 2020. 171 с.
2. Уксусова Е.Е. Гражданское судопроизводство по делам о банкротстве: проблемы законодательного регулирования и правоприменения // *Lex russica*. 2014. № 2. С. 211-227.
3. Дорохина Е.Г. Правовое регулирование управления в системе банкротства. М., 2009. 375 с.
4. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О несостоятельности (банкротстве)» // *Собрание законодательства РФ*, 28.10.2002, № 43, ст. 4190.
5. Шишмарева Т.П. Правовые средства обеспечения эффективности процедур несостоятельности в России и Германии : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 546 с.



6. Родион Ларченко. Разногласия в деле о банкротстве: как на практике применяются инструменты, предусмотренные Законом о банкротстве для их урегулирования? // «ЭЖ-Юрист», № 09 (1110), 2020 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.eg-online.ru/article/415798/> (дата обращения: 12.11.2023).

7. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 25.07.2023 № Ф01-3856/2023 по делу № А29-8292/2016 // СПС «Консультант Плюс».

8. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.10.2020 № 11АП-10993/2020, 11АП-10995/2020 по делу № А55-2479/2017 // СПС «Консультант Плюс».

9. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 17.01.2022 № 02АП-10095/2021 по делу № А82-16236/2016 // СПС «Консультант Плюс».

10. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25.05.2021 № 09АП-20844/2021 по делу № А40-33003/2017 // СПС «Консультант Плюс».

11. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18.09.2023 № Ф09-5858/23 по делу № А60-35949/2021 // СПС «Консультант Плюс».

12. Алексей Дудко. Разрешение разногласий в банкротстве // «Корпоративный юрист», № 11, 2018 [Электронный ресурс] // URL: <https://m.e.korporist.ru/682227> (дата обращения: 12.11.2023).

13. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 30.06.2023 № Ф03-2712/2023 по делу № А73-11617/2018; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 30.09.2022 № Ф04-5759/2017 по делу № А03-3546/2016; постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.11.2021 № Ф05-17106/2017 по делу № А41-6985/2017; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19.05.2021 № Ф09-5701/17 по делу № А76-12237/2015; постановление Арбитражного суда



Поволжского округа от 23.08.2021 № Ф06-6049/2021 по делу № А72-688/2016 // СПС «Консультант Плюс».

14. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 17.05.2023 № Ф06-2726/2021 по делу № А55-28492/2019 // СПС «Консультант Плюс».

15. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.01.2023 № Ф05-12393/2021 по делу № А40-303050/2019 // СПС «Консультант Плюс».

16. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 06.04.2022 № Ф09-655/14 по делу № А50-3762/2013 // СПС «Консультант Плюс».



УДК 347.98

Царев Максим Александрович

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Юридический институт им. М.М. Сперанского

Россия, Владимир

tsarevmaximka2001@gmail.com

Tsarev Maxim

Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs

Law Institute named after M.M. Speransky

Russia, Vladimir

НАРУШЕНИЯ В РАБОТЕ СУДА КАК УВАЖИТЕЛЬНАЯ ПРИЧИНА ПРОПУСКА ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СРОКА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о возможности восстановления пропущенного заявителем установленного федеральным законом процессуального срока по причине нарушений в работе суда, определяется перечень таких нарушений, выявляются особенности применения судебного усмотрения при разрешении вопроса о признании нарушений в работе суда уважительными причинами пропуска процессуального срока в гражданском судопроизводстве.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, процессуальный срок, пропуск процессуального срока, уважительная причина, судебное усмотрение, нарушения в работе суда.

VIOLATIONS IN THE WORK OF THE COURT AS A GOOD REASON FOR MISSING A PROCEDURAL DEADLINE IN CIVIL PROCEEDINGS

Annotation: the article discusses the possibility of restoring the procedural deadline established by federal law by the applicant due to violations in the work of the court,



defines a list of such violations, identifies the features of the use of judicial discretion when resolving the issue of recognizing violations in the work of the court as valid reasons for missing a procedural period in civil proceedings.

Key words: civil proceedings, procedural deadline, missed procedural deadline, good reason, judicial discretion, violations in the work of the court.

Под процессуальным сроком в гражданском судопроизводстве понимается установленный гражданским процессуальным законодательством или судом период времени, в течение которого либо должны быть совершены процессуальные действия, либо необходимо воздержаться от их совершения. Процессуальный срок предоставляет лицу право на совершение процессуальных действий, и, как следствие, по истечении процессуального срока действие такого права прекращается. Вместе с тем, гражданское процессуальное законодательство предоставляет возможность для восстановления судом пропущенного процессуального срока.

Восстановление пропущенного процессуального срока является следствием признания судом уважительной причину его пропуска. Перечень обстоятельств, позволяющих сделать вывод об уважительности причин пропуска лицом процессуального срока, законом не определен. Указание закона на необходимость признания таких причин уважительными именно судом позволяет сделать вывод о широких пределах судебного усмотрения при разрешении данного вопроса [2]. Данное обстоятельство связано с тем, что при рассмотрении и разрешении гражданских дел судья руководствуется не только положениями гражданского процессуального законодательства, но и другими актами, регламентирующими его поведение, в том числе Кодексом судейской этики, обязывающим судью при исполнении своих профессиональных обязанностей быть свободным от каких-либо предпочтений, предубеждений или предвзятости.



Вопрос о признании той или иной причины пропуска процессуального срока уважительной разрешается путем применения судебного усмотрения, поскольку, с одной стороны, отсутствие конкретного перечня таких причин фактически является пробелом в правовом регулировании гражданского судопроизводства; с другой стороны, отсутствие в ГПК РФ в принципе какого-либо перечня уважительных причин пропуска процессуального срока учитывает особенности жизненных обстоятельств заявителя [1]. Кроме того, формулировка «причины, признанные судом уважительными» предполагает самостоятельное определение таких причин судом посредством осуществления судебного усмотрения [3, с. 15].

Анализ судебной практики по заявлениям о восстановлении пропущенных процессуальных сроков позволяет сделать вывод о том, что одной из групп причин, признаваемых судами уважительными, являются обстоятельства, связанные с нарушениями в работе суда и вызванные его непосредственными действиями. Под обстоятельствами, вызванными действиями суда, следует понимать обстоятельства, которые связаны с невозможностью совершения лицом процессуального действия, поскольку со стороны суда были допущены определенные нарушения.

Одним из таких нарушений является изначальное извещение судом лица, участвующего в деле, по неверному адресу. Рассматривая данную разновидность нарушений, необходимо отметить, что на практике указание судом в извещениях или сопроводительных письмах неверного адреса выражается, к примеру, в отсутствии указания литеры после номера дома либо в ошибочном ее указании, неправильном указании населенного пункта, несмотря на верное указание улицы, и так далее. Данные действия связаны с опечаткой работника аппарата суда при наборе адреса либо с намерением последующего извещения другой стороны по неверному адресу со стороны истца или заявителя, целенаправленно указавшего ошибочный адрес.



Кроме того, уважительной причиной пропуска процессуального срока суды признают позднюю отправку лицу, участвующему в деле, копии судебного постановления или извещения. В данном случае речь идет не о недобросовестных действиях сотрудников отдела экспедиции аппарата суда, а скорее с поздним изготовлением текста постановления судьей либо извещения или сопроводительного письма работником аппарата суда, что приводит к поздней передаче корреспонденции в отдел экспедиции суда. Данная причина пропуска процессуального срока признается судами уважительной, поскольку на необходимость своевременного вручения судебных извещений и вызовов лицам, участвующим в деле, указывает, например, ст. 113 ГПК РФ. Так, в соответствии с ней, периода между вручением судебного извещения и датой судебного заседания должно быть достаточно для подготовки к делу и своевременной явки в суд [4, с. 122].

Также к уважительным причинам пропуска лицом, участвующим в деле, процессуального срока относится тот факт, что судом не до конца исследовался либо не исследовался вообще вопрос об адресе регистрации корреспондента.

Так, по общему правилу, судебное извещение, адресованное участвующему в деле лицу, направляется по указанному им или его представителем адресу. Поскольку судебная корреспонденция относится к юридически значимым сообщениям, то она должна направляться гражданину по адресу его регистрации по месту жительства или пребывания.

Также юридически значимые сообщения могут направляться судом по адресу, который гражданин указал сам.

Уточнение текущего адреса регистрации гражданина осуществляется судом путем запроса адресно-справочной информации в территориальном управлении Министерства внутренних дел. Вместе с тем, суды с учетом высокой загруженности и ограниченности сроков рассмотрения дел либо вообще не запрашивают сведения о регистрации гражданина – лица, участвующего в деле (как правило, ответчика), либо руководствуются адресом,



указанным в исковом заявлении, в случае неисполнения судебного запроса в обозначенный срок. В таких случаях суды в соответствии с положениями ст. 233 ГПК РФ, а также в целях соблюдения процессуальных сроков рассмотрения гражданских дел выносят заочное решение, которое впоследствии отменяется после появления ответчика. Впоследствии судом может быть установлено, что ответчик, несмотря на адрес регистрации, в период рассмотрения дела фактически проживал по другому адресу [5, с. 183].

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что причины пропуска заявителем процессуального срока, признаваемые судом уважительными, могут быть связаны с действиями (бездействием) суда в лице работников его аппарата, при этом уважительность той или иной причины пропуска процессуального срока определяется путем осуществления судебного усмотрения, поскольку перечень таких причин законом не определен.

Список литературы:

1. Восстановить пропущенный срок: как это сделать // Право.ru. – 2021, 19 мая [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.ru/story/231369/> (дата обращения: 16.11.2023).
2. ВС напомнил, что перечень уважительных причин пропуска процессуального срока в ГПК – не исчерпывающий // Адвокатская газета. – 2022, 04 апреля [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-napomnil-cto-perechen-uvazhitelnykh-prichin-propuska-protsessualnogo-sroka-v-gpk-ne-ischerpyvayu/> (дата обращения: 16.11.2023).
3. Михайлова Е.В. Судебное усмотрение в российском гражданском процессе // Российский судья. – 2023. – № 2. – С. 13-17.
4. Новицкая Л.Ю. Анализ проблем, возникающих при восстановлении пропущенного процессуального срока в гражданском и арбитражном суде //



Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2020. – № 1 (56). – С. 120-124.

5. Пучкова Д.В., Чугурова Т.В. Проблемы восстановления сроков в гражданском процессе // Modern Science. – 2020. – № 5-2. – С. 182-184.



Чернышева Александра Сергеевна
Российский государственный университет правосудия
Юридический факультет
Россия, Иркутск
alexa.chernisheva@gmail.com
Chernysheva Alexandra
Russian State University of Justice
Faculty of Law
Russia, Irkutsk

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОНЛАЙН-МЕДИАЦИИ

Аннотация: в статье рассматривается один из новых и перспективных институтов – онлайн-медиация. Автором проанализировано применение данной процедуры в зарубежных странах и Российской Федерации. Рассмотрены преимущества и недостатки урегулирования споров онлайн. Предложены пути решения проблем.

Ключевые слова: медиация, онлайн-медиация, медиатор, урегулирование споров онлайн, конфликт, посредничество.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF ONLINE MEDIATION

Annotation: the article discusses one of the new and promising institutions – online mediation. The author analyzes the application of this procedure in foreign countries and the Russian Federation. The advantages and disadvantages of online dispute resolution are considered. The ways of solving the problems are proposed.

Key words: mediation, online mediation, mediator, online dispute resolution, conflict, mediation.



В наш век информационных технологий все большую популярность набирает онлайн-медиация. Коронавирусная инфекция 2020 года еще больше укрепила позиции онлайн разрешения конфликтов. Онлайн-медиация, несомненно, может быть полезным инструментом при возникновении спора, когда трудно или невозможно собрать стороны для участия в разрешении конфликта.

В зарубежных странах данный институт является достаточно популярным. Так, еще в 2008 году в Европейском Союзе при помощи онлайн-медиации было разрешено более полумиллиона дел [1, с. 60]. В Китае в октябре 2016 года Верховный народный суд КНР запустил единую онлайн-медиационную платформу – «Медиационная платформа народных судов КНР». Через данный институт осуществляются предсудебная медиация, а также примирительные процедуры сторон-участников судебного процесса [2]. В Великобритании пользуется популярностью система для урегулирования споров по возмещению вреда жизни, здоровью, имуществу вследствие дорожно-транспортных происшествий – RTA PI Claims Portal [3, с. 86]. В досудебном порядке стороны могут разрешить конфликтную ситуацию.

Стоит также отметить, что в 2016 году ЮНСИТРАЛ (Комиссия ООН по праву международной торговли) приняла Технические примечания по разрешению споров в режиме онлайн, чтобы помочь государствам, в частности развивающимся странам и государствам с переходной экономикой, администраторам урегулирования споров онлайн (далее – УСО), нейтральным сторонам и сторонам процедур УСО в разработке и использовании систем УСО [4]. Указанные технические примечания не являются обязательными. В них содержатся положения, регулирующие этапы процедуры, роли и задачи УСО, полномочия, язык, управление и др.

Что касается Российской Федерации, то у нас данный институт не является таким популярным. Однако, «цифровое» время говорит нам о необходимости использования электронных помощников. В настоящий момент



во втором чтении рассматривается законопроект о введении онлайн-сервиса урегулирования споров в сфере защиты прав потребителей [5]. Он представляет собой электронный сервис портала государственных услуг, обеспечивающий процесс предъявления, рассмотрения и удовлетворения требований потребителей, предусмотренных законодательством о защите прав потребителей, в рамках досудебного урегулирования споров между потребителем и изготовителем, связанных с продажей товаров с использованием сети Интернет.

Теперь поговорим о плюсах и минусах онлайн-медиации.

Урегулирование споров онлайн, по моему мнению, имеет большое преимущество в случаях, когда участники спора находятся далеко друг от друга. Указанный способ позволяет проводить процедуру медиации из любого места, а, следовательно, обеспечивает доступность альтернативного разрешения спора для тех, кто этого сделать не мог. Помимо прочего это значительно сокращает время – добираться никуда не нужно, а также экономит денежные средства.

Нахождение в одном помещении конфликтующих сторон увеличивает вероятность конфронтации. В случае же с онлайн-медиацией эмоциональный фон будет значительно спокойнее.

Помимо вышеуказанного стороны конфликта могут выбирать себе посредника из любой точки мира, а не только того, кто находится в непосредственной территориальной близости. Это может помочь найти компетентного специалиста, обладающего опытом в сфере предмета спора.

Что касается документов, то их можно выводить на экран для демонстрации всем участникам, редактировать под наблюдением сторон.

Таким образом, онлайн-медиация имеет множество плюсов. Однако существует и достаточное количество минусов виртуального ведения переговоров.



В первую очередь это, конечно же, высокий процент технических сбоев, которые включают в себя проблемы с оборудованием, программным обеспечением, онлайн-соединением. Все это, по итогу, может привести к нарушению конфиденциальности, невозможности завершить процесс медиации, возрастанию эмоциональной напряженности. Медиатор потеряет контроль над психологическим климатом и ему будет трудно создать условия для примирения сторон.

Онлайн-медиационная платформа должна быть простая и понятная в использовании. Необходима четкая инструкция, а также горячая линия, позвонив или написав на которую человек может получить ответы на интересующие его вопросы. Помимо этого, такая платформа должна содержать подробное описание медиации, обязательность/необязательность результатов медиации для суда, платно это или бесплатно, поскольку данный институт не является особенно популярным в Российской Федерации. Из этого вытекает необходимость активной рекламы указанного сервиса.

В процессе онлайн-медиации для посредника является достаточно сложной задачей установить эффективную коммуникацию между сторонами, так как взаимодействия лицом к лицу не происходит. Особенно это может быть актуально в случаях, когда у сторон не было реальных отношений или общения, поэтому у медиатора нет предпосылок для действий. Поэтому, установление связи, управление эмоциями и диалог на переговорах становятся трудной задачей для медиатора. Сюда же относится низкая эффективность использования невербальных сигналов и жестов для понимания эмоционального состояния участников процедуры.

Очень серьезной проблемой является сохранение конфиденциальности при проведении онлайн-медиации. Это может быть скрытое присутствие третьих лиц. Чтобы минимизировать такой риск перед началом процедуры необходимо подписывать соглашение, в котором будет обозначен пункт о присутствии только правомочных лиц и условиях ответственности за его



нарушение. Также, в целях защиты информации, никто не может вести запись медиативной сессии, если изначально не было такой договоренности. Не исключены и случаи кибератак, с целью кражи личной информации.

В целях сохранения конфиденциальности необходимо оценить техническую платформу, с помощью которой осуществляется процедура. Во-первых, уточнить кто является владельцем платформы, так как с учетом современных реалий могут существовать риски в ее использовании для внутрироссийского спора. Во-вторых, выяснить кто может видеть данные, получаемые платформой, и как они могут быть использованы. В-третьих, соблюдает ли платформа действующее российское законодательство о конфиденциальности. Необходимо ограничивать доступ при помощи паролей и индивидуальных ссылок.

Для крупных споров используются специальные сервисы для проведения медиации онлайн. Такой сервис, к примеру, существует в Англии, он носит название «Orus 2». Существует видеоплатформа «ODR.com», которая была создана для организации арбитража и как раз онлайн-медиации [6, с. 13].

Хочется также обсудить скорее сложность, нежели недостаток онлайн-медиации. Это вопрос, касающийся подписывания документов (медиативное соглашение). Медиатору необходимо заранее выяснить каким образом это будет происходить. Одним из вариантов может быть электронная цифровая подпись - информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию [7]. Помимо данного способа возможна также пересылка документов по почте или электронной почте. Однако это достаточно затянет время, а также может привести к тому, что одна из сторон передумает и откажется подписывать соглашение. Возникает противоречивая ситуация – процесс переговоров завершился успехом, а реальный результат так и не наступил.



Таким образом, учитывая все вышеизложенное, при надлежащей подготовке онлайн-медиация имеет достаточное количество плюсов. Однако, с учетом указанных в статье проблем, нормы действующего законодательства о процедуре медиации нуждаются в обновлении в части, касающейся порядка проведения онлайн разрешения споров. А профессиональным медиаторам придется учиться новому формату проведения процедуры.

Список литературы:

1. Григорян, Ц. А. Тенденции развития онлайн-медиации / Ц. А. Григорян // Интегрированные коммуникации в спорте и туризме: образование, тенденции, международный опыт. – 2023. – № 1. – С. 59-62.
2. Zakon.ru [Электронный ресурс] // URL: https://zakon.ru/blog/2020/05/02/pravosudie_na_konchikah_palcev_opyt_knr_83633.
3. Смолянинова, О. Г. Онлайн-медиация в России и зарубежных странах / О. Г. Смолянинова, Е. А. Груздева // Новые образовательные стратегии в современном информационном пространстве: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 09–25 марта 2020 года. – Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2020. – С. 84-91.
4. Uncitral.un.org [Электронный ресурс] // URL: <https://uncitral.un.org/>.
5. Проект Федерального закона N 1138398-7 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» и Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» в части создания правовой основы для развития системы альтернативных онлайн-механизмов урегулирования споров» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 29.03.2021). Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <https://sozd.duma.gov.ru/>.



6. Агафонов, А. С. Сложности и перспективы онлайн-медиации / А. С. Агафонов // Медиация в образовании: социокультурный контекст : Материалы IV Международной конференции, Красноярск, 14–15 октября 2022 года / Под общей редакцией О.Г. Смоляниновой. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2023. – С. 12-15.

7. Федеральный закон от 06.04.2011 N 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об электронной подписи» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023). Собрание законодательства РФ, 11.04.2011, N 15, ст. 2036.



ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО

УДК 347.73

Лебедев Николай Александрович

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Высшая школа государственного аудита

Россия, Москва

nikolai.a.lebedev@yandex.ru

Nikolai Lebedev

Lomonosov Moscow State University

Higher School of State Audit

Russia, Moscow

**ОБ ОРГАНИЧЕСКОЙ СВЯЗИ БЮДЖЕТНОГО ПРОЦЕССА С
ПЛАНИРОВАНИЕМ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
(МУНИЦИПАЛЬНЫХ) ЗАКУПОК**

Аннотация: в статье рассматривается органическая связь бюджетного процесса с планированием и осуществлением государственных (муниципальных) закупок. Автор работы демонстрирует, каким образом эта связь проявляется в части бюджетного планирования и планирования закупок, при заключении и исполнении государственных (муниципальных) контрактов и признании их недействительными. В рамках исследования выявлено, что разрыв такой связи при заключении государственных (муниципальных) контрактов посредством принятия бюджетных обязательств в размере, превышающем лимиты бюджетных обязательств, остается наиболее частым нарушением в финансово-бюджетной сфере, несмотря на постоянный контроль.

Ключевые слова: бюджетный процесс, государственные (муниципальные) закупки, лимиты бюджетных обязательств, планирование закупок, нарушения в финансово-бюджетной сфере.



INTERDEPENDENCE OF BUDGET PROCESS AND PUBLIC PROCUREMENT

Annotation: The subject of the article is the interdependence of the budget process and public procurement. The author presents how this link manifests itself in budget planning and public procurement planning, in the conclusion and execution of contracts and in the invalidation of the contract. The study shows that the violation of such a link in public procurement by accepting budget obligations exceeding the limits is the most common budget violation, despite constant control.

Key words: budget process, public procurement, limits of budgetary obligations, public procurement planning, budget violations.

Объектом бюджетного процесса является бюджет как нормативный правовой акт, в котором устанавливаются объемы выбытий и поступлений денежных средств в централизованный денежный фонд для осуществления функций публично-правового образования [9, с. 261]. Планирование объемов выбытий и поступлений осуществляется исходя из размера расходов, одного из видов выбытий [8, с. 11]. Размер расходов определяется величиной потребностей соответствующего публично-правового образования. Удовлетворение потребностей публично-правовых образований в товарах, работах, услугах происходит посредством осуществления государственных (муниципальных) закупок (далее - закупки), по результатам которых заключаются государственные (муниципальные) контракты (далее - контракты). Таким образом, размер расходов на обеспечение потребностей в товарах, работах, услугах рассчитывается исходя из суммы цен планируемых к заключению контрактов. Затем размер расходов фиксируется в бюджете и становится юридически обязательным. Это позволяет говорить об органической, то есть обусловленной внутренней сущностью, связи бюджетного процесса с планированием и осуществлением государственных (муниципальных) закупок.



Лица, выступающие участниками бюджетного процесса в роли главного распорядителя бюджетных средств (далее - ГРБС), распорядителя бюджетных средств (далее - РБС) или получателя бюджетных средств (далее - ПБС), одновременно обладают статусом государственных (муниципальных) заказчиков (далее - заказчики). Бюджетный процесс состоит из четырех стадий (составление, рассмотрение и утверждение, исполнение бюджета, отчетная стадия) и бюджетного контроля [10, с. 148]. Ниже на примере Правил составления проектов бюджетов на федеральном уровне [5] рассмотрено, как исследуемая связь проявляется на отдельных стадиях бюджетного процесса.

На стадии составления бюджета ГРБС напрямую, а РБС и ПБС посредством ГРБС, вносят в финансовый орган соответствующего публично-правового образования предложения по распределению расходов. Эти предложения основываются в том числе на предполагаемом размере финансирования планируемых закупок. С учетом этих предложений финансовый орган разрабатывает методику распределения бюджетных ассигнований. Методика, наряду с другими документами, представляется в комиссию по бюджетным проектировкам. Комиссия рассматривает и одобряет методику. На основании методики составляется проект бюджета. Финансовый орган представляет в высший исполнительный орган проект бюджета для рассмотрения и одобрения.

Затем проект бюджета вносится высшим исполнительным органом в представительный орган соответствующего публично-правового образования для рассмотрения и утверждения. После утверждения распределение бюджетных ассигнований становится юридически обязательным, в силу абзаца четвертого пункта 3 статьи 184.1 Бюджетного Кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ) [2].

На стадии исполнения бюджета финансовый орган распределяет бюджетные ассигнования между ГРБС и утверждает им лимиты бюджетных обязательств (далее - ЛБО). Распределение бюджетных ассигнований между



ГРБС фиксируется в сводной бюджетной росписи. ГРБС в соответствии со сводной бюджетной росписью и утвержденными ЛБО составляет бюджетную роспись. На основании бюджетной росписи ГРБС составляется бюджетная роспись РБС. ЛБО доводятся до РБС и ПБС. ГРБС, РБС и ПБС обладают статусом государственных (муниципальных) заказчиков (далее - заказчики).

Таким образом, в рамках бюджетного процесса распределение бюджетных ассигнований, установленное в бюджете, в сводной бюджетной росписи и бюджетных росписях ГРБС и РБС, а также утвержденные и доведенные ЛБО приобретают юридическое значение, то есть становятся общеобязательными. Важно отметить, что ГРБС или РБС может уменьшить или полностью отозвать ЛБО.

Планирование закупок заключается в формировании, утверждении и ведении планов-графиков, в которых содержатся сведения о закупках, в частности, объем финансового обеспечения и сроки осуществления закупок. Так как бюджетное планирование осуществляется на очередной финансовый год и плановый период, то и планирование закупок происходит в рамках этого срока. Заказчики формируют планы-графики только после доведения до них ЛБО, поскольку ЛБО определяют предельный объем финансирования закупок. Срок действия ЛБО определяет максимальный срок, на который может быть заключен контракт [11, с. 71]. В связи с этим контракты заключаются на срок, не превышающий действие ЛБО, так как за его пределами не может быть осуществлена оплата по контракту.

При этом связь бюджетного процесса и планирования закупок проявляется не только в общих правилах, но и в части исключений. Некоторые проекты объективно не могут быть реализованы за три года и менее (финансовый год и плановый период), поэтому в бюджетном законодательстве предусмотрена возможность заключения контрактов на больший срок. Для этого требуется издание нормативного правового акта субъекта Российской Федерации или решения высшего исполнительного органа субъекта Российской Федерации.



Федерации, в котором будет предусмотрен размер финансирования соответствующего контракта на весь период его действия. Информация о таком контракте вносится в план-график отдельной строкой.

В соответствии с частью 1 статьи 16 Закона о контрактной системе [1], основанием осуществления закупки является наличие сведений о ней в плане-графике. Выше было выявлено, что сведения об объеме финансирования закупки вносятся в план-график с учетом доведенных ЛБО. ЛБО, в свою очередь, доводятся в соответствии с распределением бюджетных ассигнований. Это обеспечивает связь плана-графика с бюджетом. В силу этой связи следует, что изменение финансирования посредством изменения бюджета, сводной бюджетной росписи или бюджетной росписи должно вести к изменениям в плане-графике. Так как закупки осуществляются на основании плана-графика, то изменения должны затронуть и их. Таким образом, частичное уменьшение ЛБО приводит к снижению цены контракта, а отзыв ЛБО – к расторжению контракта.

Наличие существенной связи между бюджетным процессом и осуществлением закупок объясняет необходимость изменения существенных условий контракта в случае уменьшения ЛБО на основании пункта 6 статьи 161 БК РФ. Снижение цены контракта происходит с уменьшением количества товара (объема работ или услуг) или без уменьшения. При этом именно заказчик должен обеспечить согласование новых условий. Если согласовать условия невозможно, то контракт подлежит расторжению в судебном порядке. В таком случае у исполнителя есть право на возмещение только фактически понесенного ущерба. Однако, если уменьшение ЛБО произошло по вине заказчика, то исполнитель имеет право на полное возмещение вреда на основании статьи 15, если заказчик – казенное учреждение, или статьи 16 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [3]. В то же время, если ЛБО будут восстановлены, то контракт не расторгается [6].



Рассматриваемая связь также объясняет признание контракта недействительным, если в результате его заключения были приняты бюджетные обязательства, превышающие ЛБО. При этом обеспечение непревышения ЛБО является обязанностью заказчика. Другими словами, превышение ЛБО является неправомерным действием должностных лиц заказчика, за которое исполнителю должен возмещаться ущерб. Однако исполнителю должно быть отказано в возмещении ущерба, на основании статьи 10 ГК РФ, если он заключил контракт, зная о нарушении, то есть действуя недобросовестно [7].

За непревышением ЛБО постоянно осуществляется контроль со стороны Федерального Казначейства [4]. В связи с этим вызывает удивление, что превышение ЛБО посредством заключения контрактов является самым частым нарушением в финансово-бюджетной сфере [12].

Органическая связь бюджетного процесса с планированием и осуществлением государственных (муниципальных) закупок обусловлена тем, что нормы, регулирующие эти отношения, направлены на обеспечение потребностей публично-правовых образований. Эта связь отражается на порядке составления проекта бюджета, на формировании плана-графика, на сроке государственных (муниципальных) контрактов. Нарушение этой связи справедливо приводит к изменению условий контракта или к признанию его недействительным. Однако не следует возлагать риск разрыва связи на исполнителя контракта, так как не в его силах ее обеспечить.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации. 08.04.2013, № 14, ст. 1652.



2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 03.08.1998, № 31, ст. 3823.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

4. Правила осуществления контроля, предусмотренного частями 5 и 5 1 статьи 99 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»: утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 6 августа 2020 г. № 1193 // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.08.2020, № 33, ст. 5393.

5. Правила составления проекта федерального бюджета и проектов бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации на очередной финансовый год и плановый период: утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 24 марта 2018 г. № 326 // Собрание законодательства Российской Федерации. 02.04.2018, № 14, ст. 1976.

6. Определение Верховного Суда Российской Федерации № 308-ЭС21-20570 от 24 февраля 2022 г. по делу № А63-8366/2020 [Электронный ресурс] // Электронное правосудие. URL: <https://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 18.02.2024).

7. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 6 сентября 2023 г. по делу № А63-1162/2021 [Электронный ресурс] // Электронное правосудие. URL: <https://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 18.02.2024).

8. Комягин Д.Л. Исполнение федерального бюджета как стадия бюджетного процесса в Российской Федерации: автореф. дис. ... кандидата юридических наук. - М., 2005. 22 с.

9. Комягин Д.Л., Рябова Е.В. Финансовое право: учебник. - М.: КНОРУС, 2023. 494 с.



10. Рябова Е.В. Бюджетное устройство Российской Федерации. - М.: Издательство Юрайт, 2024. 249 с.

11. Тасалов Ф.А. Контрактные обязательства в сфере публичных закупок по праву Российской Федерации и Европейского Союза: сравнительно-правовое исследование: дис. ... доктора юридических наук. - М., 2022. 480 с.

12. Обзор недостатков и нарушений, выявленных Федеральным казначейством в ходе осуществления контроля в финансово-бюджетной сфере в субъектах Российской Федерации во 2 полугодии 2022 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Казначейства России. URL: <https://roskazna.gov.ru/kontrol/vnutrenniy-gosudarstvennyu-finansovyy-kontrol/?year=2023> (дата обращения: 18.02.2024).



Маслова Валерия Вячеславовна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт права и предпринимательства

Россия, Екатеринбург

maslova.valeria2014@yandex.ru

Maslova Valeria

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Law and Business

Russia, Ekaterinburg

**ПОДХОДЫ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
КОНТРОЛИРУЮЩИХ ЛИЦ ПОД ВЗГЛЯДОМ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ**

Аннотация: в данной статье проведен анализ правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам, возникшим в судебной практике в связи с привлечением к субсидиарной ответственности по налоговой задолженности контролирующих лиц в рамках дел о банкротстве организаций.

Ключевые слова: банкротство, организация, налогоплательщик, субсидиарная ответственность, контролирующее лицо, налоговая ответственность, Конституционный Суд РФ.

**APPROACHES TO SECONDARY LIABILITY OF CONTROLLING
PERSONS ON THE VIEW OF THE LEGAL POSITIONS OF THE
CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Annotation: this article analyzes the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on issues that have arisen in judicial practice in connection with



the imposition of subsidiary liability for tax debts of controlling persons in the framework of bankruptcy cases of organizations.

Key words: bankruptcy, organization, taxpayer, secondary liability, controlling person, tax liability, Constitutional Court of the Russian Federation.

Институт субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц является относительно новым для нашего государства, и формирование судебной практики происходит поэтапно. Постановления Конституционного Суда РФ задают очередной вектор в этом направлении, который оказывает существенное влияние на позиции судов при рассмотрении данной категории дел. Процедуры банкротства, в которых налоговой орган выступает основным кредитором, являются довольно распространенным явлением сегодняшних реалий. Офискализация законодательства и укрепление позиций налогового органа, при ослаблении позиции должника и других кредиторов, является основным трендом современности. Вопросы, которые разрешает Конституционный Суд РФ в своих актах, являются принципиальными для понимания алгоритма защиты прав контролирующих лиц, они очерчивают процессуальные границы возможного поведения и защиты прав контролирующих лиц, а также определяют механизм формирования правовой позиции по такого рода делам.

Институт субсидиарной ответственности по своей природе является гражданско-правовым. Использование институтов других отраслей права в налоговых правоотношениях является предметом научной дискуссии. Д.В. Винницкий [1] считает, что налоговое право тесно взаимодействует с частным правом, заимствуя у него специальные понятия и термины.

Согласно статье 57 Конституции РФ [2] каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы.



По общему правилу налоговая обязанность должна быть исполнена самим налогоплательщиком, как указано в абзаце 1 пункта 1 статьи 45 Налогового кодекса РФ [3].

В соответствии с абзацем 3 пункта 1 статьи 45 Налогового кодекса РФ обязанность по уплате налога может быть исполнена иным лицом за налогоплательщика. Таким лицом, в частности, может выступать контролирующее должника лицо в деле о банкротстве налогоплательщика-организации.

На практике возникают спорные ситуации, когда происходит объективное ущемление прав контролирующих должника лиц при попытке погашения налоговой недоимки за счет их средств.

Привлечение контролирующих должника лиц в рамках дела о банкротстве представляет из себя механизм «снятия корпоративной вуали», о котором подробно говорится в статье С.Л. Будылина и Ю.Л. Иванец [4]. В своей работе авторы отмечают, что в отечественное законодательство не содержит общей нормы о снятии корпоративной вуали. В связи с произошедшими изменениями в законодательстве и судебной практики, мы наблюдаем движение к воплощению данной конструкции в правовых нормах. Однако не стоит забывать, что данный механизм является исключением из правил самостоятельности и независимости юридического лица.

Неоднократно отмечено, что баланс интересов всех участников правоотношений, которые реализуются в рамках процедуры банкротства, должен всегда предоставлять право контролирующему лицу быть полноправным участником в деле о банкротстве и оспаривать судебные акты о признании обоснованными требований кредиторов и о включении их в реестр. Это право должно быть реализовано даже в том случае, если судебный акт был принят без участия такого лица. Ранее судебные инстанции приходили к выводу о том, что контролирующее лицо наделено правами и обязанностями участвующего в деле лица только в рамках обособленного спора и не может обжаловать судебные



акты о признании обоснованными и включении в реестр требований кредиторов [5].

Рассмотрев дело по жалобе Акимова Н.Е., Конституционный Суд РФ принял постановление от 16 ноября 2021 г. N 49-П [6], в котором указал на несоответствие такого подхода Конституции РФ и предоставил право таким лицам обжаловать судебные акты, принятые без их участия. Впоследствии законодатель реализовал эту правовую позицию путем внесения соответствующих дополнений в статью 34 Закона о банкротстве, дополнив ее пунктом 4, который прямо закрепляет права контролирующих лиц должника участвовать в рассмотрении вопросов, решение по которым может повлиять на размер их ответственности, а также обжаловать соответствующие судебные акты [7].

Организация-должник привлечена к налоговой ответственности, которая в дальнейшем включается в реестр требований кредиторов. Если такое решение налогового органа не обжаловалось в порядке главы 24 АПК РФ самим налогоплательщиком, то данное обстоятельство не препятствует судебной защите бывшим руководителем своих прав в том случае, когда к нему предъявляются требования, связанные с этим налоговым нарушением. В этой ситуации у него есть право обжаловать определение суда о включении требований налогового органа в реестр требований кредиторов [8].

В Постановлении от 8 декабря 2017 г. N 39-П по жалобам граждан Г.Г. Ахмадеевой, С.И. Лысяка и А.Н. Сергеева [9] Конституционный Суд РФ закрепил правовую позицию о том, что только когда исчерпаны все правовые основания для удовлетворения требований налоговых органов за счет самой организации возможно привлечение к субсидиарной ответственности физических лиц в размере подлежащих зачислению в бюджет налогов организации-налогоплательщика, если такой вред возник в результате уголовно-противоправных действий этих лиц. Вместе с тем из этого правила есть исключение, когда судом установлено, что юридическое лицо *de facto* не



является самостоятельным участником экономической деятельности, а служит только прикрытием для контролирующего его физического лица. Рассмотренные в отношении заявителей дела касались осуждения за совершение налоговых преступлений и прекращения уголовного преследования по не реабилитирующему основанию и последующему их привлечению к субсидиарной ответственности.

Помимо этого, в указанном Постановлении проводится глубокий анализ того, что является подлежащим возмещению вредом, поскольку данный термин имеет широкое распространение в российском законодательстве, но вместе с тем имеет неопределенность при определении пределов субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в сфере налоговых правоотношений.

Здесь необходимо помнить, что понимание налогов как элемента финансовой основы государства, имеет публично-правовой, а не частноправовой характер, поскольку эти отношения основаны на властном подчинении одной стороны другой и предполагает их субординацию. Тогда как субсидиарная ответственность является мерой гражданско-правовой ответственности, следовательно имеет частноправовой характер. Об этом Конституционный Суд РФ говорит в своих постановлениях [10].

Когда лицо привлекается к субсидиарной ответственности именно по основанию, связанному с неуплатой налогов должником-банкротом, то такое лицо компенсирует ущерб, причиненный непосредственно должнику. Поскольку в данном случае имеет место трансформация налоговых правоотношений в гражданско-правовые, то такое лицо не несет ответственность за налоговые нарушения должника.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 8 декабря 2017 года N 39-П подчеркнул, что поступление налоговых платежей в бюджет происходит на основании публично правовых (налоговых) норм, поэтому налоговую ответственность несет сама организация как налогоплательщик, а



контролирующие должника лица могут нести ответственность, установленную нормами уголовного, административного и гражданского законодательства, в частности предусмотренную статьями 15 и 1064 Гражданского кодекса РФ. Однако привлечение контролирующего лица к гражданско-правовой ответственности возможно только при подтверждении окончательной неспособности самой организации-налогоплательщика погасить образовавшуюся задолженность перед бюджетом. Иное толкование означало бы взыскание сумм налога в двойном размере, что в свою очередь влечет неосновательное обогащение бюджета, а, следовательно, и нарушение конституционной гарантии защиты частной собственности.

В Определении Конституционного Суда РФ от 25 ноября 2020 года № 2797-О [11] заявитель, гражданин В.Е. Сидоренко, пытался оспорить конституционность пункта 1 статьи 15, пункта 1 статьи 200 и статьи 1064 Гражданского кодекса РФ поскольку по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, данные положения позволяют исчислять срок исковой давности при взыскании вреда, причиненного налоговым преступлением, не с момента, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права, а с момента прекращения дела о банкротстве организации-налогоплательщика. В ответ на это Конституционный Суд РФ указал, что получение налоговым органом информации о самих действиях, влекущих нарушение законодательства о налогах и сборах, и информации о самом нарушении, могут не совпадать во времени. В связи с этим для исчисления сроков исковой давности значение имеет осведомленность налогового органа именно о негативных последствиях для бюджета, возникших в результате непоступления соответствующей суммы налога.

Между тем невозможность поступления в бюджет налоговых платежей может быть вызвана действиями (бездействиями) самого налогового органа, например, пропуском срока для обращения в суд с иском к налогоплательщику. В этом случае, в соответствии с правовой позицией Конституционного Суда



РФ, изложенной в Постановлении от 2 июля 2020 г. № 32-П в связи с жалобой гражданина И.С. Машукова [12], причинение вреда бюджету в виде непоступления соответствующей суммы налога не может вменено непосредственно налогоплательщику. Налоговая задолженность признается безнадежной к взысканию и списывается в порядке, предусмотренном статьей 59 Налогового кодекса РФ. Следовательно, прекращение налогового обязательства в отношении налогоплательщика по причине произведенных инспекцией упущений, влечет невозможность вменения соответствующего вреда физическому лицу на основании гражданско-правовых норм.

Также в своих актах Конституционный Суд РФ неоднократно отмечает, что имеет место несовпадение оснований для налоговой, уголовно-правовой и гражданско-правовой ответственности в том числе в части определения размера вреда.

Статья 2 Закона о банкротстве [13] к обязательным платежам относит налоги, сборы, иные обязательные взносы, в том числе штрафы и пени. Если обратиться к статье 11 Налогового кодекса РФ, то задолженностью по уплате налогов, сборов и страховых взносов признается общая сумма недоимок, а также неуплаченные пени, штрафы и проценты. Штраф представляет собой налоговую санкцию и является мерой финансовой ответственности за совершенное налоговое правонарушение, о чем говорится в статье 114 Налогового Кодекса РФ. Вместе с тем будучи формой денежного взыскания, он означает дополнительное обременение правонарушителя и носит карательный характер. Исходя из этого штрафы, наряду с налогами, сборами и пени включаются в реестр требований кредиторов. Основываясь на этих правовых нормах, сложившаяся судебная практика также включала штрафы в общий объем субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц.

Данная правовая позиция была пересмотрена в Постановлении Конституционного Суда РФ № 50-П по жалобе Ваулиной Л.В. [14]. По данному делу суд пришел к выводу, что с учетом принципов справедливости и



соразмерности пункт 11 статьи 61.11 Закона о банкротстве не может использоваться для взыскания с контролирующего должника лица в составе субсидиарной ответственности суммы штрафов за налоговые правонарушения, которые были наложены на организацию-налогоплательщика.

При этом Конституционный Суд РФ основывался на позиции, изложенной им в Постановлении № 20-П [15], в соответствии с которой такая категория как штраф не входит в структуру налогового обязательства, т.к. представляет из себя наказание за совершение налогового правонарушения, в связи с чем имеет не восстановительный, а карательный характер.

Анализ сложившихся тенденций показывает, что наряду с ужесточением требований действующего законодательства, правовые позиции Конституционного Суда РФ в настоящее время направлены на обеспечение баланса прав и интересов участников правоотношений. Активное развертывание кампании по привлечению к субсидиарной ответственности контролирующих лиц, конечно же, имеет свои основания, зачастую обусловленные недобросовестным поведением последней категории лиц и желанием защитить публично-правовые интересы, страдающие от таких злоупотреблений.

Вместе с тем, в реальной действительности это происходит за счет игнорирования и ущемления прав контролирующих должника лиц. Только вмешательство Конституционного Суда РФ позволило этой категории отстоять свое право на обжалование судебных актов, связанных с признанием обоснованным и включением в реестр требований кредиторов. А ведь эти споры непосредственно затрагивают права и интересы контролирующих лиц. Также в настоящее время имеется возможность оспаривать решение налогового органа о привлечении должника к налоговой ответственности и тем самым непосредственно влиять на размер требований, которые будут включены в реестр, а в последующем предъявлены в виде ущерба к контролирующему лицу. Кроме того, указанная категория добилась возможности исключить из



состава предъявляемых к ней требований обязательства по уплате налоговых штрафов, а также закрепила за собой право быть привлеченными к ответственности только в случае исчерпания всех правовых оснований для взыскания задолженности с самой организации-налогоплательщика. Полагаю, что данные тенденции должны получить положительную оценку, так как предоставляют определенные правовые гарантии, направленные на защиту интересов добросовестных лиц, а также позволяют судам отступать от сугубо формального подхода при рассмотрении данной категории дел.

Однако на сегодняшний день остается актуальной проблема предоставления налоговым органам широты усмотрения при привлечении к субсидиарной ответственности по налоговой задолженности организации-банкрота. Помимо механизма привлечения к субсидиарной ответственности, предусмотренного главой III.2 Закона о банкротстве, инспекция вправе взыскать задолженность с зависимого лица по подпункту 1 пункта 3 статьи 45 Налогового кодекса РФ.

Как отмечает С.С. Извеков [16], фискальный интерес может быть удовлетворен в обход требований других кредиторов должника, что, в свою очередь, влечет нарушение положений Конституции РФ, таких как часть 2 статьи 8 равное признание и защита всех форм собственности.

Практическим выходом из данной ситуации на сегодняшний день мы видим в оспаривании арбитражным управляющим сделок по передаче имущества должника зависимому лицу, и возвращении данного имущества в конкурсную массу. В результате у налогового органа отпадает одно из оснований привлечения к субсидиарной ответственности вне рамок процедуры банкротства по подпункту 1 пункта 3 статьи 45 Налогового кодекса РФ.

Надеемся, что указанное противоречие в ближайшем будущем также будет устранено Конституционным Судом РФ.

Список литературы:



1. Винницкий Д.В. Основные проблемы теории российского налогового права: авто_реф. дис. докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 36.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.02.2024).
3. Налоговый кодекс РФ (часть 1) 31 июля 1998 года N 146-ФЗ // СПС КонсультантПлюс <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.02.2024).
4. Будылин С. Л., Иванец Ю. Л. Срывающая покровы. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России // Вестник ВАС РФ. 2013. № 7.
5. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24 января 2020 года N 306-ЭС19-25729 по делу N А49-17083/2017
6. Постановление Конституционного Суда РФ № 49-П от 16 ноября 2021 года// СПС КонсультантПлюс <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.02.2024).
7. Федеральный закон от 21.11.2022 № 452-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон О несостоятельности (банкротстве)» // СПС КонсультантПлюс <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.02.2024).
8. Определения Конституционного Суда РФ от 31 мая 2022 года N 1153-О, от 29 сентября 2022 года N 2645-О, от 25 апреля 2023 года N 783-О// СПС КонсультантПлюс <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.02.2024).
9. Постановления Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2017 года N 39-П// СПС КонсультантПлюс <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.02.2024).
10. Постановления Конституционного Суда РФ от 21 мая 2021 года N 20-П// СПС КонсультантПлюс <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.02.2024).



11. Определении Конституционного Суда РФ от 25 ноября 2020 года № 2797-О// СПС КонсультантПлюс <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.02.2024).
12. Постановления Конституционного Суда РФ от 2 июля 2020 года N 32-П// СПС КонсультантПлюс <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.02.2024).
13. Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" от 26.10.2002 N 127-ФЗ// СПС КонсультантПлюс <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.02.2024).
14. Постановление Конституционного Суда РФ № 50-П от 30 октября 2023 года// СПС КонсультантПлюс <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.02.2024).
15. Постановление Конституционного Суда РФ № 20-П от 17 декабря 1996 года// СПС КонсультантПлюс <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.02.2024).
16. С.С. Извеков «Особенности правового режима при несостоятельности (банкротстве)». Курс лекций для магистров очной и заочной форм обучения. Учебное пособие. М. 2022. С. 186.



Мулько Даниил Олегович

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Высшая школа государственного аудита

Россия, Москва

herodankco@gmail.com

Mulko Daniil

Lomonosov Moscow State University

Higher school of public audit

Russia, Moscow

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ
АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СИСТЕМ КОНТРОЛЯ ПРИ
ДОКАЗЫВАНИИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В НАЛОГОВЫХ
ПРАВООТНОШЕНИЯХ**

Аннотация: в настоящее время в России проводится активная цифровизация налогового контроля. Ввиду этого происходят определенные изменения как в механизмах контроля, так и в способах доказывания наличия правонарушения в действиях налогоплательщика. Одним из ключевых таких изменений является развитие практики использования в качестве доказательств данные, полученные с использованием программных комплексов. Автор исследует механизм получения таких данных и практику восприятия их судами в качестве доказательств. Определяется правовой режим таких доказательств, и делается вывод о необходимости детализации правового регулирования в соответствующей сфере.

Ключевые слова: общая антиуклонительная норма, АСК «НДС», злоупотребление правом, налоговый орган, налогоплательщик, доказательства.



CURRENT ISSUES OF APPLYING AUTOMATED CONTROL SYSTEMS IN PROVING ABUSE OF RIGHT IN TAX LEGAL RELATIONS

Annotation: nowadays tax authorities in Russia actively implement digital technologies in tax control. That's why there particular changes both in mechanism of tax control and in means of proving tax offenses committed by the taxpayers. The spread of practice of using data received via the special software systems as an evidence in court is one of the key changes. Following paper examines the mechanism of receiving such data and court's perception of this data as proofs. Legal regime of such digital evidence is defined in the following article, and it is concluded that respective legal regulations are to be specified.

Key words: general snit-avoidance rule, Automated system of control "NDS", abuse of right, tax authority, tax payer, evidence.

Проблема создания организаций, используемых для завышения вычетов по налогу на добавленную стоимость (далее – НДС), была и остается актуальной в Российской Федерации, поскольку такая практика являлась крайне распространенной как до введения в налоговое законодательство общей антиуклонительной нормы в 2017 году, так и после.

Изменяется в данном случае лишь интенсивность борьбы налоговых органов с этой недобросовестной практикой. Налоговые органы постоянно совершенствуют механизмы выявления и пресечения правонарушений и недобросовестных практик. Самым современным механизмом и средством борьбы в этом смысле, вероятно, является Автоматизированная система контроля «НДС» (далее – АСК «НДС»).

Необходимо заметить, что последняя версия АСК «НДС», в сущности, является частью более крупной автоматизированной информационной системы «Налог-3». При этом, нам кажется релевантным рассматривать особенности применения именно АСК «НДС» как программного комплекса, применяемого конкретно для борьбы со злоупотреблением правом в сфере уплаты НДС как



ввиду упомянутого масштаба злоупотреблений при уплате этого налога, так и ввиду того, что, согласно статистике Федеральной налоговой службы Российской Федерации, НДС занимает третье место по сумме поступлений налоговых доходов в бюджет Российской Федерации [8]. Кроме того, возможность доначислений и взыскания недоимок по другим налогам может быть вызвана именно квалификацией получения необоснованной налоговой выгоды по НДС – например, налоговый орган может отказать в вычете НДС по операциям с «техническими» контрагентами, что влечет невозможность учесть в качестве расходов те затраты налогоплательщика, которые он понес в рамках сделок с такими контрагентами, в частности, его затраты на уплату НДС по выставленным такими контрагентами счетам-фактурам. Таким образом, отказ в вычете НДС приводит к доначислениям по налогу на прибыль.

Вместе с этим в настоящее время ни материальным, ни процессуальным законодательством в полной мере не урегулировано использование данных, получаемых с помощью программных комплексов, баз данных и автоматизированных систем, в качестве доказательств в рамках спора в суде. Отсутствует и однозначный доктринальный подход к квалификации таких доказательств: не определено, к какому виду доказательств они относятся, являются они прямыми или косвенными и т.д. Таким образом, несмотря на активную цифровизацию налогового контроля и регулярные попытки применения налоговыми органами данных, получаемых с помощью программных комплексов, как доказательств их позиции в споре с налогоплательщиком, понимание того, какой статус такие данные имеют, всякий раз складывается разное – именно на эту проблему также часто обращают внимание исследователи [7, с. 87].

Именно в связи с описанным выше мы находим исследование того, как на практике в рамках налоговых споров складывается восприятие данных, полученных с использованием программных комплексов, актуальным.



Необходимо указать, что механизм работы АСК «НДС» заключается в том, что данная система аккумулирует сведения из налоговых деклараций по НДС, книг продаж и покупок, а также счетов-фактур, которые налогоплательщики представляют в цифровом виде. Далее, система сопоставляет как данные о суммах налога, предъявленных налогоплательщику, и суммах, заявленных самим налогоплательщиком к вычету, так и данные о «зеркальных» операциях налогоплательщика и его контрагентов. Выявляя противоречия, разрывы в цепочках поставки товаров вплоть до получения их носителем НДС, т.е. конечным потребителем, система автоматически формирует требование к налогоплательщику о представлении пояснений по факту выявленных противоречий. В случае, если налогоплательщик пояснения не представляет или если представленные пояснения кажутся налоговому органу неподходящими, недостоверными, то возможны доначисления, судебные споры и т.д. Система также выстраивает схемы хозяйственных связей налогоплательщика с другими организациями и группирует налогоплательщиков по степеням риска.

И проблемы, связанные с применением АСК «НДС», возникают тогда, когда налоговый орган производит доначисления налогов на основании данных, полученных с использованием указанного программного комплекса. В ряде случаев налоговый орган делает вывод о нереальности хозяйственных операций налогоплательщика исключительно на основании того, что АСК «НДС» сделал вывод о взаимозависимости налогоплательщика и его контрагента. И если налоговые органы по понятным причинам или из прагматических соображений доверяют системам, используемым ими же в своей работе, то отношение судов к таким программным комплексам не столь оптимистично. В отдельных случаях суды указывают на недопустимость материалов, полученных с использованием АСК «НДС», как доказательств ввиду того, что налогоплательщик не имеет доступа к указанной системе [4; 3]. В других случаях суды указывают на то, что нельзя проводить доначисление



НДС лишь на том основании, что АСК «НДС» показала разрыв цепочки поставок у контрагентов второго и последующих звеньев, при условии отсутствия каких-либо иных доказательств недобросовестности налогоплательщика, помимо результата работы автоматизированной системы [3; 4].

При этом, необходимо обратить внимание на то, что в указанных случаях суды не определяют правовой режим данных, полученных с использованием АСК «НДС» в рамках процессуальных правоотношений, то есть, даже если и указывается, что в качестве доказательств такие данные являются недопустимыми, то никогда не указывается, каким именно доказательством они являются или могли бы являться, будучи допустимыми. Если исходить из того, что данные, полученные в результате работы программного комплекса, являются информацией, представленной в электронной форме, то согласно законодательству об информации и информационных технологиях, они могут быть признаны электронным документом. Кроме того, электронный документ в своём правовом режиме может быть приравнен к документу бумажному [1]. Таким образом, и в рамках процессуальных правоотношений данные, полученные с использованием программных комплексов приобретают статус письменных доказательств.

Тем не менее, этим не разрешается вопрос о том, какой статус они имеют по характеру связи содержания таких доказательств с доказываемым фактом. Как известно из теории доказательств, по данному критерию доказательства подразделяются на прямые и косвенные [5, с. 192]. Если прямые доказательства носят однозначную связь с доказываемым фактом, то косвенные – многозначную, вероятностную связь, не позволяющую категорически утверждать о наличии или отсутствии определенного факта. По нашему мнению, данные, полученные с использованием программных комплексов, на настоящий момент не могут быть признаны прямыми доказательствами, как минимум, ввиду того, что в приведенных нами выше судебных актах,



сведениями, содержащимися в таких доказательствах, не предreshался вопрос о наличии или отсутствии доказываемого факта. Это означает, что суд не основывает своё решение единственно на таких доказательствах, если всё же признает их допустимыми. Таким образом, де-факто к таким доказательствам суды относятся как к косвенным письменным доказательствам.

Указанный вывод подтверждается и в ситуациях, когда суд признает правоту налогового органа. Так, в рамках дела, рассмотренного Арбитражным судом Восточно-Сибирского округа, суд указал на то, что налоговым органом с помощью других средств были доказаны – а налогоплательщиком не были опровергнуты – факты, на которые изначально указывалось в выводах, сделанных АСК «НДС» [2, с. 5].

Как видно, основная проблема заключается в том, что в некоторых случаях налоговые органы склонны основывать свои выводы исключительно на результатах работы программных комплексов, к которым их потенциальные процессуальные оппоненты не имеют доступа. Как нам представляется, эту проблему допустимости таких доказательств, как и проблему использования налоговыми органами материалов проверки одного налогоплательщика при споре с другим – ранее уже неоднократно поднимавшуюся [6, с. 115], - возможно решить путем изменения режима налоговой тайны посредством добавления исключений в это правило, а также введением правил об ознакомлении налогоплательщика с результатами работы программных комплексов, используемых налоговыми органами, расширением его доступа к внутренним информационным ресурсам. Если говорить о процессуальной стороне вопроса, то данные, полученные с использованием программного комплекса, могут квалифицироваться как косвенные письменные доказательства. Принятие судом данных, полученных с использованием автоматизированных систем, как косвенных доказательств представляется нам обоснованным, поскольку он не только основывается на осознании вероятностной связи таких доказательств с доказываемым фактом, но также и



предоставляет налогоплательщику определенные гарантии его права оспаривать истинность таких данных.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 06.04.2011 N 63-ФЗ "Об электронной подписи"// Собрание законодательства Российской Федерации - 11.04.2011, N 15, ст. 2036.
2. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 01.08.2023 N Ф02-3571/2023 по делу N А78-10231/2022 – Документ опубликован не был. - URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/781eb933-39db-4779-bed5-7183a05c2412> (дата обращения: 30.01.2024)
3. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 17.07.2023 N Ф06-5285/2023 по делу N А55-30421/2022 – Документ опубликован не был. - URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/b1c9ae84-61df-4c4b-9fdf-8ba4d59da469> (дата обращения: 30.01.2024)
4. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18.07.2023 N Ф06-5638/2023 по делу N А65-29115/2022 – Документ опубликован не был. - URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/ad4056c8-af83-4d00-a041-90f91e62dbc1> (дата обращения: 30.01.2024)
5. Арбитражный процесс: учебник / под ред. М.К. Треушникова. 7-е изд., перераб. М.: Городец, 2020. 816 с.
6. Захарченко, П. И. Использование в качестве доказательств в налоговом споре материалов проверки другого налогоплательщика / П. И. Захарченко // Юридический факт. – 2020. – № 120. – С. 114-116
7. Ушаков Р.М., Ситник В.М. АСК НДС-2 как инструмент налогового контроля и его роль в качестве средства доказывания в суде // Закон и право. 2021. №5., с.85-88
8. Статистика налоговых поступлений в консолидированный бюджет Российской Федерации на официальном сайте Федеральной налоговой службы



ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК №29

Российской Федерации URL: <https://analytic.nalog.gov.ru> (дата обращения:
09.02.2024).



УДК 336.221

Нечепаяев Назар Андреевич

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Юридический факультет

Россия, Москва

nechepayev2000@yandex.ru

Nechepayev Nazar

Lomonosov Moscow State University

Law faculty

Russia, Moscow

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ НАЛОГОМ НА ДОБАВЛЕННУЮ СТОИМОСТЬ

Аннотация: в статье анализируются актуальные вопросы обложения НДС трансграничной торговли, в том числе электронной и интернет-торговли, проводится разграничение между электронной и интернет-торговлей, поднимаются проблемы взаимодействия различных юрисдикций при налогообложении трансграничной торговли. Автором анализируются вопросы трансграничной торговли при модели взаимодействия B2B и B2C, а также рассматривается проблема налогового администрирования импорта низкостоимостных товаров.

Ключевые слова: электронная торговля, трансграничная торговля, нематериальные активы, принцип страны назначения, страна происхождения, страна потребления.

VALUE ADDED TAXATION OF E-COMMERCE

Annotation: the article analyses topical issues of VAT treatment of cross-border trade, including electronic and Internet trade, distinguishes between electronic and Internet trade, raises the problems of interaction between different jurisdictions in the



taxation of cross-border trade. The author analyses the issues of cross-border trade under the model of interaction between B2B and B2C, and also considers the problem of tax administration of imports of low-value goods.

Key words: e-commerce, cross-border trade, intangible assets, destination country principle, country of origin, country of consumption.

Цифровые технологии развиваются семимильными шагами. Это развитие не может не сказаться на экономике в целом и торговле в частности. Возникают новые бизнес-модели; используется сеть «Интернет» и функционирующие в ней социальные сети.

Но электронная торговля не ограничивается лишь интернет-торговлей, так как первая включает в себя взаимодействие через различные информационно-коммуникационные сети, а не только через сеть «Интернет» [1].

Особенностью торговли, осуществляемой через сеть «Интернет», является совершение сделок между контрагентами на специальных «технологических платформах: электронные торговые площадки; электронные аукционы; электронные агенты для совершения сделок; интернет магазины» [2, с. 18].

Купля-продажа товара через сеть "Интернет" проходит через несколько стадий. Сначала потребитель знакомится с предлагаемым продуктом через его описание (оно может содержаться в каталогах, буклетах и т.д.) [3, с. 11]. Но электронная торговля зачастую осложнена элементами физической торговли, то есть купля-продажа осуществляется через сеть "Интернет", а вывоз товара индивидуальным потребителем осуществляется из розничных пунктов самостоятельно.

Согласно одному из определений, электронная торговля – это совокупность отношений участников рынка, которые возникают из купли-продажи продуктов (материальных товаров, цифровых продуктов, а также



сервисов); купля-продажа осуществляется через информационные сети (оплата товаров, услуг и их фактическая поставка не обязательно должны быть проведены электронно) [1].

Электронная торговля состоит из нескольких последующих стадий, которые не обязательно все должны осуществляться в цифровом формате. Например, такая стадия как доставка товара может осуществляться либо физически, либо электронно.

Особенности цифровой экономики могут существенно влиять на налогообложение. Эти особенности состоят в следующем: мобильность (самых пользователей, нематериальных активов и бизнес-функций); большое значение баз данных; широкое распространение многосторонних бизнес-моделей; склонность к монополии и олигополии; волатильность из-за низких барьеров для входа на рынок и др. [4].

Из-за этих особенностей цифровой экономики могут возникать существенные трудности для налогообложения трансграничной торговли. Материальные и нематериальные товары, услуги обращаются посредством цифровых технологий. В одном из отчетов ОЭСР говорится о том, что ключевую роль в экономике в условиях цифровизации начинают играть именно нематериальные активы [5, с. 12]. Также отмечалось, что происходит размывание налоговой базы, а основной проблемой является то, «каким образом следует распределять между странами права на налогообложение доходов, полученных в результате трансграничной деятельности в эпоху цифровых технологий». В связи с этим остро стоит вопрос налогообложения именно косвенными налогами данных операций.

К этому добавляется проблема несогласованности действий различных юрисдикций между собой, отсутствие полноценного обмена необходимой информацией (в особенности в отношении онлайн-платформ), ограниченное взаимодействие налоговых органов разных стран между собой.



Из этого вытекает то, что бюджеты отдельных юрисдикций недополучают доходы от операций трансграничной торговли. К этому добавляется также то, что некоторые участники оборота платят меньше налогов, поэтому имеют преимущественное положение на рынке, что нарушает принципы рыночной экономики.

При совершении операций между двумя предпринимателями (модель отношений В2В [6]) возникает вопрос о том, в какой юрисдикции должны возникнуть налоговые обязательства: в стране происхождения или в стране потребления? При выборе подхода для налогообложения НДС оказания услуг различные юрисдикции могут руководствоваться различными преимуществами и недостатками обоих подходов. Ключевую роль могут сыграть возможность возмещения НДС иностранными потребителями или вероятность злоупотребления возмещением при осуществлении экспорта услуг.

Если же операции совершаются не между двумя предпринимателями, а между предпринимателем и индивидуальным потребителем (модель отношений В2С), то возникают проблемы с принципом страны назначения, так как конечный потребитель-резидент не будет добросовестно заниматься самообложением. Это ведет к удорожанию администрирования налогообложения. Следовательно, оправдан выбор большинства юрисдикций такой модели, согласно которой реализация услуг облагается в стране, где поставщик является резидентом.

Во многих странах товары и услуги экспортируются при обложении ставкой НДС 0%. Эта мера необходима для того, чтобы производитель, принадлежащий к данной юрисдикции, имел способность конкурировать с производителями других юрисдикций на мировом рынке.

Здесь важно провести различие между ставкой НДС 0% и освобождением от уплаты НДС. Нулевая ставка предполагает, что при экспорте товаров или услуг возникнет право на вычет налога. Общим же является то, что в обоих



случаях НДС к цене экспортируемого товара или услуги фактически не добавляется.

После 2018 года началось активное поощрение экспортных операций посредством нулевой ставки НДС по модели В2С, где товары поставляются для индивидуального потребителя за границей. Это поощрение выразилось в смягчении требований налоговых органов к документам, подтверждающих экспорт товаров.

Так, например, в настоящий момент, если товары пересылаются в международных почтовых отправлениях, то, согласно подпункту 7 пункту 1 статьи 165 Налогового кодекса РФ, помимо прочих документов для применения ставки НДС 0% в налоговые органы представляются сведения из деклараций на товары либо из таможенных деклараций CN 23 в виде реестра в электронной форме. Данная норма введена в Налоговый кодекс РФ в 2020 году, и она существенно упростила процедуру применения нулевой ставки.

Другим существенным вопросом является минимальный порог для осуществления беспошлинной электронной торговли. Каким именно его установить – это задача экономической науки, но не юридической. Но разработкой правовых конструкций, регулированием прав и обязанностей участников рынка должно заниматься право.

Так, в Австралии установлена обязательная НДС-регистрация для маркетплейсов, а также установлен правовой режим самостоятельной таможенной оценки (в том случае, если стоимость партии ввозимого в страну товара ниже тысячи долларов) [5]. Режим НДС-регистрации низкостоимостных продуктов есть также в Новой Зеландии.

В Российской Федерации также стоит проблема импорта низкостоимостных товаров, ввозимых на территорию страны посредством оператора российской государственной почтовой сети или других экспресс-перевозчиков. Эти низкостоимостные товары, в основном, относятся к товарам для личного пользования.



Так, согласно определению, данному в подпункте 46 пункта 1 статьи 2 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, к товарам для личного пользования относятся товары, предназначенные для личных, семейных, домашних и иных, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, нужд физических лиц, перемещаемые через таможенную границу Союза в сопровождаемом или несопровождаемом багаже, путем пересылки в международных почтовых отправлениях либо иным способом.

Проблема заключается в том, что тяжело администрировать подобные операции, совершаемые в больших количествах физическими лицами для целей личного потребления [7, с. 53].

Но с каждым годом порог для беспошлинного импорта снижается, а также вводятся новые требования к перевозчикам и интернет-магазинам. Так, регулируется предоставление информации о международных почтовых отправлениях и пересылаемых в них товарах от операторов почтовой связи для таможенных органов [8] (речь идет именно о потребительских товарах для физических лиц).

Список литературы:

1. Доклад о развитии цифровой (интернет) торговли ЕАЭС. — Москва: Евразийская экономическая Комиссия, 2019 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Documents/цифровая%20торговля.pdf> (дата обращения: 19.02.2024).
2. Багоян Е.Г. Интернет-торговля и особенности ее правового регулирования // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 4. 126 с.
3. Тимаков А. Интернет-торговля: ограничения и запреты // ЭЖ-Юрист. 2016. N 17-18. 12 с.



4. OECD (2014), Addressing the Tax Challenges of the Digital Economy, OECD/G20 Base Erosion and Profit Shifting Project, OECD Publishing. [Электронный ресурс] URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264218789-en> (дата обращения: 19.02.2024)

5. Корниенко Н.Ю., Минина Е.Е. Совершенствование основных подходов к прямому и косвенному налогообложению при трансграничных операциях цифрового бизнеса // Москва, 2020 [Электронный ресурс] URL: <https://ssrn.com/abstract=3633824> (дата обращения: 19.02.2024).

6. EU VAT B2C: difference between B2B and B2C // [Электронный ресурс] URL: <https://www.vertexinc.com/resources/resource-library/eu-vat-b2c-difference-between-b2b-and-b2c> (дата обращения: 19.02.2024).

7. Налоговое право: Учебник для вузов / Под ред. С. Г. Пепеляева. М.: Пепеляев Групп, 2020. 796 с.

8. Приказ Минфина России от 21.12.2018 N 279н "Об определении требований к назначенным операторам почтовой связи и условий совершения операций по уплате таможенных пошлин, налогов в отношении товаров для личного пользования, приобретенных физическим лицом в рамках международной электронной торговли, пересылаемых в адрес такого лица в международных почтовых отправлениях" // СПС «КонсультантПлюс».



Чепкасова Анастасия Олеговна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Высшая школа государственного аудита

Россия, Москва

nastya.chepkasova@mail.ru

Chepkasova Anastasiya

Lomonosov Moscow State University

School of State Audit

Russia, Moscow

НАЛОГОВЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И НАЛОГОВАЯ ЮРИСДИКЦИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация: в работе рассматривается понятие «налоговый суверенитет», его трактовки, а также его соотношение с «фискальным суверенитетом» и «налоговой юрисдикцией». Отдельное внимание в статье уделяется вопросу понимания налогового суверенитета и налоговой юрисдикции в условиях глобализации и цифровизации экономики, а также проблеме их потенциального ограничения. В частности, анализируется предложенная ОЭСР инициатива по налогообложению цифровых активов пропорционально количеству потребителей в каждой юрисдикции. Такие изменения в принципах международного налогообложения влияют в том числе на налоговый суверенитет государств и понимание налоговой юрисдикции в международном налоговом праве.

Ключевые слова: налоги, налоговый суверенитет, налоговая юрисдикция, налоговая территория, цифровизация, международное налогообложение, ОЭСР.

TAX SOVEREIGNTY AND TAX JURISDICTION IN THE ERA OF DIGITAL ECONOMY



Annotation: this work is devoted to the concept of "tax sovereignty", its interpretations, as well as its relationship with "fiscal sovereignty" and "tax jurisdiction". Special attention is paid to the issue of tax sovereignty and tax jurisdiction understanding in the context of globalization and digitalization of the economy, as well as the problem of their potential limitation. The article analyses the initiative proposed by the OECD, assuming taxation of digital assets in proportion to the number of consumers in each jurisdiction. Such changes in the principles of international taxation affect the tax sovereignty of States and the understanding of tax jurisdiction in international tax law.

Key words: tax, tax sovereignty, tax jurisdiction, tax territory, digitalization, international taxation, OECD.

Еще из теории государства и права нам известен бесспорный тезис о том, что к основным признакам государства относятся, в том числе, суверенитет и налоги. Сущность суверенитета рассматривается в двух направлениях: это верховенство государственной власти внутри страны и ее независимость на международной арене. Под налогами, в свою очередь, понимают «обязательные платежи, устанавливаемые и взимаемые государством с граждан и юридических лиц» [7, с. 60]. Данные признаки неразрывно связаны между собой: именно суверенитет, верховенство государственной власти дает государству право самостоятельно и независимо устанавливать и взимать налоги.

В связи с этим, в литературе была предложена концепция экономического суверенитета государства, под которым понимается совокупность юридических правил, устанавливающая «взаимные обязательства государства, гарантирующих для каждого из них и всех вместе суверенное право свободно распоряжаться своими ресурсами, богатствами и всей экономической деятельностью и суверенное право на равноправное участие в международных экономических отношениях» [3, с. 217]. Помимо экономического суверенитета,



в литературе выделяют «фискальный» и «налоговый» суверенитет. Здесь вряд ли можно говорить о различных видах суверенитета, это скорее различные сферы проявления единого суверенитета государства.

Легального определения «налогового суверенитета» не содержится ни в законе, ни в судебной практике. В свою очередь в доктрине существует целый ряд определений налогового и фискального суверенитета с различным пониманием их сущности и соотношения данных понятий между собой.

Некоторые авторы отождествляют понятия «налогового» и «фискального» суверенитета [14]. Например, Б.А. Остроухов пишет, что «из общего суверенитета можно выделить экономический суверенитет, составной частью которого является суверенитет фискальный – суверенитет государства в области налогообложения...» [9, с. 27]. Однако ряд авторов придерживаются иной позиции и разделяет налоговый и фискальный суверенитет по различному функциональному назначению. Фискальный суверенитет основан на полномочии государства по формированию казны. При этом «фискальный суверенитет предполагает не только наличие у государства полномочий по определению доходных источников казны» [8, с. 2], но «обуславливает право государства самостоятельно и независимо от других государств заниматься всеми спектром вопросов, связанных с формированием государственных финансов и создание условий для их поступления в казну» [8, с. 2]. Именно поэтому «фискальный суверенитет» является более широкой категорией и включает в себя «налоговый суверенитет», который ввиду экономических факторов занимает в нем центральное место.

Итак, налоговый суверенитет является частным проявление государственного суверенитета. Одним из ведущих исследователей проблемы налогового суверенитета является А.А. Шахматьев. По его мнению, налоговый суверенитет — это «безусловное право государства на своей территории создавать свою налоговую систему, устанавливать, взимать налоги, определять их элементы и пр» [15, с. 7]. А.И. Погорлецкий с экономической



точки зрения описывает налоговый суверенитет, как «право государства, действующего как субъект публичного права в лице федеральной власти или региональных администраций, вводить на территории своей юрисдикции (так называемой фискальной территории) любые налоги и контролировать их сбор» [10, с. 10].

Налоговый суверенитет рассматривается также в практике Конституционного суда Российской Федерации. Например, в одном из Постановлений Конституционного суда по проверке конституционности положений Налогового кодекса упоминается, что «Конституция Российской Федерации закрепляет основы налогового суверенитета Российской Федерации, который ... заключается в том числе в признании всеми субъектами международных налоговых отношений права государства устанавливать и взимать налоги и сборы с физических лиц и организаций, осуществляющих экономическую деятельность в пределах его территории» [1].

Здесь следует отдельное внимание уделить разграничению понятий «налоговый суверенитет», «налоговая юрисдикция» и «территория Российской Федерации». В отечественной юридической литературе и судебной практике нередко понятия «налоговая юрисдикция» и «налоговый суверенитет» употребляются как синонимы. Их разграничение, в частности, не приводится и Конституционным судом. Данные термины считаются взаимозаменяемыми рядом ученых, к которым относятся, например, М.О. Клейманова [5, с. 287], Е.В. Кудряшова [6, с. 40]. При этом в Налоговом кодексе единственным применимым понятием является «территория Российской Федерации и иные территории, находящиеся под ее юрисдикцией».

Однако ряд ученых разграничивает понятия «налоговый суверенитет» и «налоговая юрисдикция». В частности, смешение данных понятий является неверным по мнению И.А. Хавановой [14, с. 45]. Основная концепция заключается в том, что налоговая юрисдикция — это форма практической реализации «налогового суверенитета». Такой позиции придерживается и А.А.



Шахмаматьев. Налоговый суверенитет — это «абсолютно внешне не ограниченное право государства по установлению и взиманию налогов на своей территории» [16, с. 23]. В то же время налоговая юрисдикция, согласно его позиции, представляется как «правовая форма практической реализации фактического объема полномочий государства на своей территории в сфере налогообложения (в том числе в отношении лиц и объектов, каким-либо образом связанных с этой территорией)» [16, с. 23].

Налоговый суверенитет, будучи составным элементом государственного суверенитета, имеет такие же территориальные рамки. Пространственные пределы реализации государственного суверенитета и налоговой юрисдикции могут не совпадать. В таком случае употребление термина «налоговый суверенитет» может вводить в заблуждение. Ключевым здесь является «широкое усмотрение государства в распространении юрисдикции на лиц, связанных с ним определёнными критериями независимо от их места нахождения (резидентов)» [13, с. 81]. Некоторые ученые рассматривают налоговую юрисдикцию как проявление государственного суверенитета [16, с. 59-60], что предполагает ее произвольность от последнего.

Таким образом, «налоговый суверенитет» и «налоговая юрисдикция» являются сущностно разными понятиями. Первое подчеркивает «абсолютное право» государства устанавливать свою налоговую систему, второе — практическую реализацию данного права для определённой территории или круга лиц.

Нужно отметить, что термин «налоговая юрисдикция» имеет большое практическое значение для определения налоговых прав каждого конкретного государства на международной арене. В международном налоговом праве налоговая юрисдикция трактуется как «власть государства создавать правила налогообложения обязательные для указанных в них субъектов - резидентов и нерезидентов» [12, с. 35]. На наш взгляд, данное определение раскрывает понятие с точки зрения субъектного состава, не затрагивая, однако принцип



территориальности. В свою очередь существует иное определение налоговой юрисдикции. «Это неотъемлемое, юридически не ограниченное право государства устанавливать и собирать налоги (и иные аналогичные взносы) в пределах его территории» [6, с. 40]. Помимо смешения понятий «налоговый суверенитет» и «налоговая юрисдикция» различия в доктринальных определениях обусловлены комплексным применением двух базовых принципов реализации налоговой юрисдикции. Территориальный принцип означает возможность государства осуществлять власть над лицами и вещами в рамках государственных границ. Налогом при таком подходе облагаются только те доходы, которые имеют связь с деятельностью на территории государства. Персональный принцип подразумевает верховенство государства над определенной категорией лиц (физических и юридических) независимо от того, где они находятся. С учетом того, что для налогообложения имеет значение экономическая привязка, а не политико-правовая связь с государством, то персональный принцип реализуется через категорию резидентства, а не гражданства. Данный принцип чаще всего применяется в подоходном налогообложении.

Обобщая все вышесказанное, можно дать следующее определение налоговой юрисдикции: это власть государства устанавливать и собирать налоги на территории государства, а также налоговое верховенство над субъектами, неразрывно связанными с данной территорией (резидентами).

В рамках налоговой юрисдикции выделяют три государственные функции: устанавливать налоги (предписывающая), рассматривать налоговые споры (судебная) и принудительно исполнять налоговые законы (принудительная).

Как говорилось ранее, взимание налогов - «законное принудительное изъятие собственности, которое является частью суверенитета государства» [6, с. 36]. Власть государства при сборе налогов при этом ограничена материальным положением граждан и суверенитетом иных стран. Такое



добровольное ограничение суверенитета допустимо и считается разумным в случае, если оно установлено по взаимной договорённости государств ради достижения общей цели. Такой целью в международном налоговом праве стало равное и справедливое перераспределение налогов между государствами. В связи с этим ключевой проблемой международных взаимоотношений в налоговой сфере является вопрос разграничения налоговых юрисдикций между государствами.

Данную проблему подчеркивает, в частности, Конституционный суд Российской Федерации: «Важным направлением экономического сотрудничества государств является разграничение их налоговых юрисдикций, а также закрепление правил налогообложения граждан и юридических лиц, которые происходят из одного государства, а свои доходы получают на территории другого, с тем чтобы было обеспечено удовлетворение фискальных интересов сотрудничающих стран и созданы условия для свободного движения труда и капитала между ними» [1].

Как известно, на сегодняшний день не существует запрета на одновременное обложения дохода одного и того же субъекта в государствах источника и резидентства. Именно поэтому правила разграничения налоговых юрисдикций устанавливаются в международных договорах. При этом следует учитывать, что такие договоры «не нарушают налоговый суверенитет государств, так как их нормы не могут быть реализованы в отсутствие национального законодательного регулирования» [11, с. 83]. Среди прочих источников налогового права особое значение придается соглашениям об избежание двойного налогообложения по налогам на доходы и имущество.

Разграничение налоговых юрисдикций вызывает трудности ввиду постоянного развития международной торговли и глобализации экономики. Помимо этого, одним из ключевых факторов, влияющих на налоговый суверенитет государства, является цифровизация. Общей проблемой всех перечисленных выше явлений является стирание физических государственных



границ, а как следствие неуловимость субъектов и объектов налогообложения: невозможность определить их резидентство или источник происхождения их дохода.

Глобализация, в первую очередь, приводит к расширению понятия «налогоплательщик», к которым все чаще относятся международные группы компаний, имеющие физическое и экономическое присутствие во множестве стран мира. Помимо этого, цифровая экономика и развитие интернета ослабляют экономические и юридические связи с географическими источниками дохода, позволяют обходить установленные повсеместно правила о налогообложении постоянных представительств. Для цифровой экономики нексус наполняется новым содержанием, отличным от подходов, изложенных в модельных конвенциях и других международных правилах. В связи с этим отдельно отмечается проблема двойного налогообложения доходов организаций, а также проблемы размывания налоговой базы и уклонения от уплаты налогов.

Как известно, вопрос налогообложения цифровых активов на данный момент активно рассматривается в рамках Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР). Два программных документа Pillar 1 и Pillar 2 предлагают целый ряд мер по регулированию налогообложения цифровой экономики и внедрению новых принципов разграничения прав государств на налогообложение прибыли. Однако предложенные ОЭСР механизмы ограничивают налоговый суверенитет государств, посягают на исторически сформированные принципы международного налогообложения, а потому должны быть основаны на аргументах, признанных справедливыми всеми государствами.

Важным этапом предложенной реформы является определение объема прав каждого государства в налогообложении доходов от использования цифровых активов. Данный этап особенно «чувствителен» для налогового суверенитета государств. Вклад государства в формирование дохода



организации может оцениваться с учетом различных факторов: трудовые ресурсы, инвестиции, материальная база, рынок потребления. Основная идея ОЭСР заключается в перераспределении налогов от цифровых активов между юрисдикциями на основании количества потребителей, использующих данные активы в стране. При этом для идентификации таких потребителей предполагается использование системы геолокации, IP-адреса и информации из открытых источников, например социальных сетей.

В современных условиях цифровые транснациональные компании платят часть налогов в юрисдикциях по месту нахождения их постоянных представительств (в рамках доходов данных представительств), в то время как основная часть корпоративного налога приходится на страну резидентства. Согласно Докладу о цифровой экономике ООН, ведущую роль в географии цифровой экономики играют две страны: Соединённые Штаты Америки и Китай. Наиболее показательным является то, что на их долю приходится 90% рыночной капитализации крупнейших мировых цифровых платформ. На долю семи «суперплатформ», а именно компанию «Майкрософт» и следующих за ней компаний «Эппл», «Амазон», «Гугл», «Мета», «Тенсент» и «Алибаба», приходится две трети совокупной капитализации рынка. Новая модель, предложенная ОЭСР, предполагает иное перераспределение налогов между юрисдикциями: на основании количества потребителей цифровых услуг в каждой конкретной юрисдикции. К последствиям такого нововведения относится, в том числе, сокращение налоговых поступлений в странах резидентства основных технологических гигантов, а именно США и Китае. С другой стороны, государства, в которых нет постоянного представительства компаний, но в которых находятся непосредственные потребители цифровых услуг, будут пропорционально получать свою часть налогов.

Так, система предложенная ОЭСР существенно влияет на установившийся уклад международного налогообложения. Безусловно, данная теоретическая система нуждается в практической доработке, однако уже сейчас



можно сказать, что подобное распределение налогов видится гораздо более справедливым. Здесь следует понять, готовы ли крупные юрисдикции на подобный шаг ради общей цели, учитывая их потенциальные налоговые потери.

Обстоятельства, перечисленные выше во многом влияют и на понимание налогового суверенитета и налоговой юрисдикции государства. Территориальный аспект и принцип резидентства уходят на второй план. Уже не так важно право государства определять налоговую систему на своей территории. Важными становятся потребители, находящиеся на данной территории. Отметим, что такие потребители могут не быть резидентами страны. Даже туристы, находящиеся на территории государства, потенциально будут формировать источник дохода в стране пребывания, увеличивая ее налоговые поступления.

Ключевым вопросом, становится то, как государство взаимодействует с другими странами на международной арене, и как оно готово ограничивать свой налоговый суверенитет в рамках международного сотрудничества. Безусловно, правительства различных стран заинтересованы в сохранении самостоятельности собственных налоговых систем в условиях постепенной налоговой гармонизации. Налоговый суверенитет должен способствовать сохранению идентичности страны, ее конкурентоспособности и привлекательности с налоговой точки зрения, государство должно «при этом уважать и соблюдать права субъектов налогообложения и права других государств на налогообложение» [4, с. 182]. Все это, однако, не влияет на понимание налогового суверенитета как абсолютного права государства, часть государственного суверенитета в целом.

В свою очередь понимание «налоговой юрисдикции», на наш взгляд, подвергнется значительным изменениям после внедрения новой системы перераспределения налогов в международном сообществе. В определении налоговой юрисдикции должен найти отражение новый принцип



налогообложения дохода от цифровых услуг по месту нахождения потребителей. Налоговой юрисдикцией в таком случае будет считаться власть государства устанавливать и собирать налоги на своей территории, в том числе налоги от цифровых активов пропорционально числу потребителей, находящихся на данной территории, а также налоговое верховенство над субъектами, неразрывно связанными с данной территорией (резидентами). Такое определение является дискуссионным, однако факт модернизации принципов международного налогообложения, на наш взгляд, должен найти отражение и в понимании налогового суверенитета и налоговой юрисдикции.

Цифровизация существенно влияет на многие устоявшиеся теоретические разработки международного налогового права, но вопрос понимания налогового суверенитета, налоговой юрисдикции и разграничение юрисдикций стран мира является особенно актуальным для сохранения стабильного международного налогового сотрудничества и усиления собственных налоговых систем каждого государства.

Список литературы:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.06.2015 № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 207 и статьи 216 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Беларусь С.П. Ляского»// СПС «Консультант Плюс».
2. Международное право. Особенная часть: Учебник для вузов. / Отв. ред. Р.М. Валеев и Г.И. Курдюков. – М.: Статут, 2010. 624 с. // СПС «Консультант Плюс».
3. Блищенко И.П., Дориа Ж. Понятие экономического суверенитета государства // Правоведение. 2000. №1. С. 200 – 217.
4. Боровский А.А., Лукьянова И.А. Налоговый суверенитет государства в условиях глобализации экономики // Вестник Витебского государственного технологического университета. 2019. № 1 (36). С. 176 -186.



5. Клейменова М.О. Налоговое право: Учебное пособие. / под ред. Ю.Б. Рубин. – М., 2013. 368 с.
6. Кудряшова Е.В. Юрисдикция (суверенитет) государств и налоговый иммунитет в области косвенного налогообложения // Финансовое право. 2005. № 10. С. 35-43.
7. Марченко М.Н. Теория государства и права: Учебник. – 2-е изд. М. Изд-во Проспект, 2004. 715 с.
8. Осина Д.М., Дворецкий В.М. Понятие и пределы фискального (налогового) суверенитета государства // Налоги и налогообложение. 2019. №3. С. 1-8.
9. Остроухов Б.А. Международно-правовые проблемы фискального суверенитета государства // Юридический мир. 2009. №3. С. 27 -32.
10. Погорлецкий А.И. Принципы международного налогообложения и международного налогового планирования [Электронный ресурс] // URL: https://pureportal.spbu.ru/files/86194408/_._._2005.pdf.
11. Хаванова И.А. Налоговая юрисдикция: грани возможного и отсроченные риски // Журнал российского права. 2017. № 12 (252). С. 80-91. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovaya-yurisdiksiya-grani-vozmozhnogo-i-otsrochennyye-riski>.
12. Хаванова И.А. Налоговая юрисдикция: новое прочтение // Финансовое право. 2017. № 5. С. 34 – 38.
13. Хаванова И.А. Разграничение налоговых юрисдикций (космос, шельф, территориальное море) // Финансовое право. 2016. № 2. С. 34-39.
14. Хаванова И.А. Фискальный (налоговый) суверенитет и его границы в интеграционных образованиях // Журнал российского права. 2013. №11. С. 41-51.
15. Шахмаметьев А.А. Международное налоговое право: Учебно-методический комплекс. – М.: Тривант, 2009. 140 с.



16. Шахмаметьев А.А. Правовой режим налогообложения нерезидентов в РФ: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.

17. Monsenego J. Taxation of foreign business income within the European Internal Market An analysis of the conflict between the objective of achievement of the European internal market and the principles of territoriality and the worldwide taxation: dissertation for the degree of doctor of philosophy 2011 [Электронный ресурс] // URL: <https://ex.hhs.se/dissertations/419437-FULLTEXT01.pdf>